

Б-87042

В. П. ДАНИЛОВ

СОВЕТСКАЯ
ДОКОЛХОЗНАЯ
ДЕРЕВНЯ:

НАСЕЛЕНИЕ,
ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ,
ХОЗЯЙСТВО

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

Б-87042

В. П. ДАНИЛОВ

СОВЕТСКАЯ
ДОКОЛХОЗНАЯ
ДЕРЕВНЯ:
НАСЕЛЕНИЕ,
ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ,
ХОЗЯЙСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА, 1977

33с1.24

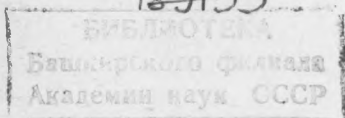
В монографии освещаются проблемы социально-экономической истории деревни накануне коллективизации: динамика сельского населения и его демографическая, классовая и социально-профессиональная структура, формы крестьянского землепользования, внутренний строй крестьянского хозяйства, развитие сельскохозяйственного производства. Исследование показывает направления борьбы социалистических и капиталистических тенденций в развитии деревни, конкретно раскрывает ряд основных факторов объективной необходимости социалистического преобразования сельского хозяйства.

Книга рассчитана на историков, научных работников, занимающихся данной проблемой.

Ответственный редактор

член-корреспондент АН СССР

М. П. К И М

Б-87042

ВВЕДЕНИЕ

Древнейший из ныне существующих общественно-экономических классов — крестьянство все еще составляет большую половину населения мира. Только этого обстоятельства достаточно, чтобы объяснить растущий интерес социальных наук к жизни, труду и быту, к прошлому, настоящему и будущему крестьянства. Однако XX-й век придал крестьянской тематике особую актуальность и остроту. Сначала в России, затем практически во всех регионах мира выявился колоссальный революционный потенциал крестьянских масс: союз рабочего класса и крестьянства стал решающей силой в борьбе за социальное и национальное освобождение.

Судьба крестьянства в современном мире — вопрос не отвлеченной теории, а живой действительности, требующий безотлагательного ответа. Принявший глобальный характер процесс индустриализации и научно-технической революции и в странах развитого капитализма, и в развивающихся странах подрывает традиционные основы существования крестьянства, обрекая миллионы людей на социальную дезинтеграцию и физическое вымирание. В эпоху невиданного ранее экономического и культурного роста крестьянство Азии, Африки и Латинской Америки влечет существование в нищете и невежестве. Крестьянский по составу населения «третий мир», устремляясь по пути самостоятельного развития, неизбежно приходит к задаче преобразования традиционной экономики как условию изживания отсталости и ускорения темпов экономического роста. Традиционная экономика развивающихся стран — это крестьянская экономика, и поэтому вопрос о будущем для этих стран стал вопросом о преобразовании крестьянской экономики. То или иное решение этого вопроса напрямую связано с выбором ориентации на капитализм или на социализм. По-иному, но не менее актуален вопрос о судьбе трудящегося крестьянства капиталистических стран. Именно поэтому советский исторический опыт, в том числе и такая важная часть его, как решение крестьянского вопроса, привлекает неослабевающее внимание всего мира, никого не оставляя равнодушным.

Актуальность научного обобщения всемирно-исторического опыта социализма, углубленного исследования тенденций развития нашей страны, роста ее производительных сил, совершен-

ствования общественных отношений, изменения социальной структуры подчеркнул XXV съезд КПСС¹. В свете новых задач, поставленных съездом перед общественными науками, важное значение имеет изучение аграрной истории советского общества, раскрытие закономерностей и форм решения крестьянского вопроса на пути социалистического развития.

История советского крестьянства позволяет уяснить направление и некоторые общие черты тех путей, по которым еще предстоит пройти крестьянству других стран. В истории советского крестьянства нет таких этапов, поворотов, вех, которые были бы не существенны или не интересны. Особое место в историческом процессе принадлежит 20-м годам, когда крестьянские массы России, освободившись от гнета самодержавно-помещичьего режима, от эксплуатации со стороны крупного капитала, решали вопрос о выборе будущего. Это было время развития системы мелкого крестьянского хозяйства и вместе с тем подготовки объективных и субъективных условий для ее социалистического преобразования.

До победы социализма крестьяне — это мелкие сельскохозяйственные производители, ведущие индивидуальное хозяйство силами своей семьи. Социально-классовый облик и положение крестьянства определяются господствующими производственными отношениями той формации, в недрах которой оно существует. В антагонистических классовых обществах крестьянство — подчиненный и эксплуатируемый, социально приниженный класс. Только социализм принципиально и коренным образом перестраивает крестьянское хозяйство и соответственно изменяет социальный облик крестьянства как класса. Мелкое индивидуальное хозяйство заменяется крупным кооперированным, т. е. общественным хозяйством. С этого момента крестьянство становится совокупностью членов сельскохозяйственных кооперативов, совместно владеющих средствами производства и ведущих коллективное хозяйство. Крестьянство социалистического общества всеми основными признаками отличается от крестьянства предшествующих стадий исторического развития. Однако генетически они связаны. Эта связь находит свое выражение и в «персональном» составе первых поколений кооперированного крестьянства — в массе своей вчерашних единоличников, и в характере труда, лишь постепенно эволюционирующего из ручного в индустриальный, и в специфике колхозно-кооперативной собственности, как собственности групповой, поскольку коллективное хозяйство возникает в результате объединения определенного круга мелких индивидуальных хозяйств, и, наконец, в том, что и при социализме сохраняется крестьянский (колхозный) двор — семейно-трудовое объединение, входящее в состав кооператива (колхоза) как целое.

---

¹ См. Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 72—73, 213—214.

Для досоциалистических стадий исторического прошлого материальной предпосылкой существования и развития крестьянства как особого социального слоя являлось парцеллярное сельскохозяйственное производство. Оставаясь мелким индивидуально-семейным, крестьянское хозяйство на каждой формационной стадии исторического развития по-разному включалось в общественную связь и занимало различное место в целостной социально-экономической системе.

Парцеллярный, семейный характер крестьянского производства обусловил наличие многих общих черт, присущих крестьянству на всех стадиях его развития до перехода к социализму. При всей многоликости крестьянства разных эпох и регионов, различии места в общественной системе ему свойственны такие черты, как замкнутость, изолированность от внешнего мира и раздробленность, патриархальность, приверженность к традиции в производстве, быту и сознании, узость интересов². Социальный облик крестьянства двойствен: это и непосредственные производители, труженики и мелкие хозяева, частные собственники. Способ производства и весь образ жизни крестьян изолирует их друг от друга. В своей типичной форме парцелла отличается натурально-потребительской направленностью, универсальностью, органическим сочетанием земледелия и домашней промышленности. «Этот способ производства,— писал К. Маркс,— предполагает раздробление земли и остальных средств производства. Он исключает как концентрацию этих последних, так и кооперацию, разделение труда внутри одного и того же производственного процесса, общественное господство над природой и общественное регулирование ее, свободное развитие общественных производительных сил. Он совместим лишь с узкими первоначальными границами производства и общества... Но на известном уровне развития он сам создает материальные средства для своего уничтожения»³. Марксова характеристика парцеллярного производства объясняет, почему, являясь элементарной экономической ячейкой во всех классовых обществах, крестьянское хозяйство тем не менее всегда подчинено господствующему способу производства, функционирует по его законам. Это ячейка совокупного общественного организма, и в качестве таковой оно развивается в соответствии с его общими закономерностями. Воспроизводство и функционирование крестьянского хозяйства зависят от социально-экономической и политической системы в целом.

Состояние крестьянского хозяйства в каждый данный исторический момент, его состав, численность и взаимоотношения членов, направленность эволюции определялись господствующими общественными отношениями. Конкретные формы крестьян-

² См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 208.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 771.

ской семьи как трудового объединения широко варьировались в зависимости от природной и социальной среды, прямо и непосредственно отражавшихся на состоянии естественных производительных сил, формой организации и использования которых и являлось крестьянское хозяйство. Семейная кооперация была существенным производственным фактором в крестьянском хозяйстве. Она представляла собой дополнительную производительную силу, увеличивала эффективность использования имеющихся в наличии средств производства, а при определенных условиях служила источником расширенного воспроизводства⁴. Численность и возрастной состав семьи влияли на состояние крестьянского хозяйства — его мощь, сношения с внешним миром.

Это обстоятельство послужило отправным моментом для теоретических построений так называемой организационно-производственной школы, представленной в русской аграрной литературе работами А. В. Чаянова, Н. П. Макарова, А. Н. Челинцева и ряда других экономистов начала XX в. Связь крестьянского хозяйства с семейной организацией послужила поводом для выдвижения на передний план демографических и даже биологических процессов в объяснении развития мелкокрестьянской деревни. Основой развития крестьянского хозяйства объявлялось не производство, а потребление. Разрыв и противопоставление двух важнейших моментов единого процесса общественного производства был нужен для того, чтобы интерпретировать крестьянское хозяйство как явление не социально-экономическое, а демографическое. В дальнейшем придется специально останавливаться на некоторых положениях этой мелкобуржуазной теории. Здесь отметим только, что она явилась шагом назад даже в буржуазной экономической мысли. (Князь А. Васильчиков, писавший еще в 70-х годах XIX в., понимал, что функционирование крестьянского хозяйства и его положение определяют «не нужды, а силы»⁵.) Организационно-производственная школа не случайно выступила в начале XX в. Поднимавшаяся в условиях столыпинщины русская сельская буржуазия обрела своих теоретиков и идеологов. Показательна открытая заостренность теоретических построений этой школы против марксистско-ленинского анализа развития крестьянского хозяйства.

Марксистско-ленинское понимание крестьянского хозяйства (и любого другого) как социально-экономического явления открывает путь к правильному познанию всей совокупности факторов его развития в их взаимодействии. Среди этих факторов определенное место принадлежало и составу семьи (численному, возрастному, половому и т. д.), а через ее посредство и де-

⁴ См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 337 и след.

⁵ Васильчиков А. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах, т. II. СПб., 1876, с. 217.

мографическим процессам. Человек, как известно, является главной производительной силой, и семейная кооперация, представляющая собой форму организации труда, целиком относится уже к производственным, а не демографическим факторам.

В советской экономической литературе 20-х годов была уже показана несостоятельность концепции организационно-производственной школы, прежде всего подмены процесса социально-экономического, классового расслоения «демографической дифференциацией» и попыток подчинить хозяйственную политику государства интересам сельской буржуазии (подробнее см. гл. третью). Критика буржуазно-реставраторских устремлений и их политэкономического обоснования в произведениях Чаянова, Кондратьева, а также их сторонников продолжается и в современной историографии⁶. Однако в специальном критическом анализе нуждается чаяновская теория крестьянского хозяйства. Это необходимо, в частности, и потому, что в наше время, спустя почти половину века после активной деятельности идеологов русского кулачества, противники коммунизма в странах капитала стали переиздавать и широко пропагандировать работы Чаянова. Оказалось, что буржуазные «теоретики и исследователи крестьянского семейного хозяйства» в Западной Европе, Латинской Америке, Африке и Азии во второй половине XX в. пришли к тому же, что «было сделано школой Чаянова в 20-е годы» в России⁷.

С утверждением капитализма крестьянство утрачивает роль основного общественного класса, подвергаясь постоянному расслоению на социально неоднородные группы, в конечном итоге — на пролетариат и буржуазию. Процесс разложения парцеллярного хозяйства и «размывания» крестьянства длителен и сложен. Важнейшим рубежом в ходе этого процесса является превращение крестьянского хозяйства в мелкотоварное, а крестьянина — в мелкого буржуа. С момента, когда товарное производство начинает определять общий строй экономики и общее направление его развития, мелкая частная собственность становится разновидностью буржуазной частной собственности на орудия и средства производства. При этом степень развития товарного обмена, степень подчинения производства требованиям рынка становится мерилom превращения крестьянского хозяйства в мелкотоварное, а самого крестьянина в мелкого товаропроизводителя, в мелкого буржуа.

В России трансформация крестьянского хозяйства в мелкобуржуазное составляла содержание социально-экономического

⁶ Поляков Ю. А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967, с. 143—144, 244—245, 346—351; Буржуазные и мелкобуржуазные экономические теории социализма (критические очерки). 1917—1945 гг. М., 1975 (III-й разд.).

⁷ Thorner Daniel. Une théorie néo-populiste de l'économie paysanne: l'école de A. V. Tchajanov.—«Annales», 1966, N 6 (novembre-décembre), p. 1232—1244.

развития деревни в пореформенный период. «Основой марксистских взглядов на пореформенное крестьянское хозяйство в России является признание типа этого хозяйства мелкобуржуазным»⁸, — писал В. И. Ленин.

После Великой Октябрьской революции, которая смела остатки крепостнических отношений и в огромной степени ограничила сферу капиталистических отношений, мелкобуржуазность социальной природы крестьянского хозяйства и его производственных отношений выявилась, может быть, с еще большей отчетливостью. Мелкое индивидуальное хозяйство, связанное с рынком, т. е. хозяйство мелкотоварное, сохранялось до сплошной коллективизации. Характеризуя крестьян после победы пролетарской революции в России, Ленин как наиболее существенное и важное отмечал, что «они остаются собственниками в обстановке товарного хозяйства»⁹.

Национализация земли привела к установлению общественной, государственной собственности на одно из основных средств производства в сельском хозяйстве. Однако без обобществления других основных средств производства (рабочий скот, орудия и машины в первую очередь) она не могла изменить и не изменила классовую природу крестьянина. Как известно, в условиях нашей страны с 1917 г. по 1929 г. национализация земли сочеталась с уравнительным землепользованием единоличных крестьянских хозяйств. Уравнительное перераспределение земли привело к осереднячиванию деревни. «Крестьянская «беднота» (пролетарии и полупролетарии), — указывал В. И. Ленин, — превратилась, в очень большом числе случаев, в середняков. От этого мелкособственническая, мелкобуржуазная «стихия» усилилась»¹⁰.

Рост мелкобуржуазной сферы производственных отношений был настолько значительным, что стал определять социальный облик основной массы населения страны в целом. Уже весной 1918 г. характеристику социально-экономических укладов, имевшихся в послереволюционной России, В. И. Ленин закончил следующим выводом: «Ясное дело, что в мелкокрестьянской стране преобладает и не может не преобладать мелкобуржуазная стихия; большинство, и громадное большинство, земледельцев — мелкие товарные производители»¹¹. Спустя ряд лет — весной 1921 г. — Ленин повторил: «В России преобладает сейчас как раз мелкобуржуазный капитализм...»¹², имея в виду тот строй «идеализированного» с точки зрения крестьянина капитализма, который представляли собой уравнительно наделенные

---

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 118.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 304.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 218.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 296.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 211.

землей мелкособственнические хозяйства, связанные между собой и с окружающим миром товарным обменом.

Экономическая действительность мелкокрестьянской страны в момент перехода к нэпу оценивалась, исходя из установленных марксистско-ленинской политэкономией тенденций развития мелкого хозяйства: «Развитие мелкого хозяйства есть развитие мелкобуржуазное, есть развитие капиталистическое, раз имеется обмен; это — бесспорная истина, азбучная истина политической экономии, подтверждаемая к тому же повседневым опытом и наблюдением даже обывательским»¹³.

Сказанное объясняет, почему и после Октябрьской революции В. И. Ленин писал о «деревенских массах, стоящих еще на стадии примитивного капитализма»¹⁴, называл единоличное крестьянство последним капиталистическим классом¹⁵: оно оставалось мелкособственным, служило почвой, сохранявшей и возрождавшей капитализм, ему и в условиях диктатуры пролетариата присуща стихийная товарно-капиталистическая тенденция развития. Эти указания на буржуазность мелкого крестьянского хозяйства вовсе не означали, что оно отождествляется с капиталистическим. Напротив, Ленин четко различал среди основных форм общественного хозяйства послереволюционной России «капитализм, мелкое товарное производство, коммунизм». В числе основных социальных сил им были названы «буржуазия, мелкая буржуазия (особенно крестьянство), пролетариат»¹⁶.

Для понимания природы крестьянского хозяйства и структуры социальных отношений деревни накануне и в первое время после победы Великой Октябрьской революции необходимо учитывать стадиально ранний характер аграрно-капиталистической эволюции России, преобладание мелкотоварного и натурально-патриархального производства. Великая Октябрьская социалистическая революция уничтожила феодально-крепостнический уклад и наиболее развитые формы капиталистического уклада, лишила его командных высот в народном хозяйстве страны, изменила положение и условия развития патриархального, мелкотоварного и государственно-капиталистического уклада, создала уклад социалистический и обеспечила ему ведущую роль. Широко известна ленинская характеристика послеоктябрьской экономики России как многоукладной, как сложного сочетания и взаимодействия пяти различных социально-экономических укладов: патриархального, мелкотоварного, капиталистического, государственного капитализма и социализма¹⁷. Первые два из назван-

¹³ Там же, с. 221.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 164.

¹⁵ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 41.

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 272.

¹⁷ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 158.

ных укладов были представлены преимущественно крестьянскими хозяйствами. «Что в мелкокрестьянской стране преобладает «уклад» мелкокрестьянский, то есть частью патриархальный, частью мелкобуржуазный, это само собой очевидно»¹⁸, — говорил В. И. Ленин. Еще более очевидным стало преобладание мелкокрестьянских форм в сельском хозяйстве¹⁹.

Ленинский анализ крестьянского хозяйства в условиях, созданных Великой Октябрьской революцией, показывает, что с ликвидацией буржуазно-помещичьего гнета и частного землевладения, с резким ограничением кулачества и осереднячиванием деревни, аграрный строй России приобрел специфический мелкокрестьянский характер. Были созданы наиболее благоприятные условия для развития мелкого крестьянского хозяйства, именно как хозяйства непосредственного производителя, ведущего его трудом и в его интересах. В этом, как известно, состояла одна из задач победившего пролетариата по отношению к крестьянству — дать возможность его большинству продержаться в своем мелком хозяйстве до тех пор, пока созреют объективные и субъективные предпосылки для социалистического обобществления земледельческого производства.

Исследование крестьянского хозяйства в условиях наиболее благоприятных для его функционирования и роста представляет несомненный научный и практически политический интерес. Оно проливает свет на многие социально-экономические процессы не только в деревне, но и в городе, и в стране в целом. Оно вместе с тем дает ответ на вопросы о производственных и социальных возможностях мелкого крестьянского хозяйства, о его способности (или неспособности) включиться в систему индустриальной экономики и участвовать в современном социальном и культурном прогрессе.

Исходя из изложенных соображений для настоящего исследования был избран комплекс проблем, связанных с состоянием и развитием крестьянского хозяйства в период от завершения восстановительных процессов до перехода к сплошной коллективизации, т. е. преимущественно в 1926—1929 гг. Задача состоит прежде всего в том, чтобы рассмотреть основные условия и элементы крестьянского хозяйства, в особенности население и землепользование. Состояние производительных сил сельского хозяйства во 2-й половине 20-х годов уже освещалось в нашей

---

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 221.

¹⁹ Специально о системе социально-экономических укладов в деревне 20-х годов см.: Данилов В. П. О характере социально-экономических отношений советского крестьянства до коллективизации сельского хозяйства. — В кн.: История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. Материалы научной сессии, состоявшейся 18—21 апреля 1961 г. в Москве. М., 1963, с. 49—80; он же. Социально-экономические уклады в советской доколхозной деревне: их соотношение и взаимодействие. — В кн.: Новая экономическая политика. Вопросы теории и истории. М., 1974, с. 58—79.

литературе²⁰. Здесь эта проблема затрагивается лишь со стороны соотношения и роли различных элементов производительных сил внутри крестьянского хозяйства. Особое внимание уделено анализу крестьянского двора в демографическом и социально-экономическом аспектах, т. е. выяснению особенностей и структуры хозяйствующего субъекта, в частности значения семейной кооперации и характеризующих ее отношений. Исследование земледельческих занятий крестьянства и развития сельскохозяйственного производства завершает настоящую работу²¹.

В обозначенном здесь круге проблем основное внимание сосредоточено на индивидуальном крестьянском хозяйстве как абсолютно преобладавшей производственной и социальной ячейке в деревне того времени. Однако вопросы формирования и развития колхозов, представлявших собою социалистическую форму крестьянского хозяйствования, также являются предметом нашего исследования. Специальному рассмотрению в данном случае подлежат вопросы складывания коллективного землепользования, структуры и характера производительных сил, роста производственной деятельности колхозов.

* * *

Исходным принципом исследования конкретно-исторического материала является для нас марксистско-ленинский принцип классового анализа, обязывающий выявлять антагонистические тенденции в социально-экономическом развитии, раскрывать действительное классовое содержание хозяйственных форм, социальных образований и т. п. Применительно к исследуемым проблемам требования классового анализа выдвигают на передний план проблему борьбы социалистических и капиталистических (кулацких) элементов и соответствующих путей социально-экономического развития как главной линии исторического процесса в переходный период от капитализма к социализму.

К числу важнейших принципов научного анализа исторических событий, явлений и процессов относится системный подход: рассмотрение этих событий, явлений и процессов в их существенных связях как элементов (звеньев) целостной системы общества на данной ступени развития. Несмотря на новоявленность «системной» терминологии, заполонившей страницы мно-

---

²⁰ Данилов В. П. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М., 1957; Джамалов О. Б. Развитие материально-производственной базы колхозов Узбекистана. Ташкент, 1959; Корольков Н. В. Опыт КПСС в техническом перевооружении сельского хозяйства (1927—1937 гг.). Владимир, 1970; и др.

²¹ Неземледельческие занятия крестьян выделены для самостоятельного исследования, начало которого уже опубликовано (Данилов В. П. Крестьянский отход на промыслы в 1920-х годах.— «Исторические записки», т. 94. М., 1974, с. 55—122).

гих статей и книг последнего десятилетия, системный анализ издавна применялся в науке и получил в работах Маркса, Энгельса и Ленина применение как обязательный и эффективный метод изучения общества. Реализация принципов системного подхода не означает, разумеется, описания всех общественных связей изучаемого явления: не говоря уже о формализме такого понимания методологического принципа, оно привело бы к ненужному увеличению объема работы. Нет нужды описывать процесс индустриализации, чтобы показать его влияние на крестьянское хозяйство и значение для судеб последнего. Задача состоит в том, чтобы в анализе крестьянского хозяйства установить то и другое.

Принцип исторической связи (учет предыдущей и последующей стадии или формы процесса, чтобы понять изучаемую) в ряде случаев приводит к выходу за отмеченные выше хронологические рамки и появлению экскурсов к началу нэпа или к эпохе Октябрьской революции.

* * *

По проблемам истории советского крестьянства в доколхозный период создана значительная по объему и по научным достижениям литература. Естественно, что первоочередное внимание исследователей привлекли проблемы аграрной политики Коммунистической партии и Советского государства, развития и укрепления союза рабочего класса и крестьянства, проведения и итогов первых аграрных преобразований, перехода к новой экономической политике и подготовки социалистического преобразования сельского хозяйства (развитие кооперации и колхозное движение, создание материально-технических предпосылок сплошной коллективизации и т. п.). Растет внимание исследователей к вопросам развития сельскохозяйственного производства и социальной структуры доколхозной деревни, классовой борьбы и общественно-политических организаций на селе. Невозможно представить себе дальнейшее движение научной мысли вперед без опоры на достижения предшествующей исследовательской работы. Не будем в настоящей работе рассматривать общее состояние изучения аграрной истории советского общества за 1917—1929 гг. Отметим лишь ряд наиболее крупных исследований, результаты которых имеют особое значение для темы настоящей монографии.

Теоретические основы аграрной политики Коммунистической партии, ее этапы и направления обстоятельно освещены в труде С. П. Трапезникова²². Для изучаемой проблематики важное зна-

²² Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос, в 2-х т., изд. 2-е. М., 1974 (т. 1. Ленинские аграрные программы в трех русских революциях; т. 2. Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана).

чение имеет раскрываемая автором диалектика советской аграрной политики в условиях нэпа, стремящейся обеспечить подъем мелкого крестьянского хозяйства и его развитие в социалистическом направлении, всемерно ограничивая присущие ему стихийно-капиталистические тенденции.

Книги П. Н. Першина, Г. В. Шарапова, М. А. Рубача, Б. М. Фиха и ряда других авторов дают широкую картину итогов аграрной революции в России, предопределивших социально-экономическое развитие советской доколхозной деревни, и в частности формы, структуру и направление развития крестьянского землепользования. Обстоятельно освещено осуществление национализации земли, ее значение для дальнейшего развития и социалистического преобразования крестьянского хозяйства²³.

Состояние сельского хозяйства и положение в деревне к концу гражданской войны и в период перехода к новой экономической политике исследованы Ю. А. Поляковым²⁴. Из работ, посвященных развитию сельскохозяйственного производства в годы восстановительного периода, необходимо отметить статью Ю. А. Полякова о недороде 1924 г., дающую наиболее полную картину его масштабов, последствий и условий преодоления последних²⁵.

Значительная работа выполнена по исследованию состояния сельского хозяйства, особенно его зерновой отрасли, накануне коллективизации. Монографии Ю. А. Мошкова, А. А. Барсова, В. Н. Яковцевского и ряда других авторов существенно уточнили бытовавшие в литературе представления о развитии сельскохозяйственного производства²⁶. С темой настоящей монографии связано обсуждение вопроса о дроблении крестьянских хозяйств и его социально-экономических последствиях²⁷.

Наконец, важны конкретно-исторические наблюдения и выводы появившихся в последние годы крупных работ о развитии

---

²³ Першин П. Н. Аграрная революция в России. Историко-экономическое исследование, в 2-х кн. М., 1966; Шарапов Г. В. Разрешение аграрного вопроса в России после победы Октябрьской революции (1917—1920 гг.). М., 1961; Рубач М. А. Очерки по истории революционного преобразования аграрных отношений на Украине в период проведения Октябрьской революции. Киев, 1957; Фих Б. М. Аграрная революция в Белоруссии в 1917—1918 гг. Минск, 1966; и др.

²⁴ Поляков Ю. А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967.

²⁵ Поляков Ю. А. Недород в 1924 г. и борьба с его последствиями.— «История СССР», 1958, № 1.

²⁶ Мошков Ю. А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства. М., 1966; Барсов А. А. Баланс стоимостных обменов между городом и деревней. М., 1969; Яковцевский В. Н. Аграрные отношения в период строительства социализма. М., 1964; и др.

²⁷ Специально об этом см.: Данилов В. П. Основные итоги и направления изучения истории советского крестьянства.— В кн.: Проблемы аграрной истории советского общества. Материалы научной конференции 9—12 июня 1969 г. М., 1971, с. 229—230.

и социалистическом преобразовании сельского хозяйства в таких важных регионах страны, как Украина, Черноземный центр, Северный Кавказ, Урал и Сибирь²⁸.

Здесь названы лишь наиболее крупные работы, связанные с проблематикой социально-экономической истории советской доколхозной деревни. При некоторых различиях в исследовательской методике и характере изложения материала, ряде расхождений и споров в решении конкретных вопросов они отличаются в целом высоким научным уровнем, содействуют общему росту знаний о деревенской действительности 20-х годов, определяют основную разрабатываемую проблематику. Анализ этой проблематики приводит к выводу о том, что дальнейшее познание истории советской доколхозной деревни и прежде всего ее социально-экономического развития нуждается в специальном изучении крестьянского хозяйства как со стороны его внутренней структуры и функционирования в качестве низшей и простейшей производственной ячейки, так и со стороны основных условий его существования и развития.

История советского крестьянства в целом, в том числе и история деревни 20-х годов, давно уже пользуется повышенным вниманием буржуазной историографии, которая стремится опорочить исторический опыт социализма, замалчивая достижения, искажая действительность, не останавливаясь перед прямой фальсификацией фактов. Наличие значительной литературы, в которой обстоятельной научной критике подвергнуты буржуазные концепции аграрной истории советского общества²⁹, избавляет нас от необходимости их общего обзора.

²⁸ *Слинько І. І.* Соціалістична перебудова і технічна реконструкція сільського господарства України (1927—1932 рр.). Київ, 1961; *Шарова П. Н.* Коллективизация сельского хозяйства Центрально-Черноземной области 1928—1932 гг. М., 1963; *Ефременков Н. В.* Колхозное строительство на Урале в 1917—1930 годах. — В сб.: Из истории коллективизации сельского хозяйства Урала, сб. 1. Свердловск, 1966; *Осколков Е. Н.* Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1973; *Гущин Н. Я.* Сибирская деревня на пути к социализму. Новосибирск, 1973; *Боженко Л. Н.* Соотношение классовых групп и классовая борьба в сибирской деревне (конец 1919—1927 гг.). Томск, 1969; и др.

²⁹ *Шарапов Г. В.* Критика антикоммунизма по аграрному вопросу. М., 1966; *Тетюшев В. И.* Против извращения истории коллективизации сельского хозяйства СССР в буржуазной историографии. — В сб.: Против буржуазных фальсификаторов истории и политики КПСС. М., 1970; *Барсов А. А.* Проблемы развития советского аграрного строя в освещении буржуазной историографии. — В кн.: Критика буржуазной историографии советского общества. М., 1972; *Ноткин Б. П.* Неудачная попытка усовершенствовать штампы западной советологии (о кн. М. Левина «Русский крестьянин и Советская власть»). — «История СССР», 1971, № 4; *Роголина Н. Л.* Классовая дифференциация крестьянства в советской доколхозной деревне (1921—1929 гг.) в современной буржуазной англо-американской историографии. — В кн.: Новая экономическая политика. Вопросы теории и истории. М., 1974; *Черник В. В.* Проблемы социально-экономического развития советской доколхозной деревни в англо-американской историографии. — В кн.: Проблемы социально-экономического развития советской деревни. Вологда, 1975; и др.

К услугам историка советской деревни 20-х годов нашего века огромный объем письменных источников: основополагающая документация Коммунистической партии, ее съездов, конференций и пленумов ЦК в первую очередь, обширный законодательный материал, непосредственные свидетельства прессы, богатейшая социально-экономическая статистика и, наконец, неисчерпаемые богатства архивных фондов различных государственных и общественных организаций. Только полное освоение основных источников при учете свидетельств всех остальных (насколько это возможно и необходимо для разработки избранной темы) позволяет воссоздать истинную конкретно-историческую картину, понять ее смысл и значение. Научное познание, ведущееся с позиций марксистско-ленинской методологии, не нуждается в предвзятом отборе фактов для подтверждения заранее известных выводов. Напротив, именно объективное исследование всех сохранившихся и доступных историку свидетельств служит незыблемым основанием для марксистско-ленинской, партийной интерпретации событий прошлого.

В данном случае тема требовала от автора специального овладения теми разделами марксистско-ленинской теории общественного развития, которые относятся к основам существования и развития мелкого производства в условиях различных общественно-экономических формаций, а также (и в особенности) путей его трансформации в крупное производство в процессе капиталистической аграрной эволюции и социалистического преобразования сельского хозяйства.

Надежной опорой в конкретно-историческом исследовании и теоретическом осмыслении развития советской деревни в условиях переходного от капитализма к социализму периода является глубокий марксистский анализ процесса, который содержится в материалах съездов, конференций и пленумов ЦК Коммунистической партии. Исследование директивных документов Коммунистической партии, законодательных и ведомственных нормативных актов (Наркомзема прежде всего) послужило основой для раскрытия советской аграрной политики и государственного регулирования социально-экономических процессов в деревне.

Ценнейший материал для изучения социально-экономической истории дают статистические источники. Этот чрезвычайно содержательный источник требует, конечно, определенных технических навыков при анализе, но прежде всего, как и любой другой источник, он нуждается в понимании. Жалобы на разнородных статистических данных столь часто раздающиеся из уст историков во многих случаях неоправданы. Статистика дает цифровой материал, существенно различающийся по назначению, представительности, способам получения, содержанию и детальности разработки. Он может быть правильно использован лишь при

точном учете способа и характера наблюдения. При изучении социально-экономических процессов в советской доколхозной деревне историку приходится оперировать материалами всенародных переписей населения, сельскохозяйственных переписей, так называемых весенних опросов, выборочных обследований и бюджетов, существенно различающихся как по программе, так и по представительности (почти 100% «генеральной совокупности» в общих переписях, 10% крестьянских хозяйств, учитываемых при весенних опросах, 1—3% хозяйств, обследуемых выборочным порядком, 0,03—0,01% и даже меньше хозяйств, дававших бюджетные сведения).

Подход к использованию статистических данных кратко формулируется следующим образом: возможно более полный анализ *системы* показателей (в их совокупности) по видам статистических наблюдений при учете представительности, назначения и специфики каждого из видов наблюдений, прямое сопоставление показателей только в пределах наблюдений данного вида, сопоставление и синтезирование наблюдений и выводов из анализа показателей различных видов статистических наблюдений. Из сказанного ясно, что источниковедческий анализ используемых данных становится неслучайной частью не только исследования, но и изложения материала. Точно так же мы поступаем и при анализе материалов земельных органов, рабочей крестьянской инспекции, кооперации и других организаций и учреждений, свидетельств прессы, занимающих значительное место в составе источников настоящей работы.

Задачей монографии является исследование процесса в целом. Поэтому в ее основу положено изучение источников, доступных систематической обработке и дающих целостную картину социально-экономических процессов в деревне. Состояние и развитие советской деревни до коллективизации освещается по общесоюзным материалам, а также по материалам основных районов РСФСР, Украины и Белоруссии. Вопросы специфики процесса в республиках Советского Востока, переходивших к социализму минуя капиталистическую стадию развития, не затрагиваются.

СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ

Проблемы народонаселения привлекают ныне заметное и все возрастающее внимание нашего обществоведения. Теперь уже нет нужды убеждать, что анализ демографических процессов — необходимое условие серьезного изучения жизни народных масс, общества в целом. Об этом свидетельствует появление ряда ценных политико-экономических, социологических и статистических исследований, посвященных движению населения в современных условиях, главным образом после 1959 г.¹ Лишь немногие из них содержат разработку тех или иных материалов о демографических процессах в эпоху Великой Октябрьской революции и перехода к социализму. Тем не менее общий прогресс науки весьма благоприятствует исследованию проблем народонаселения и в интересующее нас время.

Наиболее полным и точным источником по проблемам народонаселения являются материалы всенародных переписей. За годы Советской власти было проведено пять общих переписей населения — в 1920, 1926, 1939, 1959 и 1970 гг., зафиксировавших состояние страны на важнейших ступенях ее поступательного движения от капитализма к коммунизму: конец гражданской войны, переход к реконструктивному периоду, победа социализма в основном и развитый социализм. Эти переписи отразили величайшие перемены в социальном и культурном облике нашего народа, его всемирно-исторические завоевания, наконец, жертвы, понесенные им в борьбе за новую жизнь, за независимость и свободу.

¹ Боярский А. Я. Население и методы его изучения. Сборник научных трудов. М., 1975; Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы (историко-статистическое исследование). М., 1960; он же. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963; он же. Рост населения в СССР. М., 1966; он же. Проблемы динамики населения СССР. М., 1974; Писарев И. Ю. Народонаселение СССР (социально-экономический очерк). М., 1962; Бедный С. М. Продолжительность жизни (статистика, факторы, возможности увеличения). М., 1967; Гозулов А. И., Григорьянц М. Г. Народонаселение СССР (статистическое изучение численности, состава и размещения). М., 1969; Население и народное благосостояние. Сборник статей. М., 1968; Сифман Р. И. Динамика рождаемости в СССР (по материалам выборочных обследований). М., 1974; Калинюк И. В. Возрастная структура населения СССР. М., 1975; и др.

В настоящей главе дается характеристика сельского населения нашей страны в начале реконструктивного периода. В ее основе лежит разработка материалов всенародной переписи 1926 г.², содержащей ценные сведения по самому широкому кругу вопросов, которые позволяют выяснить особенности сельской демографии как важнейшего объективного условия развития деревни: численность сельского населения и его удельный вес в различных районах страны, расселение, занятость и занятия, социально-профессиональный и классовый состав жителей села. Как видно из этого перечня, проблемы народонаселения рассматриваются здесь преимущественно в социально-экономическом аспекте. Наконец, в соответствии с задачами настоящей работы основное внимание уделено крестьянскому населению.

Некоторая сухость обширного, насыщенного цифрами табличного материала переписей населения искупается значительностью содержания, обстоятельностью и точностью сообщаемых ими сведений. Этот момент отмечал К. Маркс, оценивая значение английских цензов: «Как бы ни выглядели сухо эти выстроенные тесными колонками в официально напечатанном документе цифры, они в действительности дают больше ценного материала для истории общего развития нации, нежели томы, полные риторической чепухи и политической болтовни»³.

ЧИСЛЕННОСТЬ, ВОЗРАСТНЫЕ ГРУППЫ, РАЗМЕЩЕНИЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ

Численность той или иной группы населения, численность общественного класса является одной из важнейших социальных характеристик. Ей принадлежит не последнее место среди факторов, определяющих место класса в хозяйственной, политической и культурной жизни страны, силу его воздействия на развитие общества.

Роль класса в общественном развитии, характер его воздействия на жизнь определяется, конечно, не только численностью. Решающее значение имеет место класса в процессе производства и распределения, его организованность и политическая активность, уровень его образования. Как известно, рабочий класс, даже не составляя большинства населения, может осуществить победоносную революцию, если он политически организован и просвещен, если его революционная активность не подорвана соглашательской идеологией, если он добился поддержки непролетарских слоев трудящихся, стал гегемоном революции.

---

² Ход подготовки и проведения переписи населения 1926 г., а также основные принципы разработки собранных материалов получили освещение в кн.: *Воробьев Я. Я.* Всесоюзная перепись населения 1926 г., изд. 2-е. М., 1957.

³ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 13, с. 513.

Особенно большое значение количественная характеристика приобретает, когда речь идет о таком классе, как мелкое единоличное крестьянство, связанное с самыми отсталыми формами производства, разобщенное, оторванное от основных центров политической жизни, культуры и просвещения. Место мелкого крестьянства в жизни страны определялось прежде всего его численностью. Его общественная сила была по преимуществу силой массы. И если масса эта была чрезвычайно велика, то страна получала своеобразный крестьянский облик. Не случайно целые группы стран, к числу которых относилась и Россия, стали определяться как крестьянские⁴.

Россия начала XX в. характеризовалась сравнительно слабым развитием городской жизни, малочисленностью индустриальных центров, где концентрировались кадры промышленного пролетариата. Накануне первой мировой войны ее население (в границах СССР до 17 сентября 1939 г.) насчитывало по данным ЦСУ СССР 139,3 млн. человек. Из них 114,5 млн., т. е. 82,3%, жило в деревне⁵ и в громадном большинстве было занято в мелком крестьянском хозяйстве. Показательны в этом отношении произведенные А. Л. Вайнштейном исчисления основных категорий сельского населения дореволюционной России. На 1 января 1914 г. в составе 113,1 млн. человек, проживавших в сельской местности, А. Л. Вайнштейн насчитал 109,1 млн. собственно крестьянского населения (96,5%), 2,5 млн. человек населения владельческих хозяйств — владельцы, наемный персонал, сельскохозяйственные рабочие (2,2%) и 1,5 млн. — посторонних (1,3%)⁶. Дореволюционная деревня по составу населения была, таким образом, почти исключительно крестьянской. Крестьянство же являлось и основным контингентом трудящихся масс страны в целом.

Пролетарская революция положила начало коренному преобразованию социальной структуры всего общества. Она ликвиди-

⁴ В. И. Ленин неоднократно говорил о России как стране крестьянской (см. Полн. собр. соч., т. 31, с. 91; т. 37, с. 356; т. 39, с. 276, 373; и др.).

⁵ ЦСУ СССР. Народное хозяйство СССР в 1961 году. Статистический ежегодник. М., 1962, с. 7. Источниковедческую характеристику данных об общей численности населения и его распределении на городское и сельское см.: Данилов В. П. Динамика населения СССР за 1917—1929 гг. (Опыт археографического и источниковедческого отбора данных для реконструкции демографического процесса). — «Археографический ежегодник за 1968 год». М., 1970, с. 242—253.

⁶ Вайнштейн А. Л. Народное богатство и народнохозяйственное накопление в предреволюционной России. М., 1960, с. 453—454. Автор исходит в данном случае из расчетов городского и сельского населения для территории СССР в границах до 17 сентября 1939 г., произведенных Б. А. Гухманом. Последним не было распределено между городом и деревней население, призванное в армию (1,2 млн. человек), а также несколько преувеличивалось — по сравнению с современными данными ЦСУ — городское население (25,4 млн.) (Гухман Б. А. Динамика численности и занятий населения СССР. — «Плановое хозяйство», 1926, № 8).

рвала классы помещиков и крупной буржуазии, передала их богатства народу, создала условия для построения социалистического общества и полного искоренения системы эксплуатации человека человеком. Решение этой задачи могло быть обеспечено лишь на пути подъема производительных сил всей страны, в первую очередь — создания мощной индустрии.

Гражданская война и хозяйственная разруха лишили советский народ возможности сразу же после победы Великой Октябрьской революции приступить к социалистической реконструкции всего народного хозяйства. Выполнению этой задачи должно было предшествовать экономическое восстановление.

В годы первой мировой и последовавшей за ней гражданской войны Россия понесла огромные людские потери. Вместе с войной на истерзанную страну обрушились бедствия эпидемий (печально знаменитая «спанка» в 1918 г. и др.), неурожаев и голода 1920 и 1921 гг. Общий рост населения в стране возобновился со второй половины 1922 г. и продолжался без перерывов до конца изучаемого периода. На первых порах это был исключительно быстрый, компенсаторный рост населения, обычный после больших потерь. Его основой служило резкое увеличение рождаемости при снижении смертности. Уровень рождаемости достиг наибольшей высоты в 1925 г. (44,7 рождения на тысячу человек населения Европейской части СССР без Северного Кавказа), после чего обнаружилась тенденция некоторого снижения, связанная с исчерпанием компенсаторной волны (43,6 в 1926 г., 43,4 в 1927 г., 42,2 в 1928 г., и 39,8 в 1929 г.). Уровень смертности уже в 1923 г. оказался значительно ниже предвоенного и в дальнейшем продолжал снижаться, свидетельствуя о значительном улучшении жизненных условий для самых широких масс (в 1911—1913 гг.—28,6 смерти на тысячу человек, в 1923 г.—25,5, в 1924 г.—22, в 1925 г.—23,2, в 1926 г.—20, в 1927 г.—21, в 1928 г.—18,2, в 1929 г.—20,3)⁷. Особенно показательным в этом отношении снижение детской смертности: к концу 20-х годов примерно на третью часть. По подсчетам демографов, это означало, что только за пятилетие 1924—1928 гг. было спасено около 2 млн. младенцев, которые при сохранении дореволюционных условий были бы обречены на смерть⁸.

Естественный рост населения в 20-х годах оказался более высоким, чем в дореволюционной России (для Европейской части СССР без Северного Кавказа в 1911—1913 гг.—16,9 на тысячу человек, в 1924 г.—21,1, в 1925 г.—21,5, в 1926 г.—23,6)⁹.

⁷ Данные за 1924—1926 гг. см. в кн.: ЦСУ СССР. Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. М., 1929, ст. 8; данные за 1927—1929 гг. см. в кн.: *Смулевич Б. Я.* Буржуазные теории народонаселения в свете марксистско-ленинской критики. М., 1936, с. 146, 150.

⁸ *Урланис Б. Ц.* Рождаемость и продолжительность жизни в СССР, с. 93.

⁹ Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г., с. 8.

Его результаты и зафиксировала перепись 1926 г., данные которой позволили получить достаточно точное представление и об общей динамике населения страны за 1924—1929 гг. (см. табл. 1).

Таблица 1

Динамика населения СССР в 1924—1930 гг., в млн.*

	На 1 января						
	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.
Все население							
абс.	137,4	140,5	143,6	147,1	150,4	153,4	156,4
%	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Прирост за год							
абс.		3,1	3,1	3,5	3,3	3,0	3,0
%		2,3	2,2	2,4	2,2	2,1	2,0
Городское население							
абс.	22,4	23,7	25,0	26,3	27,5	28,7	30,2
%	16,3	16,8	17,4	17,9	18,3	18,6	19,3
Прирост за год							
абс.		1,3	1,3	1,3	1,2	1,2	1,5
%		5,8	5,5	5,2	4,5	4,4	5,2
Сельское население							
абс.	115,0	116,8	118,6	120,8	122,9	124,7	126,2
%	83,7	83,2	82,6	82,1	81,7	81,4	80,7
Прирост за год							
абс.		1,8	1,8	2,2	2,1	1,8	1,5
%		1,5	1,5	1,8	1,7	1,6	1,2

* Данилов В. П. Динамика населения СССР за 1917—1929 гг. — «Археографический ежегодник за 1928 год», с. 251.

Данные таблицы показывают, во-первых, что определенным рубежом в развитии демографических (как и народнохозяйственных) процессов является 1925 г. Уже к началу этого года общая численность населения превысила довоенный уровень. На протяжении 1925 г. восстановилась и довоенная численность городского населения. Заканчивался восстановительный период. Когда в декабре 1925 г. Коммунистическая партия на XIV съезде провозгласила курс на социалистическую индустриализацию, осуществление которого породило глубочайшие не только социальные, но и демографические изменения, экономическое развитие страны, в том числе соотношение промышленности и сельского хозяйства, городской и сельской жизни, было примерно на уровне довоенной России.

Во-вторых, как явствует из таблицы, при среднем ежегодном приросте населения в 3,2 млн. человек, городское население за 1925—1929 гг. выросло на 6,5 млн. человек и его удельный вес поднялся с 16,8% до 19,3%, а численность сельского населения возрастала почти на 2 млн. человек в год, увеличившись на 9,4 млн. человек. На самом деле роль села в увеличении народонаселения страны была намного выше. В условиях индуст-

риализации страны должен был усилиться закономерный процесс привлечения сельского населения в города и соответственно — механический прирост населения городов. По примерным подсчетам общесоюзные показатели такого прироста выглядят следующим образом: в 1924 г.—около 670 тыс. человек, в 1925 г.—около 800 тыс., в 1926 г.—около 900 тыс., в 1927 г.—около 1 млн. человек¹⁰. В 1928 г. механический прирост городского населения составил 1062 тыс. человек, а в 1929 г.—1392 тыс.¹¹ Таким образом, за 1925—1929 гг. в города переселилось примерно 5,2 млн. сельских жителей, причем интенсивность процесса удвоилась. Иначе говоря, уже в самом начале реконструктивного периода свыше 3/4 прироста городского населения приходилось на долю переселившихся крестьян.

Действительную роль и возможности деревни в воспроизводстве населения страны можно представить по данным о половозрастной структуре. Распределение населения по полу и возрасту относится к числу важнейших демографических показателей, раскрывающих характер и масштабы воспроизводства населения, движение поколений и трудовых ресурсов. Оно само по себе выступает как одно из объективных условий социально-экономического, политического и культурного развития.

Материалы переписи 1926 г. содержат возрастную группировку с интервалом в один год. Однако пользование данными этой группировки сильно затруднено аккумуляцией возрастов — характерным для неграмотного и малограмотного населения округлением числа прожитых лет. При первом же взгляде на соответствующие столбцы цифр обнаруживается, что численность людей в возрасте 10, 20, 30, 40 и т. п. лет, а затем в возрасте 5, 15, 25 и т. п. лет несоразмерно велика, особенно по сравнению с соседними группами. Аккумуляция возрастов, хотя и в меньшей мере, имеет место также вокруг показателей, оканчивающихся цифрой 8, и вокруг показателя 12. Возрастная аккумуляция — явление широко распространенное (она уменьшается с ростом образования)¹². В демографической статистике давно уже выработаны специальные приемы «выравнивания» возрастных данных переписей населения¹³. Однако эта процедура достаточно сложна, а результаты ее неизбежно условны — она выравнивает не только неравномерности аккумуляции, но и неравномерности реального процесса воспроизводства населения,

¹⁰ «Археографический ежегодник за 1968 год», с. 253.

¹¹ ЦУНХУ Госплана СССР. Социалистическое строительство СССР. М., 1936, с. 545.

¹² *Ястремский Б. С.* Можно ли пользоваться непосредственными данными переписей о возрастном составе населения? — «Вестник статистики», 1920, № 5; *Гозулов А. И.* Морфология населения. Ростов-на-Дону, 1929, с. 140—154; *Гозулов А. И., Григорьянц М. Г.* Указ. соч., с. 61—62; *Болярский А. Я.* Указ. соч., с. 228—229.

¹³ *Ястремский Б. С.* Указ. соч. — «Вестник статистики», 1920, № 5, с. 10—15; № 9, с. 155 и след.

действительные и неизбежные колебания уровней рождаемости и смертности, связанные с конкретными условиями каждого данного года. Предпочтительнее непосредственные данные переписи о возрасте сельского населения в группировке с пятилетним интервалом, которая в значительной мере устраняет последствия возрастной аккумуляции. Правда, округление к десяткам было более значительным, чем к пятеркам. Однако это обстоятельство можно будет учесть при анализе данных. К тому же разрыв между аккумуляцией на десятках и на пятерках интенсивно увеличивается после 30 лет, а к 60-70 годам сосредотачивается главным образом на десятках. Для нас же наибольший интерес будут представлять молодые поколения.

Половозрастная структура населения является результатом предшествующего развития и отражает все те конкретно-исторические перипетии демографического процесса, которые пришлось на долю живущих в данный момент поколений — подъемы и спады рождаемости и смертности, влияние войн и эпидемий, урожайных и неурожайных лет, социальных, миграционных и других сдвигов. Половозрастная структура населения, следовательно, представляет собой своего рода демографическую «запись» его истории. В то же время она является одним из основных факторов современной демографической ситуации, во многом определяет перспективы дальнейшего воспроизводства населения (см. табл. 2).

Данную таблицу можно было бы изобразить графически в виде пирамиды, левая сторона которой представляла бы конфигурацию возрастов мужской части сельского населения, а правая — женской. Эта пирамида имела бы вид треугольника с широким основанием и острой вершиной — характерный признак традиционной (доиндустриальной) возрастной структуры с высокой долей детей и низкой долей пожилых и стариков. Она — результат «прогрессивного» (по терминологии демографов) режима воспроизводства населения, отличающегося высоким уровнем как рождаемости, так и смертности. Однако разрыв в уровнях рождаемости и смертности в обычных условиях достаточно велик, чтобы обеспечить быстрый рост общей численности населения.

Основные признаки возрастной пирамиды традиционного типа для сельского населения в 1926 г. оказались резко подчеркнутыми. Компенсаторный демографический рост выразился в огромной численности группы малолетних (1922—1926 гг. рождения) — 19,2 млн. человек, что составляло 16,1% сельского населения.

Детей в возрасте от 5 до 9 лет оказалось намного меньше — 13,2 млн. (10,9%). Их рождение пришлось на 1917—1921 гг., т. е. на время наименьшей рождаемости и наибольшей смертности малолетних, связанных с войной, голодом и эпидемиями. Эта группа дает единственное нарушение в последовательном

Таблица 2

Сельское население Союза ССР по полу и возрасту на 17 декабря 1926 г., в тыс. *

Возраст	Все население		Мужчины	Женщины	Женщин больше (+) или меньше (-), чем мужчин
	абс.	% к итогу			
0—4 года	19159,4	16,1	9634,0	9525,4	—108,6
5—9 лет	13223,1	10,9	6623,9	6599,2	—24,6
10—14 »	14534,0	12,0	7383,0	7151,0	—232,0
15—19 »	14069,1	11,6	6781,2	7287,9	+506,7
20—24 года	10534,5	8,7	4921,0	5613,5	+692,5
25—29 лет	9329,1	7,7	4233,0	5096,1	+863,1
30—34 года	7018,3	5,8	3277,5	3740,7	+463,2
35—39 лет	6640,0	5,5	3098,3	5541,7	+443,4
40—44 года	5521,5	4,6	2641,7	2879,8	+238,1
45—49 лет	4723,6	4,0	2289,5	2434,1	+144,6
50—54 года	4112,5	3,4	1891,7	2210,8	+319,1
55—59 лет	3467,9	2,8	1563,0	1904,9	+341,9
60—64 года	3246,5	2,7	1468,6	1777,9	+309,3
65—69 лет	2147,8	1,8	992,8	1145,0	+152,2
70—74 года	1460,6	1,2	634,3	826,3	+192,0
75—79 лет	706,7	0,6	325,1	381,7	+56,6
80—84 года	456,4	0,4	190,9	265,4	+74,5
85—89 лет	161,7	0,1	75,5	86,2	+10,7
90—94 года	93,0	0,1	38,3	54,7	+16,4
95 лет и более	59,3	0,0	26,2	33,1	+6,8
<i>Всего</i>	120713,8	100,0	58125,8	62588,0	+4462,2

* ЦСУ СССР. Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. XVII. М., 1929, с. 46—49. В таблицу не включены не указавшие возраст 36,2 тыс. мужчин и 32,4 тыс. женщин.

движении ступеней возрастной пирамиды. Следующая за ней группа детей от 10 до 14 лет (1912—1916 гг. рождения) была более многочисленной — 14,5 млн.¹⁴: основная часть их появилась еще в период высокой рождаемости (снижение последней началось со второй половины 1915 г.). Возрастные группы до 15 лет в совокупности составляют детскую часть населения.

¹⁴ Б. Ц. Урланис сообщает, что по стране в целом примерно 100 тыс. девятилетних в результате аккумуляции возрастов были отнесены к десятилетним (Урланис Б. Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР, с. 24—25). К численности пятилетних групп в нашем анализе эта величина составляет примерно 0,7% и, следовательно, никак не влияет на их соотношение. К тому же, на наш взгляд, в состав группы от 10 до 14 лет нужно было бы отнести минимум 200—250 тыс. человек из группы от 15 до 19 лет — приблизительно величину превышения численности мальчиков над численностью девочек 10—14 лет или половину превышения численности девушек над численностью юношей 15—19 лет. Совершенно очевидна несоразмерность перехода от значительного превышения численности мальчиков к еще более значительному превышению численности девушек в возрастах, не принимавших непосредственного участия в войне.

Ее удельный вес в деревне на 1926 г. был очень высок — 39%. В условиях снижающейся смертности это обеспечивало значительный рост численности населения в ближайшем будущем. О благоприятных перспективах воспроизводства и вообще о восстановлении нормальной демографической ситуации в пределах рассмотренных возрастов свидетельствовало также превышение численности мальчиков над численностью девочек.

Весьма многочисленной в деревне была юношеская группа (15—19 лет) — 14 млн. человек (11,6%). Динамика более взрослых групп сельского населения характеризуется быстро нарастающим сокращением численности каждой следующей по сравнению с предыдущей: в возрасте от 20 до 24 лет насчитывалось 10,5 млн. человек, от 25 до 29 — 9,3 млн., от 30 до 34 — 7 млн., от 35 до 39 — 6,6 млн., от 40 до 44 — 5,5 млн., от 45 до 49 — 4,7 млн., от 50 до 54 — 4,1 млн., от 55 до 59 лет — 3,5 млн. и т. д. Возрастная пирамида приобрела подчеркнуто заостренную вершину. Обращает на себя внимание, что ни в пирамиде в целом, ни в мужской ее половине нет «провала», приходящегося на поколения, понесшие прямые потери от участия в военных действиях (в 1926 г. им исполнилось от 25 до 39 лет)¹⁵. Демографическая литература объясняет это большими потерями пожилых и старых возрастов в условиях военной разрухи, голода и эпидемий¹⁶.

Население советской деревни в 1926 г. оказалось очень молодым по своему возрасту. Свыше половины его (50,6%) составляли те, кому не исполнилось еще 20 лет. В возрасте от 20 до 39 лет было 27,7% сельского населения, от 40 до 59 — 14,8%, от 60 лет и выше — всего 6,9%. Значение этих цифр станет более очевидным, если выделить ту часть, духовное формирование которой совершалось после 1917 г., т. е. под воздействием величайшей социальной революции, Советской власти и Коммунистической партии. Такими можно считать тех, кому в момент переписи было меньше 25 лет. На их долю приходилось 59,3% населения. К моменту перехода к сплошной коллективизации эта группа будет включать не менее двух третей сельского населения.

Молодость сельского населения объясняет некоторые существенные черты его социального поведения вообще, а особенно в период сплошной коллективизации сельского хозяйства. Способность широких масс к восприятию нового, решимость пойти на коренную перестройку условий жизни не в последнюю оче-

---

¹⁵ Для возрастных пирамид населения по переписям 1959 и 1970 гг. характерна сокращенная численность двух групп — и призывных возрастов, и родившихся в 1941—1945 гг.: их меньше не только по сравнению с более молодыми, но и более старыми группами (Калинюк И. В. Указ. соч., с. 36, 38—39).

¹⁶ Гозулов А. И., Григорьянц М. Г. Указ. соч., с. 65.

редь связаны с их молодостью. Дело не только в возрастных особенностях (большей подвижностью, меньшей привязанностью к старине и т. п.), но и в такой объективной особенности молодых поколений крестьянства, как грамотность.

К сожалению, перепись населения 1926 г. не выясняла уровня образования опрашиваемых. Ее материалы дают представление только об элементарной грамотности (умение читать по складам и подписать свою фамилию было признано достаточным для отнесения к грамотным¹⁷). Тем не менее здесь пролегает первая качественная грань в развитии народного просвещения, установление которой важно и интересно. В составе мужской части сельского населения в возрасте от 10 лет и выше перепись насчитала 62,4% грамотных, в составе женской части — 30%. При этом уровень грамотности повышался, а разрыв в уровне грамотности мужчин и женщин сокращался при переходе от старших возрастов к младшим: в группе 70-летних удельный вес грамотных среди мужчин был равен 23—24%, а среди женщин — 4%, в группе 60-летних — соответственно 30—33 и 5%, в группе 50-летних — 40—45 и 8%, в группе 40-летних — 54—60% и 12—15%, в группе 30-летних — 66—70 и 23—29%. Наиболее грамотные оказались в возрасте от 20 до 24 лет — 76,8% мужчин и 45,4% женщин, а также смежные с ними: от 15 до 19 лет — 69 и 45,9%, от 24—29 лет — 73,2 и 34,7%¹⁸. Возрастные различия в грамотности, отражая смену условий воспитания подрастающих поколений в до- и послереволюционной деревне, показывают, что к концу 20-х годов крестьянство подошло более грамотным, чем оно было, например, в 1917—1918 гг. В этом состояла объективная предпосылка роста уровня и обновления крестьянского сознания.

Интересна и важна для характеристики крестьянского хозяйства и быта половая структура населения. Мы уже отмечали, что преобладание численности мальчиков над численностью девочек обеспечивало восстановление нормальной демографической ситуации к середине 30-х годов. Однако уже в юношеской группе (15—19 лет) возникает заметное превышение численности девушек: на 3—4%, если даже половину зафиксированного превышения отнести на счет округления возраста 14-летних. (В нормальных условиях численность мужчин начинает уступать численности женщин с возраста в 30—34 года.)

Для поколения, мужчины которого несли прямые потери в ходе военных действий 1914—1920 гг., преобладание численности женщин достигает 12—17% и продолжает с некоторыми колебаниями нарастать в старших возрастах.

В основном репродуктивном возрасте, обеспечивающем рост

¹⁷ Воробьев Н. Я. Указ. соч., с. 92.

¹⁸ Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. XVII. М., 1929, с. 9—10.

населения (от 20 до 39 лет¹⁹), суммарное преобладание численности женщин над численностью мужчин в деревне составило 2462,2 тыс., в том числе в возрасте от 20 до 29 лет — 1555,6 тыс. Эти цифры достаточно выразительно говорят о том, что быстрый рост населения в первой половине 20-х годов происходил несмотря на нарушение демографических пропорций, во-первых, и о том, что 2-я половина 20-х годов должна была дать временный спад рождаемости и сокращение роста населения, во-вторых.

* * *

В середине 20-х годов Советский Союз по составу населения оставался сельской, крестьянской страной. В декабре 1926 г., согласно общей переписи населения, на территории СССР проживало 147 млн. человек, из них в городах — 26,3 млн., а остальные 120,7 млн., т. е. 82,1% населения страны, проживали в деревне (см. табл. 3, с. 30). Эти общеизвестные данные нуждаются в комментарии. Ценз городских поселений в 1926 г. был весьма широким. По цензу, принятому при проведении последующих переписей, в 1926 г. насчитывалось бы 233,3 млн. человек городского населения, т. е. на 3 млн. меньше²⁰.

Какими же признаками отличались городские и сельские поселения в 1926 г.? На этот вопрос необходимо дать ответ, чтобы правильно понимать анализируемые сведения.

15 сентября 1924 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли «Положение о городских и сельских поселениях и поселках», согласно которому все населенные пункты, за исключением рабочих, дачных и курортных поселков, разделялись «на две основные категории: городские поселения и сельские поселения». К первым были отнесены «населенные пункты с количеством взрослого населения не менее тысячи человек (т. е. не менее 5 тыс. чело-

¹⁹ По данным демографической статистики за 1926 г. в сельской местности по Союзу ССР 1024,8 тыс. браков следующим образом распределялись по возрасту невест: до 16 лет — 0,9 тыс., 16—17 лет — 93,1 тыс., 18—19 лет — 294,7 тыс., 20—24 года — 440,1 тыс., 25—29 лет — 101 тыс., 30—34 года — 35 тыс., 35—39 лет — 20 тыс., 40—44 года — 11,7 тыс., 45—49 лет — 8,4 тыс., и т. д. (Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г., с. 144). На возраст от 18 до 29 лет, следовательно, пришлось 4/5 браков, заключенных в деревне за год.

²⁰ Писарев И. Ю. Указ. соч., с. 94. С сентября 1958 г. в Российской Федерации к категории городов стали относиться промышленные и культурные пункты с населением не менее 12 тыс. человек, а к категории рабочих поселков — с населением не менее 3 тыс. человек. В обоих случаях среди жителей должно быть не менее 85% рабочих, служащих и членов их семей. Аналогичные изменения произошли в трактовке понятия «городские поселения» и в законодательстве других союзных республик (Константинов О. А. Современное состояние деления населенных пунктов СССР на городские и сельские. — «Известия АН СССР». Серия географическая, 1958, № 6, с. 70—76).

век общего населения.— В. Д.), при условии, если сельское хозяйство является основным занятием не более чем для 25% населения». При этом принималось во внимание наличие достаточной площади земель, необходимых для городского хозяйства, возможности роста населения, «концентрации промышленности», развития экономических связей и т. п., близость к удобным путям сообщения, а также «наличие пролетарского населения и степень его заинтересованности в отнесении населенного пункта к категории городских поселений». Сельскими поселениями считались все поселения, не отвечающие перечисленным требованиям, если они не являлись рабочими, дачными или курортными поселками. С этого момента местечки, посады, слободы, станции и т. п. поселения утратили значение специальных категорий населенных мест и были причислены к городам или селам. Специально подчеркивалось, что «нахождение того или иного административного центра в населенном пункте... не может служить поводом к перечислению этого пункта в категорию городских поселений»²¹. До этого решения в составе «административных городов» еще сохранялись села, оказавшиеся уездными центрами (Спас-Клепики в Рязанской губернии, Лысково и Павлово в Нижегородской губернии и т. д.). Впрочем известны уезды, в которых не было ни одного поселения городского типа (например, Ухтинский на Севере).

К городскому было отнесено также население рабочих поселков, правовой статус которых был определен постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 27 сентября 1926 г. Рабочими поселками, как правило, считались «населенные пункты, расположенные вне городской черты... если количество взрослого населения в таковых не менее 400 человек, причем для большинства населения (в числе не менее 65%) основным источником существования является заработная плата». Вопросы земельных отношений, жилищные, самоуправления и т. п. в рабочих поселках регулировались соответствующими законами о городах²². В состав городского было зачислено также население курортных и дачных поселков, если в первых — число «приезжающих ежегодно для лечения и отдыха... составляет не менее 50% постоянного населения»²³, а во вторых — доля занятых в сельском хозяйстве не превышает 25% взрослых жителей²⁴.

Распределение населенных мест на городские и сельские стало, как видим, производиться на социально-экономических основаниях. В результате список городских поселений сократился с 2186 (по городской переписи 1923 г.) до 1926. При этом из него было исключено 468 населенных пунктов (помимо уже упоминавшихся сел, являвшихся уездными центрами, бывшие горо-

²¹ СУ РСФСР, 1924, № 73, ст. 726.

²² Там же, 1926, № 65, ст. 509.

²³ Там же, 1927, № 56, ст. 384.

²⁴ Там же, 1928, № 8, ст. 70.

да Варнавин, Кадый, Судиславль, Богатый, Нижнедевицк и др.). Напротив, 208 сел стали городами из числа фабричных, торгово-промышленных и т. п.²⁵ Однако опыт показал, что конкретные критерии разделения городских и сельских поселений оказались недостаточно четкими и эффективными. И переписью 1926 г. к числу городских поселений оказались отнесенными многие села. Заведующим Отделом переписей ЦСУ СССР О. А. Квиткиным была проведена классификация по экономическим типам 1806 городских поселений с населением в 25,3 млн. человек (из 1926 учтенных переписью городов с 26,3 млн. жителей). 155 «поселений городского типа» составили группу «село» (в каждом из них проживало в среднем по 8 тыс. человек, из которых 66,5% имели основным занятием сельское хозяйство), 16 — «прочие города» (в среднем по 8,6 тыс. жителей, 48% занятых главным образом в сельском хозяйстве), 303 — «мелкий город-село» (по 7,6 тыс. жителей, 44,1% занятых в сельском хозяйстве), 163 — «фабрика в селе» (по 5,5 тыс. жителей, 30,5% занятых в сельском хозяйстве) и, наконец, 86 — «торговые города с сельскохозяйственным и кустарно-ремесленным уклоном» (по 37,9 тыс. жителей, 20,8% занятых в сельском хозяйстве)²⁶. В этом перечне оказалось 40% «городов», включенных в разработку О. А. Квиткина. Вернее было бы основную часть их отнести к сельским поселениям. В сопоставимом с данными последующих переписей ряду из городских поселений в 1926 г. останется всего 862 (из 1926), в том числе 737 городов и 125 поселков городского типа²⁷.

Наконец, при оценке данных переписи 1926 г. следует учитывать, что они дают представление о наличном, а не о постоянном населении. Иначе говоря, даже случайно оказавшийся 17 декабря 1926 г. в городе крестьянин записывался горожанином. Постоянное население сел определялось статистическими органами в 121 244,5 тыс. человек²⁸. Разница между наличным и постоянным населением (533 тыс.) оказалась не столь мала, чтобы ею можно было пренебречь.

С учетом всего сказанного сельское население страны к концу 1926 г. насчитывало не 120,7 млн., а примерно 124 млн. человек и, следовательно, его удельный вес составлял не 82,1%, а более 84%. Однако материалы переписи были разработаны

²⁵ Воробьев Н. Я. Указ. соч., с. 39. По другим данным число новых городов за время от 15 марта 1923 г. по 17 декабря 1926 г. составило 245, включая города народных республик Бухары и Хорезма, влившихся в состав СССР в межпереписной период (Квиткин О. А. Первые итоги переписи 1926 г. — «Статистическое обозрение», 1927, № 1, с. 14).

²⁶ Социалистическое переустройство сельского хозяйства СССР между XV и XVI съездами ВКП(б). М., 1930, с. 26.

²⁷ Покишевский В. В. География населения СССР. Экономико-географические очерки. М., 1971, с. 98.

²⁸ ЦУНХУ Госплана СССР. Социалистическое строительство СССР. Статистический ежегодник. М., 1934, с. 353.

применительно к принятому тогда цензу городских поселений. Ввиду этого анализ данных о 120,7 млн. сельских жителей дополнен краткой справкой о 3 млн. горожанах, основные занятия которых были связаны с сельским хозяйством.

Таблица 3

Население СССР и союзных республик по переписи 1926 г., в тыс. человек обоего пола *

Территория	Всего	Городское		Сельское	
		абс.	%	абс.	%
Союз ССР	147027,9	26314,1	17,9	120713,8	82,1
РСФСР	100891,2	17442,6	17,3	83448,6	82,7
Северный район	2368,4	234,3	9,9	2134,1	90,1
Северо-Западный район	6659,7	2299,1	34,5	4360,6	65,5
Западный район	4299,2	511,9	11,9	3787,3	88,1
Центрально-Промышленный район	19314,0	4951,3	25,6	14362,7	74,4
Центрально-Черноземный район	10825,8	1024,7	9,5	9801,1	90,5
Вятский район	3463,2	236,1	6,8	3227,1	93,2
Уральская область	6786,3	1407,0	20,7	5379,3	79,3
Башкирская АССР	2665,8	234,2	8,8	2431,6	91,2
Средне-Волжский район	10268,2	1170,7	11,4	9097,5	88,6
Нижне-Волжский район	5529,5	977,2	17,7	4552,3	82,3
Крымский район	713,8	330,3	46,3	383,5	53,7
Северо-Кавказский край	8363,5	1655,1	19,8	6708,4	80,2
Дагестанская АССР	788,1	85,0	10,8	703,1	89,2
Казахская АССР	6503,0	539,2	8,3	5963,8	91,7
Киргизская АССР	993,0	121,1	12,2	871,9	87,7
Сибирский край	8687,9	1131,9	13,0	7556,0	87,0
Бурят-Монгольская АССР	491,2	45,6	9,3	445,6	90,7
Якутская АССР	289,1	15,3	5,3	273,8	94,7
Дальневосточный край	1881,4	472,5	25,1	1408,9	74,9
Украинская ССР	29018,2	5373,6	18,5	23644,6	81,5
Белорусская ССР	4983,2	847,8	17,0	4135,4	83,0
Азербайджанская ССР	2314,6	649,6	28,1	1665,0	71,9
Армянская ССР	880,5	167,1	19,0	713,4	81,0
Грузинская ССР	2666,5	594,2	22,3	2072,3	77,7
Узбекская ССР	5272,8	1102,2	20,9	4170,6	79,1
Туркменская ССР	1000,9	137,0	13,7	863,9	86,3

* ЦСУ СССР. Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. XVII, с. 2—3; т. IX. М., 1929, с. 2—13.

Зафиксированное переписью соотношение городского и сельского населения (см. табл. 3) нарушалось лишь в немногих промышленных районах страны: в Северо-Западном районе на долю сельского населения приходилось 65,5%, в Центрально-Промышленном районе — 74,4, в Уральской области — 79,3, в Горно-Промышленном районе Украины (Донбасс, Кривой Рог) — 58,8, в Азербайджане — 71,9%. Однако и в этих районах вокруг промышленных губерний лежали губернии сплошь «крестьянские».

В Северо-Западном районе рядом с Ленинградской губернией, где в городах жило 67,2% населения, находились Новгородская и Псковская губернии, в которых удельный вес городского населения падал до 13,4% и 8,3%. В Центрально-Промышленном районе с Московской губернией (59,2% городского населения) соседствовали Калужская (9,3%) и Рязанская (8%) губернии²⁹. На огромных пространствах, окружавших центральные промышленные районы нашей страны, крестьяне составляли девять десятых ее населения: Северный край и Центрально-Черноземная область, Среднее Поволжье и Сибирский край, автономные республики Башкирия, Казахстан и Киргизия (удельный вес сельского населения от 87 до 91,7%).

Вся эта громадная масса населения, составляющая по преимуществу крестьянство, характеризовалась прежде всего разобщенностью, крайне затруднявшей экономическое развитие, политическое просвещение, распространение культуры. В стране насчитывалось 613 587 сельских населенных мест — сел и деревень, станиц и выселков, кишлаков и аулов и т. п. На каждое из них приходилось в среднем около 200 человек³⁰, т. е. примерно по 30—40 крестьянских дворов. Однако за этой средней цифрой скрывается колоссальное разнообразие, порождаемое природно-географическими, производственными и национальными условиями. Различия в характере и размерах крестьянских поселений существенно сказывались на социально-экономическом развитии деревни, а впоследствии и на ходе социалистического преобразования сельского хозяйства.

От природно-географических условий зависело в значительной мере производственное направление крестьянского хозяйства, а вместе с тем и размер крестьянского поселения. Наличие удобных для земледельческих занятий земель и водных источников, соотношение леса и степи, характер климата — все это предъявляло к сельскому поселению свои требования, специфичные для каждого крупного района страны.

Проблемам сельского расселения посвящен ряд географических и историко-географических исследований, в которых рас-

²⁹ ЦСУ СССР. Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. IX, с. 2—13.

³⁰ Там же, т. IX, с. 24—25; т. XVII, с. 6—7. Перепись способствовала установлению действительной численности сельских поселений, обнаружив значительные пробелы в списках их регистрации. На территории РСФСР было выявлено около 6% пропущенных поселений, на Украине и в Белоруссии — около 4%. Чаще всего это были мелкие или недавно возникшие поселения (одиночные хутора и займки, небольшие выселки, считавшиеся входящими в состав соседних более крупных селений). Не случайно, наибольшие пропуски населенных мест приходились на районы Сибири (16%), европейского Севера (10%), горной части Северного Кавказа и т. д. (Воробьев Н. Я. Указ. соч., с. 37).

Действительная численность сельских поселений выяснялась по мере разработки материалов переписи, что отразилось в публикации их данных. Поэтому предпочтительнее пользоваться данными полных разработок, а не кратких сводок, которые носят предварительный характер.

крывается связь типа и размера крестьянского населения с естественно-географическими и производственными условиями, с историческим прошлым (характер колонизации, структура и назначение населенных пунктов и т. п.)³¹. Эти исследования имеют исключительно важное значение для понимания специфики деревенской жизни, особенностей экономического, социального и культурного развития крестьянства в различных районах страны.

Материалы переписи населения 1926 г. позволяют выяснить размеры сельских поселений для каждого района страны как одного из условий крестьянской жизни. Порайонная группировка сельских населенных мест по числу жителей показывает характерное укрупнение сел и деревень по мере продвижения от севера к югу, по мере перехода от леса к степи³².

Районы северо-востока, севера и северо-запада Европейской части СССР представляли собой лесистую местность — с большим количеством рек, озер и болот. Удобные для пашни земли были невелики по площади и перемежались огромными пространствами лесов и болот. Естественно, что среди крестьянских поселений абсолютно преобладали мелкие деревни, разбросанные по берегам многочисленных рек и озер. Дисперсность расселения в северных лесных районах (мелкие размеры поселков и их очаговое размещение и т. п.) во многом предопределялись и характерным совмещением в трудовой деятельности населения сельскохозяйственных занятий с лесными промыслами, рыболовством и охотой. В более южных районах северо-запада, на всей территории запада, Белоруссии и Центрально-Промышленного района сельское расселение было связано также с выборочным земледельческим освоением территории, но в более широких масштабах и поэтому отличалось определенной концентрацией в своеобразных ареалах («пятнах») заселения. Размер отдельных поселений здесь остается по преимуществу мелким. В крестьянском хозяйстве издавна получили развитие трудоем-

³¹ Саушкин Ю. Г. Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза. М., 1947; Ляликов Н. И. Типы сельских расселений СССР. — «География в школе», 1948, № 3, 5; 1949, № 2, 3; Валов В. С. Обзорная карта сельских расселений СССР. — «Вопросы географии», сб. 45. М., 1959; Ковалев С. А. Географическое изучение сельского расселения. М., 1960; он же. Сельское расселение (географическое исследование). М., 1963; Покишевский В. В. География населения СССР. Экономико-географические очерки; и др.

³² Это явление на материалах конца XIX — начала XX в. было обстоятельно раскрыто в трудах выдающихся русских географов А. И. Воейкова «Людность селений Европейской России и Западной Сибири» («Известия Русского географического общества», вып. 1—3. СПб., 1909) и В. П. Семенова-Тян-Шанского «Город и деревня в Европейской России» («Записки Русского географического общества», т. 20. СПб., 1910). В аграрном аспекте различия в размерах сел и деревень характеризовались, например, П. Н. Першиным («Земельное устройство дореволюционной деревни», т. I. М.— Воронеж, 1928).

кие культуры (лен, картофель), нормальная обработка которых могла быть осуществлена лишь на близко расположенных к селению полях. Подзолистые почвы требовали внесения больших количеств навозного удобрения, что также побуждало крестьянина селиться в непосредственной близости к пахотнопригодным участкам, а следовательно, и по возможности ограничивать размер отдельной деревни³³.

В Северо-Западном районе деревня насчитывала в среднем 10—15 дворов с населением около 70 человек. Однако третья часть деревень этого района (20,8 тыс.) состояла из 2—4 дворов и имела меньше 20 человек населения. 14,4 тыс. деревень (22,9% их общего количества) имели от 5 до 10 дворов с населением от 20 до 50 человек. В Северном районе при среднем размере поселения в 15—18 дворов (около 90 человек населения) на эти две мельчайшие группы приходилось 43,8% деревень. В Вятском районе среднее поселение насчитывало 20—23 двора и 110—120 жителей, однако 35,1% деревень имели меньше 10 дворов³⁴. Это были поистине «медвежьи углы», отрезанные бездорожьем от центров экономического прогресса, культуры и политического просвещения. Классовая разобщенность бедноты и середнячества, патриархальщина здесь были особенно сильны. Мелкие размеры селений и их разбросанность в огромной мере осложняли объединение крестьянских хозяйств и создание крупного социалистического производства.

По мере продвижения на юг и восток постепенно сокращались пространства, занятые лесами и болотами, увеличивалась площадь земельных участков, пригодных для обработки, возрастала плотность сельского населения, а вместе с тем росли и размеры селений. Западный район и Белорусская ССР, Центрально-Промышленный район и Уральская область характеризовались уже более крупными поселениями. В Западном районе средний размер деревни достигал 25 дворов с населением в 140 человек, в Белоруссии — 18—20 дворов с населением в 100—110 человек, в Центрально-Промышленном районе — 25—30 дворов с 150—160 жителями, на Урале — 30—35 дворов с 180 жителями. И в этой полосе до 40% поселений относились к числу мельчайших (до 10 дворов, до 50 жителей). Однако здесь уже не редкость и большое село — свыше 100 крестьянских дворов (500 жителей и более). В Западном районе насчитывалось 1283 таких села. В них проживала третья часть всего крестьянского населения района (32,8%). В Центрально-Про-

³³ Ковалев С. А. Географическое изучение сельского расселения, с. 35—46; *он же*. Сельское расселение, с. 154—165.

³⁴ Здесь и далее: ЦСУ СССР. Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. IX, с. 24—25; т. XVII, с. 6—7. Сводную таблицу «Сельские поселения в 1926 г., их число и размеры» см.: Данилов В. П. Сельское население Союза ССР накануне коллективизации (по данным общенародной переписи 17 декабря 1926 г.). — «Исторические записки», т. 74. М., 1963, с. 68—69.

мышленном районе 36,2% сельского населения находилось в 5,3 тыс. селах с числом жителей в 500 и более, в Белоруссии — 29,8% крестьянского населения, на Урале — 55,3%, тогда как в северных районах удельный вес населения таких сел колебался от 6,2% (Северо-Запад) до 11,8% (Вятский район).

Коренным образом характер и размеры сельских поселений изменялись с переходом от зоны лесов в зону лесостепи и степи основных земледельческих районов страны — Черноземного центра, Среднего и Нижнего Поволжья, Северного Кавказа и Украины. Здесь были огромные пространства удобной для возделывания плодородной земли, но по мере продвижения на юго-восток все меньше становилось водных источников, необходимых для равномерного заселения, а сельскохозяйственное производство все более приобретало экстенсивно-зерновое направление.

Крестьянские поселения располагались здесь по берегам редких рек, количество их резко сокращалось, зато сами они становились все более многолюдными. В Северном, Северо-Западном и Вятском районах вместе сельского населения было примерно столько же, сколько в одном Центрально-Черноземном районе (соответственно, 9716,2 тыс. и 9801,6 тыс. человек), однако число селений в Черноземном центре было в 4,5 раз меньше (114 тыс. и 25 тыс. селений). В Северо-Кавказском крае крестьянского населения было больше, чем в Северном и Северо-Западном районах вместе взятых (6708,4 тыс. человек против 6489,3 тыс.), но поселений было в 5,5 раза меньше (15,7 тыс. против 86,4 тыс.).

Среднего размера крестьянский населенный пункт в этих районах насчитывал около 400 жителей (70—80 дворов). Однако свыше 2/3 крестьянского населения проживало в селениях с числом дворов от 100 и выше. Село или станица в 100—200 дворов здесь не считались уже крупными. В Центрально-Черноземном районе было 854 села с числом жителей от 2 тыс. до 5 тыс. (от 500 до тысячи дворов), 130 сел — от 5 тыс. до 10 тыс. человек (от тысячи до 2 тыс. дворов) и 17 сел — свыше 10 тыс. человек (более 2 тыс. дворов). В таких селах было сосредоточено 35,7% крестьянского населения этого района. На Северном Кавказе насчитывалось 410 станиц с населением от 2 тыс. до 5 тыс., 187 — с населением от 5 тыс. до 10 тыс. и 105 — с населением свыше 10 тыс. В них проживало свыше половины (58,7%) сельского населения. В Среднем Поволжье удельный вес населения таких больших сел был равен 23,2%, в Нижнем Поволжье — 37,3%, на Украине — 43,1%.

Обособленность мелких поселений резко ослабляется. В этих районах они были представлены выселками или хуторами, тяготевшими к крупным селам или станицам, непосредственно с ними связанными.

Крупный размер селений, концентрация больших масс крестьянства в каждом отдельном селении облегчали политическую и культурно-просветительную работу. Классовое размеже-

вание здесь происходило более четко, классовые противоречия были нагляднее, классовая консолидация бедноты и середнячества достигалась быстрее и легче. Процесс возникновения крупного общественного хозяйства в этих районах не встречал препятствий в расселении крестьянства, в природно-географических условиях.

Существенными особенностями отличался характер расселения крестьянства в Азиатской части СССР. Для Сибирского края (так же как и для юго-востока) была характерна концентрация основной массы крестьянства в крупных селах. 62,7% крестьян проживало в селах, имевших свыше 500 жителей (более 100 дворов). Однако система заимочного землепользования, широко распространенная в Сибири и на Дальнем Востоке, приводила к тому, что здесь заметным был удельный вес и мелких поселений. Мелкими были также размеры поселений отсталых народностей, сохранявших кочевой или полукочевой быт. Из 32 тыс. поселений Сибирского края 11,8 тыс. имели меньше 20 жителей, 4,4 тыс.— от 20 до 49 жителей, 3,5 тыс.— от 50 до 99, т. е. свыше половины селений (19,7 тыс.) насчитывали в своем составе меньше 20 семей-хозяйств.

Многообразие природно-географических условий отнюдь не исчерпывало различий в положении и быте миллионных масс крестьянства. Особенности сельской жизни в различных районах страны, порождаемые природно-географическими условиями, были лишь фоном, на котором разворачивалась пестрая картина национальных, социально-экономических и культурно-бытовых различий.

* * *

При первом же ознакомлении с обликом сельского населения нашей страны обращает на себя внимание его многонациональный состав, огромное число больших и малых национальных групп, живущих частью компактно на определенной территории, частью рассеяно среди других народностей. Перепись 1926 г. установила в составе сельского населения Союза ССР наличие 174 национальных и этнических групп, в том числе 110 групп с коренной территорией заселения в пределах СССР³⁵.

Многонациональный состав крестьянского населения, многоязычие, сложные отношения между различными народностями, особенно бывших окраин царской России, предъявляли большие требования к политике Коммунистической партии и Советского

³⁵ ЦСУ СССР. Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. IX, с. 46—79; т. XII, с. 18, 25, 38—41; т. XVII, с. 18—25, 38—41. Конкретную характеристику этнического состава сельского населения и в частности опыт сводки данных о племенном происхождении, учет которой составлял особенность переписи в 1926 г., в национальную группировку см.: *Данилов В. П.* Указ. соч.— «Исторические записки», т. 74, с. 72—79.

государства в деревне, создавали огромные трудности на пути социалистического преобразования сельского хозяйства. Эти трудности были особенно значительны в связи с тем, что национальные группы сельского населения были различны не только по языку, но и по социально-экономическому строю, по культурно-бытовому укладу и образу жизни. Уровень их общественного развития не был одинаковым.

В зависимости от уровня общественного развития сельское население того времени можно разделить на три основных группы. К первой из них относятся народности, крестьянское население которых до октября 1917 г. находилось уже на стадии капиталистического развития, все более и более втягивая в буржуазные отношения. Таким было русское, украинское и белорусское крестьянство, население татарских, мордовских и чувашских деревень в Поволжье и на Урале. К этой группе должно быть причислено крестьянство Грузии и Армении, земледельческое население Азербайджана. В составе этой группы, по приблизительным подсчетам, в 1926 г. было около 100—105 млн. человек сельского населения страны (80—85%).

Пережитки феодализма в дореволюционной деревне сохранялись повсюду, но значение их было далеко не одинаковым в различных районах. В крестьянской среде названных выше национальных групп ко времени Октябрьской революции буржуазные отношения получили значительное развитие, а в большей части случаев стали преобладающими.

Вторую группу составляло сельское население тех национальностей, которые до Октябрьской революции не утвердились на капиталистическом пути развития, сохранили в сельском хозяйстве полупатриархальные и полуфеодальные отношения как преобладающую систему. В состав этой группы входило узбекское, казахское, киргизское, таджикское и туркменское крестьянство, коренное население Дагестана, автономных республик Северного Кавказа, а также Башкирии, Марийской и Удмуртской автономных областей, Бурят-Монгольской и Якутской автономных республик. Конечно, уровень социально-экономического развития этих народов не был одинаков. В сельском хозяйстве Узбекистана и Башкирии капиталистические отношения получили значительное развитие. Напротив, в казахском и туркменском ауле, в киргизском айле были еще очень сильны феодальные и патриархально-родовые отношения. Однако общим для них было сохранение патриархально-феодальной системы отношений. Именно эта группа народов должна была пройти путь от феодализма к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Она насчитывала в своем составе примерно от 15 до 18 млн. человек сельского населения.

Наконец, третью группу составляли малые народы Севера, Сибири, Дальнего Востока, сохранившие еще основные устои родового строя — ненцы, ханты, эвенки, чукчи, коряки, на-

найцы и другие, насчитывавшие в целом около 240—250 тыс. человек.

Опыт многонационального крестьянства нашей страны наглядно показал, что переход к социализму возможен не только для тех народов, которые прошли стадию капитализма, но при наличии благоприятных условий, прежде всего помощи государства диктатуры пролетариата, и для народов, находящихся еще на стадии феодальных и даже родовых отношений. Однако конкретные формы, пути и сроки перехода к социалистическому способу производства должны были видоизменяться в зависимости от уровня общественного развития различных народов.

ЗАНЯТОСТЬ И ЗАНЯТИЯ

Трудовая созидательная деятельность — основа общественного прогресса, главная движущая сила развития экономики и культуры. Поэтому данные переписей населения о числе и удельном весе лиц, ведущих трудовую деятельность, об их распределении по отраслям общественно-полезного труда, об их профессиональном составе представляют первостепенную важность для изучающего историю народа, его жизнь в прошлом и настоящем. Перечисленные здесь вопросы имели особенную актуальность для страны с недостаточно развитой промышленностью и с аграрным перенаселением. Сохранявшаяся безработица придавала проблеме занятости населения чрезвычайно острый характер.

Обратимся прежде всего к данным о занятом и незанятом, о самостоятельном и несамостоятельном населении в деревне. При проведении переписи 1926 г. самостоятельными считались «те, кто имеет свой источник существования, несамостоятельными ...те, кто живут на средства других лиц». Самостоятельными считались также «имеющие свой заработок и в то же время частью живущие на средства родных»³⁶. Следовательно, данные переписи не учитывали занятия в домашнем хозяйстве и в семейном воспитании детей. В этом отношении перепись 1926 г. не отличается от последующих общенародных переписей, которые занятых в сфере индивидуальных услуг также отнесли к числу иждивенцев³⁷. Все же следует отметить условность «иждивенчества» занятых в крестьянском домашнем хозяйстве. В индивидуальном крестьянском хозяйстве производство и домашнее хозяйство не отделены одно от другого, составляют определенное единство, проявлявшееся прежде всего в передаче ряда производственных операций и функций домашнему

³⁶ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Прил. к XVIII—XXXIV т., отд. II. Занятия. М., 1929, с. 6, 11.

³⁷ ЦСУ СССР. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР (сводный том). М., 1962, с. 10—11, 96—99.

«обслуживанию». Нераздельность производства и домашнего хозяйства сохраняется и у колхозников в той мере, в какой сохраняется личное подсобное хозяйство.

Известно, что соотношение занятого и незанятого населения, как и соотношение занятых в производственной и непроизводственной сферах деятельности, является одним из показателей уровня развития производительных сил общества. Чем более развиты производительные силы, тем меньше рабочих рук, необходимых для удовлетворения потребностей общества в том или ином продукте материального производства, тем большее число людей получает возможность отдаться целиком работе в сфере нематериального производства (в области воспитания подрастающего поколения, просвещения, здравоохранения и т. д.), тем продолжительнее «нерабочий» период в начале и в конце жизни каждого человека, тем больше срок обучения и подготовки к трудовой деятельности (а, следовательно, и общий уровень культуры и квалификации будущего работника), тем раньше, наконец, прекращается непосредственное участие в производственной деятельности. В такой «чистой» форме проблема формулируется лишь для общества, освободившегося от бича безработицы, т. е. для собственно социалистического общества. Наличие безработицы (и при капитализме, и на стадии перехода от капитализма к социализму) в огромной степени осложняет ситуацию в области занятости.

Перепись 1926 г. очень точно зафиксировала низкий уровень развития производительных сил сельского хозяйства страны. По Союзу ССР в составе самодеятельного, т. е. принимающего непосредственное участие в производственной деятельности, оказалось 61,4% сельского населения (см. табл. 4).

Столь высокий показатель занятости сельского населения объясняется прежде всего тем, что крестьянские дети с 10-летнего возраста включались в работу, т. е. оказывались уже самодеятельными. При обработке материалов переписи в соответствии с деревенской практикой из числа самодеятельного населения прежде всего были исключены дети моложе 10 лет (26,8% жителей села). Правда, и среди них нашлись самодеятельные: 1033 тыс. детей в возрасте до 10 лет было записано «в качестве членов семьи, помогающих в сельском хозяйстве»³⁸. Отдел переписи ЦСУ СССР отнес их к группе иждивенцев, однако для нас в данном случае важна не степень «прокормления своим трудом» ребенка в 8—9 лет, а сам факт крайне раннего вовлече-

³⁸ Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. XXXIV. М., 1930, с. 3. В комментариях Отдела переписи отмечается, что записи о занятиях лиц моложе 10 лет встречались лишь «в некоторых листках», что не везде переписчики учитывали труд этой группы населения. Следовательно, приводимые сведения не полны (Всесоюзная перепись населения 1926 года. Прил. к XVII—XXXIV т., с. 6).

Таблица 4

Сельское самодеятельное и несамодеятельное население, в % *

Территория	Моложе 10 лет	10 лет и старше самодеятельное	10 лет и старше несамодеятельное
Союз ССР	26,8	61,4	11,8
РСФСР	26,7	61,9	11,4
Северный район	25,8	65,1	9,1
Ленинградско-Карельский район	25,8	64,6	9,6
Западный район	28,8	61,1	10,1
Центрально-Промышленный район	26,4	63,4	10,2
Центрально-Черноземный район	26,6	65,1	8,3
Вятский район	25,9	65,4	8,7
Уральская область	25,4	63,4	11,2
Башкирская АССР	27,9	61,9	10,2
Средне-Волжский район	26,6	65,4	8,0
Нижне-Волжский район	24,8	60,1	15,1
Крымский район	27,3	55,5	17,2
Северо-Кавказский район	25,2	62,0	12,8
Дагестанская АССР	30,6	53,1	16,3
Казахская АССР	27,1	52,6	20,3
Киргизская АССР	26,7	53,1	20,2
Сибирский край	29,3	59,0	11,7
Бурят-Монгольская АССР	25,6	61,9	12,5
Дальневосточный край	29,8	53,9	16,3
УССР	26,7	65,5	7,8
БССР	27,7	66,7	5,6
Азербайджанская ССР	33,3	36,3	30,4
Армянская ССР	31,7	52,5	15,8
Грузинская ССР	29,1	45,2	25,7
Узбекская ССР	24,6	43,9	31,5
Туркменская ССР	27,2	49,8	23,0

* ЦСУ СССР. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки, вып. 10. М., 1929, с. 4, 7—9.

ния крестьянских детей в трудовую деятельность семьи. Верхний предел самодеятельности вообще установить невозможно: крестьянин, если только он не был тяжело болен, трудился изо всех сил до последнего дня, до смертного часа. Среди тех, кто достиг 10-летнего возраста и перевалил через этот рубеж, несамодеятельных оказалось всего 11,8%. Сюда были отнесены все, кто по тем или иным причинам не мог участвовать в производительном труде (многодетные матери в более или менее зажиточных семьях, больные, полные инвалиды и т. п.).

Порайонные отличия в соотношении самодеятельного и несамодеятельного населения, как показывает анализируемая таблица, были весьма существенны. Однако отражали они не различия в уровне производительных сил, а различия в быту сельского населения, национальные особенности в первую очередь.

В районах с русским, белорусским и украинским населением соотношение работающих и неработающих практически не различалось. Колебания были незначительны: от 61% самодеятельных в Западном районе РСФСР до 65—66% (в среднем по Северному, Вятскому, Центрально-Черноземному, Средне-Волжскому районам Российской Федерации, Украине и Белоруссии). Резко сокращался удельный вес самодеятельного сельского населения в национальных республиках и районах Советского Востока (в среднем до 45—50%). Здесь прежде всего резко увеличивалась доля детей до 10 лет (в Дагестане — 30,6%, в Азербайджане — 33,3, в Армении — 31,7, в Грузии — 29,1%). Однако и среди сельского населения в возрасте от 10 лет и выше доля несамодеятельных была повышенной (в Дагестане — 16,3%, в Казахстане — 20,3, в Киргизии — 20,2, в Азербайджане — 30,4%). В значительной мере это объясняется особенностями быта, сохранением сильнейших патриархальных и религиозных традиций, ограничивавших или даже исключавших участие женщины в общественной жизни, возлагавших на нее особенно большие обязанности в домашнем хозяйстве. К тому же здесь домашнее хозяйство в гораздо большей мере включало элементы производства материальных благ, чем в более развитых центральных районах страны. Учет различий в содержании понятия «домашнее хозяйство» существенно сблизил бы показатели занятости взрослого сельского населения различных районов страны.

Сельский житель, таким образом, с малых лет был занят в хозяйстве, включался в тяжелый физический труд. В таких условиях даже распространение грамотности, не говоря уже о школьном образовании, представляло колоссальные трудности. Отсюда неизбежность низкого уровня общей культуры и просвещения сельского населения, политическая отсталость, сохранение патриархальных традиций в быту. Без коренной перестройки всего уклада сельской жизни, без создания новой материально-технической базы в земледелии и резкого повышения производительности крестьянского труда не могло быть и речи о ликвидации противоположности города и деревни, приобщении деревни к культуре и знанию. Без реконструкции сельского хозяйства не могло быть речи о сколько-нибудь быстром развитии индустрии и городской жизни вообще. Низкий уровень производительности труда приковывал к сельскому хозяйству большинство населения страны.

Перепись 1926 г. выяснила не только соотношение городского и сельского населения, размещение населения по месту жительства, она раскрыла и его распределение по отраслям народного хозяйства. Эти показатели отнюдь не совпадали, (как не совпадают они и сейчас), поскольку основным источником существования для определенной части сельского населения была работа в промышленности, в строительстве и на транспорте. В то же

время трудовая деятельность некоторой части горожан была связана преимущественно с сельским хозяйством.

Согласно разработке данных о занятиях населения в 1926 г. из 147 млн. человек, проживавших на территории Союза ССР, 115,1 млн. (в том числе 112,1 млн. человек сельского населения и 3 млн. городского) имели основным источником средств существования сельское хозяйство. Самодеятельного населения, работавшего в сельском хозяйстве, оказалось 71,7 млн. человек³⁹. На каждого из них приходилось 1,05 человека не занятого непосредственно в сельскохозяйственном производстве, иначе говоря каждый работник в сельском хозяйстве «кормил», кроме самого себя, только одного человека⁴⁰. Низкий уровень сельскохозяйственного производства сдерживал общее экономическое развитие страны, ставил серьезнейшие преграды начинающейся индустриализации, строительству социализма в целом. Коренная перестройка сельского хозяйства становилась объективной необходимостью. Одним из важнейших социальных результатов ее должно было быть высвобождение огромной массы человеческого труда как предпосылки экономического и культурного подъема страны.

Перейдем к анализу показателей о занятиях сельского населения. В табл. 5 приведены сведения о межотраслевом разделении труда, относящиеся ко всему населению в целом, к «самодеятельным, имеющим занятия» и «жизденцам самодеятельных, имеющих занятия». Однако, чтобы не усложнять изложения и анализа статистического материала, в дальнейшем необходимо пользоваться преимущественно данными о самодеятельном населении, используя данные двух других разделов таблицы в качестве подсобных. Кроме того, следует учесть, что в материалах переписи были особо выделены три сравнительно небольшие группы населения, данные о которых не расчленялись ни по отраслям народного хозяйства, ни по социальному положению. Это, во-первых, военнослужащие: в селах и деревнях их проживало всего 70,5 тыс. человек (в том числе 60,1 тыс. самодеятельных). Вторая такая группа — безработные, которых в деревне насчитывалось 119,5 тыс. человек, а вместе с членами их се-

³⁹ Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. XXXIV, с. 2—3.

⁴⁰ Для сравнения приводятся результаты соответствующих исчислений по данным переписи 1970 г.: на одного сельскохозяйственного работника приходится в среднем 7,3 человека, не занятого непосредственно в сельском хозяйстве, а с учетом занятых в личном подсобном сельском хозяйстве — 6,8 человека (Данилов В. П. Социальная структура советской деревни. По данным Всесоюзных переписей населения 1959 и 1970 гг. — В кн.: Социально-экономические проблемы истории развитого социализма в СССР. М., 1976, с. 292—293). Однако было бы неверно считать, что производительность труда в советском сельском хозяйстве с 1926 по 1970 г. выросла только в 7—8 раз, поскольку этот показатель не учитывает ни громадного облегчения труда, ни сокращения времени, затрачиваемого на сельскохозяйственные работы.

Таблица 5

Сельское население Союза ССР по роду занятий, в тыс. человек обоего пола *

	Все население		Самодельные, имеющие занятия		Иждивенцы самодельных, имеющих занятия	
	абс.	уд. вес, %	абс.	уд. вес, %	абс.	уд. вес, %
Сельское хозяйство	112102,3	93,6	70135,6	95,5	41966,7	90,6
Фабрично-заводская промышленность	1300,4	1,1	543,0	0,7	757,4	1,6
Кустарно-ремесленная промышленность	1916,0	1,6	869,7	1,2	1046,3	2,3
Строительство	443,6	0,4	162,0	0,2	281,6	0,6
Транспорт	1001,6	0,8	311,6	0,4	690,0	1,5
Торговля и кредит	596,8	0,5	222,6	0,3	374,2	0,8
Учреждения	1050,4	0,9	507,7	0,7	542,8	1,2
Другие отрасли	1367,4	1,1	707,4	1,0	660,0	1,4
Всего занятых в народном хозяйстве и их иждивенцев	119778,6	100,0 (99,2)	73459,6	100,0 (99,1)	46319,0	100,0 (99,4)
Военнослужащие	70,5	(0,0)	60,1	(0,0)	10,4	(0,0)
Безработные	188,0	(0,2)	119,5	(0,2)	68,6	(0,1)
Лица, не имеющие или не указавшие занятия	676,4	(0,6)	491,7	(0,7)	184,7	(0,5)
<i>Всего населения</i>	120713,5	(100,0)	74130,9	(100,0)	46582,6	(100,0)

* Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. XXXIV, с. 2—3.

мей — 188 тыс. Наконец, сложнейшая по социальному составу группа «без занятий»⁴¹ — 676,4 тыс. (в том числе 491 тыс. самодельных). Эти три группы вместе охватывали всего 0,8% сельского населения. Таким образом, практически все население советской доколхозной деревни было связано с теми или иными отраслями народного хозяйства, с работой в государственных и общественных учреждениях.

⁴¹ Среди «не имеющих занятий» первую категорию составили «иждивенцы государства и общественных учреждений»: 1) «содержащиеся в приютах и детских домах», 2) учащиеся стипендиаты, 3) пенсионеры, 4) «инвалиды в интернатах и прочие призываемые», 5) «больные в больницах», 6) «заключенные в местах заключений». Вторая категория лиц, «не имеющих занятий» — «живущие на нетрудовые доходы» (от сдачи в наем домов, комнат и других помещений, от процентных бумаг и вкладов), а также «живущие на алименты». Наконец, третья категория — «деклассированное население» (нищие, беспризорные, воры, проститутки, знахари, а также «лица, живущие на частную благотворительность») (Всесоюзная перепись населения 1926 года. Прил. к XVIII—XXXIV т., с. 12, 27).

Рассмотрим распределение сельского населения по роду занятий, т. е. прежде всего по отраслям народного хозяйства.

С сельским хозяйством как основным источником существования была связана жизнь 112 102,3 тыс. человек деревенского населения (93,5%). В том числе 70 135,6 тыс. являлись самодеятельными, имевшими занятие, и 41 967,7 тыс. — иждивенцами. В составе этой группы сельского населения трудилось, следовательно, 62,5%. На долю же полностью находившихся на иждивении приходилось всего 37,5%. Ни одна другая группа сельского населения не ставила подрастающее и старческое поколение в столь неблагоприятное положение. Во всех других группах населения соотношение трудившихся и иждивенцев было резко отличным — повсюду это соотношение изменялось в пользу группы иждивенцев.

Следующая по численности группа сельского населения была занята в кустарно-ремесленной промышленности. В ее составе было 1916 тыс. человек (1,6%), в том числе 869,7 тыс. самодеятельных и 1046,3 тыс. иждивенцев. Кустарь и ремесленник по характеру своего производства не отличался от мелкого крестьянина. Они представляли собою один социально-экономический тип — мелкого товаропроизводителя. Однако производительность и доходность труда кустаря и ремесленника была все же заметно выше. И это сразу же сказалось на соотношении принимавших и не принимавших непосредственное участие в производстве: удельный вес самодеятельных снизился здесь до 45,4%, а иждивенцев, напротив, повысился до 54,6%.

Фабрично-заводская промышленность давала средства к существованию 1300,4 тыс. человек сельского населения (1,1%). Из них в производстве было занято 543 тыс. человек, т. е. 41,8%. Связанные с самой передовой формой материального производства — с машинной индустрией фабрично-заводские рабочие в большей мере могли пользоваться и преимуществами высокой производительности труда и создать более благоприятные условия для семьи. К тому же характер машинного производства не позволял ни слишком рано включаться в трудовую деятельность, ни слишком долго продолжать ее. Поэтому здесь удельный вес иждивенцев поднимался до 58,2%.

В составе неземледельческого сельского населения заметное место принадлежало занятым постоянной работой на транспорте и в строительстве⁴². С транспортом была связана жизнь

⁴² Нужно иметь в виду, что в разряд сельских населенных пунктов включаются не только собственно крестьянские поселения (село, деревня, хутор и т. д.), но, например, и железнодорожные будки, население которых весьма условно можно считать сельским. В материалах переписи выделено население, занятое в железнодорожном транспорте: 791,4 тыс. человек (242 тыс. самодеятельных и 549,4 тыс. иждивенцев). Трудовая деятельность остальных 209,5 тыс. человек этой группы была связана с другими видами транспорта — водным и гужевым (Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. XXXIV, с. 2—3).

1001,6 тыс. человек сельского населения (0,8%), в том числе 311,6 тыс. самостоятельных и 690 тыс. их иждивенцев. Строительство служило главным источником средств к существованию для 443,6 тыс. человек, отнесенных переписью в состав сельского населения (0,4%). Работавших среди них было 162 тыс., а иждивенцев — 281,6 тыс. Обе группы были очень близки по соотношению самостоятельных и несамостоятельных. Среди первых из них «кормильцы» составляли 31,4%, среди вторых — 36,5%.

Названные выше группы сельского населения были связаны с различными отраслями материального производства — с сельским хозяйством, кустарно-ремесленной и фабрично-заводской промышленностью, транспортом и строительством. Все вместе они составляли 97,5% всего сельского населения (98,2% самостоятельных и 96,6% иждивенцев). Вне сферы материального производства трудилась, следовательно, очень небольшая часть сельского населения — 2,5%. Первое место среди них принадлежит служащим различных государственных и кооперативных учреждений, школ и общественных организаций. В 1926 г. численность работающих в учреждениях и организациях составляла 507,7 тыс. На их иждивении было 542,8 тыс. человек. В составе этой группы сельского населения оказалось 1050,5 тыс. человек (0,9%). Торговля и кредит были постоянным и главным занятием 222,6 тыс. самостоятельных, имевших 374,2 тыс. иждивенцев (всего, следовательно, 596,8 тыс. человек — 0,5%). Соотношение работающих и иждивенцев в этой части сельского населения было более благоприятным, чем у сельскохозяйственной группы, но существенно не отличалось от пропорций, характерных для более передовых отраслей материального производства (удельный вес самостоятельных был равен 48,3% в «учрежденческой» группе и 37,3% — в «торгово-кредитной»).

Рассмотренный нами статистический материал убедительно показывает, что межотраслевое разделение труда в советской деревне накануне коллективизации проявлялось в весьма слабой степени. Ее население почти целиком было занято сельским хозяйством как постоянным и главным источником средств к существованию. Вовлечение сельского населения в другие отрасли народного хозяйства, а также на постоянную работу в органах административного управления, учреждениях просвещения, культуры и здравоохранения не было сколько-нибудь значительным. На долю несельскохозяйственных профессий приходилось всего 4,5% самостоятельных и 6,4% общей массы деревенского населения⁴³. При столь слабом межотраслевом разделении труда было неизбежным своеобразное совмещение профессий: ра-

⁴³ Для сравнения укажем, что в 1970 г. в сельской местности проживало 44% населения нашей страны, занято же в сельском и лесном хозяйстве (включая личное подсобное хозяйство) было всего 27% самостоятельных (Народное хозяйство СССР в 1970 году. Статистический ежегодник. М., 1971, с. 7, 507).

бота в промышленности, на транспорте и строительстве, служба в учреждениях, торговля очень часто служили дополнительным, побочным занятием сельскохозяйственного населения.

Оборотной стороной чрезвычайно высокой занятости населения в сельском хозяйстве являлось аграрное перенаселение (специально об этом см. в гл. третьей), порождавшее ряд сложных социальных проблем, решение которых требовало коренной реконструкции экономики страны на основе индустриализации.

КЛАССОВАЯ И СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Помимо рода занятий населения в ходе переписи 1926 г. выяснялось «положение в занятии», признаки которого частично совпадают с признаками социального положения, хотя и не тождественны им. В материалах переписи характеристика населения по «положению в занятии» дается распределением на следующие группы: 1) рабочие, 2) служащие, 3) лица свободных профессий, 4) хозяева с наемными рабочими, 5) хозяева с помогающими членами семьи и члены артелей, 6) одиночки, 7) члены семьи, помогающие главе в его занятии. Помимо этого выделены и отдельно учтены безработные и военнотруженики.

Группировка по «положению в занятии», разумеется, не может быть прямо переведена в группировку по классовым признакам. Но она ближе к последней, нежели многие другие группировки (по размерам посева, по количеству рабочего скота и т. д.), широко используемые в статистико-экономической и исторической литературе. Важное достоинство материалов переписи 1926 г. состоит в том, что распределение населения по перечисленным выше группам дается не только для деревни в целом, но и для каждой основной отрасли общественно полезной деятельности; они содержат развернутую классификацию по профессиональным признакам каждой группы населения в каждой отрасли деятельности, в каждом роде занятий. Возможность установить социально-профессиональную структуру населения и позволяет определить социально-классовый облик групп по «положению в занятии». Перепись точнее других форм статистического учета зафиксировала сложившиеся полярные слои сельского населения — буржуазию и пролетариат. Однако и столь туманные на первый взгляд группы, как «хозяева с помогающими членами семьи», «одиночки» и т. д., благодаря высокой содержательности сведений о социально-профессиональной структуре получают в конечном итоге определенную социально-классовую характеристику. К сожалению, по данным переписи нельзя выделить и охарактеризовать группу крестьян, перешедших к коллективным формам хозяйства. Однако их

удельный вес в общей массе крестьянского населения не составлял тогда и 1%. Указанная погрешность не искажает, следовательно, основных соотношений.

Самой многочисленной была группа «членов семьи, помогающих главе в его занятии» — 47 425,2 тыс., т. е. 64,6% самодеятельного населения деревни (см. табл. 6). Однако самодеятельность этой группы была относительной⁴⁴. Вся эта огромная масса работающего, но не самостоятельного деревенского люда при классовой группировке неизбежно должна распасться на те же группы, по каким разойдутся и главы семей, которым они помогали. Подавляющее большинство «помогавших» было сосредоточено в хозяйствах «с помогающими членами семьи». Имелись они и в хозяйствах с наемными рабочими. Их не было совсем в группе «одинок». Сомнительно их наличие у рабочих и служащих, поскольку труд за пределами собственного хозяйства (если даже оно имелось) исключал или почти исключал помощь главе семьи «в его занятии». Показательно полное отсутствие «помогавших» у рабочих и служащих фабрично-заводской промышленности, железнодорожного транспорта и учреждений⁴⁵. 99,6% «помогавших» (47 232,9 тыс. человек) было занято в сельском хозяйстве, где преобладало мелкособственническое производство. Из остальных подавляющая часть (149,4 тыс. человек) была сосредоточена в мелком кустарно-ремесленном производстве. В строительстве, на транспорте (кроме железнодорожного), в торговле «помогавших» было ничтожно мало, но и здесь они присутствовали лишь постольку, поскольку имелись частные предприятия.

Показателен половой и возрастной состав «членов семьи, помогающих главе в его занятии». Среди занятых в земледелии было 15 720,9 тыс. мужчин (33,3%) самого молодого возраста (от 10 до 15 лет — 37,8%, от 16 до 19 — 27,6, от 20 до 24 — 18,2%), когда мужчина становился главой семьи лишь в исключительном случае, а его место в производственном процессе определялось тем, что он еще только овладевает навыком труда и ведения хозяйства. Численность женской части «помогавших»

---

⁴⁴ Отметим, что в социально-экономической статистике 20-х годов термин «самодеятельный» гораздо чаще использовался для определения не вообще работающего человека, а только главы семейства, социальное положение которого в громадном большинстве случаев определяло положение всех других работающих и неработающих членов семьи.

⁴⁵ Согласно «Наставлению о том, как писать ответы на вопросы личного листка», занятия «в своем домашнем хозяйстве» не отмечались. «Помогавшими» считались «те, кто постоянно помогает главам своих семей своим трудом в их промыслах и занятиях». В сельском хозяйстве к числу «помогавших» относились «независимо от возраста те, кто участвует в основных работах по сельскому хозяйству (полевые работы, молотьба, пастьба скота и т. д.), хотя бы одновременно работали и по домашнему хозяйству» (Всесоюзная перепись населения 1926 года, Прил. к XVIII—XXXIV т., с. 10).

Таблица 6

Сельское население Союза ССР по роду занятия и положению в занятии,
в тыс. человек обоого пола *

	Рабочие	Служащие	Лица свободных профессий	Хозяева с наемными рабочими	Хозяева с помогающими членами семьи и членами семьи и членами семьи	Одиночки	Члены семьи, помогающие главе в его занятии	Всего
Все население								
Сельское хозяйство	1685,6	151,9	—	1964,1	56552,3	4515,5	47232,9	112102,3
% в группе	35,95	7,17	—	94,14	98,98	73,97	99,60	93,59
Фабрично-заводская промышленность	1083,4	214,9	—	2,1	—	—	—	1300,4
% в группе	23,13	10,12	—	0,10	—	—	—	1,09
Кустарно-ремесленная промышленность	175,8	29,5	—	103,3	421,2	1036,8	149,4	1916,0
% в группе	3,75	1,39	—	4,96	0,72	16,98	0,31	1,59
Строительство	83,3	8,6	—	2,8	54,6	286,6	7,6	443,6
% в группе	1,78	0,41	—	0,12	0,09	4,70	0,02	0,37
Транспорт	684,2	205,9	—	3,2**	28,5**	74,3**	5,3**	1001,6
% в группе	14,60	9,71	—	0,15	0,05	1,22	0,02	0,84
Торговля и кредит	21,2	270,3	—	10,5	83,5	183,6	27,7	596,8
% в группе	0,45	12,74	—	0,50	0,15	3,01	0,06	0,49
Учреждения	34,1	1016,4	—	—	—	—	—	1050,4
% в группе	0,73	47,94	—	—	—	—	—	0,88
Прочие отрасли	920,5	223,3	209,9	0,6	3,8	7,1	2,2	1367,4
% в группе	19,61	10,52	100,00	0,03	0,01	0,12	0,00	1,15
<i>Всего имеющих занятие и их иждивенцев</i>	4688,1	2120,9	209,9	2086,5	57143,6	6104,0	47425,2	119778,6
% в группе	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

	Рабочие	Служащие	Лица свободных профессий	Х. зяева с наемными рабочими	Хозяева с помогающими членами семьи и членами артели	Одиночки	Члены семьи, помогающие главе в его занятии	Всего
Уд. вес группы в составе населения	3,91	1,77	0,18	1,74	47,71	5,10	39,59	100,00
Военнослужащие	—	—	—	—	—	—	—	70,5 (0,06)
Безработные	—	—	—	—	—	—	—	188,0 (0,16)
Лица, не имеющие или не указавшие занятия	—	—	—	—	—	—	—	676,4 (0,56)
<i>Всего населения</i>	—	—	—	—	—	—	—	120713,5 (100,00)
Самодельные, имеющие занятие								
Сельское хозяйство	1032,4	60,5	—	714,5	19492,0	1603,3	47232,9	70135,6
% в группе	44,52	6,24	—	94,76	98,94	72,37	99,59	95,46
Фабрично-заводская промышленность	459,8	82,7	—	0,5 (544)	—	—	—	543,0
% в группе	19,85	8,52	—	0,08	—	—	—	0,74
Кустарно-ремесленная промышленность	87,2	11,5	—	33,4	157,2	431,0	149,4	869,7
% в группе	3,76	1,19	—	4,43	0,80	19,46	0,33	1,18
Строительство	33,8	3,7	—	0,9	17,7	98,2	7,6	162,0
% в группе	1,46	0,39	—	0,12	0,09	4,45	0,02	0,22
Транспорт	213,5	62,1	—	0,8**	8,4**	21,3**	5,3**	311,6
% в группе	9,21	6,41	—	0,11	0,04	0,96	0,01	0,42
Торговля и кредит	8,3	98,1	—	3,7	26,5	58,4	27,7	222,6
% в группе	0,36	10,12	—	0,50	0,13	2,65	0,06	0,33
Учреждения	14,7	493,0	—	—	—	—	—	507,7
% в группе	0,63	50,82	—	—	—	—	—	0,69
Прочие отрасли	468,8	158,8	72,8	0,2 (162)	1,6	3,0	2,2	707,4
% в группе	20,21	16,31	100,00	0,00	0,00	0,13	0,00	0,96

Продолжение табл. 6

	Рабочие	Служащие	Лица свободных профессий	Хозяева с наемными рабочими	Хозяева с помогающими членами семьи и членами артели	Одиночки	Члены семьи, помогающие главе в его занятии	Всего
<i>Всего имеющих занятие</i>	2318,5	970,4	72,8	754,0	19703,4	2215,2	47425,2	73459,6
% в группе	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Уд. вес группы в составе населения	3,15	1,32	0,10	1,02	26,82	3,01	64,58	100,0
Военнослужащие	—	—	—	—	—	—	—	60,1
Безработные	—	—	—	—	—	—	—	119,5
Лица, не имеющие или не указавшие занятие	—	—	—	—	—	—	—	491,7
<i>Всего самостоятельных</i>	—	—	—	—	—	—	—	74130,9
Иждивенцы самостоятельных, имеющих занятие								
Сельское хозяйство	653,2	91,4	—	1249,6	37060,3	2912,2	—	41966,7
% в группе	27,56	7,96	—	93,77	98,99	74,88	—	90,60
Фабрично-заводская промышленность	623,6	132,2	—	1,6	—	—	—	757,4
% в группе	26,22	11,50	—	0,12	—	—	—	1,63
Кустарно-ремесленная промышленность	88,6	18,0	—	69,9	264,0	605,8	—	1046,3
% в группе	3,75	1,56	—	5,25	0,71	15,59	—	2,26
Строительство	49,5	4,9	—	1,8	35,9	188,4	—	281,6
% в группе	2,09	0,43	—	0,14	0,19	4,84	—	0,61
Транспорт	470,7	143,8	—	2,4**	20,1**	53,0**	—	690,0
% в группе	19,88	12,51	—	0,18	0,05	1,37	—	1,49

	Рабочие	Служащие	Лица свободных профессий	Хозяева с наемными рабочими	Хозяева с помогающими членами семьи и членами артели	Одиночки	Члены семьи, помогающие главе в его занятии	Всего
Торговля и кредит	12,9	172,2	—	6,8	57,0	125,2	—	374,2
% в группе	0,56	14,96	—	0,51	0,15	3,21	—	0,81
Учреждения	19,4	523,4	—	—	—	—	—	542,8
% в группе	0,82	45,6	—	—	—	—	—	1,17
Прочие отрасли	451,7	64,5	137,1	0,4	2,2	4,1	—	660,0
% в группе	19,12	5,62	100,60	0,03	0,01	0,11	—	1,43
<i>Всего иждивенцев и имеющих занятия</i>	2369,6	1150,5	137,1	1332,5	37440,5	3888,8	—	46319,0
% в группе	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	—	100,0
Уд. вес группы в составе населения	5,12	2,48	0,29	2,87	80,84	8,40	—	100,0
Военнослужащие	—	—	—	—	—	—	—	10,4
Безработные	—	—	—	—	—	—	—	68,6
Лица, не имеющие или не указавшие занятия	—	—	—	—	—	—	—	184,7
<i>Всего несамодеятельных</i>	—	—	—	—	—	—	—	46582,6

* ЦСУ СССР. Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. XXXIV. М., 1930, с. 2—3. В настоящей таблице цифровые данные округлены с точностью до сотен, поэтому в отдельных случаях сумма индивидуальных показателей отличается от итоговых в ту или другую сторону на 0,1—0,2.

** Отмеченные группы не имели занятий на железнодорожном транспорте.

оказалась чрезвычайно велика — 31 512 тыс. Она включала основную массу женщин трудоспособного возраста, поэтому и распределение их возрастных групп соответствовало общей возрастной структуре трудоспособных женщин села (от 10 до 15 лет — 17,4%, от 16 до 19 — 15,5, от 20 до 24 — 14,3, от 25 до 29 лет — 12,4%)⁴⁶. «Помогавшие» в кустарных промыслах состояли в основном из мужчин (56,1%), что связано с характером преобладающих профессий в этой отрасли производства.

Перейдем к характеристике тех групп сельского населения, социальное положение которых являлось определяющим для советской доколхозной деревни — к характеристике «хозяев». Среди самодельного сельского населения их было зарегистрировано 22 672,6 тыс. («хозяев с помогающими членами семьи», «хозяев с наемными рабочими» и «одинок»). Согласно данным другого массового статистического источника — весеннего опроса 1927 г. — общее число индивидуальных хозяйств (дворов) в деревне составляло 25 015,9 тыс.⁴⁷ Как будет показано в главе третьей, данные весеннего опроса оказались несколько преувеличенными. Но совпадения этих цифр не должно быть, поскольку многие рабочие и служащие имели в деревне свои дворы, вели небольшое подсобное хозяйство.

Материалы переписи 1926 г. позволяют установить действительное число «хозяев», для которых собственное, главным образом мелкое производство, было основой существования, основой всего жизненного уклада.

Среди хозяев выделялась своей численностью группа «работающих только с членами семьи», т. е. без систематического найма рабочей силы, — 19 703,4 тыс. человек. Это были, как правило, мужчины (87,8%) в основном трудоспособном возрасте. Среди них до 24 лет от рождения имели всего 9,8%, от 25 до 29 — 12,9, от 30 до 39 — 25,3, от 40 до 49 — 22,5, от 50 до 59 — 16,5 и от 60 — 13%. Женщина оказывалась главой семьи чаще всего в случаях вдовства при отсутствии взрослых сыновей, поэтому и возраст «хозяек» оказался относительно более старым: до 29 лет — 10,2%, от 30 до 39 — 22, от 40 до 49 — 30,9, от 50 до 59 — 24,7 и от 60 лет — 12,2%⁴⁸.

«Хозяева, работающие только с членами семьи», в громадном большинстве своем представляли мелких самостоятельных товаропроизводителей, ведущих свое хозяйство на основе семей-

---

⁴⁶ Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. XXXIV, с. 102—103, 170—171. Интересно, что среди «помогавших» мужчин и абсолютно, и относительно наименьшей оказалась группа в возрасте от 50 до 54 лет (0,2%). Последующие возрастные группы дают и абсолютный и относительный рост, обнаруживая тот рубеж, после которого глава семьи начинал переходить на положение помогающего.

⁴⁷ ЦСУ СССР. Основные элементы сельскохозяйственного производства в СССР. 1916 и 1923—1927 гг. М., 1930, с. 2.

⁴⁸ Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. XXXIV, с. 102—103, 164—165.

ной кооперации⁴⁹. Характерно распределение этой группы по хозяйственным отраслям и ее профессиональный состав. Сельскохозяйственное производство было основой 19 492 тыс. хозяйств (98,9%) с помогавшими членами семьи⁵⁰. Их специализация была выражена крайне слабо. Главное занятие 18 763,7 тыс. (96,3%) хозяйств этого типа составляло земледелие. Огородниками и садоводами являлись 58,8 тыс. (0,3%), скотоводами — 562,8 тыс. (2,9%). Наконец, 56,4 тыс. хозяйств (0,3%), расположенных почти исключительно на Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке, имели главным занятием рыболовство и промысел зверя, 50,2 тыс. (0,3%) — лесной и другие промыслы⁵¹.

В других отраслях экономики была занята ничтожная часть хозяйств с помогавшими членами семьи: в кустарно-ремесленной промышленности — 157,2 тыс. хозяйств, в строительстве — 17,7 тыс., на транспорте — 8,4 тыс., в торговле и кредите — 26,5 тыс.⁵² Их общий удельный вес составлял всего 1,1%.

В социальном облике «хозяев с помогающими членами семьи» чрезвычайно наглядно проявляются черты мелкой буржуазии. В сельском хозяйстве, кустарно-ремесленном производстве и в торговле семейная кооперация служила основой развития мелкого товарного производства, готового при наличии благоприятных условий вырасти в «заведение», стать предприятием. Однако в строительстве и на транспорте, где создание «заведения» требовало больших средств и предполагало переход к эксплуатации наемного труда, эта категория сельского населения непосредственно сближалась с рабочим классом.

Большой интерес представляет группа «одиночек». Эта категория сельского населения отличалась от основной массы тем, что ее представители не имели «помогавших» членов семьи. К их числу относились, в частности, крестьянские вдовы и вдовцы, оставшиеся с малолетними детьми, бобыли и др. Рабочий, служащий, хозяин с наемными работниками, лицо «свободной профессии», жившие в одиночку или не имевшие помогавших членов семьи, зачислялись переписчиками в состав соответ-

---

⁴⁹ Нужно иметь в виду, что сюда же перепись отнесла и членов коллективных хозяйств, которых по данным на лето 1927 г. насчитывалось 194,7 тыс. (0,9% от указанного общего числа хозяев) (Госплан СССР. Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами. М.-Л., 1931, с. 22—23).

⁵⁰ С сельскохозяйственными промыслами, как побочным занятием, было связано еще 574,3 тыс. хозяев с помогавшими членами семьи (Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. XXXIV, с. 164—165). Однако в это число входят представители и иных социальных групп (служащих, рабочих и т. д.), если в этом побочном занятии они пользуются помощью жены, детей или родителей.

⁵¹ Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. XXXIV, с. 164—165.

⁵² Кроме того, 308,5 тыс. таких хозяйств в качестве подсобного промысла вели работу в кустарно-ремесленной промышленности, 41,7 тыс. — в торговле (Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. XXXIV, с. 165, 167).

ствующей социальной группы⁵³. И здесь характерно, что в материалах переписи «одиночки» не значатся среди рабочих и служащих фабрично-заводской промышленности, железнодорожного транспорта и учреждений. 72,4% работавших «одиночек» (1603,3 тыс.) входили в состав сельскохозяйственного населения, 19,59% (431 тыс.) — вели кустарно-ремесленный промысел, 4,4% — строительный, 2,6% — торгово-посреднический, 0,9% — транспортный⁵⁴. Обращает на себя внимание весьма высокое участие «одиночек» в кустарно-ремесленной промышленности, в строительстве и даже в торговле. Это отнюдь не было случайным.

Состав профессий «одиночек» убедительно свидетельствует об их полупролетарском облике. Как правило, это — рабочий, выполняющий частные (разовые) заказы собственным инструментом. Граница, отделяющая его от рабочего в полном смысле слова, очень условна и легко пересекается в обе стороны.

Роль «одиночек» заметно снижалась в сельском хозяйстве, где рабочая сила одного человека была недостаточна. Среди самостоятельных, занятых в сельском хозяйстве, они составляли всего 2,3%, а среди «хозяев» — 7,3%. По своему возрастному и профессиональному составу они мало отличались от мелких товаропроизводителей⁵⁵. Однако и здесь их действительный социальный облик был полупролетарским. «Одиночки» в сельском хозяйстве представляли собой один из отрядов деревенской бедноты. Все же они еще не порвали окончательно с собственным хозяйством, что необходимо учитывать при определении масштабов мелкого сельскохозяйственного производства.

Мелкий товаропроизводитель после Октябрьской революции стал основной фигурой земледелия. Согласно переписи 1926 г. в мелком крестьянском хозяйстве трудилось 66 658 тыс. человек, т. е. 95% самостоятельных, занятых в сельском хозяйстве. Вместе с иждивенцами их насчитывалось 106 630,5 тыс., т. е. 95,1% сельскохозяйственного населения (88,3% всего населения деревни)⁵⁶.

⁵³ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Прил. к XVIII—XXXIV т., с. 70.

⁵⁴ При разработке материалов переписи допускалась замена ответа «рабочий» ответом «одиночка», если занятие данного лица могло выполняться без чьей-либо помощи у себя на дому или на дому заказчика и если при этом не было указано места работы (*Воробьев Н. Я.* Указ. соч., с. 64).

⁵⁵ 1413,8 тыс. человек (89,2% из них) были земледельцами 24,5 тыс. (1,5%) — огородниками и садоводами, 111,4 тыс. (6,9%) — скотоводами, 37,4 тыс. (2,3%) охотниками и рыбаками, 5,8 тыс. (0,3%) — лесозаготовителями (Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. XXXIV, с. 166).

⁵⁶ При подсчетах населения крестьянских хозяйств «помогающие» члены семьи были пропорционально распределены между «хозяевами с помогающими членами семьи» (сюда было отнесено 45562,7 тыс. «помогающих») и «хозяевами с наемными рабочими» (1670,2 тыс.). Распределение, конечно, условное, поскольку зажиточные хозяйства чаще всего были лучше обеспечены собственной рабочей силой. Однако учесть это различие пока не представляется возможным.

Чтобы полностью учесть общее население и работников мелкотоварного уклада в сельскохозяйственном производстве, к исчисленным выше показателям следует добавить соответствующие показатели городского населения, ведущего сельскохозяйственный промысел. Перепись 1926 г. зарегистрировала среди этой категории горожан 454 тыс. «хозяйств с помогающими членами семьи» и 132 тыс. хозяйств-одиночек (см. табл. 7). Иначе говоря, 586 тыс. мелких земледельческих хозяйств размещались в городах. Отнеся к этой категории пропорциональное число членов семей, помогавших главе в его занятии (836,6 тыс.), получим общее число трудившихся в городских земледельческих хозяйствах мелкотоварного уклада — 1422,6 тыс. человек. Все же население этих хозяйств (вместе с иждивенцами) исчисляется в 2575,2 тыс. человек.

Таким образом, по стране в целом мелкотоварный уклад в сельскохозяйственном производстве был представлен 21 681,3 тыс. хозяйств, имевших 68 080,6 тыс. работников (в среднем по 3,1 работника на хозяйство) и 109 205,7 тыс. человек населения (в среднем по 5 душ).

* * *

В материалах переписи 1926 г. выделена группа «хозяев с наемными рабочими», которую можно считать основным ядром капиталистического класса в деревне. В эту группу были отнесены хозяйства с постоянным использованием наемного труда, поэтому она не вполне отражает число кулацких хозяйств⁵⁷. Часть последних попала в разряд «хозяйств с помогающими членами семьи». В то же время среди «хозяев с наемными рабочими» оказались и некулацкие хозяйства, о чем свидетельствует, например, высокий удельный вес женщин — 25,4% (181,6 тыс.)⁵⁸. Достаточно распространенный тогда случай: женщина, становясь главой многодетной семьи без взрослых работников, была вынуждена прибегать к найму чужой рабочей силы, попадая в положение скорее эксплуатируемой, чем эксплуатирующей. Тем не менее данные переписи позволяют выяснить место тех хозяйств, которые базировались на систематическом использовании наемного труда.

Перепись зарегистрировала в деревне всего 754 тыс. хозяйств с наемными рабочими. Кроме того, 83,1 тыс. самостоятельных

⁵⁷ Отвечая на вопрос Воронежского губстатотдела: «Считать ли хозяевами с наемными рабочими временно применяющих поденных наемных рабочих в сельском хозяйстве?», Отдел переписей ЦСУ СССР в специальном циркуляре разъяснял, что «считать указанных в вопросе хозяевами с наемными рабочими не следует», что переписным листом «имеются в виду отнюдь не случайные, единичные случаи найма, а постоянное, хотя бы и сезонное применение наемной силы в хозяйстве» (Всесоюзная перепись населения 1926 года. Прил. к XVIII—XXXIV т., с. 11).

⁵⁸ Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. XXXIV, с. 160—161.

Таблица 7

Население Союза ССР (без Якутской АССР), занятое в сельском хозяйстве, в тыс. человек обоего пола *

	Рабочие	Служащие	Лица свободных профессий	Хозяева с наемными рабочими
<i>Все население</i>	1858,3	269,9	—	2040,4
% в группе	100,0	100,0	—	100,0
уд. вес группы в составе населения, занятого в сельском хозяйстве	1,6	0,2	—	1,8
<i>В том числе самостоятельные</i>	1103,1	98,6	—	738,4
% в группе	59,3	36,7	—	36,2
иждивенцы	755,2	171,3	—	1302,0
% в группе	40,7	63,3	—	63,8
<i>Городское население, занятое в сельском хозяйстве</i>	172,6	117,9	—	76,4
% в группе	100,0	100,0	—	100,0
<i>В том числе самостоятельные</i>	70,6	38,1	—	23,9
% в группе	41,0	33,3	—	31,2
иждивенцы	102,0	79,8	—	52,5
% в группе	59,0	66,7	—	68,8

Окончание табл. 7

	Хозяевами с помагающими членами семьи и членами артели	Одиночки	Члены семьи, помагающие главе в его занятии	Всего
<i>Все население</i>	56812,1	4961,2	48113,6	114055,5
% в группе	100,0	100,0	100,0	100,0
уд. вес группы в составе населения, занятого в сельском хозяйстве	49,8	4,4	42,2	100,0
<i>В том числе самостоятельные</i>	19945,9	1735,3	49113,6	71734,9
% в группе	33,3	36,9	100,0	62,9
иждивенцы	36866,2	3225,9	—	42320,6
% в группе	66,7	63,0	—	37,1
<i>Городское население, занятое в сельском хозяйстве</i>	1292,9	445,7	880,7	2986,2
% в группе	100,0	100,0	100,0	100,0
<i>В том числе самостоятельные</i>	454,0	132,0	880,7	1599,3
% в группе	35,0	9,7	100,0	53,6
иждивенцы	838,9	313,7	—	1386,9
% в группе	65,0	70,3	—	46,4

* ЦСУ СССР. Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. XXXIV, с. 2—3.

вели хозяйство с помощью наемной рабочей силы в качестве побочного занятия⁵⁹. Такие хозяйства имелись у отдельных крестьян в кустарном промысле или в торговле, у отдельных кустарей и торговцев в земледелии. И там и там заводили «подсобные» хозяйства с использованием наемного труда «лица свободной профессии», отдельные служащие и даже рабочие-отходники.

Основная масса мелкокапиталистических хозяйств деревни была сосредоточена в сельскохозяйственном производстве. Из 754 тыс. хозяев, использовавших наемный труд в своем главном занятии, 714,5 тыс. (94,8%) вели сельское хозяйство. Среди тех, у которых предпринимательская деятельность была зарегистрирована в побочном занятии, таких насчитывалось 46,8 тыс. (56,3%). Их производственная специализация мало отличалась от основной массы крестьянских хозяйств. 710,6 тыс. кулаков (по главному и побочному занятию вместе) были заняты в земледелии. Предпринимателей-скотоводов было зарегистрировано 29,8 тыс., огородников и садоводов — 8,6 тыс., рыбо- и зверопромышленников — 2,2 тыс.⁶⁰

Любопытна возрастная структура предпринимательской части хозяев-земледельцев. Из мужчин в их составе только 8,3% имели возраст до 24 лет, 12,8% — от 25 до 29, 29,7% — от 30 до 39, 19,9% — от 40 до 49, 13,1% — от 50 до 59, 11,2% — от 60 до 69 и 4,9% — от 70 и более⁶¹. Возраст женщин в этой группе был аналогичным. Повышенный удельный вес старших возрастов среди предпринимателей-земледельцев был связан, в частности, с тем, что процесс накопления в деревне 20-х годов проходил замедленным темпом. Он свидетельствовал также о несомненной «персональной» связи этого слоя с дореволюционным кулачеством.

В кустарно-ремесленной промышленности деревни перепись установила наличие 33 355 заведений с постоянным использованием наемного труда. В общей массе деревенских кустарей их удельный вес был равен 5,4%. В действительности такого рода мелких предпринимателей в деревне было намного больше, так как кустарные заведения с постоянным использованием наемного труда имелись и у тех хозяев, для которых кустарный промысел был побочным занятием. Их насчитывалось 32 594⁶². По числу предприятий мелкокапиталистический уклад в кустарно-

⁵⁹ Там же. Суммировать сведения о числе лиц, ведущих предпринимательское хозяйство в качестве главного и побочного занятия нельзя, поскольку среди них могли быть одни и те же лица (например, мелкокапиталистическое хозяйство одним лицом могло быть организовано и в земледелии, и в торговле, или в кустарном промысле). Другое дело отдельные отрасли деятельности (сельское хозяйство, кустарные промыслы, торговля и т. д.). Здесь сумма тех и других дает более полное и точное представление о числе и удельном весе капиталистических элементов в каждом из них.

⁶⁰ Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. XXXIV, с. 160—161.

⁶¹ Там же, с. 102—103.

⁶² Там же.

ремесленной промышленности деревни возрастает, следовательно, почти вдвое.

О размерах использования наемного труда предпринимателями в мелкой промышленности дает представление следующий расчет. На 65 949 мелкокапиталистических заведениях было занято всего 158 427 наемных рабочих (зарегистрированных как по главному, так и по побочному занятию)⁶³. В среднем на каждом из них трудились по 2,4 наемного рабочего.

Среди деревенских капиталистов имелись и владельцы более крупных промышленных предприятий, входивших уже в разряд фабрично-заводской промышленности (659 семей, в том числе 115 семей, для которых предпринимательская деятельность в промышленности была побочным занятием). Кроме того, в деревне было 2197 владельцев строительных и 2031 — транспортного предприятий, применявших наемный труд (по главному и побочному занятию вместе). Хозяев капиталистических торгово-кредитных предприятий насчитывалось тогда 4622 (в том числе для 3669 этот вид деятельности был главным занятием).

Поскольку сведения о «побочном занятии» относятся исключительно к самодельным, население капиталистического уклада в деревне по переписи 1926 г. можно исчислить по данным о «главном занятии». К этой категории сельского населения, согласно расчетам, относилось 3834,7 тыс. человек (754 тыс. «хозяев», 1748,2 тыс. «членов семьи, помогавших главе в его занятии», и 1332,6 тыс. иждивенцев). В общей массе сельского населения они составляли 3,2%. Если же учесть хотя бы половину населения тех семей, для которых хозяйствование с использованием наемного труда было побочным занятием, и тогда общее число сельского населения, живущего за счет постоянной эксплуатации наемных рабочих, составит не менее 4 млн. человек.

В сельскохозяйственном производстве (по главному и побочному занятиям вместе) насчитывалось 761,3 тыс. хозяйств с постоянным наймом рабочей силы⁶⁴, т. е. 3,4% от общего числа индивидуальных земледельческих хозяйств деревни. Кроме того, в сельскохозяйственном производстве были заняты 29,7 тыс. горожан, постоянно использовавших наемный труд (для 23,9 тыс. из них это являлось главным занятием и для 5,8 тыс. — побочным)⁶⁵. В целом в сельском хозяйстве по материалам переписи 1926 г. было 791 тыс. предпринимательских хозяйств, систематически эксплуатировавших наемный труд. Они составляли основное ядро капиталистического уклада в сельско-

⁶³ Там же.

⁶⁴ Комиссия СНК СССР по изучению тяжести налогового обложения населения считала, что в 1925/26 г. в СССР было 816 тыс. кулацких хозяйств, а в 1926/27 г. — 896 тыс. См.: Тяжесть обложения в СССР (социальный состав, доходы и налоговые платежи населения Союза ССР в 1924/25, 1925/26 и 1926/27 годах). М., 1929, с. 74—75.

⁶⁵ Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. XXXIV, с. 160—161.

хозяйственном производстве. Его абсолютное и относительное значение было не таким, чтобы определять собой строй сельскохозяйственного производства и социальную структуру села в целом (как это считали, например, троцкисты), но отнюдь и не таким, чтобы не представлять собой реальную социальную и политическую силу в развитии деревни, противостоящую социализму (как это пытались утверждать правые оппортунисты и неонародники).

Группа рабочих в материалах переписи 1926 г. также была представлена своим основным ядром: теми, для кого работа по найму была основным источником существования, для кого собственное хозяйство, если даже оно сохранялось, имело значение побочного занятия⁶⁶. Таких рабочих в деревне перепись насчитывала 2318,5 тыс. человек (3,1% от общего числа самодеятельных), а вместе с иждивенцами — 4688,1 тыс. (3,9% в общей массе сельского населения).

В отличие от «хозяев» рабочие были меньше связаны с сельскохозяйственным производством, нежели с другими отраслями экономики страны. В сельском хозяйстве трудилось меньше половины проживавших в деревне рабочих — 1032,4 тыс. человек (44,5%). В фабрично-заводской промышленности в качестве постоянных рабочих были заняты 459,8 тыс. деревенских жителей, на транспорте — 213,5 тыс., в кустарно-ремесленной промышленности — 87,2 тыс., в строительстве — 33,7 тыс., в учреждениях — 14,7 тыс., в торговле — 8,3 тыс. и т. д.⁶⁷ Действительное число рабочих, занятых как в самой деревне, так и за ее пределами было намного больше. Многих рабочих, имевших собственное мелкое производство, переписчики относили в разряд мелких хозяев. Этот недостаток переписи в значительной мере восполняется данными о «побочных занятиях», хотя таким считалось только второе (после главного) занятие⁶⁸. Число рабочих в порядке побочного занятия, установленное переписью, было весьма велико — 1080, 2 тыс. человек. В сумме с теми, для кого работа по найму была главным занятием, это дает 3398,7 тыс. человек.

---

⁶⁶ Согласно классификации занятий для разработки материалов переписи 1926 г., утвержденной коллегией ЦСУ СССР, «к рабочим относятся лица, занятые непосредственно по производству и перемещению материальных ценностей или по уходу за производительным механизмом». В соответствии с этим принципом весовщики, приемщики и курьеры, например, относились к служащим, а кондуктора железной дороги — к рабочим.

Весьма сложной задачей было определение социального облика сезонных рабочих-отходников. Сезонные занятия учитывались переписчиками, «если они носят постоянный характер и повторяются из года в год». Причем это занятие записывалось опрашиваемому «или в качестве главного, или в качестве побочного, в зависимости от того, чем он главным образом живет» (Всесоюзная перепись населения 1926 года. Прил. к XVIII—XXXIV т., с. 11—12).

⁶⁷ Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. XXXIV, с. 174—179.

⁶⁸ Остальные побочные занятия не регистрировались (Всесоюзная перепись населения 1926 года. Прил. к XVIII—XXXIV т., с. 8).

Работавшие по найму в порядке побочного занятия составляли в основном промежуточную группу между рабочим классом и крестьянством. Однако это не случайный конгломерат. По характеру трудовой деятельности они очень близки к рабочим. Об этом говорит и распределение их по отраслям народного хозяйства, и их профессиональный состав. И эта группа рабочих в сельском хозяйстве была занята меньше чем наполовину (531,1 тыс., т. е. 49,1%). Работа по найму в качестве побочного занятия в фабрично-заводской промышленности была зафиксирована у 192,2 тыс. сельских жителей (17,8% группы), в кустарно-ремесленной промышленности — у 71,2 тыс. (6,6%), на транспорте — у 68,1 тыс. (6,3%), в строительстве — у 44,3 тыс. (4,1%), в учреждениях — у 8,8 тыс. (0,8%), в торговле — у 6,9 тыс. жителей (0,6%)⁶⁹.

До сих пор речь шла о рабочих «по совместительству» среди сельских жителей. Если же взять эту группу населения по стране в целом, то окажется, что побочные занятия на рабочих «должностях» — дело специфически крестьянское. Всего по стране рабочих по побочному занятию перепись насчитала 1112,7 тыс. человек. Среди них 1096 тыс. оказались связанными своим главным занятием — с сельским хозяйством. В том числе рабочих было только 6,7 тыс. человек, хозяев с помогающими членами семьи 617,9 тыс., членов семьи, помогающих главе в его занятии — 425,6 тыс.⁷⁰

Точно так же и сельскохозяйственные рабочие были учтены переписью только в своем основном ядре. Работа по найму в сельском хозяйстве была главным занятием для 1032,4 тыс. деревенских жителей и побочным занятием для 531,1 тыс. жителей. Однако в сельском хозяйстве помимо рабочих «из деревни» были рабочие и «из города». Перепись насчитала 70,6 тыс. горожан — постоянных сельскохозяйственных рабочих — и 3,5 тыс. горожан, работавших по найму в сельском хозяйстве в качестве побочного занятия⁷¹.

Таким образом, в целом было зарегистрировано 1637,6 тыс. сельскохозяйственных рабочих — всего 2,3% самодеятельного населения, занятого земледельческим трудом. Между тем по данным Комиссии СНК СССР по определению тяжести налогового обложения общее число сроков рабочих в сельском хозяйстве составляло 3,2 млн.⁷² Почти половина сельскохозяйственных рабочих в материалах переписи была отнесена к другим категориям населения, поскольку работа по найму для них не была основным или первым подсобным видом трудовой деятельности.

⁶⁹ Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. XXXIV, с. 121—141.

⁷⁰ Там же, с. 188.

⁷¹ Там же, с. 120—121.

⁷² Доклад комиссии СНК СССР по изучению тяжести обложения отдельных социальных групп населения СССР в 1924/25 г. и 1925/26 г. М., 1927, с. 30.

Что же собою представляло основное ядро сельскохозяйственных рабочих? Каков был его социальный облик и профессиональный состав? Материалы переписи позволяют в известной мере ответить на эти вопросы.

В условиях переходного от капитализма к социализму периода в сельском хозяйстве сохранялся еще весьма значительный капиталистический уклад, в борьбе с которым возникал и развивавшийся новый уклад — социалистический. Наличием этих двух социально-экономических укладов предопределялись социальная структура сельскохозяйственных рабочих, их положение в общественном производстве, основные направления эволюции.

Наряду с батраком — капиталистически эксплуатируемым рабочим в частнособственническом хозяйстве, появился рабочий государственного и кооперативного предприятия, перешедший к социалистическим формам производства. Перепись 1926 г. позволяет определить количественный состав этих двух основных групп сельскохозяйственных рабочих и их профессиональную структуру.

Основная масса сельскохозяйственных рабочих тогда была занята еще в частнособственническом секторе⁷³. Как показывают данные табл. 8, 62,6% рабочих, зарегистрированных пере-

Таблица 8

Сельскохозяйственные рабочие *

	По главному занятию		По побочному занятию		Всего
	сельские местн-сти	город-ские поселения	сельские местн-сти	город-ские поселения	
Частнособственнический сектор	852 770	29 669	140 838	1354	1 024 631
%	82,6	42,1	39,7	38,8	62,6
Обобщественный сектор	179 686	40 940	320 217	2131	612 974
%	17,4	57,9	60,3	61,2	37,4
В том числе рабочие лесного дела	69 541	9 272	283 898	1131	363 842
%	6,7	13,2	53,4	32,5	22,2
Всего	1 032 456	70 609	531 055	3485	1 637 605
%	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. XXXIV, с. 120—121.

⁷³ В материалах переписи сельскохозяйственные рабочие распределены на рабочих в хозяйствах крестьянского типа и на «рабочих сельскохозяйственных предприятий». Причем в первую группу включались как рабочие собственно единоличных хозяйств, так и рабочие крестьянских (земельных) обществ, во вторую же группу вошли рабочие совхозов, коммун, агропунктов и др. (Всесоюзная перепись населения 1926 года. Прил. к XVIII—XXXIV т., с. 33).

писью 1926 г. в сельском и лесном хозяйстве, подвергалось еще капиталистической эксплуатации (1024,6 тыс. человек)⁷⁴. К новым отношениям в производстве к этому времени смогло перейти немногим более третьей части сельскохозяйственных рабочих.

Интересно распределение по социальным секторам рабочих в зависимости от места жительства. Четыре пятых рабочих, проживавших в сельских местностях, занимались единоличными хозяйствами или их объединениями (земельными обществами). Значительное преобладание обобщественного сектора в использовании труда работавших по найму в качестве побочного занятия создавалось за счет лесных разработок. Если же учесть только сельскохозяйственные работы, то и здесь соотношение обобщественного и частного секторов останется тем же. Иное дело — горожане. В большинстве своем они работали на предприятиях социалистического сектора. Горожане, как правило, обладали более высокой квалификацией и труд их пользовался большим спросом в крупных социалистических хозяйствах, начинавших применять машинную технику. Политический кругозор, понимание преимуществ социалистических форм хозяйства у городских рабочих были намного выше, а кабальная зависимость на почве займов, найма рабочего скота и т. п., привязывавшая батраков к кулацким хозяйствам, отсутствовала. Сказывалось, конечно, и размещение совхозов, испытательных станций, агрономических и зоотехнических пунктов вокруг городов.

Сельскохозяйственные рабочие в частнособственническом секторе в массе своей принадлежали к наименее квалифицированной, к самой низкооплачиваемой категории рабочего класса. Представление об их профессиональном составе дает табл. 9.

Квалифицированные рабочие почти не находили применения для своего труда в единоличном секторе сельского хозяйства, лишь отдельные земельные общества и наиболее крупные кулацкие хозяйства прибегали к найму трактористов и других рабочих-специалистов. Удельный вес квалифицированных рабочих в частнособственническом секторе сельского хозяйства не превышал 0,5%.

С данными о профессиональном составе рабочих в хозяйствах крестьянского типа корреспондируют данные об их возрасте. Среди них преобладали подростково-юношеские возрастные группы: до 19 лет от роду имели 44,1% батраков и 42,6% батрачек, от 20 до 24 лет — соответственно 17 и 14,9, от 25 до 29 — по 10,2, от 30 до 39 — 11,8 и 12,7, от 40 до 49 — 8,2 и 9, от 50 до 59 — 5,1 и 6, от 60 лет — по 3,5%⁷⁵. Работающие по най-

⁷⁴ По материалам специального учета наемного труда за 1926 г. в индивидуальном секторе сельского хозяйства (также вместе с земельными обществами) было занято 2275,3 тыс. с/рочных рабочих (ЦСУ СССР. Батрачество и пастушество в СССР. М., 1929, с. 122—129).

⁷⁵ Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. XXXIV, с. 102—103.

Таблица 9

Рабочие в хозяйствах крестьянского типа *

	По главному занятию		По побочному занятию		Всего
	сельские местности	городские поселения	сельские местности	городские поселения	
Трактористы	596	179	711	46	1 532
Прочие квалифицированные	3 000	821	476	11	4 308
Пастухи, подпаски	169 215	5 719	66 394	456	241 784
Прочие сельскохозяйственные рабочие	679 959	22 950	73 257	841	777 007
<i>Всего</i>	852 770	29 669	140 838	1354	1 024 631

* Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. XXXIV, с. 120—121.

му в индивидуальном секторе сельского хозяйства середины 20-х годов не представляли собой вполне сложившуюся профессиональную армию рабочих. К ее кадровому, в широком смысле слова профессиональному составу может быть отнесено примерно 40% рабочих (возраст 25 лет и выше). Остальные — переменный состав, включавший главным образом молодежь из бедняцких и маломощных середняцких семей, подрабатывающую у зажиточных соседей. Наем рабочей силы в деревне чаще всего рядился в формы соседской взаимопомощи: «Я тебе, — говорил кулак бедняку, — весной помогу хлебушком (варианты: вспахал десятину, дал лошадь с плугом и т. п.), так пусть этим летом твой парень (или девка) у меня поработает. По-соседски... Все равно ему (ей) у тебя делать нечего». В литературе неоднократно отмечалось, что эксплуатация труда подростков, юношей и девушек, нанимаемых кулаками, носила особенно грубый характер, что оплата их труда была наименьшей, подчас ограничивалась «харчами». Девушек старались уберечь от работы по найму. Мы видели, что среди «помогавших» в собственном хозяйстве абсолютно преобладала именно женская молодежь. Среди работавших по найму, напротив, решительно преобладали мужчины — 70% из тех, для кого эта работа была основным занятием, и 87% из тех, для кого она была занятием побочным⁷⁶.

Существенно другим был состав рабочих на государственных и кооперативно-общественных предприятиях в сельском хозяйстве.

В материалах переписи 1926 г. к числу рабочих сельскохозяйственных предприятий были отнесены рабочие лесных про-

⁷⁶ Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. XXXIV, с. 120—129.

мыслов (главным образом лесозаготовок), занимающих особое место как в производственном, так и в социально-экономическом отношении. Примерную численность рабочих собственно сельскохозяйственных предприятий можно определить в 140 тыс. (около четвертой части от всех учтенных в табл. 8). Основную часть их составляли постоянные рабочие (свыше 90 тыс.). Профессии, исполнение которых требовало известной квалификации (трактористы, металлисты, строители и др.) или были связаны с теми отраслями хозяйства, где работы велись на протяжении всего года (конюхи, скотники и др.), почти целиком относились к числу главных занятий рабочих сельскохозяйственных предприятий. Только среди неквалифицированной рабочей силы, набравшейся на сезон или на отдельные работы, временный рабочий занимал видное, часто доминирующее положение.

Непосредственно на сельскохозяйственных работах было занято 83 тыс. человек, т. е. около 60% рабочего персонала, в том числе 57 тыс. человек по главному занятию. Сфера производственной деятельности у них и у рабочих «в хозяйствах крестьянского типа» совпадала. Однако в их облике, наряду с коренными социальными отличиями, уже к середине 20-х годов появились существенные производственно-технические отличия. На крупных социалистических предприятиях концентрировались наиболее квалифицированные кадры рабочих, способных использовать новую машинную технику, применять достижения научной агрономии, обладающих специальными знаниями и навыками в различных отраслях земледелия и животноводства. В общей массе сельскохозяйственных рабочих овладевшие той или иной производственной квалификацией занимали 10,2%, а вместе с полуквалифицированными — 15,9%.

Кроме того, на сельскохозяйственных предприятиях трудилось около 10 тыс. (примерно 12%) квалифицированных металлистов (кузнецов, слесарей, механиков и др.), деревообделочников (столяров, бондарей, бочаров и др.), строителей и пищевиков (в том числе рабочих мельниц)⁷⁷.

Возникновение в сельском хозяйстве крупного производства, использующего машинную технику, неизбежно вело к появлению в составе работников сельскохозяйственных предприятий рабочих индустриальных профессий. В середине 20-х годов к их числу относились главным образом металлисты и трактористы. Однако крупные социалистические предприятия в сельском хозяйстве тогда только еще возникали. Отряд формирующегося там нового и по социальному и по культурно-техническому облику рабочего класса был невелик. В массе своей сельскохозяй-

⁷⁷ Среди рабочих этих профессий на сельскохозяйственных предприятиях переписью были учтены и неквалифицированные. Однако их удельный вес был невелик: от 8 до 12% в составе деревообделочников, строителей и пищевиков, 0,4% в составе металлистов (Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. XXXIV, с. 120—123).

ственный рабочий того времени — неквалифицированный работник физического труда, занятый преимущественно в частно-собственническом секторе и подвергаемый капиталистической эксплуатации.

Материалы переписи 1926 г. выделили в особую группу населения служащих. В составе сельского населения их было 970,4 тыс. человек (1,3% самодеятельных). Кроме того, в сельской местности проживало 312 тыс. служащих по побочному занятию, основная масса которых составлялась частью из лиц, занимавших выборные должности в советах и кооперативных организациях, частью из лиц, исполнявших обязанности младшего и среднего технического, хозяйственного и обслуживающего персонала (например, десятники и мастера в бригадах или артелях сезонников-строителей, заведующие магазинами и складами, продавцы и кладовщики, весовщики и комиссионеры в торговле, дворники и сторожа, уборщицы и рассыльные в разных учреждениях и предприятиях)⁷⁸.

Основную массу самодеятельного сельского населения, отнесенного переписью 1926 г. к разряду служащих (58,8% служащих по главному занятию и 53,5% — по побочному) составляли хозяйственные, технические и торговые работники низшей и средней квалификации, конторские служащие и младший обслуживающий персонал. Их социальный облик во многом близок к социальному облику рабочих, частью даже совпадает, а культурно-технический уровень — также к рабочему классу, но у значительной части (продавцы, кладовщики, весовщики и т. д.) намного ниже, подчас не отличается от культурно-технического уровня основной массы крестьянского населения. В их трудовой деятельности преобладают исполнительские функции.

В хозяйственной, политической и культурной жизни качественно отличную роль выполняют специалисты и организаторы производства, работники культуры, просвещения и здравоохранения, работники государственного управления. Эти группы служащих объединяли представителей собственно интеллигенции. Они являлись основной культурной силой страны.

Производственная интеллигенция в составе сельского населения была представлена двумя категориями: «высший технический персонал», и «руководящий персонал». Их общая численность в то время была равна 43,2 тыс. человек, что составляло всего 4,4% служащих по главному занятию. Были среди них и служащие по побочному занятию — 23 тыс. человек (7,7% в своей группе), однако почти все они входили в разряд «руководящего персонала» (22,1 тыс.). Численное преобладание «руководящего персонала» над кадрами специалистов высокой ква-

---

⁷⁸ Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. XXXIV, с. 142—160. Отсюда же взяты приводимые ниже данные о профессиональном составе служащих.

лификации было характерной особенностью сельской производственной интеллигенции 20-х годов, свидетельствующей о культурно-технической отсталости доколхозной деревни.

Руководящий персонал был представлен управляющими сельскохозяйственными, промышленными и строительными предприятиями, заведующими «частями этих предприятий (отделениями, цехами и т. д.)», руководителями торгово-кредитных учреждений и их отдельных частей. Из проживавших в сельской местности 46 тыс. служащих этой категории (по главному и побочному занятию вместе) 35,6 тыс. работали вне сельского хозяйства. Руководители сельскохозяйственных предприятий (включая опытные), а также лесных и рыболовецких хозяйств и их отделений составляли вместе 10,4 тыс. человек (для 7,1 тыс. человек эта работа была главным занятием). Город в свою очередь предоставлял сельскому хозяйству часть руководящих кадров: 5,3 тыс. человек, возглавлявших чаще всего пригородные хозяйства промышленных предприятий, а также опытные хозяйства и поля научно-исследовательских учреждений.

Кадры специалистов высокой квалификации в деревне были крайне малочисленны. В сельской местности проживало всего 20 208 служащих этой категории, в том числе 8409 агрономов, 2825 землемеров и землеустроителей, 5180 лесничих и таксаторов, 254 инженера⁷⁹. Непосредственно же в сельском и лесном хозяйстве было занято тогда 5191 агроном, 519 землемеров и землеустроителей, 5180 лесничих и таксаторов, 36 инженеров и 602 специалиста других профессий⁸⁰. Вместе с ними работало небольшое число специалистов, проживавших в городах (3595 специалистов лесного дела, 2545 агрономов, 490 землемеров и землеустроителей, 136 инженеров и 515 проч.)⁸¹. Почти половина из перечисленных здесь специалистов была занята в лесном хозяйстве. В сельском хозяйстве насчитывалось не более 9—10 тыс. служащих высокой квалификации. Кадры же их непосредственных помощников — среднего технического персонала (техников, бригадиров и др.) в сельском хозяйстве были также не многочисленны (около 10 тыс. человек). Прямое воздействие производственной интеллигенции на развитие сельского хозяйства, в особенности на развитие мелкого крестьянского хозяйства, было тогда ничтожно малым.

⁷⁹ В этой группе служащих мы не выделяем побочно занятых, поскольку их было всего 884 человека.

⁸⁰ В сельских учреждениях работало 5180 специалистов, в том числе 3228 агрономов, 2306 землемеров, землеустроителей и топографов, 218 инженеров.

⁸¹ В городских учреждениях, прежде всего в земельных органах, начиная с уездных и окружных и кончая общесоюзными, было занято 6066 агрономов, а также 9703 землемера, землеустроителя и топографа (в это число не входят преподаватели вузов, профессора и академики).

Одна из главных задач интеллигенции состоит в обучении и воспитании подрастающего поколения. Поэтому учителю всегда принадлежит особенно большое место в составе интеллигенции. В советской деревне накануне коллективизации учитель был основным, а подчас и единственным представителем интеллигенции в крестьянской деревне. Перепись 1926 г. зарегистрировала в деревне 170,9 тыс. учителей по главному занятию и 10,3 тыс.— по побочному. Иначе говоря, свыше половины интеллигенции в составе сельского населения было представлено учителями. Кроме них в деревне проживало еще 19,6 тыс. работников культуры и просвещения (по главному и побочному занятию вместе), в том числе 2,7 тыс. работников библиотек и музеев, 0,9 тыс. работников искусства (музыканты, певцы, хористы, актеры, художники и др.), 263 человека преподавателей вузов, профессоров и академиков, 212 литераторов, редакторов и журналистов и т. д.

Крайне бедна была деревня медицинскими кадрами. На 120 млн. сельского населения в 1926 г. приходилось всего 6939 врачей (в том числе 553 зубных) и 1855 ветеринарных врачей. Средний медико-санитарный персонал (фельдшера, акушерки, фармацевты, медсестры) насчитывал 28,7 тыс. человек. Крестьянин обращался за медицинской помощью лишь в случаях серьезной необходимости, ибо чаще всего он должен был при этом отправляться в город. Неудивительно, что повитуха и коновал сохранились в деревне. Эти две профессии были главными или первыми побочными занятиями для 5,7 тыс. сельских жителей⁸². В действительности их было намного больше.

Наконец, последняя группа служащих — работники государственного управления. К этой группе в материалах переписи были отнесены прежде всего «руководители и заведующие учреждениями... управления и их частями» (от уездного или окружного и выше), «руководящий персонал» районных и волостных исполнительных комитетов и сельских Советов. В сельской местности проживало в 1926 г. 32,8 тыс. работников этой категории по главному занятию и 55,2 тыс.— по побочному занятию⁸³.

При характеристике состава руководящего персонала волостных и сельских Советов особенно важно отметить высокий удельный вес работников, исполнявших обязанности по государственному управлению в порядке побочного занятия. Руководящие работники волисполкомов по данным переписи состояли из 10,8 тыс. служащих по главному занятию и 6 тыс.— по побочному. В сельских же Советах служащий-профессионал занимал более скромное место. Из проживавших в деревне 80,2 тыс. человек руководящего персонала сельсоветов⁸⁴ служащими по

⁸² Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. XXXIV, с. 160.

⁸³ Там же, с. 153—154.

⁸⁴ 2,5 тыс. руководящих работников сельсоветов проживало в городах.

главному занятию были 20,4 тыс. Остальные 59,8 тыс. человек главным занятием имели либо крестьянское хозяйство, либо работу на промышленных предприятиях, на транспорте и т. д. Эти цифры довольно точно показывают участие «рабочих от станка» и «крестьян от сохи» в повседневном управлении деревенскими делами.

В целом среди самостоятельного сельского населения интеллигенция по материалам переписи 1926 г. насчитывала 318,3 тыс. человек по главному занятию. Их удельный вес среди профессиональных служащих был равен 32,8%, а в общей массе работающего деревенского люда — всего 0,4%. Кроме того, около 100 тыс. человек входило в различные группы работников умственного труда в порядке побочного занятия. Однако даже с учетом этой группы служащих место интеллигенции в деревне оставалось крайне малым (около 0,5% самостоятельного населения).

Интеллигентная прослойка в сельском населении была настолько тонка, что без непосредственной помощи со стороны города — без резкого увеличения масштабов подготовки квалифицированных кадров специалистов и организаторов, работников культуры и здравоохранения, без перемещения таких кадров на постоянную или временную работу из города в деревню — для проведения культурной революции в крестьянской среде, для социалистической перестройки сельского хозяйства потребовались бы многие десятилетия.

К интеллигенции принадлежала и небольшая часть «лиц свободных профессий»: частнопрактикующие инженеры и техники, врачи и фельдшера, учителя и адвокаты, музыканты и актеры, литераторы и художники. В массе своей они представляли собой последние «осколки» буржуазной интеллигенции (не только по мировоззрению, но и по реальному положению в обществе). Их число было ничтожно — всего 7818 человек по главному занятию и 7577 — по побочному⁸⁵. К началу реконструктивного периода, таким образом, практически вся интеллигенция как в городе, так и в деревне пошла на службу к Советскому государству и в подавляющем большинстве искренне сотрудничала с ним в решении больших хозяйственно-культурных задач.

«Осколками» дореволюционного прошлого были и другие категории «лиц свободных профессий», прежде всего священно- и церковнослужители. В сельской местности проживало и, разумеется, действовало 60,9 тыс. служителей религиозных культов (в том числе православного — 51,6 тыс.) по главному занятию и 27 тыс. (в том числе православного — 16,4 тыс.) по побочному занятию. После отделения церкви от государства и школы от церкви отправление религиозных культов стало «свободной профессией», а их служители составили основную массу «лиц сво-

---

⁸⁵ Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. XXXIV, с. 160—161.

бодных профессий» (82,2% по главному и 68,3% по побочному занятиям). Остальная часть этой категории сельского населения была представлена повитухами, коновалами и т. п.⁸⁶

* * *

Представление о сельском населении 20-х годов будет неполным и неточным, если ничего не сказать о колхозном крестьянстве — новом социальном слое, представлявшем социалистическое будущее деревни. К сожалению, демографическая характеристика этой категории населения затрудняется состоянием источников. Земельные и кооперативные органы, осуществлявшие основной учет колхозов, мало интересовались демографическими проблемами. Статистика же первоначально не выделяла колхозников из общей массы крестьянства. Только после XV съезда ВКП(б) статистические органы провели сплошные обследования колхозов, которые дали некоторые общие сведения и об их населении.

На 1 июня 1928 г. в обследованных колхозах (свыше 98% их общей численности) имелось 411,8 тыс. дворов (семей и одиночек) и 1968,3 тыс. человек населения, в том числе 972,3 тыс. мужчин и 996 тыс. женщин. Дворы одиночек были относительно немногочисленными (23,4 тыс., т. е. 5,7%), поскольку, как отмечалось выше, для них был характерным переход к неземледельческим и тем самым «неколхозным» занятиям. К тому же при обследовании колхозов одиночками считались «неимеющие семьи», а не в одиночку работавшие. Самодельными, т. е. работниками были признаны 1031,2 тыс. человек (52,4%). Пониженный (по сравнению с общедеревенским) уровень самодельности населения в колхозах был результатом не только молодого состава колхозных семей, но и большей производительности труда, лучших условий для обучения подрастающего поколения и т. д. Наконец, несомненная связь колхозного населения с трудом почти исключительно в сельском хозяйстве. В 1928 г. практически все колхозники были заняты на месте. (Отсутствовало всего 1,8%, в том числе 0,8% ушедших на промыслы⁸⁷.)

На 1 июня 1929 г. в обследованных колхозах (свыше 85% к их общей массе) числилось 824,8 тыс. дворов (семей и одиночек) и 3795,9 тыс. человек населения, в том числе 1837,4 тыс. мужчин и 1958,5 тыс. женщин. Самодельными были признаны 1919,1 тыс. человек (50,6%)⁸⁸.

На основании приведенных данных можно исчислить удельный вес колхозного крестьянства в общей массе сельского насе-

⁸⁶ Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. XXXIV, с. 160—161.

⁸⁷ ЦУНХУ СССР. Колхозы в 1928 г. М.—Л., 1932, с. 4—5.

⁸⁸ Госплан СССР и РСФСР. Колхозы в 1929 году. Итоги сплошного обследования колхозов. М., 1931, с. 1, 4.

ления. Их экстраполяция дает на 1 июня 1928 г. цифру — 1985,8 тыс. колхозников, что составляло 1,6% сельского населения в целом. На 1 июня 1929 г. во всех колхозах насчитывалось 4.499,3 тыс. человек, т. е. 3,5% населения деревни. Аналогичные показатели на 1 июня 1927 г. будут иметь следующие значения: на 194,7 тыс. дворов (семей и одиночек) примерно 915 тыс. человек населения, т. е. 0,7%. Несколько меньший удельный вес колхозов по численности населения по сравнению с удельным весом по численности дворов (на 1 июня 1927 г. — 0,8%, на 1 июня 1928 г. — 1,7%, на 1 июня 1929 г. — 3,9%⁸⁹) был связан с характерной малочисленностью бедняцких семей.

Содержательность отдельных статистических показателей намного повышается при рассмотрении их в связи с анализом сколько-нибудь систематического массива данных. Сопоставление приведенных выше свидетельств о населении колхозов с той общей картиной, которая рисуется по данным общенародной переписи 1926 г., позволяет сформулировать весьма важное наблюдение: по соотношению мужчин и женщин, самостоятельных и несамостоятельных, занятых сельскохозяйственным и несельскохозяйственным трудом колхозники конца 20-х годов представляли собой непосредственную часть крестьянских масс, ее бедняцких слоев. Колхозное движение росло почти исключительно из крестьянской среды, что само по себе является надежным свидетельством его жизненности и силы.

Социальная характеристика сельского населения по материалам переписи 1926 г. позволяет выяснить ряд важных моментов, недоступных для изучения по данным других источников. Социально-профессиональная структура населения и его распределение между социально-экономическими укладами и отраслями народного хозяйства раскрывает существеннейшие черты развития классов в деревне, их роли в хозяйственном развитии, силы и влияния на политическую жизнь страны.

Материалы переписи свидетельствуют об абсолютном преобладании мелкого семейного производства в деревне. Полностью сложившиеся и обособившиеся социальные группы — рабочие, интеллигенция, капиталисты — занимали сравнительно небольшое место в сельском населении. Характерно также наличие последовательного ряда промежуточных слоев и групп, соединявших мелкого товаропроизводителя с пролетариатом, с одной стороны, и кулаком — с другой. Это, в частности, создавало серьезные трудности в размежевании классовых сил деревни, потребовало от Коммунистической партии большой политической и организационной работы в крестьянских массах.

---

⁸⁹ Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами, с. 22—23.

Материалы переписи населения 1926 г. целиком и полностью подтверждают сформулированный в документах Коммунистической партии вывод о своеобразии процесса дифференциации крестьянства в условиях диктатуры пролетариата, прежде всего о сохранении и укреплении позиций середняка как «центральной фигуры земледелия».

Особенную ценность имеют сведения переписи об «укладной» принадлежности различных классовых и социально-профессиональных групп сельского населения. Они обнаруживают усложнение социальной структуры деревни, связанное с многоукладностью ее экономики. С большой степенью точности устанавливается распределение населения по основным социально-экономическим укладам — мелкотоварному, капиталистическому и социалистическому. В социально-профессиональном отношении работники социалистического уклада не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве оказались наиболее развитой группой занятого сельского населения: они уже могли выполнять и выполняли в действительности роль передовой, ведущей социальной силы.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ

Земля — естественное условие и основное средство сельскохозяйственного производства. Ее распределение и использование относятся к важнейшим условиям крестьянской жизни. Борьба крестьянства за землю, за ликвидацию помещичьего землевладения служила стержнем всей аграрной истории пореформенной России. Решение земельного вопроса, осуществление аграрной революции вошло в состав главнейших задач Великого Октября. Коренная перестройка форм землевладения и землепользования, всей системы поземельных отношений на основе национализации земли стала одной из главнейших предпосылок, определявших направление и пути социально-экономического развития деревни в 1917—1929 гг. Помещичье и крупнокапиталистическое землевладение было ликвидировано, земля передана в пользование трудящихся крестьян бесплатно и навсегда. Тем самым Советская власть обеспечила прочную поддержку революционному пролетариату со стороны многомиллионного крестьянства, создала мощную основу для упрочения союза рабочего класса и трудящегося крестьянства — главной социальной силы строительства социализма.

Собственность социалистического государства на землю и передача основной части сельскохозяйственных земель в пользование трудящихся крестьян — мелких собственников — представляют собой исходные начала земельного строя в деревне 20-х годов. Диалектическое единство этих начал, их соотношение и взаимодействие, укрепление национализации земли и усиление ее роли определяли реальные формы, направление и ход развития земельных отношений крестьянства. Историографический опыт предупреждает против пренебрежения любым из них, требует учета их взаимосвязи при анализе всех элементов системы крестьянского землепользования. Весьма наглядно это можно показать на работах экономиста-аграрника 20-х годов Л. Н. Крицмана. Безвозмездность и бессрочность крестьянского землепользования послужили основанием для сделанного им вывода о том, что «по отношению к подавляющей части (порядка 97—98%) всей используемой для сельскохозяйственных целей площади земли государственная собственность на землю не существует у нас ни в ее специфически социалистической, ни в ее специфически капиталистической трактовке». Дело в том,

что для Крицмана «специфически социалистической» национализация земли становилась лишь тогда, когда «представляет собой один из обобщительных элементов обобщественного хозяйства», как, например, «в наших совхозах и других государственных предприятиях». Специфическим признаком капиталистической национализации земли является «присвоение земельной ренты государством»¹. Ее практически не было (исключение — иностранные концессии, сдача в аренду госземимущества и т. п.), поскольку единый сельскохозяйственный налог был подходным, а не рентным обложением. Национализация земли в СССР была осуществлена, как утверждал Крицман, по преимуществу в «специфически крестьянской трактовке», отрицающей частную собственность на землю, во-первых, и стремящейся увековечить мелкое хозяйство, во-вторых. При этом указывалось на истолкование крестьянами бессрочности землепользования как его неприкосновенности, а безвозмездности — как отрицания самой возможности материальных обязательств, связанных с получением земли от государства².

Крестьянская трактовка национализации земли в СССР во все не основание для отрицания ее пролетарского, социалистического характера. Л. Н. Крицман отождествил право собственности с хозяйственным использованием объекта права и поэтому пришел к выводу о фактическом отсутствии государственной собственности на земли, переданные крестьянам. Право собственности, по Крицману, является действительным лишь при непосредственном использовании объекта права собственности, лишь при возмездной передаче объекта права для использования в чужом хозяйстве. С этой точки зрения земли, переданные Советским государством в вечное и бесплатное пользование колхозам, также фактически не являются национализированными. Недаром колхозы не назывались Крицманом среди предприятий, где земля национализирована в «специфически социалистической трактовке».

Вопрос о соотношении национализации земли и единоличного пользования ею крестьянами был центральным в дискуссии о характере уравнительного землепользования в Советской России, состоявшейся в конце 50-х — начале 60-х годов³. Дискуссия

¹ Крицман Л. Н. Новый этап (к проектам «Общих начал землепользования и землеустройства»). — В кн.: Пролетарская революция и деревня. М.—Л., 1929, с. 47—48.

² Там же, с. 59, 66.

³ Луцкий Е. А. О сущности уравнительного землепользования в Советской России. — «Вопросы истории», 1956, № 9, с. 59—71; Шаранов Г. В. К вопросу о сущности уравнительного землепользования в Советской России. — «Вопросы истории», 1957, № 3, с. 113—119; Данилов В. П. Изучение истории советского крестьянства. — В кн.: Советская историческая наука от XX к XXIV съезду КПСС. История СССР. Сборник статей. М., 1962, с. 458—460; Очерки по историографии советского общества. М., 1965, с. 120—121; и др.

велась на материалах эпохи революции, однако ее результаты имели принципиальное значение для изучения земельного строя советской доколхозной деревни в целом — от Октябрьской революции до сплошной коллективизации. Открывший дискуссию Е. А. Лудкий считал, что уравнительное землепользование явилось ступенью, «шагом к социализму», «одной из мер, подготовлявших переход к коллективному, социалистическому хозяйству», так как оно «обеспечило землей трудящееся крестьянство, особенно деревенскую бедноту, привело к осереднячению деревни, расширило сферу мелкотоварного хозяйства, которое в условиях диктатуры пролетариата могло переходить к социализму через добровольное объединение в коллективные хозяйства», препятствовало «разорению деревенской бедноты» и, наконец, «служило одним из средств ограничения и вытеснения кулачества»⁴.

Уравнительный передел земли играл действительно революционную роль в годы первых аграрных преобразований Советской власти и привел к осереднячиванию крестьянства. Однако такую роль он смог сыграть лишь в условиях национализации земли, ликвидации помещичьего землевладения и борьбы с кулачеством. Что же касается последующего времени, то именно национализация земли и целая система мер, осуществлявшихся Советским государством (кооперирование, кредитование, снабжение средствами производства, налоговая политика и т. п.), обеспечили развитие процесса осереднячивания деревни, спасали бедноту от разорения, вытесняли кулачество. Без этих мер уравнительное землепользование имело бы чисто формальный характер.

Действительными переходными ступенями на пути от единоличного хозяйства к коллективному были такие организационно-хозяйственные формы объединения крестьян, которые вносили в их производственные отношения принципиально новые элементы, непосредственно подводили их к социализму (первичные виды кооперации, контрактация и т. д.), или в более широком смысле такие социально-экономические преобразования, реформы, меры, которые обеспечивали прохождение деревни через объективно неизбежную стадию развития (как, например, аграрные реформы 20-х годов в республиках Советского Востока).

В. И. Ленин писал, что «при согласии левых эсеров (а равно стоящих на их стороне крестьян) на рабочий контроль, на национализацию банков и т. д., уравнительное землепользование было бы лишь одной из *переходных* мер к полному социализму. Такие переходные меры пролетариату нелепо было бы *навязывать*; он обязан, в интересах победы социализма, *уступить* мелким трудящимся и эксплуатируемым крестьянам в выборе этих переходных мер, ибо *вреда* делу социализма они не принесли бы»⁵.

⁴ «Вопросы истории», 1956, № 9, с. 62.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 103.

Здесь Ленин говорил об уравнительном землепользовании как переходной мере к социализму, поскольку оно обеспечивает союз с трудящимся крестьянством, т. е. главное политическое условие построения социализма. Это такая «переходная мера», которая является *уступкой* крестьянам, не приносит *вреда* социализму. При постановке вопроса о принятии этой меры на голосование «большевики обязаны были бы *воздержаться...*»⁶.

Уравнительное землепользование было преобладающим в деревне на протяжении всего времени между Великой Октябрьской революцией и сплошной коллективизацией. Оно отвечало настроениям и устремлениям крестьянских масс, пока они искали возможности подъема мелкого единоличного хозяйства. И в этом смысле его можно назвать переходной ступенью, стадией развития советского крестьянства. Однако оно не было мерой, подготовлявшей переход к коллективному, социалистическому хозяйству. Система этих мер, как показал исторический опыт, в общем и целом едина и для стран с уравнительным землепользованием, и для стран, где его не было.

Проблема соотношения и взаимосвязи национализации земли и ее фактического использования при единоличном крестьянском хозяйствовании привлекла внимание также современной экономической науки. Естественно, что во главу угла ставится исследование форм и меры экономической реализации земельной собственности. Предложены весьма различные решения этой проблемы. В. Н. Яковцевский считал, что развитие всей системы аграрных отношений в 20-х годах представляло собой «экономическую реализацию общенародной земельной собственности», что конечным результатом ее было изъятие и перераспределение Советским государством земельной ренты, производимой в крестьянских хозяйствах, через цены на сельскохозяйственные и промышленные продукты, налоговое обложение и экономическую помощь деревне⁷. Этот взгляд опирался на чрезвычайно расширительное толкование категории «земельная рента», которая, как писал автор, «выступает здесь (в крестьянском хозяйстве.— В. Д.) в форме дополнительного дохода более крупного хозяйства и хозяйства, расположенного на лучшей по плодородию почве». Разъяснялось, что «материальной основой ренты при общественной собственности на землю является распределение земли среди крестьян (размеры землепользования) и разное плодородие почв в отдельных зонах страны»⁸.

Различия в плодородии почв (как и в местоположении по отношению к рынкам) действительно приводили к тому, что хозяйства, находившиеся в более благоприятных условиях полу-

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 103.

⁷ Яковцевский В. Н. Аграрные отношения в СССР в период строительства социализма. М., 1964, с. 107—262.

⁸ Там же, с. 134.

чали дополнительный доход, который при капиталистической организации производства становился частью прибавочной стоимости, превышающей нормальную прибыль и являющейся дифференциальной земельной рентой. Ее-то и может изымать землевладелец в силу его собственности на землю⁹. Однако прибавочную стоимость вообще (не говоря уже о превышении нормальной прибыли) получала очень незначительная часть зажиточных середняков и кулаки. В основной массе крестьянских хозяйств данный вид дополнительного дохода в земельную ренту не превращался. В. И. Ленин применительно к дореволюционному времени, когда имела место и крестьянская частная собственность на землю, указывал, что «крестьяне в большинстве случаев никакой ренты с земли не получают»¹⁰. Тем более это верно по отношению к крестьянскому хозяйству в условиях после 1917 г., когда капиталистические формы сельскохозяйственного производства оказались решительно подорваны.

Мерой дополнительного дохода более крупного хозяйства оказалось все превышение над доходом мелкого, т. е., грубо говоря, весь прибавочный продукт зажиточно-кулацкого хозяйства при сравнении с средняцким и значительная часть необходимого продукта при сравнении с бедняцким. И хотя автор утверждает, что имеет в виду «избыток продукта в одних хозяйствах по сравнению с другими при равных затратах труда и средств», на деле сравниваемые им бедняцкие, средняцкие и кулацкие хозяйства в большой мере различаются именно затратами труда и средств.

Наконец, утверждение о реализации государственной собственности на землю в форме изъятия ренты противоречит общезвестному факту бесплатности крестьянского землепользования после Великой Октябрьской социалистической революции. Законодательство предусматривало возможность изъятия земельной ренты на общественные нужды¹¹, однако до сих пор Советское государство по отношению к крестьянским (ныне колхозным) землям этой возможностью не воспользовалось.

Интересна в теоретическом отношении работа В. П. Шкредова, в которой исследуется экономическое содержание земельной собственности как формы объективных производственных отношений и показывается практическая невозможность в условиях 20-х годов получения ренты с крестьянских земель. (В городах, как напоминает автор, осуществлялось рентное обложение земель и по существу, и по форме). «Национализация земли в нашей стране,— пишет В. П. Шкредов,— как раз и совпала с та-

⁹ См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 163—305, 367—379.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 256.

¹¹ Право государства на изъятие земельной ренты было зафиксировано, например, известной 17-й статьей «Основного закона о социализации земли», принятого 27 января 1918 г.

ким положением в сельском хозяйстве, с таким состоянием сельскохозяйственного производства, при котором не было необходимых *экономических* условий для присвоения государством земельной ренты»¹². Цены и налоги не могли, конечно, не затрагивать ту часть дохода, которая по своей природе была земельной рентой, но последняя не улавливалась ими специально. Государственные налоги были построены по принципам классового, а не рентного обложения, цена же «как форма меньше всего пригодна для присвоения дифференциальной земельной ренты»¹³.

К сожалению, при анализе системы земельных отношений в сельском хозяйстве 20-х годов В. П. Шкредовым упускается из вида развитие функции управления единым земельным фондом со стороны Советского государства как собственника земли, с чем связана недооценка государственного воздействия на развитие крестьянского землепользования (не только через право, о чем пишет, хотя и очень неполно автор, но и через землеустройство, кредит, снабжение средствами производства и т. п.) и преувеличение возможностей капиталистического развития в условиях советской национализации земли¹⁴.

Значительно продвинулось вперед изучение конкретно-исторических форм землепользования и земельных отношений крестьянства 20-х годов. В работах С. П. Трапезникова, Ю. А. Полякова и ряда других авторов получили обстоятельную характеристику основные направления земельной политики Коммунистической партии и Советского государства, показываются различные формы крестьянского землепользования и их роль в социально-экономическом развитии деревни, масштабы и характер земельной аренды в условиях национализации земли¹⁵. Однако специальные исследования не выросли еще за рамки статей: характерный признак начального этапа изучения проблемы.

Значительным является вклад юридической литературы в изучение земельной политики Советской власти. Здесь наряду с обширными курсами земельного права, разработанными еще

¹² Шкредов В. П. Социалистическая земельная собственность. М., 1967, с. 72.

¹³ Там же, с. 74—75.

¹⁴ Там же, с. 43—45, 49, 50 и др.

¹⁵ Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос, изд. 2-е, доп. М., 1974; т. 1, с. 478—486; т. 2, с. 75—85; Поляков Ю. А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967, с. 342—346, 354—365, 390—391; Осолов Е. Н. Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1973, с. 49—57, 78—81; Гуцин Н. Я. Сибирская деревня на пути к социализму. Новосибирск, 1973, с. 77—93, 138—143; Данилов В. П. Земельные отношения в советской доколхозной деревне. — «История СССР», 1958, № 3, с. 90—128; Муравьев В. Е. Земельные отношения в уральской деревне накануне коллективизации. — «Ученые записки Пермского государственного университета», 1966, № 158, с. 330—335; Боженко Л. И. Землепользование и землеустройство в крестьянских хозяйствах Сибири (1920—1927 гг.). — «Труды Томского государственного университета». Серия историческая, т. 206, вып. 5, 1970, с. 25—44; и др. (см. также сноски 66, 118, 133 и 134 в настоящей главе).

в 20-х годах (наиболее крупным из них является курс Д. С. Розенблюма¹⁶), имеются интересные очерки его общей истории¹⁷, появились первые монографические исследования отдельных проблем¹⁸. Правоведам историки советской деревни обязаны и ценнейшими публикациями земельного законодательства и связанного с ним нормативного материала центральных и местных ведомств — постановлений, инструкций, разъяснений и определений¹⁹.

Богатство и доступность правовых источников в значительной мере облегчают изучение не только государственной земельной политики, но и самой системы земельных отношений. Советское право 20-х годов с чрезвычайной конкретностью определяло условия и нормы функционирования и развития крестьянского хозяйства, быстро и эффективно решало вопросы повседневной деревенской жизни, используя и прямо вбирая в себя все лучшее из обычного гражданского, трудового и земельного права. Без использования нормативного материала невозможно исследовать не только содержание и развитие советской аграрной политики, но и реальные социально-экономические отношения

---

¹⁶ *Розенблюм Д. С.* Земельное право, изд. 3-е. М.—Л., 1929.

¹⁷ *Дембл Л. И.* История советского земельного права. — «Ученые записки ЛГУ». Серия юридических наук, вып. 2. Л., 1949; *Королев А. Н.* Земельное право. — В кн.: 40 лет советского права, т. I. Л., 1957. Нужно отметить также значительные исторические экскурсы в трудах по современному земельному праву: *Аксенов Г. А.* Земельные правоотношения в СССР. М., 1958; *Казанцев Н. Д.* Законодательные основы земельного строя в СССР. М., 1971; и др.

¹⁸ *Колотинская Е. Н.* Правовые основы советского земельного кадастра, ч. I. М., 1974.

¹⁹ Среди многочисленных сборников материалов земельного права, опубликованных на протяжении 20-х годов, наиболее полным и интересным является вышедшее в свет в 1927 и 1928 гг. фундаментальное издание «Земельный кодекс РСФСР. Со всеми дополнительными узаконениями, инструкциями и разъяснениями ведомств, определениями Особой коллегии высшего контроля по земельным спорам и Верховного суда, изменениями и дополнениями для автономных республик и областей и прочими официальными материалами, опубликованными по 15 марта 1928 года» (изд. 2-е, испр. и доп. Составитель Е. Рудин. Л., 1928. Далее — ЗК РСФСР, 1928). Указание в заголовке «со всеми...» не следует понимать буквально: речь идет о тех дополнениях, инструкциях, разъяснениях и определениях, которые касались существа соответствующих норм кодекса, а не случаев применения последних. Поэтому пользование материалами сборника не избавляет от необходимости обращения к другим источникам.

Вторым фундаментальным изданием материалов советского земельного права является «Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. 1917—1954 гг.» (М., 1954. Далее — СДЗЗ). Это издание включает в себя только законодательные акты, но охватывает более продолжительное время и все направления государственного регулирования земельных отношений (а не только связанные с Земельным кодексом РСФСР). Большая часть содержания сборника посвящена периоду от Октября до перехода к коллективизации. В сборнике, при всей его обширности, имеются пробелы. Обращение к Собранию законов СССР и Собранию узаконений РСФСР остается необходимым.

в деревне, в особенности же отношения по поводу пользования землей, являвшейся собственностью государства. Однако это не исключает возможности возникновения юридической иллюзии — принятия правовой нормы за реальность сельской жизни или, говоря шире, принятия свидетельства о том, как должно было быть, за свидетельство о том, как было на самом деле²⁰.

Наличие достоверных статистических сведений, материалов обследований деревни партийными и советскими организациями, документов земельных учреждений и, наконец, свидетельств, непосредственно исходящих от крестьян и их объединений, позволяет с достаточной надежностью и полнотой раскрыть систему крестьянского пользования национализированной землей на протяжении 20-х годов.

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЗЕМЛИ И КРЕСТЬЯНСТВО

Национализация земли явилась первым шагом к утверждению социалистического способа производства в деревне. На ее основе, как указывал В. И. Ленин, в Советской стране был «создан земельный строй, *наиболее гибкий* в смысле перехода к социализму»²¹. Установление государственной собственности на землю означало, что право неограниченного и безраздельного распоряжения землей принадлежит Советскому государству, которое получило возможность регулирования земельных отношений в интересах социалистического строительства. Земельная политика Советского государства могла действительно способствовать возникновению, росту и укреплению социалистических форм хозяйства в деревне и в то же время ставить преграды развитию кулацкого производства. «Национализация земли,— писал Ленин,— дала наибольшие возможности пролетарскому государству переходить к социализму в земледелии»²².

Ликвидация частной собственности на землю и обращение ее в общенародное достояние не позволили развиваться рабской привязанности к своему клочку земли, облегчили переход крестьянина от мелкого индивидуального к крупному общественному хозяйству. Обобществление собственности на землю, таким образом, подготавливало обобществление использования земли, обоб-

²⁰ По вопросам земельного учета и составления кадастра сельскохозяйственных земель, например, как показывает книга Е. Н. Колотинской, за 20-е годы был накоплен очень большой правовой материал. Тем не менее на практике организация сколько-нибудь систематического и эффективного учета и регистрации землепользований, не говоря уже о составлении земельного кадастра, оказалась тогда делом невозможным (Снегирев М. А. Производственное изучение землефондов. М., 1933, с. 47—50; Колотинская Е. Н. Указ. соч., с. 138—142, 302—304, 325).

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 326.

²² Там же, с. 327.

ществование самого процесса сельскохозяйственного производства.

Однако национализация земли сама по себе не привела еще к победе крупного социалистического производства в деревне. Хотя социалистические формы хозяйства — совхозы и колхозы — стали возникать сразу же после победы Советской власти, основная масса крестьянства не была еще готова к переходу на путь социализма. На протяжении веков крестьяне вели борьбу за помещичью землю. Теперь они получили ее из рук Советской власти и стремились использовать в интересах укрепления и подъема своего мелкобуржуазного хозяйства. Большая часть земель, конфискованных у помещиков и крупных предпринимателей, царской фамилии и монастырей, была подвергнута уравнительному перераспределению среди мелких крестьян-единоличников.

Социалистический этап аграрной революции, начатый летом 1918 г., не был завершен утверждением социалистического способа производства в масштабе сельского хозяйства в целом. История принятия и осуществления «Положения о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» от 14 февраля 1919 г. показала, что крестьянство в массе своей было еще не готово к организации социалистических форм хозяйства²³. Лишь десять лет спустя Советская власть смогла практически приступить к массовой организации колхозов.

Октябрьская революция в деревне не остановилась на ликвидации помещичьего и крупнокапиталистического землевладения. Уравнительному перераспределению подверглись не только бывшие помещичьи земли, но в большей или меньшей степени и земли крестьян. Следствием этого была нивелировка крестьянского землепользования, осереднячение деревни. Батрацкая, бедняцкая и кулацкая группы крестьянства не исчезли, но удельный вес их резко уменьшился. Центральной фигурой в земледелии стал середняк. «Крестьянство,— говорил В. И. Ленин,— стало гораздо более средним, чем прежде, противоречия сгладились, земля разделена в пользование гораздо более уравнительное, кулак подрезан и в значительной части экспроприирован — в России больше, чем на Украине, в Сибири меньше. Но в общем и целом... деревня нивелировалась, выравнилась, т. е. резкое выделение в сторону кулака и в сторону беспосевщика сгладилось. Все стало ровнее, крестьянство стало в общем в положении середняка»²⁴.

²³ Чмыга А. Ф. В. И. Ленин и творчество народных масс в колхозном строительстве. — В сб.: Из истории революционной деятельности В. И. Ленина. М., 1960, с. 413—417; Селунская В. М. Преодоление Коммунистической партией левацких ошибок в строительстве первых колхозов и совхозов. — «Вестник Московского университета», 1965, № 6, и др.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 59—60.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что национализация земли при уравнительном переделе ее не могла закрыть пути для нового роста капитализма в деревне, поскольку все остальные средства сельскохозяйственного производства оставались в частной собственности отдельных крестьян. Уравнительное землепользование, указывал В. И. Ленин, есть «идеализирование капитализма с точки зрения мелкого производителя»²⁵. Партия большевиков всегда указывала на утопизм крестьянских надежд найти в нем выход из нищеты и нужды, но она понимала, что народные массы должны сами, на своем опыте изжить ошибочные представления.

* * *

Масштабы и характер сельскохозяйственного использования земель обуславливаются многими объективными обстоятельствами. Размеры и состав земельных богатств страны определяют лишь естественные пределы возможностей развития сельского хозяйства. Степень реализации этих возможностей, иначе говоря, степень сельскохозяйственного освоения земель, зависит от общественных условий — численности населения страны, в особенности сельского, уровня развития производительных сил и форм социальной организации. Как известно, территория первого в истории социалистического государства составляет шестую часть земной поверхности — около 2115—2170 млн. га (в границах до 17 сентября 1939 г.). Из них в середине 20-х годов удобными землями признавались 867,5 млн. га (примерно 40%), неудобными (болота и пр.) — 122,9 млн. га (6%). Остальные 1200 млн. га (54%) оказались перераспределенными на удобную и неудобную и в значительной мере представляли собой необжитые и невовлеченные в хозяйственный оборот земли. В составе удобных земель преобладали массивы, занятые лесом (551,9 млн. га). На долю пашни (включая перелог и залежи), а также усадебных и приусадебных участков (включая огороды, сады и виноградники) приходилось 177,2 млн. га (примерно 8% к территории страны), на долю естественных лугов — 35,7 млн. га, на долю выгонов и других удобных, но не обрабатываемых угодий — 102,7 млн. га²⁶. Приведенные здесь сведения очень неполны. Чтобы составить примерную картину распределения земель по характеру сельскохозяйственного использования нужно учесть еще наличие огромных пастбищ, без которых было бы невоз-

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 322.

²⁶ ЦСУ СССР. Мировое хозяйство. Сборник статистических материалов за 1913—1922 гг. М., 1928, с. 116—117. Данные источников о составе земель и их площадях в 20-х годах весьма разнятся в зависимости от полноты учета территории страны, особенно окраинных районов, от включения или не включения в подсчет внутренних водных пространств, от различий в распределении угодий на используемые и неиспользуемые и т. п.

можным существование кочевого скотоводства в Казахстане, Киргизии, Туркмении и ряде других районов страны. По данным на конец 1934 г. выгоны и пастбища вместе занимали 344,1 млн. га (16,3% к территории страны)²⁷ — почти в 3,5 раза больше по сравнению с данными, приведенными выше. Правда, в 1934 г. учитывалась вся имеющаяся в стране площадь земельных угодий, а не используемая часть их. Применительно к пастбищам кочевого скотоводства выделение последней может быть лишь очень условным, тем не менее представляется возможным считать используемыми от $\frac{1}{2}$ до $\frac{2}{3}$ общей площади выгонов и пастбищ.

С учетом сказанного площадь земель, используемых в сельском хозяйстве (земледельческом и скотоводческом), для середины 20-х годов будет составлять примерно 400 млн. га (возможно, что и больше), из которых непосредственно обрабатывалось около 200 млн. га. Таков был реальный земельный фонд, на котором разворачивался тогда производственный процесс в сельском хозяйстве и связанная с ним система социальных связей и отношений.

Более точными и дифференцированными по социальным категориям использования являются сведения о землях Российской Федерации, точнее — о землях, состоявших в ведении Наркомзема РСФСР (без автономных республик). Речь идет о величине в 1168,6 млн. га — больше, чем о половине территории Союза ССР. Этот огромный земельный фонд на 1 января 1927 г. включал 233 млн. га (19,9%) земель крестьянского пользования, 15,9 млн. га (1,4%) государственных земельных имуществ, 1,5 млн. га (0,1%) городских земель, 1,5 млн. га (0,1%) земель «специального назначения» (под промышленными предприятиями, горными разработками и проч.), 550,1 млн. га (47,1%) лесного фонда и 366,6 млн. га (31,4%) земель, «необжитых и невовлеченных в хозяйственный оборот»²⁸. Из перечисленных здесь категорий только крестьянские земли и государственные земельные имущества могут быть целиком отнесены к освоенным сельскохозяйственным землям, общая площадь которых определялась Наркомземом в 251,8 млн. га²⁹.

Как производственное, так и социальное распределение земельного фонда не было и не могло быть жестко определенным. Напротив, и то и другое оказалось достаточно подвижным. Прежде всего, перераспределение земли после Октябрьской революции не было единовременным актом ни для всей территории огромной страны, ни для отдельных районов. Во многих

²⁷ ЦУНХУ Госплана СССР. СССР — страна социализма. Статистический сборник. М., 1936, с. 43.

²⁸ ЦСУ СССР. Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. 1917—1927. М., 1927, с. 120—123.

²⁹ НКЗ РСФСР. Материалы по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства (1928/29—1932/33 гг.), ч. 5. М., 1929, с. 29.

местах оно требовало значительных землеустроительных работ, к осуществлению которых Советская власть смогла приступить лишь после гражданской войны. Так было в бывших казачьих областях, где сословные различия в земельных отношениях разделяли трудящиеся слои сельского населения. Так было в тех районах страны, где решение земельного вопроса оказалось связанным с национальным размежеванием и изменениями в расселении, включая перенос отдельных селений и хуторов. В отсталых республиках Востока изъятие земли из фактического распоряжения местных феодалов потребовало проведения земельно-водных реформ 1925—1928 гг., а в некоторых местах оно сохранилось до сплошной коллективизации. Но и там, где аграрная революция совершилась как непосредственная часть Великой Октябрьской революции, где, следовательно, конфискованные земли (помещичьи и т. п.) были уже распределены, передача в пользование крестьянства дополнительных массивов земли продолжалась.

В организации и регулировании системы пользования сельскохозяйственными землями с момента перехода к нэпу особое значение приобрела задача удовлетворения потребностей крестьянского хозяйства, определявшего тогда возможности подъема сельскохозяйственного производства в целом. Показательно, что государственные земельные имущества образовывались из тех земель сельскохозяйственного значения, «которые,— как гласил закон,— остаются в едином государственном земельном фонде после предоставления из него земель в непосредственное пользование трудовых землепользователей и их объединений, а также городов и поселений городского типа»³⁰. Государственными земельными имуществами были совхозы, «доходные (оброчные) статьи» и государственный земельный запас, предназначенный для удовлетворения новых потребностей. По данным на 1 января 1925 г., из 15487,8 тыс. га государственных земельных имуществ было 2593,3 тыс. га совхозных земель, 1517,8 тыс. га «доходных статей» (включая сады и огороды), 558,5 тыс. га лугового фонда (из которого $\frac{4}{5}$ использовалось на удовлетворение государственных нужд, прежде всего армейских, а $\frac{1}{5}$ служила обычной «доходной статьей») и 10805,1 тыс. га запаса³¹. Постоянно велась работа по выявлению и включению в государственные земельные имущества новых территорий, пригодных для сельского хозяйства. Значительные участки земель такого рода имелись в лесном фонде и в необжитых местностях; они рассматривались в качестве основного резерва государственных земельных имуществ.

³⁰ СДЗЗ, с. 170—171. В списки государственных земельных имуществ заносились лишь такие земли, которые могли быть включены в сельскохозяйственное производство без больших затрат на освоение.

³¹ Государственные земельные имущества и их использование. М., 1928, с. 14.

С введением нэпа крестьянские хозяйства очень быстро восстановили площадь обрабатываемых земель и обнаружили стремление к их дальнейшему расширению. Уже весной 1923 г., как отмечалось в документах Наркомзема РСФСР, «поступающие с мест сведения» показывают, что «начинают возникать дела» о предоставлении участков государственных земельных имуществ в пользование крестьян. Причем Наркомзем с полным основанием ожидал, что «с течением времени число подобных дел будет все возрастать»³². 19 мая 1923 г. Наркомзем разослал специальный циркуляр, обязавший местные организации содействовать удовлетворению крестьянских нужд в дополнительном наделении землей и облегчающий процедуру передачи государственных земельных имуществ в трудовое пользование. При этом разъяснялось, что «в трудовое землепользование... могут быть обращены все земли, входящие в состав государственных земельных имуществ, за исключением занятых садово-огородными и виноградными культурами или предназначенных для промышленных целей (свекловичные плантации и т. д.)»³³.

Первоначально передача крестьянству земель из государственного фонда проходила в относительно небольших масштабах. Основная часть государственных земельных имуществ, а тем более запасных земель располагалась на юго-востоке и востоке, тогда как наибольшие претензии на дополнительное наделение землей предъявили крестьяне западных и центральных районов, где свободных пространств практически не было. При полной ликвидации запасных участков и «доходных статей» крестьянские заявки в Северо-Западном районе были бы удовлетворены только на 37%, в Западном — на 51,1, в Центрально-Промышленном — на 27,4, в Центрально-Земледельческом — на 25,5%³⁴. Здесь даже полная ликвидация государственных земельных имуществ не покрыла бы запросов деревни. Тем не менее для обеспечения земельных нужд крестьян было сделано все возможное.

Третий съезд Советов СССР (13—20 мая 1925 г.) признал необходимым «в малоземельных губерниях передать крестьянству часть земель государственного фонда (в том числе арендуемых государственными органами), если эти земли используются не по прямому назначению или нецелесообразно». Более того, подчеркивая значение совхозов и выдвигая задачу «превращения их в агрикультурные показательные хозяйства», съезд постановил «принять меры к пересмотру списка советских хозяйств (совхозов) в малоземельных районах для сокращения их коли-

³² Сборник законов и распоряжений по земельному праву. М., 1924, с. 91.

³³ Там же, с. 92.

³⁴ Государственные земельные имущества и их использование, с. 36. На территории Северного Кавказа, Нижнего и Среднего Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока находилось 81% общей площади государственных земельных имуществ и почти 97% земельного запаса (там же, с. 100, 227).

чества и передачи освободившейся таким образом земли в пользование крестьян»³⁵. Решение съезда значительно расширило возможности дополнительного наделения землей крестьянских хозяйств в районах наибольшего аграрного перенаселения и обеспечило развертывание соответствующих работ в общесоюзном масштабе.

Не останавливаясь на конкретном ходе передачи крестьянству дополнительных земельных массивов — эта интересная страничка аграрной истории 20-х годов заслуживает специального внимания, — перейдем к ее общим итогам. В Российской Федерации (без автономных республик) до 1923 г. крестьянству было дополнительно передано 2,4 млн. га из государственных земельных имуществ, в 1923/24 г. — 0,3 млн. га, в 1924/25 г. — 1 млн. га, в 1925/26 г. — 6,1 млн. га, в 1926/27 г. — 1927/28 г. (вместе) — 2,6 млн. га³⁶, что в совокупности составило 12,4 млн. га. На 1928/29 г. планировалось передать крестьянам 416 тыс. га, главным образом в Сибири и на Дальнем Востоке (для переселенцев), поскольку в остальных районах соответствующие фонды были или исчерпаны, или предназначались для организации совхозов³⁷. В автономных республиках Российской Федерации к концу 1928 г. крестьянам было передано из государственных земельных имуществ 1143,4 тыс. га и намечалось передать в ближайшее время еще 647,5 тыс. га³⁸.

Весьма острое значение приобрел вопрос о так называемых крестьянских лесах. Советское государство 27 мая 1918 г. объявило все леса в стране национализированными и перешедшими в непосредственное распоряжение государства, которое принимало на себя удовлетворение нужд населения в древесине (в дровах, стройматериалах и т. д.)³⁹. В принципиальном отношении это было единственно правильное решение. Однако оно оставляло открытым ряд сложных практических вопросов, порождаемых особыми связями крестьянского хозяйства с лесом. Для крестьянина лес был не только источником снабжения хозяйства древесиной, но и сферой разнообразных сельскохозяйственных и несельскохозяйственных занятий. Для северных районов с лесом были связаны и пастьба скота, и сенокосение. Учитывая эти обстоятельства Лесной кодекс РСФСР, принятый ВЦИКом 7 июля 1923 г., обязал Наркомзем «в двухлетний срок... обследовать и передать трудовым земледельцам лесные

³⁵ Съезды Советов в документах. 1917—1936, т. III. М., 1960, с. 84—85.

³⁶ НКЗ РСФСР. К вопросу об очередных задачах по работе в деревне. Материалы к XV съезду ВКП(б). М.—Л., 1928, с. 107; НКЗ РСФСР. Материалы по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства (1928/29—1932/33 гг.), ч. I. М., 1929, с. 3.

³⁷ НКЗ РСФСР. Материалы по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства, ч. 5, с. 73.

³⁸ «Советское строительство», 1929, № 2, с. 157.

³⁹ СДЗЗ, с. 32—33.

участки местного значения и земельные площади, не имеющие лесохозяйственного значения, для обращения последних в сельскохозяйственные угодья на удовлетворение нужд того же населения»⁴⁰.

III съезд Советов Союза ССР установил точный срок завершения работ по передаче крестьянам лесов местного значения — «к 1 августа текущего года» (т. е. 1925 г.) и предложил в тех районах, где отвод лесов местного значения не удовлетворил потребностей крестьян, «принять меры к дополнительному отводу лесных площадей всюду, где это окажется возможным»⁴¹.

Практическая работа по передаче лесов местного значения в пользование крестьянству продолжалась до начала 1927 г., а в отдаленных районах и в некоторых сложных случаях и позже⁴². На территории РСФСР к 1 октября 1926 г. площадь переданных в пользование населения лесов достигла 20417 тыс. га и было подготовлено к передаче 1941 тыс. га⁴³. В автономных республиках к концу 1928 г. перешло 207,4 тыс. га лесов и намечалось передать еще 2,3 тыс. га⁴⁴.

Суммарным результатом передачи крестьянам новых земель и лесов был рост удельного веса используемых ими сельскохозяйственных земель: в РСФСР к началу 1927 г. он был равен 93,3%, к началу 1929 г. — 94,2%⁴⁵. Рост крестьянского землепользования наблюдался и в других союзных республиках. В Белоруссии для дополнительного наделения землей крестьян, проводившегося по решению ЦИК республики с начала 1925 г., было выделено 609 тыс. га, из которых к 1 октября 1927 г. практически передано 305,7 тыс. га («наделено и донаделено 71 878 дворов»)⁴⁶.

В годы революции решение вопроса о земле создало прочную основу союза рабочего класса и крестьянства. В условиях мирного хозяйственного строительства забота Коммунистической

⁴⁰ Там же, с. 198.

⁴¹ Съезды Советов в документах. 1917—1936, т. III, с. 85.

⁴² «Сельскохозяйственная жизнь» (далее — СХЖ), 1926, № 39, с. 33—34.

⁴³ НКЗ РСФСР. Отчет Народного комиссариата земледелия РСФСР за 1925/26 г. М., 1928, с. 180, 461. По другим сведениям, площадь лесов, переданных непосредственно крестьянству, к началу 1927 г., составила 16 млн. га (Социалистическое строительство в сельском хозяйстве к десятилетию Октября. М., 1927, с. 4). Для сравнения приведем данные дореволюционного времени: в Европейской части Российской империи, включая Украину, Белоруссию, Прибалтику и Польшу, площадь крестьянских лесов исчислялась в 14,3 млн. га (НКЗ РСФСР. Стенографический отчет 3-го Всероссийского совещания земорганов 28 февраля—7 марта 1926 г. М., 1926, с. 321). Отсюда следует, что в 20-х годах крестьяне получили значительную часть бывших помещичьих лесов.

⁴⁴ «Советское строительство», 1929, № 2, с. 157.

⁴⁵ Материалы по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства, ч. 1, с. 10.

⁴⁶ Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК, т. I. Минск, 1973, с. 329.

партии и Советского государства об удовлетворении крестьянских потребностей в земле обеспечивала дальнейшее укрепление и развитие союза трудящихся города и деревни.

В передаче крестьянству новых земельных массивов ярко проявились особенности аграрного строя, базировавшегося на принципах национализации. Как и в годы революции, земля передавалась крестьянству безвозмездно в бессрочное трудовое пользование. Благодаря этому, а также благодаря непосредственному контролю со стороны Советов и партийных организаций она перешла в руки широких слоев крестьянства, а не сельской буржуазии. С государственной собственностью на землю связана подвижность, эластичность границ между различными социальными категориями землепользования. Непреодолимый для бедняка и середняка барьер частной земельной собственности был сметен Великой Октябрьской социалистической революцией.

* * *

Земли сельскохозяйственного назначения в массе своей находились в трудовом пользовании крестьянства. Соответственно этому в организации системы землепользования и земельных отношений преобладающее значение имели проблемы, связанные с мелким индивидуальным хозяйством непосредственного производителя. Их решение занимало важнейшее место в системе новой экономической политики, направленной на подъем крестьянских хозяйств как предпосылку общего экономического восстановления страны и на вовлечение их в русло социалистического развития, на победу социализма в масштабе всей страны. Исходя из задачи восстановления сельскохозяйственного производства ВЦИК 23 марта 1921 г., т. е. через день после декрета о замене разверстки натуральным налогом, принял постановление об обеспечении для крестьянства возможности правильного и устойчивого пользования землей⁴⁷. XI Всероссийская конференция РКП(б) (19—22 декабря 1921 г.) разработала руководящие начала земельной политики, предусматривающие создание всех необходимых условий для развития крестьянского хозяйства⁴⁸. Указания партии легли в основу решений IX Всероссийского съезда Советов (23—28 декабря 1921 г.) по вопросам сельского хозяйства. Съезд Советов подчеркнул, что «на основе незыблемого сохранения национализации земли должны быть обеспечены условия, необходимые для правильного существования и развития крестьянского хозяйства путем упрочения крестьянского землепользования и предоставления крестьянскому населению свободы выбора форм землепользования»⁴⁹. Съезд по-

⁴⁷ СДЗЗ, с. 126—127.

⁴⁸ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 2. М., 1970, с. 303.

⁴⁹ Съезды Советов в документах. 1917—1936, т. 1. М., 1959, с. 185.

ручил Наркомзему в кратчайший срок пересмотреть действующее земельное законодательство «в целях полного согласования его с основами новой экономической политики» и выработать свод законов о земле, «доступный пониманию каждого земледельца»⁵⁰.

Не ожидая разработки кодекса, Советское правительство 22 мая 1922 г. приняло «Основной закон о трудовом землепользовании»⁵¹, в котором сформулировало наиболее важные нормы, обеспечивающие крестьянству устойчивость пользования землей. С 1 декабря 1922 г. Земельный кодекс РСФСР был введен в действие, а вскоре затем были отменены все ранее действовавшие законы о земле⁵². В 1922—1925 гг. правительства Украины, Грузии и Белоруссии приняли земельные кодексы, во всем основном аналогичные кодексу РСФСР (существенные отличия будут отмечены ниже).

Земельный кодекс юридически оформлял и регулировал трудовое крестьянское землепользование как единоличное, так и коллективное. Основное внимание его было обращено на регулирование землепользования единоличного крестьянского хозяйства, восстановление и развитие производительных сил которого являлись одной из первоочередных задач новой экономической политики.

Земельный кодекс, как и принятый одновременно с ним Гражданский кодекс, оформлявшие и регулировавшие поземельные и гражданские правоотношения периода новой экономической политики, закрепляли право государственной собственности на землю и запрещали куплю-продажу земли, подчеркивали незабываемость национализации земли. «Земля является достоянием государства и не может быть предметом частного оборота»⁵³, — гласила статья 21 Гражданского кодекса РСФСР. Земельный кодекс РСФСР раскрывал понятие частного оборота и устанавливал санкции против нарушителей этого запрета. Согласно статье 27 «покупка, продажа и запродажа, завещание или дарение, а также залог земли запрещаются и совершенные в нарушение этого запрещения сделки считаются недействительными, а лица, виновные в их совершении, помимо наказания в уголовном порядке, лишаются земли, находящейся в их пользовании»⁵⁴.

Исключение земли из частного оборота имело особое значение для развития крестьянского хозяйства. Оно лишило сельскую буржуазию возможности концентрации земельной собственности — одного из важнейших путей создания крупного капиталистического производства в деревне. Обстановка товарного произ-

---

⁵⁰ Там же, с. 170.

⁵¹ СДЗЗ, с. 140—144.

⁵² Там же, с. 182—183.

⁵³ СУ РСФСР, 1922, № 71, ст. 904.

⁵⁴ СДЗЗ, с. 158.

водства и обращения, некоторое оживление кулацких элементов на первых этапах нэпа порождали рецидивы торговых сделок на земельные участки, переданные в трудовое пользование. Чаще всего это делалось в замаскированном виде: купля-продажа строений (распространенный вариант объявления: «Продается дом с посемейным местом»), садов и других насаждений, «обмен» усадьбами, «приймачество» во двор с последующим уходом прежнего населения и т. п. Учитывая участие в такого рода сделках бедняков, вынуждаемых отсутствием средств для жизни, органы охраны законности считали своей первоочередной задачей здесь пресечение спекуляции и мошенничества. Пленум Верховного суда РСФСР 22 декабря 1924 г. и 21 ноября 1927 г. принял практически идентичные по содержанию разъяснения к ст. 27 Земельного кодекса, в которых указывал, что советские законы об отмене частной земельной собственности «делают самое отчуждение земли частными лицами беспредметным» и что, следовательно, «совершение сделок на землю с нарушением ст. 27 ЗК по смыслу этой статьи в уголовном порядке не наказуемо, если само заключение сделки не сопровождалось уголовно-наказуемым деянием (мошенничеством, спекуляцией и пр.)». Кроме того, если «это нарушение в конкретном случае является общественно-опасным» или «злостно направлено против интересов трудящихся (систематическая скупка права пользования землей кулаком или бывшим помещиком и т. п.)», то оно должно было рассматриваться и караться в качестве преступления против государственной монополии⁵⁵.

Юридически при земельной сделке менялся лишь конкретный носитель права землепользования, тогда как его положение и обязательства по отношению к государству как собственнику земли не менялись. Поэтому Верховный суд Федерации и считал такие сделки «беспредметными». Однако подробное истолкование закона не способствовало активной борьбе с нарушениями национализации земли. Характерно, что до 1928 г. нет известий об уголовных преследованиях за нарушения этого рода. Между тем кулацкие элементы использовали скрытую торговлю земельными участками в своекорыстных целях. В 1928 г. (31 августа — 5 сентября) в Брянском губернском суде слушалось дело о купле-продаже земли хуторянами деревни Столбы Бежецкого уезда. В ходе процесса выяснилось, что здесь с дореволюционного времени без изменений сохранилась группа кулацких хуторов (по 20—40 дес.⁵⁶ и более на двор). Ограничительные меры против кулаков со стороны Советской власти, растущая активность окружающего крестьянского населения создали реальную перспективу изъятия зе-

⁵⁵ ЗК РСФСР, 1928, с. 149—150.

⁵⁶ Десятина — 1,09254 гектара. Гектар — 0,91529 десятины.

мельных излишков (в соседних деревнях на едока приходилось по $\frac{3}{4}$ дес.) и побудили хуторян с выгодой «освободиться» от незаконного землепользования. На протяжении 1924—1927 гг. из 67 хуторов 58 были распроданы⁵⁷. Это, конечно, исключительный факт. Однако случаи земельных сделок были обнаружены во многих местах и потребовали решительных мер.

Поручая Наркомзему республики заведование землями сельскохозяйственного назначения и контроль за их правильным использованием, закон предоставлял право непосредственного пользования этими землями «трудовым земледельцам и их объединениям». При этом подчеркивалось равенство прав всех трудящихся на пользование землей. «Право пользования землей для ведения сельского хозяйства,— гласила статья 9 Земельного кодекса,— имеют все граждане РСФСР (без различия пола, вероисповедания и национальности), желающие обрабатывать ее своим трудом»⁵⁸.

Основным условием права пользования землею являлся, следовательно, личный труд. Это требование закона имело огромное значение для социально-экономического развития деревни, оно ставило серьезное препятствие росту кулацких хозяйств, давало государству правовую основу для проведения политики ограничения и вытеснения сельской буржуазии.

Именно в порядке осуществления принципа трудового пользования землей было проведено частичное выселение бывших помещиков, остававшихся в принадлежавших им до революции имениях. Основная масса помещиков была выселена из имений в ходе конфискации последних. Однако отдельным бывшим помещикам, подчинившимся воле народа и не проявлявшим контрреволюционных стремлений, было разрешено («зачастую... на основании приговоров сельских обществ»⁵⁹) остаться на месте прежнего жительства, получить землю на общих основаниях и вести хозяйство, не прибегая к наемному труду. «Тем самым,— как позже разъяснял ВЦИК,— эта категория бывших помещиков была зачислена в разряд трудового населения и подчинена действию всех распоряжений, касающихся трудового землепользования»⁶⁰.

После перехода к нэпу многие из выселенных помещиков стали домогаться возвращения отобранных у них имений. Специальным циркулярным письмом от 15 ноября 1922 г. ВЦИК решительно отверг эти притязания. Вместе с тем, отметив случаи выселения местными Советами тех бывших помещиков, которые были наделены землей на законных основаниях, ВЦИК указал, что их права определяются нормами Земельного кодек-

⁵⁷ Классовая борьба и преступность. М., 1930, с. 146—148.

⁵⁸ СДЗЗ, с. 156.

⁵⁹ Там же, с. 112.

⁶⁰ Там же, с. 180.

са о трудовом землепользовании. Самовольное выселение бывших помещиков этой категории запрещалось⁶¹. Однако сигналы с мест и обследования, проведенные органами ЦКК—РКИ, показывали, что многие из них под видом ведения «культурного хозяйства» и даже организации коммун и артелей эксплуатировали окружающее население, широко применяя наемный труд, испольщину и кабалу, используя и поддерживая «пережитки старого режима — покорность и страх перед помещиком — в наиболее отсталых слоях крестьянства»⁶². Выявились активное участие части бывших помещиков в контрреволюционных действиях, в антисоветской агитации и т. п. Начатая в октябре 1923 г. Наркомземом РСФСР проверка прав на землепользование бывших помещиков установила значительное распространение фактов такого рода. К марту 1925 г. 1196 семей бывших помещиков были лишены прав на землепользование и выселены⁶³.

20 марта 1925 г. ЦИК и СНК Союза ССР приняли постановление «О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежавших им до Октябрьской революции хозяйствах», а 22 июня того же года ВЦИК и СНК СССР утвердил инструкцию «О порядке выселения бывших помещиков и ликвидации ими имущественных отношений»⁶⁴. С этого момента подлежали выселению «бывшие помещики из дворян и их семьи», а также те из «бывших крупных землевладельцев не из дворян», в деятельности которых установлено наличие «кабального характера... отношений с окрестным населением». Непосредственная работа по выявлению бывших помещиков, ознакомлению с их деятельностью и решению о выселении или оставлении на месте прежнего жительства выполнялась специальными комиссиями, созданными при правительствах автономных республик (не имевших губернского деления) и при исполкомах областных, губернских и окружных Советов. При выселении отбиралось находившееся в пользовании помещиков национализированное хозяйственное имущество (постройки, сооружения и сельскохозяйственный инвентарь). И у выселяемых, и у оставляемых на месте прежнего жительства помещиков конфисковывались излишки имущества этого рода над потребностями трудового хозяйства, если даже оно было приобретено после 19 февраля 1918 г., т. е. после опубликования закона о социализации земли. Наконец, урожай произведенных выселяемыми посевов признавался собственностью последних; им предоставлялось право уборки и реализации этого урожая.

⁶¹ СДЗЗ, с. 179—180.

⁶² Там же, с. 113.

⁶³ СХЖ, 1927, № 1, с. 31—32.

⁶⁴ СДЗЗ, с. 112—114, 236—238; «Известия», 1927, 17 мая.

К концу 1927 г. на территории РСФСР было взято на учет 10 756 бывших помещиков, находившихся в своих имениях. Из них 4112 подлежали выселению. При этом было изъято около 40 тыс. дес. земли, переданной главным образом в пользование крестьянству, а также примерно на 4 млн. руб. хозяйственного имущества, поступившего преимущественно государственным организациям и местным Советам. Осенью 1928 г. работа по выселению бывших помещиков была прекращена⁶⁵. Считая вместе с выселенными до издания декрета от 20 марта 1925 г., не имевшими трудового характера была признана почти половина хозяйств бывших помещиков. В Белоруссии были лишены землепользования и выселены из имений 250 бывших помещиков. Обсуждался вопрос о выселении еще почти 750 бывших помещиков⁶⁶.

В условиях 20-х годов хозяйства бывших помещиков приобрели кулацкий характер. Лишение землепользования и выселение их владельцев выходило за рамки мер по уничтожению остатков класса помещиков, являлось одновременно и ударом по кулачеству, ликвидировало одну из его групп, отличающуюся наибольшей враждебностью к трудящемуся крестьянству и Советской власти. Вместе с тем прошлое этой группы, память о помещичьей эксплуатации, инородность в крестьянской деревне облегчали ее выявление и ликвидацию.

Намного сложнее была борьба с нарушениями принципа трудового землепользования в собственно кулацких хозяйствах, вырвавшихся непосредственно в крестьянской среде и связанных с нею. Специальные меры по изъятию земельных излишков в кулацких хозяйствах и ликвидации нетрудового землепользования осуществлялись только там, где перераспределение земли не было завершено до перехода к нэпу. На Украине в 1921—1924 гг. проводилось «раскулачивание земли» — выявление кулацких и бывших помещичьих хозяйств, землепользование которых не носило трудового характера. При этом изымались излишки земли, а в отдельных случаях и хозяйственного имущества (построек, инвентаря и др.).

Выявление эксплуататорских хозяйств дореволюционного типа проводилось комитетами незаможных селян и сельсоветами, решение об изъятии излишков земли у кулаков принималось окружными земельно-судебными комиссиями, а о конфис-

---

⁶⁵ *Немаков Н. И.* К вопросу о землепользовании бывших помещиков в первое десятилетие Советской власти. — «Вестник Московского университета». Серия 9. История, 1961, № 2, с. 26—27. См. также: *Говорков А. А.* Ликвидация помещичьего землевладения в Курской губернии. Канд. дисс. М., 1948; *Трифонов И. Я.* Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975, с. 266—272.

⁶⁶ *Луцицкий Л. С.* Деятельность КП(б)Б по ликвидации аграрной перенаселенности в республике (1925—1932 гг.). — В кн.: Вопросы истории КПСС. Межведомственный сб., вып. 3. Минск, 1972, с. 42.

кации хозяйственного инвентаря — специальными окружными ликвидационными комиссиями⁶⁷. По существу своему эта работа была «доделыванием» нерешенных задач аграрной революции. С 15 апреля 1924 г. регулирование землепользования всех социальных слоев деревни на Украине осуществлялось на основе норм Земельного кодекса.

Принцип обязательного личного труда на земле лежал в основе решения вопроса о праве на землепользование служителей религиозных культов. Их в деревне было намного больше, нежели бывших помещиков — 88 тыс. самостоятельных, как минимум (см. главу первую). Советский закон и им предоставил возможность перейти на положение трудящихся. Еще в 1919—1920 гг. рядом нормативных актов Наркомзема было установлено, что служители культа могут наделяться землей на общих основаниях, если они за отправление культа не получают денежного или натурального вознаграждения и, следовательно, будут обрабатывать землю собственным трудом. В последующей практике обнаружилось факты наделения землей в качестве платы за отправление религиозных культов. 13 марта 1928 г. НКЗ РСФСР разослал на места специальное разъяснение, в котором говорилось, что служители культов, получившие землю на законных основаниях, сохраняют ее, «если при том это наделение не представляло собою вознаграждение за совершение служителями религиозного культа треб для верующих, что неоднократно имело место». В этих случаях пользование землей должно было «признаваться незакономерным» и решением уездных земельных органов ликвидироваться⁶⁸.

Строгое соблюдение трудового характера личного землепользования было одним из важнейших направлений борьбы против нарушения принципов национализации, против попыток возрождения любых форм частного пользования землей, кроме крестьянского.

Земельный кодекс гарантировал устойчивость прав трудового землепользования и свободу избрания способов ведения хозяйства. Трудящийся земледелец получал землю в бессрочное пользование. Его право на землю могло быть прекращено только в случаях, точно указанных в законе: добровольный отказ от земли, полное прекращение дворов ведения самостоятельного хозяйства, вымороченность двора, окончательное пе-

⁶⁷ Среди законодательных актов Украины, направленных на ликвидацию нетрудового землепользования, следует отметить постановления Всеукраинского ЦИК от 11 июля 1923 г. «О раскулачивании села» и от 11 сентября 1923 г. «О порядке изъятия излишков земель нетрудового пользования у бывших помещиков и кулаков» (СУ УССР, 1923, № 26, ст. 394 и № 33, ст. 486). См. также кн.: *Аменицкий Б. М.* Земельный кодекс УССР в вопросах и ответах с разъяснениями Особой коллегии высшего контроля по земельным спорам при Наркомземе. Харьков, 1925, с. 188, 261, 299.

⁶⁸ ЦГАОР, ф. 5201, оп. 6, д. 1, лл. 61, 64—65.

реселение его в другое место, лишение прав на пользование землею по суду «за указанные в законе преступления», наконец, занятие земли для государственных или общественных надобностей (под пути сообщения, разработку ископаемых и т. п.) при условии отвода землепользователю участка в другом месте и возмещения понесенных им убытков⁶⁹.

Землепользователь на своем наделе имел право «вести хозяйственное использование земли способом, избранным по своему усмотрению», с тем лишь ограничением, чтобы это использование не было хищническим, истощающим почву, чтобы оно основывалось на собственном труде и, наконец, чтобы оно не причиняло вреда соседним землепользователям⁷⁰. Крестьянин мог возводить на своем участке строения и сооружения для хозяйственных и жилищных надобностей. Причем, как подчеркивал кодекс, «все сооружения, постройки, посевы и растения и вообще все, соединенное с участком земли, находящимся в пользовании землепользователя, принадлежат ему». Всякие нарушения земельных прав и «не основанные на законе вмешательства» в хозяйство землепользователя воспрещались⁷¹.

Исключительно важное значение имело предоставление крестьянству свободы выбора форм землепользования. Кодекс установил юридическое равноправие всех форм трудового крестьянского землепользования как сложившихся еще до Октябрьской революции единоличных форм землепользования — общинной и участковой (отруба и хутора), так и родившейся в условиях Советского государства — товарищеской, или коллективной формы⁷². Этим подчеркивалась называемость ленинским принципа добровольности перехода крестьян к социалистическим формам хозяйства, крестьянству предоставлялась возможность развивать свое хозяйство в той форме и такими способами, которые оно сочтет для себя наиболее приемлемыми.

Вопрос о формах землепользования не имеет самодовлеющего значения в развитии поземельных отношений и сельско-

⁶⁹ СДЗЗ, с. 157.

⁷⁰ Там же, с. 158. В 1926 г., когда выяснилось, что в составе передаваемых крестьянам государственных земельных имуществ оказались участки, занятые ценными насаждениями и специальными культурами или предназначенные для их производства (посев сахарной свеклы для сахарных заводов и т. п.), а также участки, «имеющие защитное значение» (СХЖ. Официальный отдел, 1927, № 22, с. 14—15), ВЦИК дополнил нормы Земельного кодекса указанием об ограничении пользования участками такого рода соответствующими условиями и обязательствами. В этих случаях земля передавалась крестьянину «в бессрочное и безвозмездное пользование на основании особых договоров под условием выполнения ... специальных правил» (СДЗЗ, с. 659), имевших целью обеспечить производство определенных культур и предотвратить изменения назначения или направления использования угодий.

⁷¹ СДЗЗ, с. 158.

⁷² Там же, с. 157, 164.

хозяйственного производства. Напротив, они сами являются производными и зависят, во-первых, от уровня развития производительных сил и, во-вторых, от характера отношений собственности. В основе их эволюции лежит развитие производительных сил, а характер и направление этой эволюции определяется отношениями собственности. Нельзя, однако, не учитывать обратного влияния форм землепользования на состояние сельского хозяйства. На каждой данной ступени развития производительных сил деревни, при данном характере отношений собственности, от форм землепользования зависят возможности применения усовершенствованной техники и улучшенных систем севооборота, а, следовательно, в конечном итоге и производительность труда земледельца. Система землепользования может оказывать содействующее или тормозящее влияние на прогресс производительных сил земледелия и на социальное развитие деревни.

Коммунистическая партия ставила перед собой задачу проведения социалистической реконструкции деревни, поэтому основное внимание она обращала на создание социально-экономических условий и прежде всего материальной базы для перехода к коллективному хозяйству. Лишь после того, как созрели необходимые социально-экономические и материально-технические предпосылки обобществления сельскохозяйственного производства, мог быть поставлен вопрос о коренной перестройке системы землепользования. До тех пор неизбежно должны были сохраняться формы землепользования, соответствующие мелкому индивидуальному хозяйству непосредственного производителя.

Создание правовой устойчивости крестьянского землепользования и обеспечение свободы выбора его форм оказывали влияние на развитие сельского хозяйства в том же направлении, что и переход от продовольственной разверстки к натуральному, а затем к денежному налогу. Эти мероприятия Советской власти укрепляли уверенность крестьянина в завтрашнем дне, развязывали его инициативу в развитии хозяйства, создавали стимулы для более рационального ведения хозяйства и позволяли крестьянину быстрее и легче приспособлять производство к местным хозяйственным и бытовым условиям, к требованиям рынка.

В выступлении на сессии ВЦИК, утвердившей Земельный кодекс, В. И. Ленин указывал на его значение в деле укрепления союза рабочего класса и крестьянства. «Вопрос о земле, вопрос об устройстве быта громадного большинства населения — крестьянского населения, — говорил он, — для нас вопрос коренной»⁷³. Как подчеркивал Ленин, советская аграрная политика, начиная с 25 октября 1917 г., была направлена на то,

⁷³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 248.

«чтобы крестьянин получил наибольшее удовлетворение от земли...»⁷⁴ Именно в этой плоскости ставились и решались задачи правового регулирования землепользования.

Земельный кодекс РСФСР, принятый в 1922 г., и аналогичные земельные кодексы других союзных республик юридически оформили существование и функционирование системы мелкокрестьянского хозяйства в условиях нэпа. Вместе с тем они закрепляли принципы национализации земли, открывали перед крестьянами путь к общественным формам хозяйства и обеспечили государству возможность эффективно воздействовать на развитие поземельных отношений в деревне, а следовательно, и на развитие деревни в целом. Национализация земли являлась важнейшим фактором социально-экономического развития доколхозной деревни, предопределявшим не только ряд существенных особенностей в ее хозяйственной жизни, но и перспективу ее перехода к социализму.

ЗЕМЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

Важнейшей особенностью поземельных отношений крестьянства изучаемого периода является существование института земельных обществ как низовых объединений землепользователей. Правовое оформление этого института было дано в Земельном кодексе РСФСР 1922 г. и в «Нормальном уставе земельного общества», утвержденном Наркомземом РСФСР 5 января 1926 г. Регулирование деятельности земельных обществ занимало важное место в союзном и республиканском законодательстве, в многочисленных нормативных актах Наркомзема, Наркомюста и Особой коллегии высшего контроля по земельным спорам.

Крестьянин по своему усмотрению мог осуществлять свое право на землю или в составе земельного общества с тем или другим порядком землепользования, или отдельно, вне какого-либо объединения⁷⁵. Закон не связывал существование земельных обществ с определенными формами землепользования. Он признавал земельными обществами, помимо уже существовавших старых общин (крестьянских «миров»), и коллективные хозяйства, и добровольные объединения отдельных дворов с обособленными наделами (хутора и отруба)⁷⁶. В действительности, однако, как показывают материалы земельной регистрации, существование обществ было тесно связано с общинной

⁷⁴ Там же, с. 247.

⁷⁵ Только на Украине вхождение в состав земельного общества было обязательным для каждого землепользователя-крестьянина (Земельный кодекс УССР. С изменениями и дополнениями по 1 октября 1925 г. Харьков, 1925, с. 5).

⁷⁶ СДЗЗ, с. 159.

системой поземельных отношений. Так, например, на территории Смоленской губернии, по данным на 1 октября 1925 г., из 6804 участковых землепользований, регистрация которых была подвергнута проверке, в состав обществ входило всего 179, т. е. 2,6%⁷⁷. Но и они, как правило, не представляли собой самостоятельных обществ, а были членами тех мирских организаций с общинным порядком землепользования, из которых они выделились в поземельном отношении. Этот вариант взаимоотношений подворных землепользований с крестьянским обществом являлся редким исключением в районах распространения участковой системы, но был типичным для Центрально-Черноземной области, Поволжья и Урала, где хутора и отруба не составляли сплошных массивов, а были рассеяны среди поземельных общин. Таким образом, единичные участковые землепользования, которые характеризуются полным разрывом поземельных связей между отдельными дворами, в подавляющем большинстве случаев не составляли земельных обществ и не были связаны с деятельностью мирской организации.

Колхозы, напротив, чаще всего входили в состав земельных обществ, на землях которых они возникли. Самостоятельными земельными обществами они становились в тех случаях, когда организовывались не на крестьянских землях. Из 25 колхозов, обследованных при проверке регистрации, только 5 не входило в состав более крупных земельных обществ⁷⁸.

Число земельных обществ не было постоянным. За годы революции сеть их сократилась в связи с тем, что были, наконец, сметены средневековые перегородки между различными категориями крестьян — бывшими помещичьими, бывшими государственными, «четвертного права» и т. п. До революции, даже проживая в одном селе, они должны были составлять разные общины с разными земельными наделами и разными правами. Революция покончила с этим наследием крепостничества. В ходе уравнительного перераспределения земли такие общины неизбежно должны были слиться. Как показало сравнение землепользования одних и тех же селений по данным сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг., из 11 исследованных волостей Пензенской, Курской, Тамбовской и Тульской губерний в шести волостях число земельных обществ сократилось (с 131 до 79), в одной возросло (с 11 до 12), а в остальных пяти осталось неизменным⁷⁹.

Однако в дальнейшем распад сложных земельных обществ на первичные, в связи с межселенным землеустройством, укреплением сельских и волостных Советов, а также развертыванием работ по расселению многодворных селений, образованию

⁷⁷ ЦГАНХ, ф. 478, оп. 59, д. 26, лл. 19—20.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Материалы по истории аграрной революции в России, т. I. М., 1928, табл. № 1—2.

выселков и новых поселков привело к значительному увеличению численности земельных обществ. По весьма приблизительным данным, сообщенным В. П. Милютиним в 1928 г., общее число земельных обществ на территории РСФСР достигло 319 тыс.⁸⁰

В составе земельного общества крестьянин имел право «на долю земли из надела земельного общества» и «на участие в совместном пользовании угодьями земельного общества»⁸¹. Долевой принцип определения размеров землепользования отдельных хозяйств и периодические уравнения их путем переделов свидетельствуют о существовании поземельной крестьянской общины, так же как и наличие марки, альменды, т. е. земель, находящихся в общественном пользовании всех членов общины. Именно с наличием этих условий была связана деятельность земельных обществ в изучаемый период, являвшихся по своему существу в отношении поземельных дел точным воспроизведением мирской организации, неизбежно сопутствующей общинной форме землепользования.

Земельное общество представляло собой территориальное объединение крестьянских дворов, осуществлявшее непосредственное управление землепользованием и регулирование поземельных отношений своих членов. В состав общества входили и в поземельном отношении были ему подчинены крестьянские общества взаимопомощи, мелкие колхозы (до 15 членов), простейшие производственные кооперативы (машинные, семеноводческие, мелиоративные и т. п.). За правильное и целесообразное использование земель общество несло ответственность перед Советским государством.

В соответствии с законом, общество могло «сохранить, или по постановлению большинства полноправных его членов... избирать любой способ землепользования». По решению схода оно могло перейти к хуторскому или отрубному пользованию землей или обобществить земельный надел. Точно так же при участковом землепользовании сохранявшиеся общества имели право по своему желанию провести передел и стать общиной.

⁸⁰ См. 3 сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 4-го созыва. Стенографический отчет. М., 1928, с. 724.

Точного учета земельных обществ не велось. Показателем следующий факт: в литературе по вопросам советского строительства при анализе динамики органов управления численность сельских Советов после 1917 г. сопоставлялась с численностью сельских обществ до 1917 г. Это было правильно, поскольку до революции сельское общество являлось первым звеном административной системы. К сожалению, с исключением общины из системы управления у тех, кто вел учет, пропал к ней интерес.

Интересно, что первоначально сеть сельских Советов количественно была весьма близка к сети дореволюционных сельских обществ: в границах РСФСР к началу 1917 г. насчитывалось 110 тыс. сельских обществ, количество же сельских Советов на 1 января 1922 г. было равно 120 200 («Советское строительство», 1929, № 2, с. 17).

⁸¹ СДЗЗ, с. 157, 164.

Общество решало вопросы о проведении землеустройства и о системе севооборота. Оно производило переделы и разверстания земли, непосредственно распоряжалось угодьями общего нераздельного пользования (выгонами, прогонами, водами и т. п.), устанавливало и изменяло порядок их эксплуатации, осуществляло контроль за использованием земли членами общества и в случаях хищнического ведения хозяйства, оставления земли без обработки и т. п. могло на срок до одного севооборота лишить нарушителя права пользования наделом⁸².

Вступление в общество новых дворов и наделение их землей из его участка допускалось только с согласия общества. Органы Наркомзема могли произвести доприселение новых дворов в состав только тех обществ, которые имели излишки удобных земель. Во всех остальных случаях употребление свободных земель предоставлялось на усмотрение самого общества⁸³. (Разумеется, это распоряжение свободными землями было ограничено рамками закона. Попытки продажи их решительно пресекались⁸⁴.)

На Украине, где было обязательным членство в земельных обществах, последние могли состоять и только из хуторских или отрубных хозяйств (что, впрочем, не исключалось и ЗК РСФСР), причем и в этих случаях допускались «переделы земель для улучшения землепользования»⁸⁵. В Белоруссии Земельный кодекс, утвержденный 5 ноября 1924 г., исключал периодические переделы земли. Порядок землепользования в обществах мог быть либо «участковый (с правом двора на пользование землею в виде чересполосных, отрубных или хуторских участков)», либо товарищеский⁸⁶. Тем не менее земельные общества в Белоруссии оставались организациями общинного типа, поскольку, во-первых, у них имелись угодья совместного пользования, во-вторых, они устанавливали порядок пользования общими угодьями, а при чересполосном землепользовании — севооборот, режим пастбы скота и т. п., решали вопросы, связанные с землеустройством, приемом новых членов и выделов, в-третьих, закон предусматривал случаи «разверстания земли» и изменения размеров землепользования отдельного двора («если хозяйство имеет земли больше, чем причита-

⁸² СДЗЗ, с. 157, 159—162.

⁸³ Там же, с. 160.

⁸⁴ Выявившиеся в конце 20-х годов отдельные факты скрытой продажи свободных участков земельными обществами послужили предметом острых выступлений прессы. Проданные участки были изъяты в распоряжение земельных органов (см., например, «Правда», 1928, 6 сентября).

⁸⁵ Земельный кодекс УССР. С изменениями и дополнениями на 1 октября 1925 г., с. 5, 10, 24—25.

⁸⁶ Земельный кодекс Белорусской Советской Социалистической республики. Минск, 1925, с. 12.

ется ему по установленной норме»⁸⁷). К тому же уравнильные переделы земли не являются обязательным признаком общины, хотя наличие или отсутствие их и свидетельствует о степени активности и рамках функционирования общинных институтов.

И в Российской Федерации, и в Белоруссии, и в других республиках земельные общества занимали определенное и важное место в последовательной связи субъектов земельного права: государство как собственник земли, осуществляющий общее управление и регулирование ее использования через право и другие каналы, и миллионы мелких разрозненных непосредственных пользователей этой земли в громадном большинстве случаев были опосредованы земельными обществами. Являясь самостоятельным коллективным субъектом права, они выполняли значительную часть функций непосредственного распоряжения землей, предоставленной в пользование крестьян, организовывали земельные порядки в соответствии с объективными возможностями и субъективными устремлениями масс. Наличие такого посредствующего звена в системе земельных отношений между государством и крестьянством было неизбежным и целесообразным в условиях изучаемого времени.

Показательно, что новые земли из государственных имуществ и леса, передаваемые крестьянству, поступали в непосредственное распоряжение главным образом земельных обществ. По данным на 1 октября 1926 г., в Центрально-Промышленном районе 83,4% площади новых сельскохозяйственных угодий получили земельные общества и 9,7% — вновь образованные поселки (являвшиеся либо самостоятельными земельными обществами, либо «дочерними» подразделениями старых), в Центрально-Земледельческом районе — 61,7% земельные общества и 23,1% поселки, на Северном Кавказе соответственно 57,3 и 37,5, в Сибири — 70 и 27,5, т. е. в сумме от 85 до 97%. Остальная часть новых земель была передана колхозам⁸⁸. Что касается лесов, то непосредственная организация их использования, включая распределение древесины, как отмечалось в специальном докладе, «передается самим лесопользователям — земельным обществам»⁸⁹.

Значительным было участие земельных обществ в арендном обороте. Кодекс 1922 г. ничего не говорил о допустимости сдачи земли в аренду обществами и местные земельные органы не имели точных установок об отношении к этому весьма быстро

⁸⁷ Там же, с. 7, 8, 16.

⁸⁸ СХЖ, 1927, № 16, с. 7—8.

⁸⁹ Стенографический отчет 3-го Всероссийского совещания земорганов, с. 322. Точные данные о распределении крестьянских лесов по формам пользования имеются по Калужской губернии: 93% лесов было у земельных обществ, 1,2% у совхозов, 1% у колхозов и 4,8% у хуторян и отрубников (см. СХЖ, 1927, № 1, с. 29—30).

растущему явлению. До 1924 г. Наркомзем разрешал земельным обществам сдачу в аренду даже удобных земель, хотя и с оговоркой, что разрешение дается «лишь в исключительных случаях» по соображениям хозяйственной целесообразности. Однако им же была одобрена «Инструкция о порядке сдачи в аренду земель трудового пользования» Самарского губернского земельного управления от 10 февраля 1924 г., фактически приравнявшая в этом отношении права земельных обществ к правам отдельных землепользователей⁹⁰.

В то время сдача земель в аренду целыми обществами практиковалась едва ли не повсеместно. На Северном Кавказе, в Нижнем и Среднем Поволжье, во Владимирской и Вологодской губерниях, в Северо-Западной области и на Дальнем Востоке земельные общества сдавали в аренду частями или целиком пустующие земли на один-три года и более, а зачастую при переделах отводили участки земель специально для сдачи в аренду отдельным лицам или обществам⁹¹. Доходы от сдачи в аренду земель использовались на общественные надобности (для оплаты землеустроительных работ и т. д.). Сдача земель в аренду стала одним из источников пополнения бюджета многих обществ.

Советское государство, предоставляя право сдачи земли в аренду отдельным трудовым хозяйствам, имело в виду помощь тем слоям крестьянства, которые были ослаблены войной и голодом, не могли возобновить свое самостоятельное хозяйство. Для них сдача земли в аренду была одним из источников средств для восстановления хозяйства и только до завершения этого восстановления. По смыслу законодательства начала 20-х годов предполагалось, что как только крестьянин восстановит свое хозяйство и сможет полностью обработать земельный надел, полученный им в пользование, он должен будет отказаться от сдачи земли в аренду. Право сдачи земли в аренду обставлялось поэтому существенными ограничениями, подчеркивающими его временный характер⁹². В частности, была сделана попытка исключить сдачу земли в аренду целыми обществами.

9 июня 1924 г. СНК РСФСР принял постановление «О порядке засвидетельствования доверенностей, выдаваемых трудовыми землепользователями и их объединениями», которое

⁹⁰ ЦГАНХ, ф. 478, оп. 59, д. 633, лл. 15, 26, 46—52.

⁹¹ Там же, лл. 3, 6—9, 11, 14—15, 22—26, 46—52; д. 554, л. 43.

⁹² Арендные отношения между крестьянскими хозяйствами как составная часть социально-экономических отношений, складывавшихся на почве распределения средств производства, выделены для специального рассмотрения. О характере и масштабах земельной аренды в 20-х годах см.: Данилов В. П. Социально-экономические отношения в советской деревне накануне коллективизации. — «Исторические записки», т. 55. М., 1956, с. 102—106.

при перечислении случаев выдачи доверенностей на заключение арендных договоров предусматривало сдачу земли в аренду только отдельными землепользователями. Земельные общества могли только арендовать участки из государственных земельных имуществ⁹³. С этого времени земельные органы начали запрещать общинам сдачу земли в аренду⁹⁴. Однако это ограничение осуществить на практике оказалось невозможным, поскольку оно ограничивало и без того небольшие источники средств, необходимых на общественные нужды сел и деревень.

В мае 1925 г. III съезд Советов СССР предложил «устранить... препятствие» к сдаче в аренду «неиспользованного земельного фонда крестьянских обществ»⁹⁵. В соответствии с решением высшего законодательного органа 23 июля ВЦИК и СНК РСФСР приняли дополнение к Земельному кодексу (примечание к ст. 28-й), которое гласило: «Земельным обществам разрешается сдача находящихся в общественном запасе земель... в аренду как отдельным землепользователям, так и их объединениям, а равно иным организациям, учреждениям и предприятиям, с направлением доходов от этой аренды на нужды сельского и волостного бюджета»⁹⁶.

Как показали обследования, проведенные НК РКИ в 1926 г., отдельные общества сдавали в аренду до 18,5% площади удобных земель. А общая площадь земель, сдаваемых обществами в аренду, оценивалась в 5—6 млн. га⁹⁷.

Участие земельных обществ в арендном обороте в качестве арендаторов было также весьма активным. Общественная аренда земли была более выгодна крестьянину, чем единоличная, удешевляя расходы и облегчая совершение сделки. Земельные общества играли очень заметную роль среди арендаторов государственных земельных имуществ. Даже в сильно «хуторизированной» Смоленской губернии, по данным за 1924/25 г., из сдаваемых в аренду госземелимуществ на долю обществ приходилось 20% пахотных земель, 32,4% луговых угодий и 37,9% подлесных участков⁹⁸. Значительные участки земли арендовали общества в Гомельской, Вятской и других губерниях⁹⁹.

Активная роль земельных обществ в хозяйственной жизни деревни подкреплялась и усиливалась предоставлением им прав юридического лица. Они могли приобретать и продавать имущество, искать и отвечать на суде, ходатайствовать в других учреждениях¹⁰⁰. Утвержденный 5 января 1926 г. «Нормальный

⁹³ СУ РСФСР, 1924, № 60, ст. 586.

⁹⁴ ЦГАНХ, ф. 478, оп. 59, д. 43, лл. 5, 89; д. 554, л. 43.

⁹⁵ СДЗЗ, с. 117.

⁹⁶ Там же, с. 650—651.

⁹⁷ «Правда», 1928, 28 мая.

⁹⁸ ЦГАНХ, ф. 478, оп. 59, д. 26, лл. 57, 82об.

⁹⁹ Там же, оп. 20, д. 100, лл. 32, 35, 38, 43, 53, 54, 86.

¹⁰⁰ СДЗЗ, с. 161.

установленного общества» существенно расширил рамки его хозяйственной деятельности: за ним признавалось право «испрашивать под вексельные и другого рода обязательства ссуды на производство землеустроительных, мелиоративных и агрикультурных работ, приобретение сельскохозяйственного инвентаря и других надобностей, правильного и целесообразного использования находящихся в его пользовании земельных угодий». При этом устанавливалось, что «по своим обязательствам общество отвечает имуществом всех своих членов»¹⁰¹.

Таким образом, земельные общества располагали достаточно широким кругом полномочий, чтобы обеспечить соответствующую интересам и представлениям крестьянских масс решение вопросов землепользования и поземельных отношений, содействовать развитию сельскохозяйственного производства.

Высшим распорядительным органом земельного общества являлся сход полноправных членов, какими признавались все землепользователи, достигшие 18-летнего возраста¹⁰². Советское государство сразу демократизировало мирской сход, включив в его состав не только домохозяев, но и всех членов двора, в том числе и женщин, лишенных права голоса в старой крестьянской общине. Правда, кулачество в первые годы нэпа также пользовалось правом голоса на сходе и правом избрания в число уполномоченных общества. Сельская буржуазия допускалась к работе органов управления земельных обществ, поскольку политические вопросы по закону вообще были исключены из их ведения.

История взаимоотношений между земельными обществами и государством в сфере социально-политических отношений выходит за рамки настоящей работы. В связи с рассматриваемыми вопросами достаточно подчеркнуть, что через сельские и волостные Советы, через земельно-судебные комиссии и другие организации государство с течением времени все более эффективно контролировало и регулировало деятельность земельных обществ.

Ряд важнейших вопросов пользования землей, прямо связанных с классовыми взаимоотношениями (аренда земли и разделы дворов) или имеющих исключительно важное хозяйственное значение, согласно кодексу, могли быть разрешены только после утверждения или регистрации органами Советской власти¹⁰³. Это давало государству возможность проведения пролетарской классовой линии в области поземельных отношений.

Руководствуясь нормами советского земельного права и местными обычаями, сход решал все вопросы, касающиеся

---

¹⁰¹ ЗК РСФСР, 1928, с. 183.

¹⁰² СДЗЗ, с. 160.

¹⁰³ Там же, с. 158—159, 163.

землепользования и поземельных отношений членов общества, регламентировал общественные повинности, определял размеры денежных сборов, собираемых для оплаты работ по землеустройству, расходов по судебным делам, на содержание пастуха и т. п.¹⁰⁴ Сход земельного общества являлся первой инстанцией, решавшей вопросы приема новых членов и выдела земельных участков своим членам в участковое или коллективное пользование. Им обсуждались и утверждались договоры и торговые сделки с государственными и кооперативными организациями, займы и ссуды в кредитных учреждениях. Наконец, сход имел возможность в установленном порядке ставить вопрос о наказании нарушителей порядков землепользования. Вот характерный документ — «Приговор общества граждан деревни Митяково» (Судогодского уезда Владимирской губернии) от 8 июня 1924 г.¹⁰⁵ Сход принял решение ходатайствовать перед земельными органами о принудительном выселении одного из членов общества с выделом причитавшегося на его семью надела в хуторской участок. Причиной столь строгого приговора было невыполнение этим членом общества общественных повинностей, неуплата сборов, нарушение распоряжений схода об использовании общих угодий и вообще игнорирование земельного общества и его органов.

Решения схода земельного общества по вопросам землепользования и хозяйственного использования угодий никто не имел права изменять или отменять, если они не нарушали закона. Показательно в этом отношении разбиравшееся в 1924 г. в коллегии НКЗ РСФСР дело о протесте профсоюза рабочих и служащих Московско-Курской железной дороги против приговора общества крестьян деревни Перепечино о лишении железнодорожников станции Покров права пастьбы коров на выгонах общества. Крестьяне повысили плату за эксплуатацию своих угодий (с 4 до 10 руб. с коровы в год), что и послужило причиной конфликта. Отказ железнодорожников от уплаты повышенной цены повлек за собой решение земельного общества. Коллегия Наркомзема не могла отменить постановление схода, несмотря на то, что об этом ходатайствовала крупная профсоюзная организация¹⁰⁶. «Перепечинский инцидент» — не единственный конфликт с земельными обществами из-за выгонов.

25 октября 1926 г. ОКВК опубликовала специальное разъяснение по вопросу о размерах платы за пастьбу скота. В этом документе напоминалось об узаконениях, «воспрещающих взимание платы за землю (кроме случаев сдачи в аренду...)», и указывалось, что размер платы за пастьбу скота «должен находиться в соответствии с расходами общества по огоражива-

¹⁰⁴ Там же, с. 160—161.

¹⁰⁵ ЦГАНХ, ф. 478, оп. 59, д. 678, л. 27.

¹⁰⁶ Там же, д. 554, лл. 33—37.

нию выгона и найму пастуха, а также с размерами кормового довольствия скота посторонних лиц», и наконец, что решение общества по данному вопросу «может им приниматься под контроль ВИКа»¹⁰⁷. Однако после столь общего разъяснения конфликтные ситуации в пользовании выгонами не могли исчезнуть: резкое повышение цен перепечинцами, например, могло объясняться просто условиями недорода, каковой и имел место в 1924 г., иначе говоря, повышением цены «кормового довольствия», а не установлением платы за землю.

Ровно через год, 25 октября 1927 г., Наркомзем РСФСР разъяснил, что соглашение в таких случаях должно достигаться через волостные земельные комиссии¹⁰⁸, т. е. через инстанции земельного суда, пользовавшегося большим авторитетом в деревне.

Сход избирал уполномоченных по земельным делам, которым вменялось в обязанность решение текущих мелких вопросов поземельных отношений, ходатайствование по делам землепользования, представительство и защита интересов общества в земельно-судебных комиссиях и т. п. Только в тех случаях, когда границы земельного общества совпадали с границами сельского Совета, уполномоченные не избирались сходом, а выполнение их обязанностей поручалось председателю и членам Совета¹⁰⁹. Но и тогда сохранялись и земельное общество и сход как учреждения, отличные по своему составу, по своим задачам и функциям от сельских Советов. Закон специально оговаривал, что земельные общества не связаны с существующим административным делением¹¹⁰. Земельные общества в равной степени могли составлять и отдельные части селений, если их наделы полностью разделены, и несколько селений с самостоятельными сельсоветами и по административному делению входившими в состав не только разных волостей, но даже уездов. В этом случае управление делами осуществлялось избираемым на сходе правлением или советом уполномоченных от подразделений общества¹¹¹.

Все же, как правило, земельные общества территориально были более мелкими нежели сельские административные единицы. Общее число земельных обществ в РСФСР превышало 300 тыс., тогда как сельсоветов в конце 1926 г. насчитывалось 56,3 тыс., а волостей, районов и кантонов — 4,1 тыс.¹¹² В среднем на один сельсовет приходилось 6 земельных обществ, а на один волостной Совет — до 80. В районах, где преобладали

¹⁰⁷ ЗК РСФСР, 1928, с. 193.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ СДЗЗ, с. 160.

¹¹⁰ Там же, с. 159—160.

¹¹¹ ЗК РСФСР, 1928, с. 184.

¹¹² ЦСУ СССР. Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. XVII. М., 1929, с. 4—5.

мелкие деревни, на территории сельсовета бывало и по 20—30 обществ (например, на Севере¹¹³).

Сельские и волостные Советы, согласно «Положениям» о них, принятым в 1922 г., были обязаны в области сельского хозяйства оказывать содействие развитию производительных сил и осуществлять «надзор за точным соблюдением земледельческим населением действующих в республике законоположений и распоряжений по вопросам землеустройства и землепользования»¹¹⁴. В качестве органов государственной власти они вели контроль за исполнением законов, совместно с земельными учреждениями принимали меры к установлению правильных систем землепользования, способствовали внедрению и развитию коллективных форм пользования землей. Но все мероприятия в области земельных отношений они осуществляли только с согласия и через посредство обществ. Четкое разграничение функций местных Советов и крестьянских обществ в земельных делах характерно для советского права первых лет нэпа.

Являясь непосредственным и полноправным распорядителем предоставленных в пользу крестьянства земель, земельное общество тем самым приобретало решающее влияние в хозяйственной жизни деревни. Это влияние подкреплялось солидной материальной базой. В 20-х годах большинство сельских Советов не имело своего бюджета, тогда как земельные общества располагали постоянными и довольно значительными источниками доходов (согласно Уставу, они составлялись из средств самообложения, «арендной платы от сдачи обществственных угодий», дохода от «общественных полей и предприятий», государственных и кооперативных ссуд и займов и т. д.)¹¹⁵. В 1926/27 г. на территории РСФСР самостоятельный бюджет имели всего 1815 сельсоветов (3,2%). Общая сумма их бюджетов составляла 15,6 млн. руб. Бюджет же земельных обществ исчислялся в 70—100 млн. руб.¹¹⁶ Все это позволило земельному обществу противопоставлять себя сельскому Совету, а подчас и фактически подчинять его. А. С. Енукидзе — секретарь Президиума ЦИК СССР — в выступлении на XV съезде не случайно говорил о «многовластии» в деревне: «Я мог бы перечислить много примеров, когда земельные общества являлись действительной властью на местах, где они распоряжаются землей, одним из основных объектов жизни и деятельности местных Советов». Он предлагал «законодательным порядком установить такие отношения, чтобы Советы являлись хозяином деревни»¹¹⁷. Это

¹¹³ 3 сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 4-го созыва. Стенографический отчет, с. 761.

¹¹⁴ СУ РСФСР, 1922, № 10, ст. 92, § 21; ст. 93, § 12.

¹¹⁵ ЗК РСФСР, 1928, с. 183.

¹¹⁶ «Финансы и народное хозяйство», 1930, № 6, с. 14; «Правда», 1928, 20 мая; «Советское строительство», 1928, № 4, с. 45.

¹¹⁷ Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стенографический отчет, т. II. М., 1962, с. 1245—1246.

была назревшая задача, ибо сельские и волостные Советы должны были осуществлять государственное руководство ходом социалистического преобразования сельского хозяйства на местах.

Земельное общество по всем своим основным чертам представляло собой типичную крестьянскую общину с мирским самоуправлением. Великая Октябрьская революция уничтожила все реакционное, фискально-крепостническое в положении и функционировании общины. Крестьянская община как поземельная соседская организация равноправных мелких непосредственных производителей стала действительно свободным союзом трудящихся крестьян в пользовании национализированной землей.

Вопрос о месте общины в жизни советской доколхозной деревни и особенно в процессе коллективизации крестьянских хозяйств за последние годы стал предметом активного обсуждения. Решение этого вопроса требует рассмотрения всей совокупности социально-экономических и социально-политических функций общины. Тема настоящей работы ограничивает анализ общины выяснением организации земельных отношений и системы землепользования.

ОБЩИННОЕ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ

До начала сплошной коллективизации, как и накануне Великой Октябрьской революции, наиболее массовой формой крестьянского землепользования была общинная. Более того, масштабы общинного землепользования в результате уравнительного перераспределения земли в ходе революции намного возросли¹¹⁸. Поскольку уравнительное перераспределение охватило практически все земли и осуществлялось с помощью механизма переделов общинных земель, постольку в ходе революции вновь ожила и окрепла крестьянская община¹¹⁹, поглотившая земли не только помещиков, но и основной массы хуторян и отрубников. Юг, юго-восток, а в значительной части и Земледельческий центр были охвачены в 1918—1920 гг. широким движением против хуторов и отрубков. От удара, нанесенного революцией, участковое землепользование в этих районах уже не смогло оправиться. В Самарской губернии, например, его удельный вес снизился с 19% в 1916 г. до 0,1% в 1922 г.,

¹¹⁸ Данилов В. П. Об исторических судьбах крестьянской общины в России. — В кн.: Ежегодник по аграрной истории, вып. VI. Проблемы истории русской общины. Вологда, 1976, с. 103—106.

¹¹⁹ Процесс оживления общины в ходе уравнительного перераспределения земель хорошо показан в кн.: Келер В. и Романенко И. Первые итоги аграрной реформы. Опыт исследования результатов современного землеустройства на примере Задонского уезда Воронежской губернии. Воронеж, 1922, с. 95—115.

в Саратовской губернии — с 16,4 до величины в сотые доли процента, в Ставропольской губернии — с 24,9 до 0,4%, в Донской области — с 10,4 до 0,6%, в губерниях, образовавших впоследствии ЦЧО — с 4,1—10 до 0,1—1,2%. Сократилось участковое землепользование и в ряде губерний потребляющей полосы: в Московской губернии — с 9,3 до 3,3%, в Петроградской — с 28,7 до 22,7%, в Псковской — с 17,6 до 15,1%. Не пострадали хутора и отруба лишь в Смоленской и Витебской губерниях, в Белоруссии¹²⁰.

Распространенность общинной формы землепользования в начале нэпа можно охарактеризовать данными частичного земельного обследования ЦСУ, проведенного в 1922 г. Обследование показало, что общинное землепользование занимало тогда абсолютно преобладающее место, причем в основных земледельческих районах страны в общинном пользовании находилось около 98—99% всех крестьянских земель. Только в Западном и Северо-Западном районах удельный вес общинного землепользования снизился до 65—75%. В смежных с ними губерниях Центрально-Промышленной области процент общинных земель определялся примерно в 80—95 (см. табл. 10).

Таблица 10

Распределение удобной земли между различными категориями землепользователей (по данным выборочного обследования), в % *

Район	Сельские общества	Отруба	Хутора	Колхозы	Совхозы	Прочие
Крайний Север	98,7	0,7	0,3	0,1	0,1	0,1
Приозерный	68,9	6,1	4,0	0,2	0,7	20,1
Московско-Промышленный	90,7	2,5	1,7	0,4	1,1	3,6
Центрально-Земледельческий	90,5	0,0	0,1	0,2	5,6	2,6
Приуральский	95,8	0,3	0,8	0,7	0,6	1,8
Нижне-Волжский	98,0	0,2	0,1	0,7	0,9	0,1
Новороссийский	82,2	0,1	3,5	1,1	6,8	6,3
Малороссийский	90,0	1,8	2,1	0,5	3,0	2,6
Юго-Западный	93,4	0,8	0,8	0,1	3,6	1,3
Белорусский	63,5	3,8	20,7	0,7	2,0	9,3
Юго-Восточный	95,4	0,2	2,1	0,7	0,7	0,9
Западно-Сибирский	89,3	5,8	0,6	1,1	1,6	1,6
Восточно-Сибирский	96,0	—	0,4	0,2	1,0	2,5

* ЦСУ СССР. Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918—1923. М., 1924, с. 98.

Господство общинных принципов землепользования в деревне обусловило ряд существенных моментов в поземельных и вообще социально-экономических отношениях крестьянства.

¹²⁰ Материалы по земельной реформе 1918 г., вып. 1. М., 1919, с. 9—10; Першин П. Н. Участковое землепользование в России, с. 8; ЦГАНХ, ф. 478, оп. 59, д. 559, лл. 45, 60; ЦГАОР, ф. 4085, оп. 9, д. 195, л. 1.

Вся земля, предоставленная в пользование общины, разделялась на две категории. Основные угодья, подвергавшиеся в процессе производства той или иной обработке (пашня и сенокос), а также усадьбы распределялись в частное пользование членов общины. В общинном наделе им принадлежало преобладающее место, хотя и далеко не одинаковое в различных районах страны. На Северном Кавказе, по данным обследования 1922 г., в пользование отдельных хозяйств поступало 74,9% общинного надела, в Нижнем Поволжье — 78,2%, в Среднем Поволжье (без Оренбургской губернии) — 79,9%, в Московско-Промышленном районе — 72,8%. В малоземельном Центрально-Земледельческом районе, где была особенно высока распаханность полей, удельный вес этой части общинного надела достигал 88,3%. Зато в лесистых районах, где для земледелия были менее благоприятные условия, он намного снижался: в Приозерном — до 59,5%, в Уральском — до 47,3%, а в Северном — до 45,2%¹²¹. Вспомогательные угодья — выгоны, прогоны, воды, неудобные земли и пр. — оставались в общем, нераздельном пользовании всех членов общины. Однако четкой грани между участками раздельного и совместного пользования не проводилось. Участки, распределенные между отдельными дворами, на известный период времени поступали в общественное пользование (выпас скота по жнивью и т. д.).

Размеры надела каждого общинника не были закреплены навечно. Они периодически изменялись в целях уравнительного распределения земли между членами общества. Земля распределялась между всеми дворами общества на одинаковых основаниях: в зависимости от количества разверсточных единиц, приходившихся на двор. Закон закреплял применение двух основных видов разверстки — по едокам и работникам. Допускались переделы и по смешанной системе, учитывающей оба эти принципа¹²². Эти виды разверсточных единиц, как наиболее демократические, были распространены повсеместно. Лишь там, где кулачество сумело захватить руководство в свои руки, имели место переделы по скоту и по фактическому землепользованию (чаще всего луговых угодий)¹²³. В первые годы нэпа весьма часто за разверсточную единицу в общинах принимались также ревизские души или наличные души мужского пола. По данным анкетного опроса 984 селений в 1922 г. последний передел был произведен по едокам в 72% селений, по работникам — в 2%, по старым ревизским душам — в 14% и по наличным душам мужского пола — в 12% селений¹²⁴. Передел по ревиз-

¹²¹ ЦСУ СССР. Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918—1923. М., 1924, с. 98; ЦСУ СССР. Статистический ежегодник. 1922 и 1923, вып. 1. М., 1924, с. 179—181, 191.

¹²² СДЗЗ, с. 167.

¹²³ ЦГАНХ, ф. 478, оп. 30, д. 149, л. 19; оп. 59, д. 32, лл. 25—26.

¹²⁴ «Вестник статистики», кн. XIII, 1923, № 1—3, с. 145.

ским душам в деревне Заречье Плюсской волости Лужского уезда привел к тому, что 10 дворов с 57 едоками получили 9 ревизских наделов, а 20 дворов с 70 едоками — 27 наделов¹²⁵. Иначе говоря, в первой группе дворов на надел приходилось по 6,3 едока, а во второй группе — только по 2,6 едока. В многоземельных районах (особенно, в Сибири) и после принятия Земельного кодекса полевые угодья часто делились по дворам, а сенокосные — по скоту. Наркомзем и ОКВК неоднократно возвращались к этому вопросу, вновь и вновь разъясняя недопустимость распределения земли по дворам, по скоту и т. д. В частности, 28 ноября 1925 г. Наркомзем принял специальный комментарий к ст. 117 Земельного кодекса: «...двор в качестве разверсточной единицы служить не может», поскольку «такой способ распределения земли, ввиду неизбежной разнохарактерности дворов по составу» (число членов, работоспособность их и т. д.), «означал бы распределение не на одинаковых основаниях между всеми дворами, а заведомо неравномерно»¹²⁶. Борьба против применения несоответствовавших духу советской политики принципов распределения земли имела важное социальное значение, ограничивала кулачество, облегчала положения бедноты.

Вопрос о разверсточной единице повсеместно обсуждался на крестьянских конференциях, на совещаниях и съездах земельных работников. Почти неизменно крестьяне высказывались за распределение земли по едокам, как наиболее справедливое¹²⁷. Однако эта «справедливость» была относительной — многосемейные хозяйства получали наделы, обеспечивающие возможность создания крупного хозяйства, тогда как у малосемейных, особенно в районах земельной тесноты, наделы оказывались столь малы, что в условиях многополосицы обрабатывать их было невозможно. Установление обязательного минимума земельного надела для малосемейных хозяйств (такая идея высказывалась¹²⁸) было нереальным из-за сильнейших различий в обеспеченности крестьянских хозяйств землей не только между зонами и районами, но и между земельными обществами. Практический опыт позволил все же несколько рационализировать распределение земли по едокам. 19 декабря 1925 г. Ленинградский губисполком утвердил «Обязательное постановление об установлении разверсточной единицы...», введившее такую систему пределов земли по едокам, при которой происходило «усередне-

¹²⁵ ЦГАНХ, ф. 478, оп. 59, д. 43, лл. 21—22.

¹²⁶ ЗК РСФСР, 1928, с. 276—277. См. также с. 279, 280; ЦГАНХ, ф. 478, оп. 30, д. 149, л. 19; оп. 59, д. 32, л. 26; д. 43, л. 22.

¹²⁷ СХЖ, 1926, № 19, с. 10—11.

¹²⁸ Там же, с. 11. Своеобразным установлением земельного минимума в пределах общины было распространенное в деревенской практике правило наделять дворы, имевшие от 2 до 4 едоков, землей на 4 разверсточные единицы, чтобы избежать мелкополосицы (*Ржаницын А. А.* Для чего и как надо производить пределы земли. М., 1925, с. 14).

ние» наделов отдельных хозяйств: на средний крестьянский двор в 5 едоков приходилось 5 разверсточных единиц, при увеличении числа едоков прибавлялось, а при уменьшении — убавлялось не по единице, а только по половине. На двор в 6 едоков приходилось 5,5 разверсточных единиц, на двор в 7 едоков — 6 единиц и т. д. На двор же с 4 едоками выходило 4,5 единицы, на двор с 3 едоками — 4 единицы и т. д. Минимальный надел оказывался равным трем разверсточным единицам¹²⁹. В 1926 г. этот способ разверстки, получив одобрение на совещании земельных работников Северо-Западной области¹³⁰, стал распространяться и в соседних губерниях. В многоземельных районах делались попытки рационализировать разверсточную единицу путем совмещения распределения земли по едокам и по работникам¹³¹.

Советское государство стремилось обеспечить каждому крестьянскому хозяйству прочность землепользования, уверенность, что не будет напрасной затрата средств и труда на улучшение хозяйства. Еще в 1920 г. был принят ряд мер, ограничивающих бесхозяйственные переделы земель. В этих же целях со дня издания «Закона о трудовом землепользовании» от 22 мая 1922 г. «за волостями, селениями и другими сельскохозяйственными объединениями» было признано «закрепленным в постоянное трудовое пользование все то количество земли, которое ныне находится в их фактическом трудовом пользовании и было закономерно предоставлено им...». Отныне, — гласил закон, — «дальнейшее поравнение земель между волостями и селениями в обязательном порядке прекращается...»¹³². Тем самым процессы уравнительного перераспределения земель резко ограничивались. На большей части территории страны переделы земли могли теперь производиться только внутри земельных обществ. Все же было бы ошибкой считать, что поравнение земель между селами и волостями больше не производилось вообще. В стране имелись обширные районы, где задачи аграрной революции раньше не могли быть решены в сколько-нибудь полной мере из-за гражданской войны или необходимости значительных подготовительных работ. Так было в казачьих районах Дона, Кубани и Терека, где коренное перераспределение земли осуществлялось в ходе межселенного и внутриселенного землеустройства до конца 20-х годов¹³³. Так было в автономных республиках и областях Северного Кавказа, где пе-

¹²⁹ Шмускович Н. Г. Переделы и выделы земли. М.-Л., 1926, Прил., с. 18—19.

¹³⁰ СХЖ, 1926, № 30, с. 28.

¹³¹ СДЗЗ, с. 167.

¹³² Там же, с. 143.

¹³³ Перехов Я. А. Об аграрных преобразованиях на Дону и Кубани в первые годы социалистического строительства (1920—1925 гг.). — В кн.: Проблемы аграрной истории советского общества. Материалы научной конференции 9—12 июня 1969 г. М., 1971, с. 45—48; Осколков Е. Н. Указ. соч., с. 48—52; Бабичев М. М. К вопросу о земельной политике Советской власти на Кубани в 1920—1924 годах. — В кн.: Великий Октябрь и первые социаль-

перераспределение земель было связано с национальным размежеванием и частичным расселением¹³⁴. Но и в других местностях между отдельными волостями и селами сохранилось крайнее неравенство в обеспечении земель, заставлявшее крестьян требовать передела земли в порядке межселенного землеустройства. В Бродоколмаковском районе Челябинского округа постановлением I районного съезда Советов 18 февраля 1924 г. был возбужден вопрос о межселенном разверстании земель. К весне 1925 г. оно уже было проведено; в результате разверстки по числу едоков девять обществ получили прирезки (иногда значительные) за счет наделов трех многоземельных обществ. Интересно, что новое распределение земель было одобрено всеми обществами и прошло в бесспорном порядке¹³⁵. Чаще необходимость межселенных переделов возникала при разделении сложных общин, наблюдавшемся до конца 20-х годов. В Пундуковской волости Кадниковского уезда Вологодской губернии село Копешное вместе с 8 другими селениями до 1925 г. составляли сложное земельное общество. Ввиду запутанности землепользования (109 чересполосно расположенных участков сельских наделов, в том числе 9 участков общего пользования!) был произведен раздел земли между первичными обществами (по едокам). Тогда же и по такому же поводу уравнительному разверстанию подверглись земли ранее составлявших единую общину сел Светловичи, Глуховка, Скачек и Габровка в Гомельском уезде, Титово и Борисово в Сергиевском уезде Московской губернии¹³⁶. Отличие межселенного поравнения земель в 20-х годах состояло не только в том, что случаев его проведения было меньше, чем в 1918—1921 гг., но и прежде всего в том, что оно не носило обязательного характера, осуществлялось по воле самого населения.

Острые уравнильности как принципа крестьянского пользования землей в условиях 20-х годов было направлено на распределение ее между отдельными дворами внутри селения, внутри общины. Именно оно определяло реальный объем землепользования крестьянина — главное условие его хозяйственной деятельности. Вопросы внутриселенного распределения земли принадлежали к числу самых актуальных и острых в жизни крестьянина. Государство, обеспечивая возможность периодического уравнивания размеров крестьянского землепользования,

---

но-экономические преобразования на Кубани. Сборник статей. Краснодар, 1974, с. 35—52; *Щетнев В. Е.* Кубанская станица до коллективизации сельского хозяйства.— Там же, с. 64—79; и др.

¹³⁴ *Гюев М. И.* Ленинская аграрная политика в городском ауле. Орджоникидзе, 1969, с. 130—247; *Овчинникова М. И.* Советское крестьянство Северного Кавказа (1921—1929 гг.). Ростов-на-Дону, 1972, с. 62—73, 102—114; и др.

¹³⁵ СХЖ, 1926, № 20, с. 6.

¹³⁶ Там же, с. 6—7; СХЖ, 1926, № 39, с. 10—11.

вместе с тем стремилось ограничить его отрицательные хозяйственные последствия. Земельный кодекс устанавливал, что основные пахотные земли могли переделываться только по истечении времени, необходимого для трехкратного проведения принятого в обществе севооборота, а при отсутствии правильного севооборота не менее 9 лет. В промежутках между общими переделами допускалось только частичное уравнивание земель путем «скидок-накидок», при которых участки отдельных дворов не меняли своего расположения и только излишки земель одних дворов передавались другим. Законом были исключены из передела «в натуре» усадьбы с жилыми и хозяйственными строениями, участки под огородами, садами и другими ценными насаждениями, а также земли, на которых были произведены коренные улучшения (искусственное орошение или осушение и т. п.). Их площадь должна была приниматься в расчет при определении отводимого отдельным дворам количества других угодий¹³⁷.

В дальнейшем изложении неоднократно придется встречаться с земельными переделами и связанными с ними документами. Здесь приведем лишь один, но весьма характерный документ, непосредственно исходящий из крестьянской среды и наглядно раскрывающий реальные нормы, применявшиеся при переделах. «Приговор общего собрания граждан деревни Ишугина Загаринской волости» (Муромский уезд Владимирской губернии) от 28 апреля 1923 г. определял условия передела всех земель, имевшихся в обществе. В параграфе «Приговора», относящемся к усадебным землям, было записано: «Постановили определить для каждого хозяйства в размере 600 квадратных сажен¹³⁸. Те граждане, у которых окажется больше 600 сажен, те обязаны разделяться пахотной землей (с теми гражданами. — В. Д.), у которых нехватает от первых номеров».

Таким образом, усадьбы фактически не переделывались, различия в их размерах должны были компенсироваться при переделах пашины.

В параграфе «Об уравнивании пахотной земли» говорилось: «постановили норму положить одинаковую для всех граждан, не считаясь с возрастом. Означенный передел должен существовать в течение 9-ти лет. В течение означенного срока должна производиться скидка-накидка, то есть через 3 года. Земля

---

¹³⁷ СДЗЗ, с. 167—168, 638. «Нормальный устав земельного общества» рекомендовал устанавливать длительные сроки между общими переделами земли (15, 18 и более лет), а также указывать сроки, в течение которых «скидка и накидка между дворами не производится» (ЗК РСФСР, 1928, с. 182).

¹³⁸ Квадратная сажень = 4,552 кв. м; 2400 кв. саженей образуют десятину, следовательно, 600 кв. саженей составляли четвертую часть десятины и немногим более четвертой части гектара (2731 кв. м)

должна производиться каждому хозяйству на наличных едоков, и включить лиц, находящихся в Красной Армии и в высших учебных заведениях. Те (граждане. — В. Д.), которые находятся на отхожих промыслах, должны наделяться в порядке очереди с выбывающих едоков»¹³⁹.

Условия передела земли, определенные «Приговором», вполне соответствовали нормам Земельного кодекса, что отчасти может объясняться присутствием на собрании представителя уездного земотдела, выступившего к тому же с докладом «О Земельном кодексе». Однако основные принципы проводившегося передела были изложены не формулами закона, а понятиями, обращающимися в самой крестьянской среде. Привлекают внимание чрезвычайная конкретность и последовательность в определении принципа наделять землю только наличные души (с исключением из этого общего правила только для красноармейцев и студентов). Отходник лишь сохраняет право на надделение землей при возвращении, да и то отнюдь не на немедленное, а «в очередь», и тою только землей, которая останется после выбывающих душ (во всяком случае, до проведения очередной «скидки-накидки»).

Переделы земли часто проходили в обстановке острых конфликтов и затяжных споров, порождаемых прежде всего столкновениями интересов, особенно между имущими и неимущими, но также и недоразумениями, возникавшими из-за неграмотности неумелого оформления решений на сходах. За 1925/26 г., например, на территории РСФСР в волостных земельных комиссиях рассматривалось 14 тыс. споров по полным и частичным переделам земли, не считая споров по поводу надделения земель (68,9 тыс. дел) и лишения прав на землепользование (29,4 тыс. дел), значительная (если не большая) часть которых или возникала в процессе переделов, или вела к ним¹⁴⁰. В начале 1925 г. Наркомзем РСФСР разработал универсальный формуляр приговора об общем переделе земли, в котором содержался перечень вопросов, требующих решения на сходе, а в ряде случаев предлагался и способ записи этих решений, исключая двойные толкования и точно фиксирующий права каждого двора (число едоков и число «земельных паев» — разверсточных единиц, приходящихся на его долю по прежнему и по новому переделу). Формуляр предусматривал указание численности членов общества и участников схода¹⁴¹, а также имен, избранных для проведения передела упол-

¹³⁹ ЦГАОР, ф. 5201, оп. 6, д. 259, л. 190. В цитатах автором исправлены только грамматические ошибки.

¹⁴⁰ СХЖ, 1927, № 24, с. 7—8.

¹⁴¹ Согласно Земельному кодексу, решение о переделе признавалось законным, если оно было принято простым большинством на сходе не менее половины полноправных членов, т. е. домохозяев или их взрослых представителей (СДЗЗ, с. 160, 167).

номоченных и пределов полномочий последних. Важное значение имело введение в приговор мотивировки проведения передела, предлагавшей использовать его для улучшения системы землепользования и полеводства (замены трехполья многопольем и т. д.). Под приговором требовались подписи не только согласных с принятым решением, но и несогласных, которые могли изложить «мотивы несогласия». Наконец, приговор вступал в силу лишь после его регистрации в волостном исполнительном комитете и проверки «на сельсоходе членом волисполкома»¹⁴².

Приговор земельного общества села Корытница Окуловской волости Маловишерского уезда Новгородской губернии от 16 апреля 1925 г., составленный на основе наркомземовского формуляра, отличался от рассмотренного выше приговора ишутинцев прежде всего большей детальностью решений и юридической грамотностью их записи, точной фиксацией числа едоков и разверсточных единиц каждого двора (в трех случаях имеется отметка «от одной доли отказывается»; в одном случае двор насчитывал 11 едоков, во втором — 5, в третьем — 3).

Сход, на котором присутствовало 57 полноправных членов (из 66) от 18 дворов, принял 39 голосами против 6 при 12 воздержавшихся приговор о переделе всей земли: «Включить в совместное разверстание с пахотной землей и землю, лежащую под пустошными покосами, как бывшую купчую (!), так и наделную наших однообщинников». При этом было решено «выделить по правую сторону дороги из д. Березовика 1½ дес. под школьный участок, а по левую — 1½ дес. под общественную запашку, которую пахать и засеять обществом». Точно перечислялись угодья, которые выгораживались «под общую ухоть», и обозначались прогоны для скота. В связи с переходом от «узкополосицы и трехполья к четырехполью» устанавливалось правило отводить «каждому домохозяину не более двух полос в поле».

Передел пахотных полей должен был начаться сразу «по утверждению приговора с паренины», т. е. с парового клина. Более конкретно определялся способ распределения покосов, вероятно потому, что упоминавшиеся «пустошные покосы» на бывших купчих делились впервые: «Полевые покосы наделить по одной полосе в каждом поле на двор, в пустоши Ковыряловке — по другой, в пустоши Горончицах — по третьей и в Журавниках — по две покосных полосы». Усадебные участки было решено «равнять в дубовом поле», т. е. в поле, где дубы. «Порядок нарезки полос пахотных и покоса» отдельным дворам определялся «по жребью...»

Условный текст примерного приговора превратился в реальный документ, наполненный живым содержанием. Из форму-

¹⁴² ЗК РСФСР, 1928, с. 632—633.

ляра в нем остались лишь наиболее общие клаузулы и порядок изложения решений по конкретным вопросам. В то же время все не отвечающее обстоятельствам и стремлениям крестьян Корытницы оказалось просто опущенным. Формуляр содержал, например, рекомендацию производить «возмещение отдельных домохозяев за улучшения». В реальном приговоре об этом ничего не говорилось. Сравнение изложенных выше документов показывает: насколько существенную помощь крестьянину в самых сложных и острых для него вопросах оказывала работа советских и государственных органов.

Приговор о переделе земли в Корытницах вызвал недовольство двух сторон. Мотивы несогласия одной стороны были изложены кратко: «Зачем в разверстку пустили мою б. купчую землю?» Однако жаловаться эта сторона не стала: знала, что после 1917 г. владела купчими землями незаконно. Вторая сторона была представлена Вас. Фроловым, который сына «в заработки пустил на цементный завод», а общество отказалось наделять его землей, Ив. Горбачевым, не получившем землю на зятя — бывшего батрака, и Сем. Стрекаловым, вышедшим в 1918 г. из общины в колхоз и желавшим вернуться, поскольку колхоз распался (у него в семье было 6 едоков). По жалобам этих трех крестьян вопрос о переделе земли в Корытнице на протяжении трех месяцев рассматривался и в волостной, и в уездной, и в губернской земельных комиссиях. Община по масштабам новгородчины была многоземельной (на 100 едоков она имела 103 дес. пашни и 260 дес. покоса, а всего до 500 дес.), и суд обязал ее удовлетворить просьбы о наделении землей и сына Вас. Фролова, и зятя Ив. Горбачева, и семьи Сем. Стрекалова¹⁴³.

В 1923—1926 гг. органы Рабоче-крестьянской инспекции и Наркомзема сообщали о повсеместных ежегодных переделах общинных земель в Костромской, Пензенской, Тамбовской и Орловской губерниях, в Уральской области, на Северном Кавказе¹⁴⁴. В Воронежской губернии фактические промежутки между переделами в подавляющем большинстве случаев были меньше 9-летней нормы (398 из 479 обследованных общин, причем в 74 общинах передел был произведен только на один год, в 122 общинах — на три года и в 202 — на шесть лет)¹⁴⁵. В материалах обследования сел Екатеринославской губернии на Украине в 1924 г. отмечалось: «Переделы совершаются почти ежегодно и даже посреди севооборота. Агитация за шестипольный севооборот натывается на это непреодолимое препят-

¹⁴³ Земельный суд и судебнo-земельное делoпроизводство. Пособие для земельных комиссий. Новгород, 1925, разд. III, с. 17—26.

¹⁴⁴ ЦГАНХ, ф. 478, оп. 59, д. 559, л. 47; д. 633, л. 14; ЦГАОР, ф. 4085, оп. 9, д. 225, л. 1; д. 261, лл. 7, 60; д. 280, лл. 176, 177; д. 302, лл. 24—25; д. 305, л. 38.

¹⁴⁵ ЦГАОР, ф. 4085, оп. 9, д. 526, л. 158.

ствие»¹⁴⁶. Слишком частые переделы земель фиксировались и позже, причем даже в многоземельных районах. При обследовании эффективности землеустройства летом 1929 г. на Средней Волге среди крестьянских жалоб на неудобства общинного землепользования была записана и такая: «Стали ежегодно переделы, что мешает обрабатывать землю»¹⁴⁷.

По известному афоризму начала 20-х годов, «земля как бы расплавилась и стала перетекать из рук в руки». При общих переделах участки, находившиеся в пользовании отдельных хозяйств, обезличивались и, как говорили крестьяне, «складывались в общий котел». Новое распределение, как правило, меняло не только размер землепользования отдельного двора, но и его местоположение. Частые, неупорядоченные переделы земель вредно отражались на развитии крестьянского хозяйства. Постоянные перемены в расположении и размерах земельного надела лишали крестьянина стимула к вложению средств на улучшение плодородия почвы (внесение удобрений, проведение мелиоративных работ и т. п.), к внедрению многолетних культур и т. п.

Ограничение переделов земель трудно проводилось в жизнь. Значительные передвижения сельского населения как следствие длительной войны, разрухи и голода 1921 г., быстрый компенсаторный рост его численности с 1922 г., стремление крестьян сохранить равенство землепользования — все это служило почвой, порождавшей беспрепятственные переделы земель. Однако они не были всего-навсего экономической нелепостью, простым анахронизмом. Ими двигал, определяя их глубину, интенсивность и продолжительность, социальный императив — воля миллионов масс крестьянства к земле и труду в условиях свободы от гнета помещиков и крупного капитала, к осуществлению своих представлений о правде и справедливости. Именно поэтому, несмотря на ряд неблагоприятных последствий, связанных с земельными переделами (как, впрочем, и с рядом других обстоятельств), сельскохозяйственное производство в весьма короткий срок было восстановлено и во второй половине 20-х годов заметно превысило довоенный уровень (специально об этом см. третью главу). Поэтому же Советское государство не только не запрещало земельные переделы, но, напротив, способствовало их проведению всюду, где они могли помочь бедноте, ограничить кулацкую эксплуатацию.

По мере развертывания хозяйственной работы государства на местах и укрепления связей Советов с массами стало выясняться, что нередко кулачеству удалось сохранить земельные наделы в размерах, отнюдь не соответствовавших уравнитель-

¹⁴⁶ Сборник материалов обследования села Екатеринославской губернии и инструкции уезжающим на село работникам. Екатеринослав, 1924, с. 16.

¹⁴⁷ «Среднее Поволжье», 1929, № 11, с. 19.

ным нормам, что в отдельных деревнях не было уравнительного передела земли ни во время революции, ни после. Много таких случаев было зарегистрировано в северной полосе Европейской России, в Зауралье, Сибири. В условиях распыленности по мелким деревням, отрезанности от культурных и индустриальных центров крестьянская среда в большой мере сохраняла патриархальные устои, пережитки дореволюционных структур, кулацкое засилье. В районах, где удобные земли были разбросаны среди лесов и болот, часто мелкими угодами и на больших расстояниях от деревень, «складывание в общий котел» земельных участков, обрабатываемых крестьянами, было достаточно сложным и хлопотным делом. Здесь даже при частых переделах земель в ближайшей к деревням округе бывшим собственникам удавалось сохранять в своих руках «купчие пустоши» с покосами, а иногда и с пашнями. Все это было прямым нарушением советского закона, почти всегда означало сохранение преимуществ в фактическом пользовании землей за кулаком и неосуществление прав, предоставленных бедноте.

21 мая 1925 г. Наркомзем РСФСР разослал по всем своим уполномоченным, областным, губернским и уездным земельным управлениям циркулярное распоряжение «О недопущении частых переделов, противоречащих Земельному кодексу», в котором констатировалось, что «по имеющимся сведениям многие земельные общества не соблюдают установленных сроков для производства земельных переделов, допуская более частые переделы», и что «наряду с этим имеются земельные общества, в которых за время революции не было произведено передела земли и в них до сих пор сохранилось сложившееся в дореволюционное время неравномерное распределение земли по разверсточным единицам, не отвечающим указаниям Земельного кодекса (по ревизским душам, только по мужским душам и т. п.)». Отмечалось, что попытки «передовой части» членов таких обществ добиться передела по советским нормам «разбиваются о сопротивление» тех, кто пользовался землей «сверх причитающейся им по числу разверсточных единиц». В связи с этим местным земельным органам «для руководства и исполнения» были сделаны указания строго проводить установленные законом ограничения «в отношении сроков переделов», вплоть до «восстановления существовавшего до незаконного передела землепользования с привлечением уполномоченных по земельным делам к ответственности» в тех общинах, где «за время революции был произведен общий передел земли». В тех же общинах, где «за время революции не было произведено вовсе общего передела земли», предлагалось «принять меры к производству общего передела на основах Земельного кодекса». В этих случаях не требовалось согласия большинства представителей дворов: «передел должен быть произведен

по требованию хотя бы одного члена общества, а если такого требования не заявлено, то — по указанию сельсовета или волисполкома»¹⁴⁸.

Если ограничение слишком частных переделов земли в дальнейшем осуществлялось в порядке контроля за соблюдением закона, то проведение их в обществах, уклонявшихся от уравниения землепользования, потребовало разработки дополнительных правовых норм. 8 февраля 1926 г. ВЦИК и СНК РСФСР дополнили статью 116 Земельного кодекса, устанавливающую порядок принятия приговора о переделе, примечанием: «В тех земельных обществах с общинным порядком землепользования, в которых за время с 7 ноября 1917 г. не было произведено общего передела или уравнительного распределения земли на одинаковых для всех членов общества основаниях и в которых сохранилась значительная неравномерность в землепользовании дворов по сравнению с имеющимися в их составе разверсточными единицами (едоками, рабочими силами или смешанными), общий уравнительный передел или скидка и накидка наделов в целях уравнительного землепользования производится по требованию хотя бы меньшинства членов общества...»¹⁴⁹.

Юридически более четкая формулировка условий и порядка переделов земли в неимевших массового распространения случаях предупреждала возможность расширительного толкования закона и тем самым ограничивала его применение. Эту же цель преследовало снятие обязательности проведения таких переделов, свойственной, по существу, циркуляру НКЗ РСФСР от 21 мая 1925 г., и введение дополнительного условия: получение разрешения первоначально со стороны Наркомзема, затем (с 14 ноября 1927 г.) — со стороны краевых, областных или губернских исполкомов Советов¹⁵⁰. Тем не менее главное состояло в том, что законом утверждалась возможность и целесообразность уравнительного перераспределения земли там, где оно по каким-то причинам не было проведено раньше. Государство и после перехода к нэпу содействовало осуществлению крестьянских стремлений к уравнительному землепользованию и в частности использованию земельных переделов как средства ограничения кулачества и улучшения положения бедноты. Две тенденции, выявившиеся в государственном регулировании земельных переделов, очень точно отражают особенности социально-экономического развития в условиях нэпа: подъем

¹⁴⁸ СХЖ, 1925, № 20. Прил., с. 18—19.

¹⁴⁹ СДЗЗ, с. 655.

¹⁵⁰ 14 ноября 1927 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли новую редакцию примечания к ст. 116 Земельного кодекса (см. СДЗЗ, с. 664—665). Получение согласия Наркомзема на проведение передела земли осложняло и затягивало решение вопроса (см. СХЖ, 1926, № 23. Официальный отдел, с. 6). Получить разрешение от исполкомов Советов можно было намного скорее и проще.

мелкого крестьянского хозяйства и ограничение его классового расслоения. Они свидетельствовали о том, что принципы союза рабочего класса и крестьянства — опора на бедноту, поддержка середняцких слоев и борьба с кулачеством — лежали в основе советской земельной политики.

Существенные особенности были свойственны земельным переделам, как и всей системе общинного землепользования, в многоземельных районах страны, особенно в Сибири. Там имелось много селений с общинной системой землепользования, где переделов пашни вовсе не проводилось, поскольку не было земельной тесноты. Правда, сенокосы и в них делились почти ежегодно, как правило, перед самым покосом, когда определялся урожай трав: в сухой год урожай давали низины, а «гривы» выгорали, в сырой — напротив, вымокали низины¹⁵¹. По данным выборочной переписи крестьянских хозяйств 1927 г., в Сибири 37,8% из них находились в общинах с переделами земли, 36,6% — в беспеределных общинах (с вольным захватом), 8,6% — на хуторах и отрубках, 16% не имели своей земли¹⁵². Однако и в организации беспеределных общин, и, главное, в сознании крестьян, состоявших в них, была заложена идея возможности и даже неизбежности проведения переделов, как только этого потребует рост населения. Уставы сибирских общин очень отчетливо зафиксировали этот важный принцип.

В уставах Жигаловского и Ново-Мысовского земельных обществ Колпашевского района Томского округа было сказано, что порядок землепользования принят «общинно-чересполосный», однако переделов не проводилось, каждому двору предоставлялось «впредь до землеустройства... количество полос, фактически находящихся в пользовании». В соответствующих параграфах уставов фиксировалась разверсточная единица (едок), однако тут же и оговаривалось, что «впредь до проведения землеустройства остается фактически используемая земля». В духе этой оговорки изложен и вопрос о скидках-накидках: последние «из фактического пользования впредь до проведения землеустройства не производятся». Параграф о сроках общих переделов вообще отсутствует. Распределялись между отдельными дворами только сенокосные угодья, причем в параграфе, фиксирующем это обстоятельство, пояснялось, что именно они «у значительной части членов земельного общества являются основными угодьями». Только для них устанавливали «срок общего передела»: 5 лет и принималась разверсточная единица: «на едока»¹⁵³.

¹⁵¹ Максимов В. Е. Формы землепользования в Сибири. Ново-Николаевск, 1925, с. 10—11, 12, 36—37.

¹⁵² Статистика Сибири. Сборник статей и материалов, вып. 1. Новосибирск, 1930, с. 21.

¹⁵³ Государственный Архив Томской области (далее — ГАТО), ф. Р-644, оп. 1, д. 52, лл. 12—14, 18—21.

Чрезвычайно интересна формулировка о пользовании пахотными землями в уставе Копыловского общества того же Колпашевского района: «Каждому двору представляется право с разрешения земельного общества раскорчевывать *в любом количестве и месте* площадь под пашню и пользоваться ею *до землеустройства* (подчеркнуто автором.— В. Д.).

Примечание: Земля в Копыловском земельном обществе, предназначенная под пашню, представляет из себя вырубленный бор, покрытый пнями, валежниками и мелким сосняком с песочной почвой и требует усиленного труда по раскорчевыванию и удобрению». Аналогичная формулировка употреблена и в уставе Ново-Хоперского общества.

Имеем ли мы дело с обычной для Сибири ситуацией, когда земля, «сама не измеренная», не переделялась, поскольку ее было много, а освоить трудно, или перед нами вновь возникающие общества, только еще начинающие осваивать землю,— в любом случае предполагалось, что рано или поздно будет переделяться и пашня. Об этом говорит и указание, что существующий порядок сохраняется «до землеустройства» и общая формула: «Порядок землепользования в Копыловском (соответственно, в Ново-Хоперском.— В. Д.) земельном обществе применяется общинный с уравнительными переделами земли между дворами...»¹⁵⁴. Заметим, что наркомземовский примерный устав в соответствующем параграфе предлагал ряд вариантов определения «порядка землепользования в обществе»: «общинный (чересполосный или отрубной)», «участково-чересполосный», «участково-отрубной», «товарищеский (с.х. артель) и т. д.»¹⁵⁵

Существенно отличается от рассмотренных устав Баранковского земельного общества. Это несомненно, старая община с издавна сложившейся своеобразной системой землепользования и развитыми мирскими институтами. В 1925 г. оно провело землеустройство, имеет «надельный план», в котором точно указаны все угодия, распределенные на участки с точным указанием назначения каждого из них. Здесь имелся и участок, предоставленный «в пользование Баранковского комитета общественной взаимопомощи», и общественный земельный фонд, предназначенный «для наделения отсутствующих членов общества в случаях их возвращения», пока же используемый «обществом путем сдачи в аренду», и 29 запасных усадебных участков для «вновь организующихся при семейно-имущественных разделах дворов» и 8 усадебных участков, оставленных «в общественном пользовании для сооружения на них общественных зданий». В «нераспределенном пользовании» общества помимо выгона находились также участки малоудобных и не-

¹⁵⁴ Там же, лл. 30—33, 38—47.

¹⁵⁵ ЗК РСФСР, 1928, с. 281.

удобных земель и лесные участки. Как видим, это было многоземельное селение.

Своеобразна система распределения между крестьянскими дворами пашни, которая признавалась «основным видом угодий», и сенокосов. Вот, как характеризует ее устав:

«§ 8. Пахотные земли Баранковского общества разверстаны на групповые 100-долные хозяйственные кварталы.

§ 9. Каждой группе дворов, составляющей 100 разверсточных единиц, предоставляется в пашне один групповой отруб.

§ 10. В пахотном групповом отрубе каждому двору... предоставляется подворный отруб, согласно разверсточных единиц».

Баранковцами была принята «подворно-едоковая разверсточная единица». В уставе указывалось, что «разверстание по едокам применяется на 2/3 площади полевых угодий и разверстанию по дворам на 1/3 площади полевых угодий»¹⁵⁶. Этот симбиоз законной (едоковой) и незаконной (подворной) разверсточной единицы, зарегистрированный и, следовательно, признанный Колпашевским райисполкомом Советов, свидетельствует, что здесь уже завершился период освоения земель, когда каждому двору можно было предоставить достаточный надел, и еще не было необходимости в скрупулезном выравнивании наделов отдельных дворов по едокам или работникам.

Срок общего передела угодий Баранковской общины был принят в 25 лет, в течение которых поравнения производились внутри групп «в порядке скидок и накидок... по усмотрению объединения» и только при образовании «свободных земельных долей... вследствие убыли отдельных членов дворов».

Обязательного севооборота в масштабах общества в целом не было. Непосредственная организация хозяйственного использования земли была поручена групповым объединениям — субобщинам. Как гласил устав, «каждая группа дворов, имеющая в своем пользовании многопольный пахотной земли отруб, составляет самостоятельную ячейку в отношении установления земельных распорядков на предоставленном ей участке и может избрать на срок передела любую форму землепользования и землераспределения...».

Рассмотренные уставы сибирских общин раскрывают процесс возникновения и начальные стадии действия механизма земельных переделов, условия и последовательность превращения беспередельной общины в общину с регулярным выравниванием землепользования своих членов. Это процесс саморазвития общины, установленный в русской экономической литературе еще на материалах прошлого века¹⁵⁷. Земельные переделы характеризуют лишь особенности достаточно поздних стадий

¹⁵⁶ ГАТО, ф. Р-644, оп. 1, д. 52, лл. 22—29.

¹⁵⁷ Кауфман А. А. Крестьянская община в Сибири. СПб., 1897; он же. Община, переселение, статистика. Сборник статей. М., 1915.

развития общинной организации и ее землепользования, но не саму их сущность. Особенности советского земельного строя, государственная защита и поддержка интересов трудящихся слоев деревни против устремлений кулачества к концентрации земли ускоряли и облегчали введение земельных переделов.

При распределении земли община прежде всего заботилась о том, чтобы каждый ее член получал одинаковую по качеству и по расположению долю во всех полях принятого севооборота, во всех «ярусах», «гонах», «особняках», «участках», «вотчинах». Последнее слово в распределении реальных земельных участков между дворами принадлежало, как правило, жеребьевке. Воля случая представлялась общиннику последней гарантией справедливости в распределении земли по качеству и местоположению, поскольку, с какой бы тщательностью не уравнивались участки, неизбежно одни из них оказывались лучше других. Жеребьевка затрудняла проведение классового принципа при наделении двора землей. Формальное равенство уравнительного землепользования оборачивалось неравенством, когда маломощное, а то и безлошадное хозяйство получало землю на общих основаниях.

Советское государство в практической деятельности по регулированию поземельных отношений постепенно внедряло классовые принципы в распределении земли внутри общин. Особая коллегия высшего контроля по земельным спорам уже в 1924 г. формулирует требования первоочередного наделения землей бедноты и предоставления ей земельных участков, лучших по качеству и по расположению. В «Определении по делу № 1260—1924 г.» разъяснялось, что «земельное общество при наделении дворов... обязано соотносываться со степенью нуждаемости дворов в этой земле, хозяйственной целесообразностью и, при прочих равных условиях, их социально-экономическим положением, отдавая предпочтение наиболее нуждающимся хозяйствам»¹⁵⁸. В другом определении ОКВК (по делу № 1797—1924 г.) вводит классовый принцип уже не только в вопросе об очередности наделения землей, но и в вопросе о качестве надела: «Места выдела, — согласно этому определению, — должны намечаться с таким расчетом, чтобы земли более удобные и близко расположенные к селениям, а также более легкие для обработки и лучше обеспеченные необходимыми угодиями, водой и дорогами, отводить менее обеспеченным слоям общества»¹⁵⁹. Правда, все эти определения ОКВК имели в виду образование новых землепользований (наделение свободными землями, выдел из земельного общества и т. п.) и пока еще не затрагивали порядков в старых общинах. Но с этого времени вопрос о классовой направленности распреде-

¹⁵⁸ ЦГАНХ, ф. 478, оп. 59, д. 32, лл. 47, 54.

¹⁵⁹ Там же, л. 52.

ления общинных земель больше и больше привлекает внимание государственных и общественных организаций.

Комиссии Рабоче-крестьянской инспекции, проводившие обследования в 1925—1926 гг., выделяют вопрос о бедняцких наделах. На Кубани, как они отмечают, в станице Марьинской «не был проведен в жизнь классовый принцип распределения земли: не в полной мере беднота наделена вблизи станицы и наделы ее не сведены к единому месту, а распылены по всему юрту, чем исключается возможность кооперирования ее и оказания поддержки КОВА (Комитета общественной взаимопомощи. — В. Д.) путем предоставления в дальнейшем сельскохозяйственных машин». В станице Крымской: «Земля бедноте нарезана в разных местах и вдали от станицы, что не дает возможности бедноте использовать трактор, приобретенный для нее»¹⁶⁰.

Непосредственное вмешательство в организацию распределения общинных земель с целью обеспечения необходимых преимуществ бедноте было связано уже с законодательством 1928—1929 гг.

Угодья совместного пользования в большинстве районов страны занимали меньшую часть общинного надела, однако для существования земельной общины они являлись обязательным условием. Отметим, что и Кодекс 1922 г. под земельным обществом подразумевал прежде всего совокупность дворов, связанных общим пользованием полевыми землями или одними вспомогательными угодьями (сенокосы, выгоны, леса и т. п.). Наличие хотя бы одной для нескольких земельных обществ марки на луга, выгоны или леса, при раздельном пользовании полевыми землями, было достаточным для образования сложного по структуре земельного общества. «В отношении общих угодий» несколько первичных земельных обществ могли составлять одно общество¹⁶¹.

Многоселенная земельная община была очень распространена в 20-х годах. В особенности же заметна она была в лесистой северной части Европейской России, где ее жизнедеятельность поддерживалась крайней межселенной чересполосицей. В Череповецкой губернии, например, в общем пользовании нескольких селений состояло от 30 до 50% площади крестьянского землепользования. В Вятском районе часто встречались земельные общины, в состав которых входили несколько волостей (Козьмодемьянский кантон Марийской АО). На Урале и в Северо-Восточном районе связанность нескольких селений общностью землепользования было обычным явлением¹⁶².

¹⁶⁰ ЦГАОР, ф. 4085, оп. 9, д. 305, лл. 2, 12.

¹⁶¹ СДЗЗ, с. 160.

¹⁶² НКЗ РСФСР. Материалы по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства, ч. 5, с. 6—9, 11.

В Нижегородской, Рязанской, Тульской губерниях Промышленного центра было распространено общее пользование лугами со стороны не только нескольких селений, но и волостей. Крестьяне Духовичской, Дедковской и Пирогинской волостей Луговского уезда Рязанской губернии совместно владели луговыми угодьями на правом берегу р. Оки. Там же были луга общего пользования крестьян Юстинской и Желудовской волостей Рязанского уезда¹⁶³.

Многоселенная община встречалась и в земледельческих степных и лесостепных районах. В Пензенской губернии 10% земли находилось в общем пользовании нескольких селений.

В Сталинградской губернии сложные общины, состоявшие из нескольких селений, пользовались огромными земельными участками в несколько десятков тысяч гектаров и периодически переделываемых всеми селениями сообща. Станица Кремневская, например, была центром общины, состоявшей из 42 селений. Станица Етеровская пользовалась землей совместно с 33 другими селениями, станица Степано-Разинская — с 49 селениями. Аналогичные явления наблюдались и в Сибири¹⁶⁴.

* * *

Общинный порядок землепользования, унаследованный от дореволюционного времени, не мог быть изжит сразу, несмотря на то, что он сдерживал развитие земледельческого производства. Особенно сильно страдало земледелие от таких специфических явлений общинных порядков, как чересполосица и дальноземелье.

Порядок распределения земли в общине, отвлекаясь от местных различий, можно представить в следующей схеме: каждое из полей севооборота (при трехполье — озимое, яровое и паровое) делилось на «ярусы», в зависимости от расстояния земельного участка от селения. «Ярусы» в свою очередь разбивались на «гоны» («коны», «пряники», «дробины») — участки, равные по плодородию. В каждом из этих «гонов» член общины получал себе долю («полосу») соответственно количеству причитающихся ему разверсточных единиц. В многодворных общинах «гоны» вначале делились на «сотни» или «десятки» дворов (их называли часто «вытями», «кварталами», «жребиями»), а затем уже распределялись по отдельным хозяйствам. Для понимания описанной системы землепользования очень важно значение древнеславянского термина «гон», являвшегося в 20-х годах основным обозначением полевого участка, распределяемого среди общинников и в России, и в Белоруссии, и на

¹⁶³ ЦГАНХ, ф. 478, оп. 20, д. 110, лл. 135, 137.

¹⁶⁴ НКЗ РСФСР. Материалы по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства, ч. 5, с. 13—14, 16.

Украине. Как земледельческий термин «гон» истари обозначал полосу пашни, борозду, которую пахарь проходит в одну сторону от поворота сохи до поворота, или полосу покоса, проходимую косцами в один прием. Длина пашенного гона, в зависимости от рельефа местности и многих других условий колебалась от 20 до 100 сажен¹⁶⁵, длина сенокосного гона в ряде мест определялась в 50 сажен¹⁶⁶. Очень выразителен термин «пахотная дробина» — участок земли, который дробится между дворами.

Результатом общинной системы распределения земли были мелкополосица и чересполосица, обострившиеся тем более, чем больше было членов в общине и чем разнообразнее по качеству или разбросаннее по территории были ее угодья. Недостатки общинного землепользования проявлялись повсеместно, однако их характер и степень влияния на развитие сельского хозяйства в разных районах страны были неодинаковыми. В зависимости от природных условий изменялись формы и размеры селений, а также расположение и конфигурация земельных наделов.

На северо-востоке, севере, северо-западе и западе разбросанность угодий и мелких деревень среди болот и лесов порождала межселенную чересполосицу и дальноземелье. В Северо-Двинской губернии в одном участке земельный надел имели всего 25,3% селений. 56% деревень здесь имели земли в 2—10 участках, 10,5 — в 11—20 участках, 6,2 — в 21—40 участках, а земельные наделы 2% обществ были разбросаны в 40 и более кусках. 13 чересполосно расположенных участков приходилось в среднем на одно земельное общество в Вологодской губернии. В Новгородской губернии среднее число участков земельного общества равнялось 8—10, достигая в отдельных случаях 40—50¹⁶⁷. Землепользование 65 земельных обществ одной из волостей Череповецкой губернии составляло 1455 отдельных, чересполосно расположенных участков. Земельный надел деревни Ладино (Пинежский уезд Архангельской губернии) площадью в 250 дес. был разделен более чем на 200 участков, перемешавшихся с землями 22 других деревень. Марьегородское земельное общество (тот же уезд) имело 221 дес. сенокоса в

---

¹⁶⁵ Сажень = 3 аршина, 2,134 м.

¹⁶⁶ В словаре В. И. Даля приведены следующие сельскохозяйственные значения термина «гон»: «расстояние, какое лошадь в сохе проходит в один дух, длина пашенной полосы», «длина покоса, сколько косцы проходят без отдыха» (*Даль Вл.* Толковый словарь живого великорусского языка, т. I. М., 1955, с. 374—375. См. также *Романова Г. Я.* Наименование мер длины в русском языке. М., 1975, с. 135—138).

¹⁶⁷ Влияние природно-географических условий в данном отношении ярко раскрывается данными, относящимися к 70-м годам. Площади пашни современных колхозов и совхозов в Нечерноземной полосе измеряются сотнями га. Тем не менее средний размер контура пашни в Новгородской области равен 1,6 га, в Ленинградской и Вологодской—2,1, в Ярославской—4,5 га (см. «Экономика сельского хозяйства», 1974, № 7, с. 87).

76 участках, разбросанных на расстоянии до 20 км и чередующихся с 79 участками четырех других обществ.

Межселенная чересполосица резко обостряла мелкополосицу внутри общинных наделов. В Вологодской губернии 98,6% всех крестьянских дворов имели от 76 до 100 полос и больше. В Северо-Западной области на один двор приходилось по 15—20 полос и более в каждом поле (озимом и яровом). Эти же черты характеризуют общинное землепользование в Западном районе. В Брянской губернии, при среднем обеспечении землей в 4—5 га на хозяйство, до 9 полос на двор имели 31,4% деревень, от 10 до 18—27,9% селений, от 19 до 24—21,5%, от 25 до 50—17,5%, свыше 50 полос—1,7% селений¹⁶⁸.

Крайне высокая степень дробности землепользования крестьянского двора была в Уральской области, что также связано с чересполосным расположением участков различных селений, их огромным количеством и незначительными размерами. В Кунгурском, Пермском, Сарапульском, Свердловском и Шадринском округах Урала в одном месте имели землю только 10,9% селений. Земля 39,4% селений была расположена в 2—10 местах, 41,6% селений имели землю в 11—50 местах, а 8,1% — в 50 и более. Нередкими были и такие, например, случаи: в Шадринском округе землепользование 36 селений общей площадью в 90 тыс. дес. было разбросано в 1959 местах, а у 22 обществ с площадью в 43,5 тыс. дес. — в 1044. В Верхне-Камском округе 73,5 тыс. дес. землепользования двух волостей находились в 1615 чересполосных участках, из которых 838 по площади не превышали каждый из 5 дес.¹⁶⁹

Центрально-Промышленный район занимал по природным условиям переходное место от лесистых районов севера к земледельческому центру. В соответствии с этим изменялись и особенности общинного землепользования. Межселенная чересполосица по мере продвижения с севера на юг постепенно сокращается. Но внутриселенная чересполосица тем не менее остается достаточно высокой. В Иваново-Вознесенской губернии, по данным за 1926 г., только 3% селений имели по 7 полос на двор, у 38% селений на двор приходилось от 8 до 13 полос, у 29% — от 14 до 20, у 15% — от 21 до 30, и еще у 15% селений было свыше 30 полос на двор¹⁷⁰.

В земледельческих районах центра межселенная чересполосица носила менее острый характер, чем в северных. В Курской

¹⁶⁸ НКЗ РСФСР. Материалы по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства, ч. 5, с. 6—9; НКЗ РСФСР. Отчет Народного Комиссариата земледелия XII Всероссийскому съезду Советов за 1923—1924 г. М., 1925, с. 349.

¹⁶⁹ Землепользование и перспективы землеустройства на Урале. Свердловск, 1926, с. 14—15.

¹⁷⁰ Землеустроительная помощь крестьянскому населению в Иваново-Вознесенской губернии (по материалам обследования ГубРКИ). Иваново-Вознесенск, 1927, с. 14.

губернии из 4030 селений 2155 (52,4%) имели земли в двух-трех «особняках», чересполосно расположенных с землями других. В Орловской губернии межселенная чересполосица была присуща 16,3% землепользованиям (845) селений, в Воронежской 13,2% (509) селений. Однако здесь внутренняя чересполосица обострялась многодворностью селений. Свыше 40% сельского населения Центрально-Черноземной области проживало в селах с числом дворов более 200. Большие размеры земельных обществ при остром малоземелье приводили к тому, что уровень дробности крестьянских земель здесь немногим уступал северным и западным районам. В Тамбовской губернии число полос на один двор доходило до 36, в Курской — до 40, в Орловской — до 60 и более¹⁷¹. От внутренней чересполосицы сильно страдали также крестьянские хозяйства Пензенской и Ульяновской губерний, которые по характеру землепользования мало отличались от земледельческого центра.

Чересполосное расположение мелких земельных участков принуждало крестьян подчиниться одной, принятой общинной системе севооборота. Паровое поле все время, пока оно находилось под паром, засеваемые поля после жатвы и луга после осеннего сенокоса служили пастбищем для скота всех членов общины. Общественный выпас скота по пару и жнивью, необходимость предохранить обработанные поля от повреждения при проездах и переездах через участки для ввоза удобрений, вспашки, посева и уборки урожая, наконец, требования элементарной агрономии (охрана посевов яровых зерновых культур от смешения с озимыми и т. п.) заставляли крестьянина сеять рожь только на своем участке общего ржаного поля, ячмень точно так же на общем поле посева ячменя и т. д. Время внесения удобрений, пахоты, посева и жатвы было также принудительным для всех и устанавливалось решением схода¹⁷². Любопытно, что даже советское право должно было принимать связанные с такой организацией производства нормы обычного права. «Нормальный устав земельного общества», утвержденный Наркомземом 5 января 1926 г., признавал, например, за общинниками взаимное право «проезжать через чужие полосы при навозке удобрений или вывозке урожая, а также сообщать пасти скот по пару и жнивью»¹⁷³, — одно из традиционных и характерных правил чересполосного землепользования. Такие порядки землепользования неизбежно консервировали экстенсивные системы севооборота, связывали ини-

¹⁷¹ НКЗ РСФСР. Материалы по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства, ч. 5, с. 12; ЦГАОР, ф. 4085, оп. 9, д. 195, л. 3; д. 525, л. 136.

¹⁷² ЦГАНХ, ф. 478, оп. 30, д. 151, л. 26; оп. 59, д. 26, л. 2; д. 525, лл. 2, 17; д. 559, лл. 47, 49, 50, 86, 104, 111, 118; д. 678, л. 27.

¹⁷³ ЗК РСФСР, 1928, с. 184.

циативу крестьян в интенсификации своего хозяйства, удерживали всю общину на уровне рутинных приемов агротехники.

Множественность мелких земельных полосок не позволяла применять улучшенные приемы агротехники, вызывала огромные непродуцируемые потери драгоценного страдного времени на переезды с полосы на полосу, увеличивала издержки производства, что ложилось дополнительной нагрузкой на себестоимость продукции, снижало рентабельность хозяйства. Показательны в этом отношении данные крестьянских бюджетов за 1925/26 г. (см. табл. 11).

Таблица 11

Влияние многополосицы на производство льна-волокна в Смоленско-Тверском районе *

Группа хозяйств по числу полос	Издержки производства на 1 га посева, в руб.	Урожай с га в ц	Себестоимость 1 ц в руб.	Разница между ценой (45 руб. за ц) и себестоимостью в руб.
I — до 10 полос	135,9	3,3	29,1	+15,9
II — от 11 до 25 полос	164,9	2,6	41,6	+3,6
III — свыше 25 полос	198,0	2,7	49,0	-4,0
<i>По району</i>	160,8	2,9	37,7	+7,3

* ЦСУ СССР. Сельское хозяйство СССР. 1925—1928. Сборник статистических сведений. М., 1929, с. 454.

Хозяйство I группы на гектар посева льна затрачивало труда и средств на 31,2% меньше, чем хозяйство III группы, а получало продукции на 22,2% больше. Первое хозяйство с каждого центнера льна-волокна получало на каждый рубль затрат 55,2 коп. дохода, третье же несло убыток, так как себестоимость центнера льна-волокна у него на 8,8% превышала рыночную цену.

Мизерные размеры земельных полос, а особенно донельзя узкая конфигурация их, затрудняли применение улучшенных орудий производства (конного плуга, сеялки, жатки и т. п.), не говоря уже о новейшей высокопроизводительной технике. В Вятской губернии полоса не превышала порой и двух аршин¹⁷⁴ в ширину. Крестьяне Костромской губернии жаловались, что незначительная ширина полос затрудняла не только правильную обработку земли, но даже простой проезд по ней с бороною. В Гдовском уезде Ленинградской губернии узкополосица достигала такой степени, что бороны не проходила по полосе. Не меньше оснований для подобных жалоб имели кре-

¹⁷⁴ Аршин = 0,911 м.

стьяне Центрально-Черноземной и Уральской областей. Обследование землеустройства, проведенное НК РКИ РСФСР в 1924—1925 гг., установило наличие полос, ширина которых измерялась уже не саженьями и аршинами, а лаптями и ступнями. Нашлись даже полосы шириною в один лапоть¹⁷⁵.

Введение улучшенных севооборотов, связанное с переходом от трехполья к многополью, в таких условиях могло бы повести только к резкому увеличению количества полосок (в кратном отношении к числу полей севооборота), к еще большему обострению узкополосицы и чересполосицы. С возрастанием числа полос пропорционально возрастала площадь земли, уходящей под межники, служившими к тому же рассадниками сорняков. В середине 20-х годов по РСФСР под межниками находилось до 7% пашни¹⁷⁶. Чересполосица — одна из причин низкосортности крестьянского зерна, смешивания семян разного качества (сосед набрасывал при засеве своей полосы). Она же порождала такие общинные сервитуты, как право проезда через чужие земли и право поворота плуга на смежной полосе (главным образом в малоземельных районах Черноземного центра)¹⁷⁷. Чересполосное землепользование, наконец, служило серьезнейшим препятствием внедрению в крестьянское хозяйство усовершенствованных орудий, не говоря уже о тракторной технике¹⁷⁸.

Чем меньше был земельный надел крестьянина, чем мельче были отдельные полоски и чем больше было их количество, тем труднее становилось ведение хозяйства. Малонадельные дворы подчас вынуждены были отказываться от ведения своего хозяйства. В Воронежской губернии из хозяйств с наделом до 6 дес. вовсе не обрабатывало землю

в селениях с числом дворов до 50—6,0%
» » » от 101 до 250 — 17,9%
» » » свыше 1000 — 57,4%

В Новооскольском уезде Курской губернии бросало землю без обработки в селениях с числом дворов до 100 хозяйств 19,4%, в селениях, насчитывавших от 100 до 500 дворов, — 22,9% хозяйств, а там, где дворов было больше 500 — 32,5% хозяйств¹⁷⁹.

Этим пользовалось кулачество, прибирая к своим рукам забрасываемые полоски путем самой дешевой аренды, а подчас

¹⁷⁵ ЦГАНХ, ф. 478, оп. 59, д. 559 лл. 7, 47; оп. 9, д. 1, лл. 29—30; д. 185, лл. 1—3; ЦГАОР, ф. 4085, оп. 9, д. 1, лл. 29—80; *Ржаницын А. А.* Указ. соч., с. 19.

¹⁷⁶ ЦГАОР, ф. 4085, оп. 9, д. 1, л. 30.

¹⁷⁷ Труды плановой комиссии Центрально-Черноземной области, т. 1. Воронеж, 1926, с. 154.

¹⁷⁸ *Данилов В. П.* Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М., 1957, с. 329—330, 353.

¹⁷⁹ ЦГАНХ, ф. 3983, оп. 1, д. 45, л. 271. Здесь, конечно, оказывало свое влияние и дальнотемелье, о чем речь будет идти ниже.

и простого захвата. Уравнительность землепользования в таких условиях превращалась в свою противоположность. Если в ходе аграрной революции уравнительное перераспределение земли нанесло удар по кулацким хозяйствам, то в дальнейшем уравнительность землепользования играть сколько-нибудь серьезную роль в ограничении кулачества уже не могла. Конечно, кулачество было лишено возможности концентрировать общинные земли в таких масштабах, в каких оно это делало до революции, но дело здесь не в уравнительности землепользования, а в тех ограничениях капиталистического производства, которые были созданы национализацией земли и рядом других мероприятий Советского государства (ограничение аренды земли и найма рабочей силы, преимущественное кредитование и снабжение средствами производства бедноты и середнячества, рост кооперации и колхозов и т. п.).

Кулацкие хозяйства в гораздо меньшей степени страдали от неудобств общинного землепользования, чем середняцкие, а тем более бедняцкие. Обследование, проведенное в 1927 г. в ряде волостей Ярославской, Рязанской, Воронежской губерний и Уральской области, показало, что размер земельных полос в кулацких хозяйствах был в два-четыре раза больше, чем в бедняцких (см. табл. 12).

Таблица 12

Размер запахиваемого участка (полосы) в крестьянских хозяйствах по данным 1927 г., дес. пашни на 1 участок *

Группа хозяйств по стоимости основных средств производства, в руб.	Уральская область (Макушинское гнездо)	Рязанская губерния (Мишинское гнездо)	Воронежская губерния (Верховское гнездо)
Без средств производства	2,40	0,16	0,31
Со средствами производства до 100	3,29	0,20	0,40
То же от 101 до 200	3,33	0,21	0,44
То же от 201 до 400	3,46	0,26	0,55
То же от 401 до 800	4,17	0,30	0,62
То же от 801 до 1600	4,76	0,39	0,67
То же свыше 1600	5,08	0,57	0,78
<i>Итого</i>	4,10	0,29	0,55

* НКЗ РСФСР. Материалы по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства, ч. 1, с. 42.

Размер земельных полос в крестьянских хозяйствах зависел в первую очередь от числа душ в семье, а известно, что много-семейность возрастала вместе с зажиточностью, что в условиях товарного производства семейная кооперация становилась основой для роста кооперации капиталистической. Кроме того, кулачество путем обмена, аренды и других сделок собирало свои наделы в меньшее число полос и укрупняло размеры

отдельных полос. В результате оказывалось, что даже такое бремя как межники на бедноту ложилось большей тяжестью. По данным некоторых исследований, в бедняцких хозяйствах под межниками бесплодно пропадало до 17,6% пахотной площади, в середняцких — от 5 до 10%, а у зажиточных — только 4,3%¹⁸⁰.

Недостатки системы землепользования прямо и непосредственно сказывались на имущественном и социальном положении крестьянина. Хозяйство с наделом в 6 дес. земли в мелком селении было близко к середняцкому, в многодворных же общинах оно опускалось в ряды бедноты. В Воронежской губернии на одно хозяйство с наделом в 6 дес. в мелких селениях (с числом дворов до 50) приходилось голов скота — 4,5, в средних селениях (от 101 до 250 дворов) — 3,4 и в самых крупных селах (свыше тысячи дворов) — 1,9 голов скота. В многодворных селениях, где землепользование было особенно неустроено, бедняцкая прослойка была значительнее, чем в небольших деревнях. В Новооскольском уезде Курской губернии удельный вес безлошадных крестьян равнялся в обществах, насчитывавших до 100 дворов — 20%, от 100 до 500 — 22,9%, а свыше 500 дворов — 51,7%¹⁸¹.

Чересполосица, являвшаяся наиболее распространенным пороком общинного порядка землепользования в центральной части России, а также в районах Запада, Севера и Северо-Востока была одним из крупнейших препятствий развитию сельского хозяйства, серьезной преградой на пути материального и культурного благосостояния трудящихся масс деревни.

* * *

В юго-восточных районах с высоким уровнем землеобеспеченности (Среднее и Нижнее Поволжье и Северный Кавказ) чересполосица преодолевалась легче и не оказывала столь серьезного влияния на развитие земледелия. В гораздо большей степени крестьянские хозяйства юго-восточных районов страдали от дальноземелья, порождаемого здесь многодворностью селений¹⁸².

¹⁸⁰ НКЗ РСФСР. Материалы по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства, ч. 5, с. 23.

¹⁸¹ ЦГАНХ, ф. 3983, оп. 1, д. 45, л. 271.

¹⁸² Прогрессирующее нарастание чересполосицы с юго-востока на северо-запад, а дальноземелья в обратном направлении — давно установленный факт (см., например, кн.: О земле. Сборник статей, вып. 1. М., 1921, с. 54). Однако в горских республиках Северного Кавказа крестьянское землепользование было поражено крайней чересполосицей и страдало от нее не меньше, чем от дальноземелья (Елиж Р. М. Из истории аграрных преобразований в Адыгее. 1921—1925 гг. — «Ученые записки Адыгейского НИИЯЛИ», т. 16. Майкоп, 1972, с. 314—316).

В северных и северо-западных губерниях дальнеземелье, связанное с разбросанностью земель и межселенной чересполосицей, также имелось, но ввиду небольших размеров селений оно не достигало таких масштабов, как на юге. В Северо-Восточном районе из обследованных 2726 селений полевые участки на расстоянии до 1 км имели 60%, от 1 до 3 — 34%, от 3 до 5 — 5%, свыше 5 км — 1%. Только луговые и сенокосные угодья располагались иногда на расстоянии до 20 и больше километров от пользующихся ими обществ. Аналогичным было положение в Северо-Западном и Западном районах, а также в большинстве губерний Промышленного центра (исключая пограничные с земледельческими районами) ¹⁸³.

В Уральской области дальнеземелье было более значительным вследствие характерного соединения сравнительно больших по размерам селений с межселенной чересполосицей. Однако и здесь заметна та же обратно пропорциональная зависимость, в уровне дальнеземелья и чересполосицы. В среднем по пяти округам Центрального Урала пашенные участки отстояли от усадеб на расстоянии до 3 км у 13,7% селений. При этом в Сарапульском округе, где была наиболее высокой дробность землепользования, таких селений оказалось 24%, а в Шадринском округе, где чересполосность была минимальной — 0,8%. Средний удельный вес обществ с расстоянием до пашни свыше 10 км по области был равен 35,9%, но в Сарапульском округе таких обществ было — 16%, а в Шадринском — 44,4% ¹⁸⁴. В Сибири от дальнеземелья страдало 68% селений ¹⁸⁵.

Земледельческий центр, занимавший промежуточное положение, страдал в равной мере и от чересполосицы и от дальнеземелья. В ЦЧО среднее расстояние земель от селений колебалось от 4 (в Орловской губернии) до 7 км (в Воронежской губернии), но в отдельных обществах участки были отдалены и на 10—25 км ¹⁸⁶. Из 1027 тыс. дворов, насчитывавшихся в так называемых русских округах Северного Кавказа, 572 тыс., т. е. 55,6%, были сосредоточены в станицах с числом дворов свыше 500 ¹⁸⁷. Земельные наделы крупных станиц представляли собой территории в 50—100 тыс. га, а иногда и больше.

Огромные села и станицы скученно располагались по берегам редких рек, отчего их земельные наделы представляли собой узкие полосы, тянувшиеся на десятки верст от хозяйственного центра к водоразделу. В качестве иллюстрации интересны

¹⁸³ Отчет Народного комиссариата земледелия РСФСР за 1924/25 г. М., 1926, с. 112.

¹⁸⁴ Землепользование и перспективы землеустройства на Урале, с. 15.

¹⁸⁵ НКЗ РСФСР. Материалы по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства, ч. 5, с. 16.

¹⁸⁶ Там же, с. 12; ЦГАОР, ф. 4085, оп. 9, д. 170, л. 181; д. 195, л. 2; д. 526, л. 136; д. 810, л. 328.

¹⁸⁷ СХЖ, 1928, № 7, с. 2.

сведения о землепользовании села Средне-Ахтубинского (Нижнее Поволжье), население которого исчислялось в 27 тыс. человек. Земельный надел этой огромной общины был равен 200 тыс. га и тянулся узкой полосой от Ахтубы на расстояние 117 км. Село Владимирское (там же) с 24 тыс. жителей имело 184 тыс. га. Длина земельного надела этого села равнялась 102 км. В Терском округе Северного Кавказа земли станции Червленной тянулись в сторону от реки на 74 км¹⁸⁸.

Общее представление о масштабах дальнотемелья в засушливых районах дают следующие цифры: среднее расстояние до полей превышало 10 км в Самарской губернии у 33% земельных обществ, в Оренбургской губернии — у 68,5%, в Сталинградской — у 82%, на Северном Кавказе — в среднем у 54%, а в Терском округе — у 79,3% селений. За радиус в 20 км выходили земельные участки 24,5% общин в Оренбургской губернии, 23,5 — в Саратовской губернии, 56 — в Сталинградской губернии и 15,7% общин на Северном Кавказе (55,4% в Терском округе)¹⁸⁹.

Дальнотемелья для районов юго-восточной степи было не менее серьезным препятствием в развитии сельского хозяйства, чем чересполосица для центра, запада и севера Европейской России. Было, например, подсчитано: в Ставропольском округе хлебороб только на одни поездки к посеву и на объезд полос за каждый сезон тратит 6 рабочих дней. В Самарской губернии в хозяйстве с посевной площадью в 16 дес. при трехпольном севообороте крестьянин в год совершал переезды на расстояние в 1898 верст, затрачивая на это 47 10-часовых рабочих дней¹⁹⁰. В масштабах всего сельского хозяйства дальнотемелья поглощало миллионы рабочих дней.

Для характеристики влияния дальнотемелья на хозяйственное и социальное развитие деревни в высшей степени интересные данные дало обследование крестьянского землепользования Самойловской, Еланской и Крайшевской волостей Балашовского уезда Саратовской губернии, приведенные губернским земуправлением в 1927 г. накануне проведения сплошного землеустройства¹⁹¹.

В составе этих волостей насчитывалось 207 земельных обществ с 20 426 дворами и 109 550 едоками. Их общая земельная площадь определялась в 348 729 дес. Это были волости типично крестьянского землепользования (93,1% земельной площади). Ни одна из них не принадлежала к числу особенно страдавших

¹⁸⁸ Отчет Народного комиссариата земледелия РСФСР за 1924/25 г., с. 121, 123.

¹⁸⁹ ЦГАНХ, ф. 3983, оп. 1, д. 34, лл. 157, 213; ЦГАОР, ф. 4085, оп. 9, д. 1, л. 25; д. 526, лл. 6—7; НКЗ РСФСР. Материалы по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства, ч. 5, с. 13, 14, 15.

¹⁹⁰ Киндеев К. Я. Вопросы землеустройства. М., 1925, с. 12.

¹⁹¹ ЦГАНХ, ф. 3983, оп. 1, д. 45, лл. 156—167.

многодворностью селений и дальнеземельем. Распределение землепользований общин по размерам их площадей свидетельствует, что они являлись представителями массы.

Табл. 13 показывает насколько чувствительно было крестьянское хозяйство к малейшему изменению расстояния от усадьбы до поля. Здесь присоединялось, конечно, и влияние череполосицы, усиливавшейся по мере увеличения числа дворов в обществе, но не оно было определяющим в данном районе.

Таблица 13

Влияние дальнеземелья на крестьянское хозяйство Самойловской, Еланской и Краишевской волостей Балашевского уезда Саратовской губернии *

	Площадь землепользования, в дес.					
	до 500	от 500 до 1000	от 1000 до 3000	от 3000 до 5000	от 5000 до 10 000	свыше 10 000
Число землепользований	128	37	19	9	8	6
Хозяйств в них	1507	1729	2644	2616	4562	7428
в %	1,1%	8,3%	12,7%	12,6%	22,5%	35,8%
Хозяйств на одно землепользование	12	46	128	290	570	1238
Площадь землепользования	28 101	30 111	42 620	35 267	67 177	121 676
в %	8,7%	9,2%	13,1%	10,9%	20,7%	37,4%
Средний земельный надел одного хозяйства	18,7	17,4	16,1	13,5	14,7	16,2
Среднее расстояние по перевозке грузов (км)	1,4	2,0	2,9	5,8	6,3	9,2
Стоимость полевой работы на десятину посева (в руб.)	12,57	13,27	14,37	18,40	19,21	24,86
В среднем на одно хозяйство:						
посева (дес.)	7,36	6,18	5,87	4,67	4,65	3,21
рабочего скота (голов)	1,38	1,32	1,07	1,06	1,04	0,81
коров (голов)	1,05	1,16	1,00	0,95	0,92	0,87
Сумма основных и оборотных средств (в руб.)	763	689	643	563	540	520
Средств в мертвом инвентаре без транспорта (в %)	44,1	47,4	35,1	31,2	30,4	28,6
Условно чистый доход (в руб.)						
на 1 дес.		25,09		23,51	20,19	18,39
на 1 работника		101,02		94,97	87,50	78,53

* ЦГАНХ, ф. 3983, оп. 1, д. 45, лл. 157, 162, 163, 165; ЦГАОР, ф. 4085, оп. 9, д. 249, л. 4.

Увеличение отдаленности земли от хозяйства сразу же сказывалось на стоимости полевой работы. Вместе с тем в хозяйстве уменьшались посевная площадь, количество рабочего и продуктивного скота и сумма средств, затрачиваемых на производство. Увеличение расстояния по перевозке хозяйственных грузов с 1,4 до 9,2 км поднимало стоимость полевой работы вдвое, с 12,57 до 24,86 руб. Иначе говоря, крестьянин, поля

которого были расположены на расстоянии в 9—10 км от двора, вынужден был непроизводительнее затрачивать труда и средств почти столько же, сколько затрачивал он на обработку самих полей. Сумма основных и оборотных средств такого хозяйства была на третью часть меньше, чем в хозяйстве с расстоянием до полей 1,4 км (68,1%). И из этих значительно меньших средств крестьянин должен был больше затрачивать на транспорт. Средства, вложенные в сельскохозяйственный инвентарь, составляли у первого крестьянина 28,6% суммы вложений в производство против 44,1% — у второго.

В таких условиях крестьянин, если даже в его распоряжении имеется достаточное количество свободной земли, не был в состоянии ее хозяйственно освоить и расширить свое производство. Более того, крестьянин, земли которого были удалены от усадьбы на 9—10 км, не мог засеять и половины площади, засеваемой тем, у кого поля находились в радиусе 1,5 км (3,21 дес. против 7,36), при почти одинаковом по размерам наделе. Дальноземелье было причиной большого количества залежей и бросовых земель, которые при иной системе землепользования могли бы быть вовлечены в производство и значительно увеличить валовую и товарную продукцию сельского хозяйства. В Самойловской волости, например, под залежью находилось 23,8% всей пахотнспособной площади. Насколько тесно ее распространенность была связана с дальноземельем можно судить по следующим данным: удельный вес залежи в обществах с земельной площадью от 500 до тыс. дес. (удаленность полей — 2 км) составлял 14,9%, в обществах с наделом от 3 тыс. до 5 тыс. дес. (удаленность полей — 5,3 км) — 45,3%, а с наделом свыше 10 тыс. дес. (удаленность полей — 9,2 км) — 73,3%¹⁹².

Ухудшая материальное положение крестьянина, снижая доходность и устойчивость его хозяйства, дальноземелье, как свидетельствует табл. 14, низводило менее состоятельную часть деревни до положения бедняка, тогда как в других условиях она смогла бы продержаться на уровне среднего самостоятельного хозяйства.

«Относительное преобладание маломощных хозяйств в более крупных общинах», — констатировало и экспедиционное обследование землеустройства в Среднем Поволжье летом 1929 г.¹⁹³

Дальноземелье сдерживало процесс интенсификации сельского хозяйства, затрудняло переход к правильным севооборотам, применение удобрений и т. п. В 1926—1927 гг. по данным, относящимся к Новооскольскому уезду Курской губернии, в обществах с числом дворов до 100 пестрополье занимало 7% пашни, в обществах, насчитывавших от 100 до 500 дворов —

¹⁹² ЦГАНХ, ф. 3983, оп. 1, д. 45, л. 166.

¹⁹³ «Среднее Поволжье», 1929, № 11, с. 29.

Таблица 14

Социальный состав земельных обществ в Самойловской, Еланской и Краишевской волостях*, в %

	Площадь землепользования в дес.		
	до 1000	от 1000 до 10 000	свыше 10 000
Бедняки	25,00	35,82	43,82
Середняки	50,01	46,84	43,12
Зажиточные	24,99	17,34	6,46

*ЦГАНХ, ф. 3983, оп. 1, д. 45, л. 164.

7,5%, а в еще более крупных — 18,7%. Обследование, проведенное в Орловской губернии, показало, что с ростом дальнотемелья наблюдается резкое сокращение удобряемости полей: при расстоянии от усадьбы до дальнего конца поля в 1 версту поля удобряли 55% хозяйств, при расстоянии от 1 до 3 верст — 40, от 3 до 5 верст — 30, от 5 до 10 верст — 17,5, а при расстоянии свыше 10 верст поля вообще не удобрялись навозом¹⁹⁴. В Самарской губернии в 1925—1926 гг. крестьяне совсем не обрабатывали земли, находившиеся в 20 и более верстах¹⁹⁵.

Общинная форма землепользования, с присущей ей неустойчивостью размеров и расположения земельных наделов отдельных хозяйств, принудительным севооборотом, чересполосицей и дальнотемельем, сковывала развитие производительных сил деревни, препятствовала интенсификации и механизации земледелия, консервировала отжившие, рутинные системы и методы производства. Обреченное принудительным севооборотом на производство определенных, по преимуществу экстенсивных потребительских культур, крестьянское хозяйство лишалось возможности быстро и гибко приспособляться к текучим, постоянно меняющимся требованиям рынка.

Предоставляя крестьянину возможность несколько дольше продержаться на уровне того «идеализированного капитализма», к которому он столь долго стремился и, наконец, в 1917—1918 гг. достиг, община вместе с тем осуждала его хозяйство на застой. Не избавляя крестьянина от эксплуатации со стороны сельского кулака и ростовщика, она позволяла ему время от времени хотя бы только по отношению к пользованию землей восстанавливать призрачное равновесие сил между отдельными хозяйствами, вновь и вновь нарушаемое в процессе имущественного и социального расслоения деревни.

Вредные черты общинного порядка землепользования крестьянство на своем опыте познало уже давно. Можно привести

¹⁹⁴ ЦГАНХ, ф. 3983, оп. 1, д. 45, л. 271.

¹⁹⁵ ЦГАОР, ф. 4085, оп. 9, д. 1, л. 24.

немало документов дореволюционного времени, свидетельствующих, насколько критически относились крестьяне к общине¹⁹⁶. Но они не могли избавиться от неудобств, связанных с общиной, из-за малоземелья, а также потому, что единственно возможный выход из нее в условиях буржуазно-помещичьей России — переход на хутор или на отруб был под силу только крепким хозяйствам¹⁹⁷. Поэтому, несмотря на столыпинскую политику усиленного разрушения общины, она продолжала сохраняться.

В условиях советского строя были созданы максимально благоприятные условия для развития производительных сил трудового крестьянского хозяйства. Избавившись от гнета самодержавного строя и от крепостнической эксплуатации, значительно увеличив свое землепользование, пользуясь постоянной поддержкой со стороны Советского государства, крестьяне получили широкие возможности для подъема своего хозяйства. Тем более остро ощущались ими неудобства старой общинной системы землепользования. Неустроенность землепользования крестьянского хозяйства была одним из самых больных вопросов развития деревни переходного периода. Естественно было то массовое стремление крестьян к проведению землеустройства, которым отмечено это десятилетие.

Все материалы Наркомзема и РКИ по вопросам поземельных отношений в деревне свидетельствуют об огромном стремлении крестьян избавиться от пороков общинного землепользования. В своих заявках на землеустройство и в письмах крестьяне очень красноречиво и убедительно вскрывают пороки общинной системы землепользования. Крестьянин деревни Мамоница Царевской волости Родниковского уезда Иваново-Вознесенской губернии писал, например, что «крайнее малоземелье, узкополосица после общего передела в 1918 г.» не дают возможности развивать хозяйство. «Жить при таких условиях нельзя»¹⁹⁸, — заключал он. Крестьянин деревни Голчиловой Кинешемского уезда просил о проведении землеустройства «ввиду сильного малоземелья, отдаленности полей от селения, скученности в постройках и для ведения более лучшего хозяйства»¹⁹⁹. Жалобы на общинные порядки, при которых «много тратится времени на сходы непроизводительные», на затруднительность обработки земли при узкополосице, на «неустойчивость границ при чересполосном пользовании» и бесхозяйных переделах земли, на «страшную потерю времени при мелкополосном пользовании на переезд с полосы на полосу», на развитие пустырей и зарослей

¹⁹⁶ Чернышев И. Община после 9 ноября 1906 г., т. I. Пг., 1917, с. 24, 47, 82, 109; т. II, с. 19, 37, 89, 107, 129—131.

¹⁹⁷ Там же, т. I, с. 23, 25, 51, 81, 84, 110, 131, 164; т. II, с. 34, 37, 63, 83, 89, 107; и т. д.

¹⁹⁸ ЦГАНХ, ф. 478, оп. 59, д. 559, л. 86.

¹⁹⁹ Там же.

среди сенокосных угодий, которые «благодаря ежегодным переделам, не подвергаются никакой очистке и все более и более зарастают», на постоянные потравы скота, на запахивание и закос чужих полос «со стороны более сильных хозяев, успевающих опахивать свою полосу до выезда на работу маломощного домохозяина» и т. п., содержатся в заявлениях крестьян и западных, и центральных, и юго-восточных губерний ²⁰⁰.

БОРЬБА БУРЖУАЗНЫХ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ В КРЕСТЬЯНСКОМ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИИ

Традиционное для крестьянства России общинное землепользование в ходе Великой Октябрьской социалистической революции поглотило основную массу не только бывшего помещичьего землевладения, но и участкового — хуторского и отрубного — землепользования крестьян. Выше отмечалось также, что в этом проявилась антикапиталистическая направленность аграрной революции. Практически полностью были сметены последствия столыпинщины, пытавшейся по прусскому образцу завершить аграрно-капиталистическую перестройку в России и превратить кулацкие хозяйства в опору буржуазно-помещичьего строя. Для историка советской деревни 20-х годов общинное землепользование предстает как исходная форма, охватывавшая свыше 9/10 крестьянских хозяйств и наиболее отвечавшая мелкобуржуазному идеалу равенства и справедливости. Исторический опыт показал, что от этой исходной формы был возможен переход и к капиталистическим, и к социалистическим формам пользования землей.

Переход к новой экономической политике, обеспечивший подъем крестьянского хозяйства в условиях товарного производства и обращения, усилил стихийно-капиталистические процессы в деревне и, как результат этих процессов, рост сельской буржуазии — кулачества. В области крестьянского землепользования стихийно-капиталистические процессы нашли отчетливое выражение в стремлении определенных слоев крестьянства к выделению из общины и индивидуализации землепользования, в земельной аренде, в нарушениях принципов национализации земли.

Выделение крестьянских хозяйств на хутора и отруба всегда было предметом ожесточенной классовой борьбы. Революция коренным образом изменила общественно-политические условия классовой борьбы вокруг выдела из общины хуторов и отрубов.

²⁰⁰ Там же, лл. 4, 5, 47, 54, 92, 111, 118; ЦГАОР, ф. 4085, оп. 9, д. 170, лл. 56—58, 69—71, 104—108, 180—182; д. 195, лл. 2—4; д. 225, л. 1—2; д. 236, л. 3; д. 240, лл. 2—5; д. 302, лл. 24—25; д. 305, лл. 2, 12, 35—38.

В эпоху столыпинщины вся сила государственной власти буржуазно-помещичьей России была обращена на разрушение общины и насаждение кулацкого землепользования хуторян и отрубников. Советское государство, твердо стоявшее на защите интересов трудящихся масс, осуществляло последовательную политику, направленную на ограничение кулачества, в том числе и на ограничение процессов индивидуализации крестьянского землепользования. Однако главное состояло в другом: стихийно-капиталистической тенденции в развитии деревни была противопоставлена социалистическая тенденция, исходившая от рабочего класса и его государства.

С первых лет революции передовые представители деревни под влиянием коммунистических идей стали создавать различные формы коллективного хозяйства и соответствующие им формы землепользования. Коммунистическая партия и Советское государство не только поддерживали пионеров колхозного движения, но и всеми мерами содействовали его росту и укреплению, активно пропагандировали идеи коллективизма в крестьянской среде.

Борьба буржуазных и социалистических тенденций с особенной наглядностью выявляет сущностную линию развития крестьянского землепользования в условиях переходной от капитализма к социализму эпохи.

Хутора и отруба. Определенная группа крестьян пыталась избавиться от неудобств общинного землепользования на пути обособления, выдела своего хозяйства на хутора и отруба. Земельный кодекс 1922 г. предоставил и этой форме трудового землепользования равные юридические права, разрешив свободный переход к ней как путем выдела из общин отдельных хозяйств, так и путем полного разверстания ее земель на хутора или отруба²⁰¹. Сведение к одному месту земельного надела (пахотных — при отрубной системе и всех вообще угодий — при хуторской) избавляло крестьянское хозяйство от чересполосицы, обычно и от дальноземелья, а вместе с тем и от неудобств принудительного севооборота и общественного выпаса скота.

В 20-х годах район распространения участковой формы землепользования охватывал в основном губернии запада и северо-запада России и — в меньшей степени — Центрально-Промышленного района. На первое место по числу хуторов и отрубов вышла Смоленская губерния. В 1925 г. здесь 33,5% крестьянского землепользования было занято хуторами и отрубам (против 16,9% в 1916 г.). Значительным был удельный вес хуторов и отрубов в Череповецкой (30,3%), Псковской (29,3%), Новгородской (15%), Ярославской (13,8%), Ленинградской (23,8%), Тверской (25,3%), Иваново-Вознесенской (10%) и Омской (14,1%) губерниях. Выросла по сравнению с дореволюционным

---

²⁰¹ СДЗЗ, с. 165.

зрением площадь участкового землепользования в Костромской губернии (с 2,8% до 5,9%). Заметное место занимали хутора и отруба в Московской губернии, хотя и не достигли дореволюционных масштабов (7,7% вместо 9,3% в 1916 г.)²⁰².

В первые годы после гражданской войны в этих районах землеустроительные работы почти полностью свелись к выделу на участки отдельных хозяйств или к разверстанию на хутора и отруба целых обществ. До 1921 г. включительно образование новых участковых землепользований почти не происходило. Переход на подворные участки дает огромный скачок вверх после объявления свободы выбора форм землепользования (декабрь 1921 г.). За один 1922 г. под хутора и отруба было выделено только в 22 губерниях Европейской России около 589,8 тыс. дес. Свыше половины новых хуторов и отрубов образовалось в Западном районе (334,1 тыс. дес.). Затем по размеру площади участкового землепользования следовали губернии северо-запада (78,3 тыс. дес.) и Промышленного центра (75,9 тыс. дес.)²⁰³.

Всего в Западном районе за пять лет, с 1922 по 1927 г., земельная площадь под хуторами увеличилась на 732 997 га и под отрубами на 404 814 га, что вместе составляло 16,3% земель сельскохозяйственного назначения²⁰⁴.

В Северо-Западном районе за это же время площадь участкового землепользования увеличилась на 1192,1 тыс. га (10,7% земель сельскохозяйственного пользования). Наконец, в Центрально-Промышленном районе за 1922—1927 гг. под обособленные хозяйства перешло 1191,5 тыс. га, т. е. 4,7% сельскохозяйственных земель. Таким образом, в трех крупнейших районах страны за первые пять лет новой экономической политики под хуторские и отрубные хозяйства перешло почти 3,5 млн. га земель (77,7% площади участкового землепользования, созданной в 1922—1927 гг.), тогда как во всей стране под колхозы за это же время было отведено немногим более 2 млн. га²⁰⁵.

Уже неоднократно упоминавшиеся отчеты органов Рабоче-крестьянской инспекции, проводившей в 1924—1926 гг. обследование землеустроительных работ, в один голос свидетельствуют о том, что во всех производящих районах место участковых или, как тогда говорили, «единоличных» форм землепользования было совершенно ничтожно. В отчете Тамбовской губернии говорится, например, что «единоличные формы землепользова-

²⁰² Эти данные взяты из материалов НКЗ РСФСР и НК РКИ РСФСР (ЦГАНХ, ф. 478, оп. 59, д. 26, л. 1; оп. 59, д. 559, лл. 48, 57, 88, 106, 113, 117, 120; ЦГАОР, ф. 4085, оп. 9, д. 305, л. 351; д. 810, л. 287; ЦГАНХ, ф. 3983, оп. 1, д. 45, л. 30).

²⁰³ Земельное дело. М., 1923, с. 71—72, 82, 83; НКЗ РСФСР. Материалы по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства, ч. 5, с. 26.

²⁰⁴ НКЗ РСФСР. Материалы по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства, ч. 5, с. 28—29.

²⁰⁵ Там же.

ния, как-то: отруба, совершенно отсутствуют и отношение к ним населения отрицательное. Новые хутора образуются как редкое исключение»²⁰⁶. Обследователи землеустройства в Саратовской губернии сообщали, что участковое землепользование занимает «почти незаметное место»²⁰⁷. Из Донецкого округа Северного Кавказа писали, что «единоличные формы землепользования почти совершенно отсутствуют»²⁰⁸. Аналогичные свидетельства содержат отчеты по Рязанской, Курской, Воронежской и Самарской губерниям, по Ставропольскому округу Северного Кавказа и по Шадринскому, Челябинскому и Троицкому округам Урала²⁰⁹.

Участковые формы землепользования, особенно хуторская, были, конечно, экономически эффективнее, нежели общинная. Это довольно наглядно видно по данным обследования крестьянских бюджетов за 1925/26 г. (см. табл. 15).

Таблица 15

Влияние форм землепользования на производство льна-волокна в Смоленско-Тверском районе *

Группа хозяйств по формам землепользования	Издержки производства на 1 га посева в руб.	Урожай с га в ц	Себестоимость 1 ц в руб.	Разница между ценой (45 р. за ц) и себестоимостью в руб.
Общинники	169,9	2,5	45,4	-0,4
Отрубники	176,3	2,8	43,1	+1,9
Хуторяне	107,2	3,0	25,2	+19,8
По району	160,4	2,7	41,2	+3,8

* ЦСУ СССР. Сельское хозяйство СССР. 1925—1928, с. 455. Несовпадение данных „по району“ из этой таблицы и из табл. 11 объясняется тем, что расчет производился по разным контингентам хозяйств. Тем более показательна близость итоговых данных в названных таблицах; малый масштаб их разброса.

Производство льна-волокна в хозяйствах общинников едва-едва окупало себя (см. табл. 11) или даже оказывалось убыточным (как у хозяйств, учтенных в рассматриваемой таблице). Действительная возможность накопления обеспечивалась производством льна-волокна в хуторском хозяйстве — почти 45% прибыли. Что же касается отрубников, то данные этой таблицы обнаруживают их промежуточное положение. Только полная консолидация землепользования обеспечивала существенный

²⁰⁶ ЦГАОР, ф. 4085, оп. 9, д. 261, л. 27. Ср. лл. 22, 41.

²⁰⁷ Там же, д. 249, л. 12.

²⁰⁸ Там же, д. 302, л. 25.

²⁰⁹ Там же, д. 170, л. 197; д. 295, лл. 2, 13; д. 236, лл. 16, 55; д. 280, лл. 38, 53, 69, 71, 72, 175—176; д. 316, лл. 41, 44, 77—81, 83—85.

прирост экономической эффективности. Любопытно, что данными тех же бюджетов в том же Смоленско-Тверском районе себестоимость производства картофеля у отрубников оказалась даже несколько выше, чем у общинников²¹⁰. (Дело в том, что картофель и у тех и у других высаживался на приселенных или на приусадебных участках.)

Однако более высокая экономическая эффективность участковых форм землепользования была связана с такими социальными последствиями, которые не могли быть безразличны для общества, идущего к социализму.

Кто же выделялся из общины на обособленный участок? Представители какой социальной группы в деревне преобладали в массе хуторян и отрубников? В 1923—1924 гг. среди земельных работников этот вопрос вызывал острую полемику. Одни доказывали, что «почин перехода к этим формам идет от кулацких и тяготеющих к ним наиболее зажиточных слоев деревни» и что сам переход сопровождается захватом зажиточными хозяйствами лучших земель общества и приводит к углублению классового расслоения и к усилению эксплуатации бедноты²¹¹. Их противники утверждали обратное: «инициаторами выхода из общинной и подворной чересполосности на хутора и отруба являются как раз бедняки», желающие, во-первых, порвать с неудобствами общинного землепользования и избавиться от кабальной эксплуатации со стороны засеявшего в общине кулака-мироода, и, во-вторых, увеличить свое землепользование за счет уравнительных отрезков излишней земли у многоземельных, зажиточных крестьян²¹². Высказывалась еще одна — промежуточная — точка зрения, которой придерживалась часть местных земельных работников: на хутора идут по преимуществу зажиточные и кулацкие элементы, а на отруба — середняцкие и бедняцкие²¹³. Наконец, часть работников местных земельных органов вообще отказывалась дать социальную характеристику этому процессу, считая, что нет различий в классовой структуре общинного и участкового землепользования²¹⁴.

Отчеты губернских земуправлений Наркомзему и материалы НК РКИ за 1924—1926 гг. дают достаточный материал для выяснения социально-экономической основы процесса выделения хуторов и отрубов в условиях нэпа.

Усиленный рост хуторского и отрубного землепользования в Западном, Северо-Западном и Центрально-Промышленном районах лишь частично объясняется стремлением крестьян приспособить свое хозяйство к естественно-географическим услови-

²¹⁰ ЦСУ СССР. Сельское хозяйство СССР. 1925—1928, с. 455.

²¹¹ ЦГАНХ, ф. 478, оп. 59, д. 559, лл. 4, 81, 97, 118. Ср. ЦГАОР, ф. 4085, оп. 9, д. 280, лл. 26—44.

²¹² ЦГАНХ, ф. 478, оп. 59, д. 559, лл. 81, 87.

²¹³ Там же, лл. 54, 101, 111.

²¹⁴ Там же, лл. 5, 8. Ср. д. 525, л. 5.

ям. Последние способствовали развитию этого процесса, но в основе его лежали причины социально-экономического порядка.

Степень развития участкового землепользования была непосредственно связана с уровнем рыночных отношений в деревне. Об этом говорит уже само размещение подворной системы землепользования: Северо-Запад, Запад и Центр Европейской России — районы развитого промышленного производства. Здесь размещались крупнейшие городские центры страны. Развитие сельского хозяйства в этих районах было тесно связано с городским рынком. В полеводстве важное место занимали высоко-товарные технические культуры, прежде всего лен. Здесь было развито товарное масло-молочное животноводство. Характерно гнездовое размещение хуторских и отрубных хозяйств вокруг городских или промышленных центров, т. е. в районах усиленного спроса на продукты сельского хозяйства.

В Костромской губернии насчитывалось всего 5,9% хуторских и отрубных хозяйств, зато в фабрично-заводских районах этой же губернии их удельный вес повысился до 25—50%. Большая часть хуторских и отрубных хозяйств перешла с трехпольного на четырехпольный севооборот с посевами картофеля и клевера. Урожай хлебов у них был выше, чем у общинников. В особенности же развилось молочное животноводство, причем скот было гораздо крупнее, чем у общинников ²¹⁵.

В Иваново-Вознесенской губернии, по свидетельству земельного управления, даже бедняцко-средняя группа подворников «является более денежной, чем коренное крестьянство, так как большею частью связано с фабричными заработками» ²¹⁶. Здесь также хутора и отруба были особенно распространены в Ивановском, Тейковском и Шуйском районах, вокруг промышленных центров губернии. Большинство хуторских и отрубных хозяйств перешло к многополью, было лучше обеспечено скотом и в своем производстве ориентировалось на местный рынок ²¹⁷. В Московской губернии хуторские хозяйства огородников располагались кольцом вокруг Москвы и других крупных городов ²¹⁸. В Тверской губернии участковое землепользование было распространено в особенности в Ржевском, Новоторжском и Кашинском уездах ²¹⁹, где рыночные отношения были более развиты. Преимущественный выход на хутора и отруба «более денежных» хозяйств сам по себе уже во многом предопределял их социальный состав.

Официальная мотивировка выхода на хутор или отруб крайне однообразна. Повсюду выставлялись одни причины: желание улучшить свое хозяйство, «иметь культурность», избавиться от

²¹⁵ Там же, д. 559, лл. 46—47.

²¹⁶ Там же, л. 86.

²¹⁷ Там же, лл. 86—87.

²¹⁸ Там же, лл. 104—105.

²¹⁹ Там же, л. 55.

общинных неурядиц. Однако высказывания крестьян на сходах, проведенных представителями НК РКИ, показывают, насколько мало дает для объяснения действительности эта официальная мотивировка. Так, крестьяне села Казанского Ишимского округа на Урале заявили, что единственным стремлением хуторян является «собрать землю в один кусок», «лучшие земли забрать», «закрепиться» на хорошем участке. На собрании в деревне Ярдовой того же округа общинники обвиняли хуторян в том, что они, используя родственные связи и подкуп, захватили лучшие земли и притом в большем, чем полагалось, количестве. На это обвинение хуторяне ответили весьма цинично: «На то и щука в море, чтобы карась не дремал»²²⁰. Действительным мотивом перехода на хутора и отруба являлось преимущественно желание собрать землю в один кусок и закрепить за собой фактическое землепользование, «осесть на хуторе полным и ни от кого не зависимым хозяином»²²¹.

Само по себе подобное желание не исключено ни для середняка, ни даже для бедняка. Собственническая натура крестьянина естественно порождала стремление индивидуализировать свое хозяйство. Однако для его реализации нужны были средства, которыми не только бедняк, но и середняк редко мог располагать. Хозяйство маломощного крестьянина не могло выдерживать затраты средств и сил на перенос жилых и хозяйственных построек, на устройство водоемов, путей сообщения, изгородей. Крестьяне-бедняки Карагинской волости Пермского округа говорили представителям РКИ: «Выделиться всякий желает, но нет средств»²²².

Из табл. 16 видно, насколько велики были различия в социальном облике разных категорий землепользователей. Беднота, составлявшая почти половину землепользователей в многодворной станице (46,3%), среди хуторян и отрубников не составляет и третьей части. Удельный вес середняков в участковом землепользовании примерно тот же, что и в общинном. Зато место зажиточных и кулацких элементов деревни среди хозяйств, выделившихся на участки, втрое-вчетверо выше, чем в общине (25,6% вместо 6,9%). Нужно заметить еще, что землеустроительные органы выполняли прежде всего заявки бедняков и середняков, а это не могло не влиять на социальный состав выделенных дворов. Процент заявок на выдел со стороны зажиточных хозяйств был на самом деле несколько выше процента действительно выделенных (26,1% против 25,6%)²²³.

Таким образом, в Кубанском округе зажиточные и кулацкие элементы деревни играли ведущую роль в развитии участкового

²²⁰ ЦГАОР, ф. 4085, оп. 9, д. 280, лл. 42, 44.

²²¹ ЦГАНХ, ф. 478, оп. 59, д. 559, л. 104.

²²² ЦГАОР, ф. 4085, оп. 9, д. 280, л. 101. Аналогичные высказывания имели место и на сходе в селе Казанском Ишимского округа (см. там же, л. 42).

²²³ Там же д. 305, лл. 35—36.

Таблица 16

Классовый состав крестьянских хозяйств Краснодарского района Кубанского округа, землеустроенных в 1923—1924 гг. по формам землепользования *

Социальная группа	Многодворные общины (станции)		Поселки с общинным землепользованием (выселки)		Колхозы		Хутора		Отруба	
	абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %
Бедняки	10 627	46,3	1628	64,5	39	81,3	38	25,4	35	31,2
Середняки	10 668	46,8	1112	37,2	8	14,6	73	48,6	49	43,8
Зажиточные	1 638	6,9	249	8,3	1	4,1	39	26,0	28	25,0
<i>Итого</i>	22 923	100,0	2989	100,0	48	100,0	150	100,0	112	100,0

ЦГАОР, ф. 4085, оп. 9, д. 305, л. 35.

землепользования. Она отвечала их индивидуалистическим устремлениям. Больше, чем какая-либо другая форма землепользования хутора и отруба создавали условия для развития крупного частно-собственного производства, основанного на применении наемного труда. Этот вывод подтверждается и данными по другим районам земледельческого юго-востока. Среди хозяйств, выделившихся на участки в Самарской губернии в 1924 г., удельный вес зажиточных был вдвое больше, чем в общине и в 6 раз больше, чем в среде членов вновь организованных поселков (выселков) ²²⁴.

Идентичным в основном было положение и в районах широкого развития участкового землепользования — на западе и северо-западе Европейской России, хотя удельный вес бедняцких хуторов и отрубов был здесь выше, чем на юго-востоке. В первой половине 20-х годов в землеустроительных работах здесь абсолютно преобладало выделение хуторов и отрубов. Немалую роль в этом сыграла инертность работников местных земельных органов, следовавших за стихийными стремлениями деревни, влияние буржуазных специалистов — последователей Чайнова, Макарова и Челинцева, а в ряде мест и враждебная деятельность антисоветских элементов. В Белоруссии активное насаждение хуторов и отрубов проводилось Прищеповым, ставшим в середине 20-х годов наркомом земледелия республики. В нижегородском губернском земельном управлении пропагандировались «красные хутора», как якобы форма социалистического земледелия ²²⁵.

Серьезные извращения политики партии были допущены в Смоленской губернии, где по десятилетнему плану землеустро-

²²⁴ Там же, д. 240, л. 4.

²²⁵ ЦГАНХ, ф. 478, оп. 59, д. 525, л. 7; ЦГАОР, ф. 4085, оп. 9, д. 1, л. 37.

ительных работ (на 1925—1934 гг.), утвержденному сессией губисполкома в ноябре 1925 г., разверстанию на хутора и отруба подлежало 69,9% всей площади землеустройства²²⁶. Политика «хуторизации» крестьянских хозяйств была ярким проявлением правого уклона в руководстве Смоленской парторганизации, разоблаченного весной 1928 г.

Сравнительно большие масштабы распространения хуторского и отрубного хозяйства не могли не повести к увеличению удельного веса маломощных слоев деревни среди землепользователей этой категории. И все же здесь, так же как и на юго-востоке, хутора и отруба являлись прежде всего формой землепользования зажиточных слоев деревни. В Кирилловском уезде Череповецкой губернии из землеустроенных на 1 октября 1924 г. бедняцких хозяйств 57,9% перешли на хутора и отруба, 11,8% организовали групповые выселки, а 30,3% остались в усовершенствованной общине. Из середняцких хозяйств на участки выселилось 58,3%, на выселки ушли 10,2% и 31,5% остались в старых селениях. В то же время 81,6% землеустроенных зажиточных хозяйств вышло на хутора и отруба, в старых селениях осталось 14,7%, а в организации групповых поселков приняло участие всего 3,7%²²⁷.

Тем не менее нельзя отождествлять хуторские и отрубные хозяйства 20-х годов с хозяйствами «стольпинских помещиков». Стольпинские хуторяне, при выходе из общины, получали столько земли надельной и купчей, сколько находилось в их фактическом владении в момент выдела. К тому же они могли арендовать и покупать любое количество земли, лишь бы позволили средства. Земля, переходившая из общины хуторянину или отрубнику, «укреплялась» за ним в полную частную собственность. Все это создавало возможность для концентрации земельной собственности в руках стольпинских хуторян, для эксплуатации ими деревенской бедноты на почве поземельных отношений, создавало основу для развития крупно-капиталистического хозяйства в земледелии.

В советских условиях земля под хутор или под отруб, как и при всякой другой системе поземельных отношений, отводилась только на праве пользования. Выдел земли производился по уравнительным нормам, в соответствии с разверсточными единицами по едокам или по работникам. Произошло некоторое «осереднячивание» хуторов и отрубов по сравнению с дореволюционным временем. Вырос удельный вес бедноты и середняков среди хуторских и отрубных хозяйств. Из обследованных 4078 стольпинских хуторских хозяйств 76,4% принадлежали кулачеству, 18,4% — середнякам и только 5,2% — бедноте²²⁸. Место

²²⁶ Коллективизация сельского хозяйства в Западном районе РСФСР (1927—1932 гг.). Сборник документов, 1968, с. 652.

²²⁷ ЦГАОР, ф. 4085, оп. 9, д. 34, л. 108.

²²⁸ Тюменев А. И. От революции к революции. Л., 1925, с. 93—94.

беднячко-средняцких хозяйств среди хуторов и отрубов в 20-х годах было более заметным, хотя ведущая роль в развитии этой формы землепользования сохранялась за зажиточно-кулацкими слоями деревни.

Выдел хозяйств из общины на отруба и хутора протекал далеко не в мирной обстановке. Напротив, здесь был один из важнейших участков классовой борьбы между бедняком и сельским буржуа. Кулак, выходивший на обособленный участок, стремился захватить и закрепить за собой лучшие земли по качеству и в размере большем, чем ему полагалось по уравнительной норме. И это не всегда ему не удавалось. Выше уже упоминалось о столкновении на этой почве между общинниками деревни Ярцовой Ишимского округа и группой хуторян-кулаков, которые нечестными путями захватили себе лучшие земли общества.

Вятское губернское землеуправление сообщало в Наркомзем, что «выделяющийся на отрубные и хуторские участки слой крестьянства, является все же более зажиточным, более деятельным, хорошо ориентирующимся среди населения, а следовательно, и давление ими производится на крестьянскую массу весьма сильное, посему, выделенная на отруба и хутора земля, все же является в действительности более лучшей и в хозяйственном отношении более удобной, чем (можно было бы. — В. Д.) полагать по материалам и документам землеустроительных дел»²²⁹.

Впрочем кулаки не оставались в накладе и в тех случаях, когда они получали под хутора дальние и худшие земли. Эти земли в меньшей мере были объектом борьбы между отдельными дворами. Поэтому не придавалось большого значения повышению размеров хуторского надела на дальних или худших землях. Более того, согласно обычаю и даже наркомземовским инструкциям, удаленность и меньшая качественность земель должны были компенсироваться увеличением их площади. Как показали обследования хуторского землепользования, имея большое поголовье скота, располагая возможностями эксплуатировать значительную массу рабочих рук, кулаки добивались улучшения качества наделных земель²³⁰.

Стычки между земельным обществом и хуторянами или отрубниками были тогда самым обычным и повсеместным явлением. Сквозь сухие протокольные записи все же можно разглядеть классовый облик «споривших» сторон. Вот общество крестьян деревни Спиришенки Котельнического уезда Вятской губернии протестует против выдела в отруб Баруткину земли больше, чем ему положено по норме, и требует передачи излиш-

²²⁹ ЦГАНХ, ф. 478, оп. 59, д. 559, л. 120.

²³⁰ Кубанин М. Н. Классы в борьбе за землю в советской деревне. — «На аграрном фронте», 1929, № 11-12, с. 119—121.

ков обществу. О самом отрубнике крестьяне говорят, что «он прежде торговал, имеет в г. Котельниче свои дома, неисправен в содержании изгороди и обрабатывает землю наемными силами»²³¹. С таким же «деятельным» хуторянином произошло столкновение у крестьян деревни Багры Казановской волости в том же уезде при выделе ему хуторского участка. В протоколе заседания земельной комиссии зафиксировано, что Нечаев «занимается садоводством и огородничеством и называет себя бедняком. Его противники в своей жалобе в ГЗОтдел... называют его кулаком»²³². Подобные столкновения отмечены во многих деревнях Вятской губернии²³³.

Иваново-Вознесенское губернское землеуправление сообщало, что при выделе зажиточных хозяйств из общины «почти все дела проходят в спорном порядке»²³⁴.

На Северном Кавказе в станице Н.-Титоровской 10 кулаков захватили себе в отруба лучшие по расположению земли «без согласия общества»²³⁵.

Столкновения между общинниками и хуторянами отнюдь не ограничивались спорами на сходах или в земельных комиссиях. Очень часто они сопровождались со стороны кулаков подкупом землемеров, судей и свидетелей, угрозами им и обществу. Были случаи убийства землемеров. Крестьяне в своих письмах жаловались, что в районах «повального» выхода на хутора и отруба «суд за судом идут бесконечно», что выходы сопровождаются «нескончаемой отвратительной руганью», «дракой на полях»²³⁶.

Рост хуторского и участкового землепользования в первые годы новой экономической политики в основном являлся отражением оживления и развития капитализма в деревне. Это была форма землепользования, наиболее благоприятная для развития капиталистического хозяйства и кулачество в большей степени, чем любой другой слой деревни, стремилось к ее использованию.

Бедняки и середняки, выделявшиеся из общины на участки на своем опыте скоро убеждались, что выйти из нужды они не могут путем обособления своих хозяйств, что единоличный хутор или отруб выгоден лишь для зажиточного и кулака, а бедняка и даже середняка выход из общины часто доводил до полного разорения. Не прошло и трех-четырех лет после предоставления свободы выбора форм землепользования, как из среды самого крестьянства раздались голоса «не расползаться на хутора»²³⁷. Эти голоса будут усиливаться по мере накопления реального опыта жизни на хуторах. Перед трудящимися крестья-

²³¹ ЦГАНХ, ф. 478, оп. 59, д. 559, л. 13.

²³² Там же, л. 14.

²³³ Там же, лл. 12, 16, 17, 19—22.

²³⁴ Там же, л. 86.

²³⁵ ЦГАОР, ф. 4085, оп. 9, д. 305, л. 35.

²³⁶ ЦГАНХ, ф. 478, оп. 59, д. 525, лл. 1, 2, 22, 25—26; д. 559, лл. 12—22.

²³⁷ Там же, д. 559, лл. 5—7.

янами хуторская жизнь остро ставила проблему последствий разобщения не только в производственной и вообще материальной сфере, но и в сфере культурно-бытовой. Крестьяне деревни Шарыгиной Мархоткинской волости в 1922 г. расселились по хуторам. Вот как характеризовал жизнь на хуторах один из них — А. М. Фросенков в письме, опубликованном 17 января 1928 г. газетой «Смоленская деревня»: «Теперь жизнь наша неважная. Живешь, где-то в поле. Зимой очень плохо. Детишки дичают. Когда посторонний человек забредет к хуторянину, дети прячутся и кричат от страха, потому что не видят людей... В летнюю страду детей приходится бросать на произвол судьбы, и они нередко остаются без присмотра.

Теперь, испытав хуторскую жизнь, мы намерены объединиться в коллектив, чтобы можно было летом организовать детские ясли, чтобы не было таких случаев, когда по полю плетется человек, тянет под узды лошадь, а за лошадью прыгает борона. Бороновать надо всегда тройкой.

Нам нужен трактор, рядовая сеялка, молотилка.

Мы теперь поняли, что в коллективе жизнь лучше»²³⁸.

Коллективное землепользование. Уже в годы аграрной революции возник качественно новый тип трудового землепользования — коллективное, в основе которого лежал совместный труд и общественная собственность на средства производства. Удельный вес этой формы землепользования первоначально не был значительным. К концу 1920 г. в стране насчитывалось 10,5 тыс. колхозов, объединявших 131 тыс. крестьянских дворов²³⁹. Их общая земельная площадь исчислялась примерно в 1,2 млн. га. Как по количеству крестьянских дворов, так и по земельной площади удельный вес колхозов составлял около 0,5%. Это были первые, еще не окрепшие ростки нового общественного строя в деревне, но за ними было будущее, на их развитие были направлены усилия Советского государства и Коммунистической партии.

Правовые основы развития коллективных форм землепользования в период нэпа, их основные задачи и пути образования были определены Земельным кодексом. Коллективное землепользование, согласно ЗК РСФСР, создавалось в целях наиболее выгоднейшего ведения сельскохозяйственного производства путем совместного труда членов объединения. Закон закреплял основной ленинский принцип колхозного строительства — добровольность организации коллектива, право свободного вступления и выхода из него. Каждый член товарищества при выходе из его состава имел право получить свою долю земли, кроме тех случаев, когда колхоз был организован на земле, состоявшей в непосредственном распоряжении государства. Коллективные зем-

²³⁸ Коллективизация сельского хозяйства в Западном районе РСФСР, с. 77.

²³⁹ ЦУНХУ Госплана СССР. Колхозы во второй сталинской пятилетке. М., 1939, с. 1.

лепользования могли возникать как «посредством соединения» всех или некоторых угодий, ранее состоявших в единоличном пользовании членов колхоза, так и «посредством общего отвода товариществу земли» общиной или государством²⁴⁰. Оба эти пути образования коллективного землепользования применялись на практике, однако значение их было не одинаковым на разных этапах развития колхозного строительства. До начала массового колхозного движения, пока процессы обобществления землепользования не охватили всю деревню, преобладающую роль играл выдел земельного надела. Колхозы организовывались отдельными представителями наиболее передовой части бедноты, и соединить единоличные наделы было крайне трудно, так как для этого требовался общий передел земель общины.

Для выдела наделных земель было необходимо согласие земельного общества. Против воли общества выдел мог быть произведен при полных переделах и в тех случаях, когда количество выделяющихся дворов составляло не менее пятой части общества. Выход на пустопорожние земли мог быть произведен любым количеством дворов и в любое время, если только этим не вызывался общий передел²⁴¹.

Однако незанятых земель было немного. После революции главным источником образования коллективного землепользования стали земельные наделы крестьянских обществ. В 1919 г. на наделных землях возникло всего около 7% коммун и 30% артелей²⁴². Основная масса коллективов занимала участки бывших частновладельческих или государственных земель. В 1925 г., по данным Колхозцентра, уже 55,5% площади коллективного землепользования состояло из наделных земель, а в 1926 г. — 62,8%²⁴³. Раньше коллектив возникал на «чужих» землях и это отдаляло его от единоличников. Теперь же коллективное хозяйство возникало непосредственно на землях крестьян, прямо затрагивая их земельные и всякие другие интересы. Усиливалось влияние колхозов в жизни деревни, укреплялись их связи с бедняцко-среднеаграрными слоями крестьянства, расширялись возможности распространения их опыта.

Крестьянин с величайшей осторожностью подходил к ломке унаследованных устоев хозяйства и быта. Не порывая с единоличным хозяйством, он стремился на практике испытать и выгоды общественного хозяйства. Поэтому в деревне возникла масса промежуточных (между единоличной и колхозной) форм землепользования и производства. Крестьянам было предоставлено право образования участков общественной обработки, которые

---

²⁴⁰ СДЗЗ, с. 165—166.

²⁴¹ Там же, с. 168—169.

²⁴² *Книпович Б. Н.* Очерк деятельности Народного комиссариата земледелия за 3 года (1917—1920 гг.). М., 1920, с. 44.

²⁴³ ЦГАНХ, ф. 3983, оп. 2, д. 11, л. 84.

служили бы дополнением к единоличным хозяйствам. Земельное общество обязывалось произвести для этого выдел участка к одному месту «по общим правилам о выделах земель» и при переделах сохранять его в прежних размерах, если бы даже они превышали нормы наделения, установленные в обществе²⁴⁴.

Установить удельный вес участков общественной обработки земли не представляется возможным. Известно, однако, что чаще всего такие участки выделялись для производства продукции, имевшей целевое назначение (на оплату совместно приобретаемых машин, погашение кредита и т. п.), для производства сортовых семян или новых, особенно трудоемких культур. Без этой возможности было бы сильно затруднено создание машинных, мелиоративных, семеноводческих кооперативов и их перерастание в коллективные хозяйства.

Заметное место участки общественной обработки занимали в так называемых реорганизуемых селениях засушливых областей, т. е. в тех селениях, где осуществлялся специальный комплекс мероприятий по борьбе с засухой. В 1926 г. в реорганизуемых селениях Северного Кавказа, например, общественная запашка составляла 15,5% наделных земель²⁴⁵. Особенно широкое распространение такие участки получили с развертыванием массовой контрактации в виде «договорных общественных запасек» единоличных хозяйств и в посевных товариществах.

Допускалось образование «товариществ временного характера», а также кооперативов, в которых земля и орудия труда объединялись только на время производства, т. е. соединялось коллективное использование с единоличным владением землей и частной собственностью на инвентарь. В тозах и даже в артелях устанавливались «земельные доли, причитающиеся каждому члену общества». Только в коммунах окончательно стирались эти следы недавнего прошлого колхозников. Земельные доли членов тозов и артелей могли быть определены в постоянном размере, но могли и подвергаться периодическим уравнительным переделам²⁴⁶. Известны документы об образовании коллективов, в которых точно оговаривается право каждого члена на земельную долю в соответствии с принципами, практиковавшимися до объединения. Вот, например, протокол общего собрания граждан деревни Острогубово Троснянской волости Сухиничского уезда Калужской губернии от 12 августа 1928 г. об организации сельскохозяйственной артели «Коллективист». Специальным параграфом протокол фиксирует за теми, кто выбудет добровольно или будет исключен, «право требовать выдачи земли из состава угодий артели по расчету на едока, если этот выдел не будет нарушать правильного севооборота артели и не ранее года»

²⁴⁴ СДЗЗ, с. 166—167.

²⁴⁵ ЦГАОР, ф. 4085, оп. 9, д. 532, л. 60.

²⁴⁶ СДЗЗ, с. 166.

(т. е. не ранее окончания сельскохозяйственного года). В другом параграфе протокола собрание записало, что в случае распада коллектива, «земельный фонд артели распределяется по едокам»²⁴⁷. Такого рода решения вопроса о земельных правах членов колхозов, возникающих на крестьянских землях, представляются наиболее соответствовавшими деревенскому быту.

Община со своей стороны весьма ревниво следила за тем, чтобы возникающий в ее границах колхоз получил надел по действующей норме. Общее собрание земельного общества Восточный конец села Воронова Рязанского уезда 11 февраля 1927 г. весьма благожелательно рассмотрело заявление «группы граждан о переходе на коллективную обработку земли и об отводе им таковой, расположенной за станцией Старожилово от Окулевского рубежа, включая Долгую» и записало в постановлении, что оно «приветствует выходящих граждан, удовлетворяя ихнее заявление», и, более того, «дабы помочь им как переселенцам и стремящимся к более улучшенному ведению сельского хозяйства, общее собрание дает им» что-то вроде единовременного пособия, собрав по 5 коп. с каждого едока в обществе. Но тут же записано и требование к возникающему колхозу: «предложить переселяющимся *набрать едоков на всю землю, расположенную по их заявлению*»²⁴⁸.

Общинная традиция, как видно из этих документов, отчетливо прослеживается в процессе возникновения коллективного землепользования.

Коллективное землепользование с самого начала своего существования было крупным по своим масштабам. В то время как площади единоличных наделов составляли в среднем по стране 10—15 дес. и, во всяком случае, не превышали 25—30 дес. (в районах юго-востока) земельный надел колхоза в 1925 г. определялся в 154,2 дес.²⁴⁹ Организация колхоза сразу же избавляла крестьянина от неурядиц общинного порядка землепользования, создавала возможность для применения машинной техники и улучшенных приемов обработки почвы.

Коллективная форма землепользования открывала дорогу к подъему производства и улучшению материального благосостояния всего трудящегося крестьянства. В отличие от хуторско-отрубной формы землепользования, ведущая роль в развитии которой принадлежала сельской буржуазии, коллективная была по преимуществу бедняцкой. Вести единоличное хозяйство бедняку было труднее, нежели кому-либо другому. Он более других ощущал все недостатки хозяйствования в одиночку, неизбежно попадая в зависимость от зажиточного крестьянина и кулака.

²⁴⁷ Коллективизация сельского хозяйства в Западном районе РСФСР (1927—1937 гг.). Сборник документов. Смоленск, 1968, с. 102—103.

²⁴⁸ ЦГАОР, ф. 5446, оп. 10, д. 569 а, лл. 62, 158, 159 (подчеркнуто автором. — В. Д.).

²⁴⁹ Колхозы СССР. М.—Л., 1926, с. 25.

Острая нужда, экономическая необходимость толкали деревенскую бедноту на путь обобществления своих хозяйств, как единственному средству спасения от нищеты и кулацкой эксплуатации. До начала массового колхозного движения, пока середняк еще пытался удержаться в единоличном хозяйстве, коллективное землепользование по своему социальному происхождению было по преимуществу землепользованием бедноты.

Обеспечивая благоприятные условия для развития мелкого крестьянского хозяйства, партия всегда считала своей главной задачей подготовку социалистического преобразования сельского хозяйства. Партия решительно пресекала попытки подменить вопрос о развитии коллективных форм землепользования вопросом о «желательности» и «нежелательности» той или иной формы единоличного землепользования. Когда в 1923—1924 гг. на страницах газет и журналов, на собраниях в Центральном доме крестьянина развернулся длительный диспут «За и против общины», «Община или хутор» партия указала на бесплодность такой постановки вопроса. В решении Комиссии ЦК РКП (б) по работе в деревне о задачах землеустройства (октябрь 1924 г.) категорически подтверждалось, что «экономически наиболее выгодными, а с социальной и политической точки зрения наиболее желательными признаются, как и прежде, коллективные формы землепользования и хозяйства, начиная с самых простейших»²⁵⁰. Ввиду этого, указывалось в решении, пропаганда любой из единоличных форм землепользования не может ставиться задачей партийных и советских организаций.

В этом документе были намечены мероприятия, которые побуждали бы крестьянство добровольно переходить к коллективным формам хозяйствования, вначале хотя бы и такого примитивного типа, как совместный покос, общественная обработка земли и т. п. В качестве мер воздействия за организацию коллективного земледелия решение называло: 1) агитацию и пропаганду в этом направлении; 2) проведение показательных землеустроительных мероприятий по образцовому устройству территории коллективов; 3) первоочередную и наиболее льготную выдачу переходящим к коллективным формам землепользования группам крестьян ссуд и пособий; 4) внеочередное исполнение по их заявкам землеустроительных работ; 5) снижение платы за эти работы, вплоть до полного освобождения в особо показательных случаях; 6) устранение при помощи землеустроительных и мелиоративных работ тех территориальных препятствий, которые мешали коллективизации землепользования; 7) оказание колхозам действительной агрикультурной помощи в целях их укрепления и успешного развития; 8) организация экскурсий крестьян-единоличников в образцово-устроенные коллективы; наконец, 9) максимальное упрощение формальностей и устрани-

²⁵⁰ ЦГАНХ, ф. 478, оп. 59, д. 525, л. 22.

ние организационно-технических затруднений при образовании земельных коллективов (выработка целесообразных, согласованных с местными условиями уставов и т. п.)²⁵¹. Линия на развитие коллективного, социалистического землепользования в крестьянской среде, взятая Коммунистической партией с первых дней Советской власти, была подтверждена со всей определенностью.

ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО И ЕГО РОЛЬ В ГОСУДАРСТВЕННОМ РЕГУЛИРОВАНИИ КРЕСТЬЯНСКОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ

Задачи упорядочения и регулирования крестьянского землепользования, ограничения капиталистических и развития социалистических тенденций в этой важной сфере аграрных отношений с переходом к нэпу приобрели чрезвычайную остроту и сложность.

Запутанность общинной чересполосицы, неупорядоченные пределы земель и выделы из общины, особенно на хуторе, не только порождали неустойчивость землепользования, затруднявшую хозяйственную деятельность крестьян, но и служили источником многочисленных споров и тяжб в их среде. Показательны данные о работе земельного суда, который был тогда очень активной судебной системой. В РСФСР с мая 1922 по апрель 1923 г. во всех его инстанциях (волостных, уездных и губернских или соответствующих им) было рассмотрено 731,6 тыс. дел²⁵². За следующий год через судебные инстанции прошло до 1,5 млн. земельных тяжб²⁵³. Определить число крестьянских хозяйств, втянутых в споры по земельным делам, невозможно, поскольку в приведенных выше цифрах учтены и споры по семейно-имущественным разделам внутри крестьянского двора и споры между целыми волостями. Но если напомнить, что в Российской Федерации весной 1924 г. было не более 16 млн. крестьянских хозяйств, то станет ясно, насколько болезненной была для крестьянина запутанность поземельных отношений. В декабре 1927 г. XV съезд Коммунистической партии, оценивая состояние сельского хозяйства в стране, отметил: «Отрицательным явлением, задерживающим темп развития сельского хозяйства, нужно считать неустроенность значительной части земельных площадей...»²⁵⁴.

Национализация земли в огромной степени расширила возможности государственного воздействия на земельные порядки

²⁵¹ ЦГАНХ, ф. 478, оп. 59, д. 525, лл. 22—23.

²⁵² «Бюллетень совещания крестьян-членов ВЦИК при Наркомземе РСФСР 4—7 июля 1924 г.», № 2, с. 18.

²⁵³ ЦГАНХ, ф. 478, оп. 59, д. 525, л. 18.

²⁵⁴ КПСС в резолюциях..., т. 4. М., 1970, с. 54.

в крестьянской среде. Оно отнюдь не ограничивалось установлением правового режима и обеспечением его соблюдения. Важнейшим орудием прямого воздействия государства на организацию и развитие крестьянского пользования землей служило землеустройство.

Сущность землеустройства не сводилась к межеванию, как называли тогда сумму технических действий по организации хозяйственной территории. Оно всегда было средством осуществления классовой земельной политики. Советское государство действенно способствовало возникновению, росту и укреплению социалистических форм хозяйства в земледелии, оказывало помощь маломощным слоям деревни в их производственной деятельности, в борьбе против кулацкой эксплуатации, ставило преграды развитию капиталистического производства, ограничивало буржуазные элементы деревни. В государственном характере советского землеустройства находило свое реальное воплощение право государственной собственности на землю. Государственный характер землеустройства определял его организацию, финансирование, содержание и социальную направленность.

Сельскохозяйственная территория страны была разбита на землеустроительные участки, за каждым из которых был закреплен определенный штат квалифицированных работников. В 1925 г. на территории РСФСР было 566 таких участков, в них работало 6867 землеустроителей²⁵⁵. В 1927 г. насчитывалось уже 852 участка, а в 1929 г.—1385²⁵⁶. И все же острый недостаток землеустроительных кадров не изживался: настолько велики были потребности в землеустройстве. В 1922 г. было исполнено 15,6 тыс. крестьянских заявок, что составляло 68% заявок, сделанных за год (22,9 тыс.), в 1926 г. 21,8 тыс. исполненных заявок составляли уже только 45% ходатайств (48,5 тыс.)²⁵⁷.

Учитывая все более и более возрастающую потребность крестьянства в землеустройстве, государство постоянно увеличивало соответствующие ассигнования из бюджетных средств и, начиная с 1924 г., организовало кредитование населения, чтобы облегчить ему оплату работ (см. табл. 17).

Таким образом, свыше 60% затрат на землеустройство брало на себя государство, причем большая часть его средств выделялась в форме безвозвратных бюджетных ассигнований. Именно этим были обеспечены огромные масштабы землеустроительных работ, осуществленных на протяжении 20-х годов, а также реальные возможности для удовлетворения нужд маломощных слоев крестьянства, не располагавших необходимыми средствами для оплаты работ.

²⁵⁵ Два года работы правительства РСФСР. 1924/25—1925/26 гг. М., 1927., с. 58.

²⁵⁶ НКЗ РСФСР. Материалы по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства, ч. 5, с. 19.

²⁵⁷ Два года работы правительства РСФСР. 1924/25—1925/26 гг., с. 59.

Таблица 17

Расходы государства и населения на землеустройство в 1925/26—1927/28 гг., в млн. руб. *

Источник	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г. (данные только по РСФСР и УССР)
Государственный бюджет	5,2	6,7	14,0
Местный бюджет	2,7	2,5	1,9
Система сельскохозяйственного кредита, специальные организации и фонды	7,8	9,3	16,4
Итого средства государства	18,0	22,5	32,3
Средства населения	11,5	16,6	
<i>Всего</i>	29,5	39,1	

* СССР. Год работы правительства. Материалы к отчету за 1926/27 г. М., 1928, с. 213—214; СССР. Год работы правительства. Материалы к отчету за 1927/28 г. М., 1929, с. 185. Ср.: Госплан СССР. Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927/28 г. М., 1928, с. 116.

Переход к нэпу потребовал перестройки землеустроительной политики. На передний план были выдвинуты задачи содействия подъему сельскохозяйственного производства, основной массы крестьянских хозяйств. Прежде всего, согласно Земельному кодексу, «землеустройство имеет задачей упорядочение существующих землепользований и образование новых соответственно правам на землю и требованиям хозяйственно-технической целесообразности»²⁵⁸. Особую ценность приобретали работы по улучшенным севооборотам, т. е. землеустройство внутриселенное и отдельного крестьянского хозяйства, по внедрению более совершенных севооборотам, т. е. землеустройство внутриселенное и внутривосхозяйственное. Однако запутанность поземельных отношений, в особенности чересполосица и дальнотемелье, была связана с организацией землепользования не только внутри села или общины, но и между селами или общинами. Причем недостатки земельных порядков в последних случаях особенно тяжело отражались на хозяйственной деятельности крестьянина. Поэтому межселенное землеустройство продолжало пользоваться массовым спросом в деревне 20-х годов.

О сдвигах в направлении землеустроительных работ и их общих итогах за 1919—1927 гг. дают представление отчетные данные Наркомзема РСФСР. В 1919—1921 гг., в период действия аграрных законов эпохи революции, было устроено 21878,2 тыс. га земель крестьянского пользования (менее 1/10). При этом на площади в 20493,1 тыс. га работы проводились на межселенном уровне и чаще всего ограничивались уравниль-

²⁵⁸ СДЗЗ, с. 172.

ным перераспределением земель, не преследуя цели улучшения организации хозяйственной территории. Во внутриселенном землеустройстве (1385,1 тыс. га) решительно преобладали работы по выделу колхозов (847,3 тыс. га). За вдвое более продолжительный период с 1922 по 1927 г. мероприятия по устройству земель крестьянского пользования охватили 98359,4 тыс. га, т. е. почти в 5 раз больше. При этом общая площадь межселенного землеустройства составила 55527,7 тыс. га (на Северном Кавказе — 12139,4 тыс. га) и внутриселенного — 42832,7 тыс. га, в том числе колхозного — 2079 тыс. га²⁵⁹.

Из приведенных данных со всей очевидностью следует, во-первых, что межселенное землеустройство, очень часто связанное с уравнительным распределением земель между селами и целыми волостями, сохранило преобладающее значение. Однако в отличие от предыдущего времени его основное содержание определялось задачами улучшения землепользования, а не обеспечением уравнительности самой по себе. Во-вторых, огромные масштабы работ по внутриселенному землеустройству (оно охватило почти пятую часть крестьянских земель) свидетельствуют об активном воздействии государства на организацию хозяйственной территории внутри общины, вплоть до отдельного двора. Наконец, в-третьих, на протяжении 1922—1927 гг., землеустройство было направлено преимущественно на удовлетворение потребностей единоличных крестьянских хозяйств.

Предоставлению свободы выбора форм землепользования — общинной, участковой и коллективной — соответствовала замена обязательного землеустройства землеустройством, проводимом по ходатайствам самих крестьян²⁶⁰. Однако советское землеустройство не было и не могло быть пассивным исполнителем желаний мелкобуржуазной деревни, а тем более устремлений зажиточно-кулацких слоев. Как только обнаружился быстрый рост хуторов и отрубов, сразу же были приняты меры, направленные на преодоление нежелательных тенденций.

4—7 июля 1924 г. при Наркомземе РСФСР состоялось совещание крестьян-членов ВЦИК, на котором специально были обсуждены вопросы землеустроительной политики. В выступлениях ответственных работников Наркомзема разъяснялось, что перспективной задачей советской земельной политики была и остается задача социалистического преобразования сельского хозяйства, что землеустройство, решая текущие задачи, должно создавать благоприятные условия для решения этой задачи в дальнейшем. В докладе заведующего Отделом землеустройства и переселения И. А. Миртова говорилось: «Мы считаем, что лучшая и наиболее рациональная форма — коллективная. Все усилия Советской власти направлены к тому, чтобы развивать

²⁵⁹ НКЗ РСФСР. Материалы по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства, ч 5, с. 27—28.

²⁶⁰ СДЗЗ, с. 172—173.

эту форму... Однако объективная обстановка не позволяет сейчас рассчитывать на коллективизацию хозяйства в широком масштабе. У Советской власти нет сейчас средств для того, чтобы оказать материальную поддержку коллективам в виде субсидий, инвентаря и проч. для того, чтобы сразу поставить коллективное хозяйство как образцовое хозяйство с машинной обработкой земли, с подсобными предприятиями и проч.» Вместе с тем в докладе объявлялась борьба с «хутороманией». «Наше отношение к хуторам самое отрицательное,— подчеркивал И. А. Миртов.— Мы приложим все силы, чтобы отвлечь крестьянство от хуторов и отрубов». Задачей землеустройства провозглашалось улучшение «существующего группового землепользования»²⁶¹.

Нарком земледелия А. П. Смирнов сформулировал задачу в еще более категорической форме: «Землеустроителям мы говорим: кулака не пускай — коллективы выделяй»²⁶² (имея в виду под коллективами и колхозы, и групповые поселки).

23 августа 1924 г. Наркомзем РСФСР обращается к местным земельным органам с циркуляром о направлениях земельной политики, в котором даются указания о необходимости «применения всей... совокупности мер экономического, агротехнического, землеустроительно-технического и агитационно-пропагандистского воздействия, которые должны быть направлены на насаждение и поощрение товарищеских форм землепользования и хозяйства (хотя бы простейших видов) и на усовершенствование общины (образование поселков и выселков... переход к широким полосам и многополью, рациональная организация выпаса и проч.) в целях отклонения населения от полного разобщения своего землепользования»²⁶³.

Спустя два месяца, 24 октября, Наркомзем рассылает на места специальный циркуляр «О прекращении хуторских разверстаний», которым до сведения земельных органов доводились установки о политике землеустройства, принятые Комиссией ЦК РКП (б) по работе в деревне. Циркуляр подтвердил «курс на коллективизацию землепользования и хозяйства». Подчеркивалось, что «не только не может ставиться в качестве положительной задачи разверстание земель на хутора, как наиболее разобщающее землепользование и укрепляющее индивидуальное хозяйствование, но и должны быть принимаемы активные меры к прекращению дальнейшего хуторского разверстания и привлечению населения к иным формам землепользования, от которых переход к коллективам был бы наименее затруднен»²⁶⁴.

Наркомзем обязал все свои местные органы прекратить прием заявлений о разверстаниях земель целых селений на хутора;

²⁶¹ «Бюллетень совещания крестьян-членов ВЦИК при Наркомземе РСФСР 4—6 июля 1924 года», № 2, с. 14, 15.

²⁶² Там же, с. 25.

²⁶³ ЦГАНХ, ф. 478, оп. 59, д. 559, л. 82.

²⁶⁴ ЦГАОР, ф. 4085, оп. 9, д. 1, л. 37.

проводить «в качестве переходной формы к коллективному порядку землепользования» образование поселков с выгодными размерами землепользования и одновременным переходом к широким полосам и многополью; развивать агитацию «в пользу образования товарищеских форм землепользования, начиная с простейших типов коллективизации труда на земле», поощрять население, переходящее к коллективным формам землепользования; отводить под хуторские участки лишь земли, неудобные для образования поселков; обеспечить при землеустроительных работах предоставление бедняцким слоям деревни «более удобно и близко к селению расположенных земель, а также более легких для обработки и лучше обеспеченных необходимыми удобствами, водой и дорогами»²⁶⁵.

Апрельский пленум ЦК РКП (б) в 1925 г., указывая на необходимость строгого соблюдения «свободы выбора форм землепользования согласно Земельному кодексу», требуя от местных организаций покончить с административными приемами борьбы против развития подворной системы, специально подчеркнул, что задачей партии является содействие «росту таких форм землепользования, которые более благоприятны для развития кооперирования и механизации сельского хозяйства (поселки, выселки и т. п.)...»²⁶⁶. Постановлением III съезда Советов Союза ССР от 20 мая 1925 г. этой партийной директиве была придана сила государственного закона²⁶⁷.

Советская власть допускала существование подворной системы землепользования, но стремилась ограничить ее развитие, поскольку она предоставляла наиболее благоприятные условия для роста кулацкого хозяйства. Ограничение развития хуторского и отрубного землепользования осуществлялось главным образом мерами экономического порядка и прежде всего самим по себе фактом содействия (предоставлением льгот, лучших условий и т. п.) росту коллективных и усовершенствованных общинных форм землепользования.

В 1923 г. была разработана и постановлением СНК РСФСР введена дифференцированная расценка землеустроительных работ, по которой плата за разверстание целых селений на хутора или отруба вдвое превышала оплату группового землеустройства (1 руб. 60 коп. с дес. против 80 коп.). Плата за выдел отдельных хозяйств (числом до 5) была более высокой (1 руб. 90 коп. с дес.)²⁶⁸. На местах разница в оплате за групповое и участковое землеустройство часто достигала гораздо больших масштабов. В Воронежской губернии, например, выдел хутора обходился в 5—8 раз выше оплаты отдельных видов группового земле-

²⁶⁵ Там же.

²⁶⁶ КПСС в резолюциях..., т. 3. М., 1970, с. 164.

²⁶⁷ Съезды Советов в документах, т. III. М., 1960, с. 85.

²⁶⁸ СДЗЗ, с. 189.

устройства²⁶⁹. «Положение о кредите на производство землеустроительных работ» от 22 сентября 1924 г., принятое ВЦИК и СНК РСФСР, предусматривало удовлетворение ходатайств о предоставлении кредита на организацию территории отдельных хозяйств лишь в последнюю очередь²⁷⁰.

Политика ограничения роста участкового землепользования уже в 1924 г. дала определенные результаты. Если удельный вес землеустроительных работ по выделу хуторов и отрубов до 1923 г. выросал быстрыми темпами (1919—1921 гг. — 0,03%, 1922 г. — 7,3, 1923 г. — 9,8%), то с 1924 г. наступает перелом. В 1924 г. удельный вес их падает до 6%, в 1925 г. — до 5,3, в 1926 г. — до 3,6, а в 1927 г. — до 2,2%²⁷¹.

Работы по устройству коллективных форм землепользования в эти годы не имели значительного размаха. Крестьянство, получив из рук революции землю, пыталось найти путь в лучшую жизнь в мелком единоличном хозяйстве.

Начавшийся после введения нэпа некоторый спад колхозного движения привел к тому, что в 1922—1924 гг. объем работ по организации колхозного землепользования на первых порах даже уменьшался. В РСФСР за 1921 г. было устроено 583,5 тыс. га колхозных земель. Их удельный вес составлял 3,9%. В 1922 г. было устроено 330,2 тыс. га колхозных земель (2,7%), в 1923 г. — 256,8 тыс. га (2,3%), а в 1924 г. — 261 тыс. га (1,6%)²⁷². С 1925 г. спад начал сменяться тенденцией к подъему. Этому способствовало как общее экономическое восстановление деревни, так и стимулирование колхозного движения со стороны Советского государства. С 1924 г. вновь начинают усиливаться меры государственной поддержки развитию коллективного земледелия.

«Положение» 22 сентября 1924 г. предусматривало ряд льгот в кредитовании землеустройства колхозов. Сельскохозяйственные коллективы (коммуны, артели и тозы) получали ссуды на организацию территории в первую очередь и в большем размере. Земельные общества и отдельные землепользователи могли получать ссуду в размере 75% стоимости землеустроительных работ, а колхозы и другие производственные земельные объединения в размере 90%²⁷³. Законами о кредитовании землеустроительных работ 1926—1927 гг. колхозам была предоставлена льгота в отношении сроков погашения ссуд. Колхозам выдавались ссуды сроком на 5 лет. Сроки кредитования остальных землепользователей были установлены в 2 года, за исключением

---

²⁶⁹ ЦГАОР, ф. 4085, оп. 9, д. 170, л. 109.

²⁷⁰ СДЗЗ, с. 219—220.

²⁷¹ НКЗ РСФСР. К вопросу об очередных задачах работы в деревне, с. 112; СХЖ, 1928, № 13, с. 21. Ср.: Два года работы правительства РСФСР. 1924/25—1925/26 гг., с. 59.

²⁷² НКЗ РСФСР. К вопросу об очередных задачах работы в деревне, с. 112.

²⁷³ СДЗЗ, с. 219—220.

случаев проведения работ, связанных с коренными улучшениями земельных угодий или с расселением (они кредитовались также на 5 лет)²⁷⁴.

Циркуляр НКЗ РСФСР от 23 августа 1924 г. о формах землепользования потребовал от местных землеустроительных органов первоочередного и особенно тщательного проведения работ по выделу земель колхозам и по их хозяйственной организации²⁷⁵. Все эти мероприятия не замедлили сказаться и на направлении землеустроительных работ. В 1925 г. землеустройство колхозов было проведено на площади в 251,7 тыс. га. Правда, относительное место землеустроительных работ в колхозах продолжало еще сокращаться (до 1,4%), так как общий объем устроенных земель вырос в большей степени. Но с 1926 г. абсолютный рост землеустройства колхозов стал сопровождаться повышением их удельного веса. В 1926 г. было устроено уже 396,1 тыс. га земель в колхозах (1,8%), а в 1927 г.—578,7 тыс. га (2,4%)²⁷⁶. В дальнейшем по мере роста колхозного движения происходит также постоянное увеличение работ по организации территории коллективных хозяйств.

На протяжении 20-х годов в области землеустройства наиболее широкое применение получили такие формы землеустройства единоличных крестьянских хозяйств, которые, не усиливая их обособления, значительно ослабляли пути общинного землепользования, давали возможность развиваться на старой основе до тех пор, пока не будут созданы условия для перехода к социалистическим формам землепользования. Это — землеустройство так называемой усовершенствованной, прогрессивной общины. Значение его усиливалось тем, что оно способствовало подъему не отдельных, чаще всего зажиточных хозяйств, а охватывало все хозяйства земельного общества, или, по крайней, мере, значительную группу их.

Органами Рабоче-крестьянской инспекции в 1923—1924 гг. в 18 губерниях России было обследовано около 210 тыс. землеустроенных крестьянских хозяйств с общей площадью свыше 2 млн. га. Оказалось, что заявки на землеустройство от бедняков охватывают 46%, от середняков — 47% и от зажиточных — 23% площади, находившейся в пользовании этих групп²⁷⁷. В представлениях сельской бедноты проведение землеустройства было связано с надеждами на справедливый передел земли, на преодоление засилья кулаков, часто верховодивших в общине. Костромское земельное управление даже считало, что вообще «основным мотивом внутриселенного землеустройства является стремление бедняцких слоев деревни к производству уравни-

²⁷⁴ Там же, с. 340—341; СУ РСФСР, 1927, № 88, ст. 591.

²⁷⁵ ЦГАНХ, ф. 478, оп. 59, д. 525, л. 81—82.

²⁷⁶ НКЗ РСФСР. К вопросу об очередных задачах работы в деревне, с. 112; «Вестник землеустройства и переселения». 1928, кн. VII, с. 20.

²⁷⁷ Киндеев К. Я. Указ. соч., с. 6, 36—37.

тельных переделов»²⁷⁸. Желание с помощью землеустройства выявить действительные размеры землепользования с целью более уравнительного распределения и более точного обложения хозяйств сельскохозяйственным налогом отмечалось и в документах рабкриновских обследований на Урале²⁷⁹.

Среди мотивов и межселенного, и внутриселенного землеустройства можно было встретить и желание получить прирезку «фунтовой» (фондовой, т. е. из фондов государственных земельных имуществ), подчас и вовсе посторонние соображения, но главным и преобладающим всюду было, конечно, стремление избавиться от неудобств чересполосицы и дальнотемелья, покончить с бесконечными пограничными спорами, «иметь возможность спокойно развивать и поднимать наше сельское хозяйство»²⁸⁰.

Конечно, приходилось преодолевать и сопротивление деревенской темноты, сомнений и страха быть обманутыми, обычно ловко эксплуатируемой кулаками-мироедами. «Слыхал, что если перейдем на землеустройство, хлеб-от нам не дадут», — записывает высказывание одного из собеседников представитель НК РКИ в уральской деревушке²⁸¹. Это сомнения глухотомани. В целом же во всех районах страны, как уже отмечалось, крестьянские заявки на проведение землеустройства намного превышали возможности земельных органов.

В борьбе с дальнотемельем и многополосицей применялось чаще всего разделение на части и расселение многодворных общин, образование групповых поселений (поселков, выселков) мелкого и среднего типа. Раздел земельного надела крупной общины на отдельные части, а тем более расселение ее на поселки сокращали число полос и уменьшали расстояние до полей, удешевляли производство, способствовали расширению посевных площадей за счет залежей, создавали условия для интенсификации крестьянского хозяйства. В районах многодворных селений — в Черноземном центре и на юго-востоке — расселение стало основным направлением землеустроительных работ.

В ЦЧО расселение многодворных общин началось еще в ходе аграрной революции и проводилось в довольно значительных масштабах до тех пор, пока еще имелась возможность использования для этой цели помещичьих земель. Но эта база для расселения быстро иссякла. Еще в 1920—1922 гг. в Воронежской губернии образовалось 375 новых поселков, в следующее же трехлетие — 1923—1925 гг. — 242. В Тамбовской губернии за 1921—1922 гг. под выселки было отведено 107,5 тыс. дес. земли, а в 1923—1924 гг. всего 34,6 тыс. дес.²⁸²

²⁷⁸ ЦГАНХ, ф. 478, оп. 59, д. 559, л. 47.

²⁷⁹ ЦГАОР, ф. 4085, оп. 9, д. 280, лл. 26—28.

²⁸⁰ Из истории коллективизации сельского хозяйства Рязанской области, с. 27.

²⁸¹ ЦГАОР, ф. 4085, оп. 9, д. 280, л. 26.

²⁸² ЦГАОР, ф. 4085, оп. 9, д. 261, л. 52; ЦГАНХ, ф. 3983, оп. 1, д. 45, л. 272.

Однако благодаря поддержке со стороны государства этот прогрессивный для своего времени процесс не приостановился, а получил еще больший размах. С 1925 г. Советское государство развернуло огромную работу по восстановлению сельского хозяйства ЦЧО и реконструкции крестьянского хозяйства засушливых районов юга и юго-востока. Землеустройство, в том числе расселение, было одним из наиболее важных мероприятий, проводимых по трехлетнему плану этих работ (см. табл. 18).

Таблица 18

Поселковое строительство в Центрально-Черноземной области за 1924/25—1926/27 гг.*

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Выделено земли, в тыс. га	137,6	170,5	236,5
Образовано поселков	561	760	1043
Хозяйств, выселившихся в поселки, в тыс.	14,0	17,5	22,9

* ЦГАНХ, ф. 3983, оп. 1, л. 45, лл. 270, 272.

Как свидетельствуют данные этой таблицы, средний размер новых выселков колебался от 22 до 25 дворов, т. е. почти вдвое превышал средний размер тогдашних колхозов. Новые поселки, следовательно, вполне отвечали требованию обеспечить возможность организации крупного коллективного землепользования. Их земельный надел, выделявшийся, как правило, единым массивом, сведенным «к одному месту», был равен 220—250 га. Норма выделения отдельного двора на выселке исчислялась в 10 дес. и заметно превышала уровень землеобеспеченности крестьянских хозяйств по области в целом (8 дес.).

Организация поселков проходила в обстановке острой борьбы за землю. Активное стремление воспользоваться преимуществами поселкового расселения проявило, в частности, кулачество, которое стремилось к тому же уйти из-под контроля деревенской общественности и Советов, более активных и теснее связанных с беднотой в крупных селениях. В ряде случаев возникли кулацкие поселки — поселки предпринимателей, эксплуатирующих бедноту окрестных селений²⁸³.

В широких масштабах производился раздел многодворных земельных обществ на части. В 1924/25 г. в ЦЧО частям селений было выделено 751,3 тыс. га, в 1925/26 г. — 805,5 тыс. га, а в 1926/27 г. — 872,7 тыс. га, тогда как выдел земли под хутора и отруба снизился с 10,1 тыс. га в 1924/25 г. до 7,1 тыс. га в 1926/27 г.²⁸⁴ За пять лет, с 1922 г. по 1927 г., в ЦЧО было

²⁸³ НКЗ РСФСР. IV совещание земорганов. 5—12 января 1929 г. Стенографический отчет. М., 1929, с. 176.

²⁸⁴ ЦГАНХ, ф. 3983, оп. 1, л. 45, л. 270.

выделено частям селений, под выселки и поселки 2764,4 тыс. дес. земли, или 15,9% сельскохозяйственных площадей²⁸⁵.

На Северном Кавказе с 1922 по 1927 г. 14,6% всего земельного фонда (3,8 млн. га) перешло из пользования многодворных общин частям селений, выселкам и поселкам, в Среднем Поволжье — 8,5% (1,7 млн. га), в Нижнем Поволжье — 6,1% (1,7 млн. га) и, наконец, в Сибири — 8,5% (5,1 млн. га). В РСФСР (без автономных республик) за эти годы дробление многодворных общин было произведено на площади в 19,8 млн. га, что составляло 7,9% земельного фонда. В том числе на 6,75 млн. га было организовано свыше 4 тыс. поселковых землепользований. На них выселилось всего 132 тыс. крестьянских дворов²⁸⁶.

Насколько значительным был хозяйственный эффект расселения, показывают итоги землеустройства Самойловской, Елагинской и Краишевской волостей Саратовской губернии, произведенного в 1927—1928 гг. Выше мы видели, как отражались на крестьянском хозяйстве этих волостей многодворность селений и связанное с ней дальноземелье. В результате землеустройства на их территории было образовано 120 новых землепользований, число селений с площадью свыше 10 тыс. га уменьшилось вдвое, зато число мелких землепользований (до 500 га) увеличилось с 128 до 199, а средних (от 500 до 3 тыс. га) — с 56 до 102. Ближайшими и наиболее ощутимыми результатами этого были значительная распашка залежей и массовый переход к улучшенным севооборотам. Площадь пашни в первый же год дала увеличение на 14—15%. Из 296 земельных обществ 162 перешли к улучшенным севооборотам, из них 13 — от пестрополя к простому трехполюю, 9 — от пестрополя к улучшенному трехполюю и 140 — ввело многопольный севооборот. Этот фактор сам по себе привел к повышению средней урожайности во всех трех волостях на 7,7%. Вместе с расширением посевных площадей это дало увеличение валовой продукции крестьянских хозяйств на 23,9%.

Наконец, еще один крайне важный итог сплошного землеустройства этих трех волостей: до 1927 г. в них образовалось всего 18 колхозов, в процессе землеустройства возникло еще 32 колхоза и 36 посевных товариществ. Причем новые колхозы были значительно крупнее и крепче в хозяйственном отношении, чем старые. Если средняя величина старого колхоза определялась в 13 дворов, то новые насчитывали по 17²⁸⁷.

Экономическая эффективность землеустройства крестьянских хозяйств может быть представлена данными обследования зем-

²⁸⁵ НКЗ РСФСР. Материалы по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства, ч. 5, с. 28.

²⁸⁶ Там же, с. 28, 29; СХЖ, 1928, № 13, с. 12; ЦГАОР, ф. 4085, оп. 9, д. 526, л. 9.

²⁸⁷ ЦГАНХ, ф. 3983, оп. 1, д. 45, лл. 172, 179, 180.

леустроенных хозяйств в Самарской губернии за 1920—1924 гг. Только в результате уменьшения дальноземелья была достигнута экономия в 20,4 рабочих дня на хозяйство, что позволило увеличить площадь распахки и засева на 63 тыс. дес. (1,8 дес. на хозяйство)²⁸⁸. По данным обследований НК РКИ расходы на землеустройство окупались здесь в течение трех лет только за счет сокращения транспортных издержек²⁸⁹.

Наиболее эффективным в производственном отношении было внутрихозяйственное землеустройство — введение многополья и соединение узких полос в широкие. Межселенное и внутриселенное землеустройство не доходило до каждого двора в отдельности, ограничиваясь в лучшем случае разбивкой на «гоны». При внутрихозяйственном землеустройстве существенно улучшалась система использования угодий каждым крестьянским двором.

Соединение многих мелких и узких полос надела крестьянского двора в одну широкую полосу (коммасация), позволяло применять усовершенствованную технику, улучшать обработку полей, повышать интенсивность хозяйства, не разрушая поселения, не разделяясь на обособленные участки. Естественно, что как только опыт пионеров введения широких полос и многополья показал крестьянству возможность смягчения недостатков общинного землепользования, этот вид землеустроительных работ стал очень быстро расти. В Тверской губернии, где в 1922—1923 гг. имел место весьма интенсивный переход на хутора и отруба, «достаточно было, — как сообщало земельное управление, — нескольким селениям перейти на многополье, не разрушая общества, как его примеру в возрастающей прогрессии следуют соседи»²⁹⁰.

В первые годы нэпа переход на широкие полосы и внедрение многополья в общине были редким явлением. Начиная с 1924 г., этот вид землеустройства быстро вытесняет выдел отдельных хозяйств на участки. В 1922 г. удельный вес земельных площадей, на которых были введены широкие полосы и многопольные севообороты, составлял едва 1,8% (вдвое-втрое ниже удельного веса площади, выделенной под хутора и отруба), в 1923 г. — 5%. Соотношение резко меняется в 1924 г., когда работы по разбивке крестьянских наделов на широкие полосы достигли 12,4% общего объема землеустроительных работ. В 1925 г. их удельный вес был равен уже 15,2%, в 1926 г. — 18,3%, а в 1927 г. — 26,8%²⁹¹, т. е. более чем вдесятеро превзошел масштабы работ по устройству хуторов и отрубов.

²⁸⁸ Спектор Г. В. Пять лет землеустройства в Самарской губернии. Опыт статистической разработки материалов по землеустройству крестьянских хозяйств за 1920—1924 гг. Самара, 1925, с. 11, 33.

²⁸⁹ ЦГАОР, ф. 4085, оп. 9, д. 526, л. 7.

²⁹⁰ ЦГАНХ, ф. 478, оп. 59, д. 559, л. 55.

²⁹¹ НКЗ РСФСР. К вопросу об очередных задачах работы в деревне, с. 112; СХЖ, 1928, № 13, с. 21.

Внутрихозяйственное землеустройство общин, распространившись вначале по преимуществу в Центрально-Промышленном и Северо-Западном районах, как противовес развитию подворно-участковой системы с 1924—1925 гг. широко применяется и в земледельческих районах. К концу 1927 г. на Северном Кавказе широкие полосы и улучшенные системы севооборота были внедрены на площади в 5095,9 тыс. га, что составляло 19,4% сельскохозяйственной территории края. Другими районами массового перехода общин к системе широких полос были: Сибирь (6433,3 тыс. га), Центрально-Промышленный район (1854,7 тыс. га), ЦЧО (1046,3 тыс. га) и Ленинградская область (557 тыс. га). Всего в РСФСР с 1922 по 1927 г. внутрихозяйственное землеустройство было произведено на площади в 16507,6 тыс. га (6,6% земель сельскохозяйственного назначения), причем за первое трехлетие (1922—1924 гг.) на площади всего в 3617 тыс. га, а за второе (1925—1927 гг.) — в 12890 тыс. га²⁹².

Переход к системе широких полей и улучшение севооборота благотворно сказывались на хозяйстве крестьянина. Можно воспользоваться данными Ярославского ГЗУ о хозяйственном эффекте перехода на широкие полосы и отруба. За 1924 г. посевная площадь в старых общинах не изменилась, тогда как в хозяйствах, перешедших на широкие полосы, возросла на 15%, а в отрубных — на 24%. Землеустройство позволило полнее использовать производительные силы крестьянского хозяйства. В среднем по губернии на одну лошадь приходилось 2,5 дес. посева, у тех, кто ввел широкие полосы, — 2,9 дес., а у отрубников — 3,3 дес. Более благоприятным становился состав культур: посевы потребительских культур сократились (рожь, например, с 36,3% в старых общинах до 31,7% в общинах с широкими полосами и до 26,8% в отрубных хозяйствах), зато выросли посевы товарных культур (лен — с 7,2% до 8,3% и 8,5% соответственно) и особенно посевы трав (с 8,5% до 15,5% и 17,7%). Значительно улучшалось животноводство. В среднем по Ярославской губернии на 100 человек сельского населения приходилось 21,1 головы крупного рогатого скота, в хозяйствах с широкими полосами — 31,9, а в отрубных хозяйствах — 33,6²⁹³.

Как видим, отруба давали несколько больший хозяйственный эффект, нежели коммасация земельных полос в общине. Тем не менее Ярославское земельное управление считало «наиболее це-

---

²⁹² НКЗ РСФСР. Материалы по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства, ч. 5, с. 28.

²⁹³ ЦГАНХ, ф. 478, оп. 59, д. 559, лл. 111—112. Большие различия в обеспеченности скотом свидетельствуют и о том, что к широким полосам, как и к отрубам, переходили в целом более состоятельные, во всяком случае более благополучные села. Это неудивительно, всякая реорганизация хозяйства начинается с вложений средств.

лесообразной формой землепользования» не отруба или хутора, а «усовершенствованную общину с многопольными севооборотами и широкой полосой», поскольку на ее стороне не только хозяйственная выгода, но и «социально-политические преимущества»²⁹⁴.

Аналогичные наблюдения зафиксированы и в документах Тверского губернского земельного управления: «Усовершенствованные общества, перешедшие на многополье, выселки и части отдельных селений, освободившиеся от пут старой общины, не дают таких резких (как участковые формы землепользования. — В. Д.) скачков в своем развитии; медленно, но зато вернее и планомернее вводят все доступные им улучшения; отсталый элемент втягивается в общинный севооборот, также увеличивают и запашку, и введение новых культур, увеличивают и количество и качество своего инвентаря, отчего получается эффект массового сдвига и подъема хозяйства.

Такого общего сдвига всего фронта при разверстаниях на отруба и хутора не наблюдается; напротив, отмечаются случаи, когда слабые хозяйства не только не могли лучше устроиться на новых участках, но вынуждены были лишиться и того, что имели раньше»²⁹⁵.

Вот этот эффект массового сдвига к лучшему, массового подъема крестьянских хозяйств и составлял сущность советского землеустройства, его главнейшее отличие от землеустройства столыпинского, укреплявшего «сильных» за счет «слабых».

Партия стремилась прежде всего обеспечить хозяйственный подъем бедняцко-средняцких слоев деревни. Строгое проведение классовой пролетарской линии в землеустроительных работах и особенно в распределении государственных средств на их организацию способствовали улучшению и укреплению экономических и политических позиций деревенской бедноты, освобождали ее от кулацкой кабалы. Как показал опыт первых лет нэпа, беднота не в состоянии была оплатить землеустроительные работы. За 1922—1924 гг. задолженность бедноты землеустроительным органам в ряде мест составляла 40—45% стоимости проделанных работ²⁹⁶. Поэтому в соответствии с директивой апрельского Пленума ЦК РКП (б)²⁹⁷ III съезд Советов постановил «принять на счет государства оплату землеустроительных работ для беднейшей части крестьянства»²⁹⁸. Съезд ассигновал для этой цели на 1925/26 г. 3 млн. руб. Действительные расходы значительно превысили эту сумму и составили 3887,2 тыс. руб., т. е. 21,7% государственных расходов на землеустроительные

²⁹⁴ Там же, л. 113.

²⁹⁵ Там же, л. 56.

²⁹⁶ ЦГАОР, ф. 4085, оп. 9, д. 34, л. 61.

²⁹⁷ См. КПСС в резолюциях..., т. 3, с. 164.

²⁹⁸ Съезды Советов в документах, т. III, с. 84.

работы. На Украине в этом году было освобождено от оплаты 24,6% землеустроенных хозяйств²⁹⁹.

В 1926—1927 г. правительство Российской республики рядом законодательных актов еще более усилило классовую направленность землеустроительных работ. Постановления от 6 декабря 1926 г., 11 января, 1 февраля и 29 июля 1927 г. о кредитовании землеустроительных мероприятий, а также Инструкцией по использованию кредитов устанавливалось, что эти ссуды выдаются только «населению из числа середняцких и бедняцких его слоев»³⁰⁰. Зажиточные и кулацкие элементы деревни вообще были исключены из числа кредитруемых при проведении землеустройства. Всего в 1926/27 г. государственная помощь бедноте по линии землеустройства определялась в 5099,1 тыс. руб.³⁰¹

Партией были даны землеустроительным организациям директивы об особенно внимательном отношении к бедняцким и маломощно-средняцким слоям деревни, о предоставлении им действительной возможности в первую очередь воспользоваться содействием землеустройства для рационализации и интенсификации хозяйства. Землеустроительные органы обязывались проводить работы в хозяйствах этих слоев населения на особо льготных условиях, активно защищать их земельные интересы, охранять их от безземелья, отвода худших по качеству и по своему расположению земель, от кулацкого закабаления на почве поземельных отношений³⁰². И действительно, из года в год увеличивались масштабы землеустроительных работ в хозяйствах бедноты и маломощных середняков, ограничивалось землеустройство кулацких хозяйств. В общей массе землеустроенных хозяйств на Северном Кавказе в 1924/25 г. было 44,3% бедняцких, 40% середняцких и 15,7% зажиточных, в 1925/26 г. — 57% бедняцких, 33,2% середняцких и 9,8% зажиточных, а в 1926/27 г. — 60% бедняцких, 35,8% середняцких и 4,2% зажиточных³⁰³. Столь же быстро возрастал удельный вес бедноты в составе землеустраиваемых хозяйств в Самарской губернии³⁰⁴.

От землеустройства больше всего выигрывали бедняцкие слои деревни. Так, по данным бюджетных описаний крестьянских хозяйств, сокращение непроизводительных затрат на одних только перевозках грузов в хозяйствах с посевом до 2 га было на 45% больше, чем в хозяйствах с посевной площадью свыше 10 га, в хозяйствах с площадью посева от 2 до 6 га — на 38%

²⁹⁹ СССР. Год работы правительства. Материалы к отчету за 1926/27 г. М., 1928, с. 214; СССР. Год работы правительства. Материалы к отчету за 1927/28 г. М., 1929, с. 185.

³⁰⁰ СДЗЗ, с. 341, 342, 344; СУ РСФСР, 1927, № 88, ст. 591.

³⁰¹ СССР. Год работы правительства. Материалы к отчету за 1926/27 г. М., 1928, с. 214.

³⁰² ЦГАНХ, ф. 478, оп. 59, д. 525, л. 21.

³⁰³ СХЖ, 1928, № 17, с. 3.

³⁰⁴ ЦГАОР, ф. 4085, оп. 9, д. 240, л. 3.

и в хозяйствах с посевами от 6 до 8 га — на 15%. Общий прирост «ценности» гектара посевной площади в результате землеустройства для бедняцких хозяйств был на 25% выше, нежели для зажиточных³⁰⁵.

Наряду с кооперированием, кредитованием, снабжением средствами производства и другими мероприятиями Советского государства землеустройство было одним из важнейших рычагов подъема мелкого крестьянского хозяйства и регулирования социальных отношений в деревне. Оно способствовало переходу бедняцких хозяйств в середняцкую группу и задерживало рост капиталистических элементов, создавало условия для проведения социалистической перестройки сельского хозяйства.

Ожившая в новых условиях крестьянская поземельная община пережила накануне своего полного исчезновения кратковременный период прогрессивного развития. Однако любые улучшения общинного землепользования, различные виды землеустройства единоличного крестьянского хозяйства, образование поселков или выселков, переход к широким полям и внедрение многополья не устраняли мелкого частнособственнического производства с его рутинной техникой, крайне низкой производительностью и товарностью, не могли ликвидировать эксплуататорские классы и коренным образом улучшить положение трудящихся масс крестьянства. В самом деле, Земпланом в 1927 г. было рассчитано, что для полного завершения землеустройства всех крестьянских хозяйств только расселить нужно на Северном Кавказе 50% дворов, в Нижне-Волжском районе — 44%, в Средне-Волжском — 40%, а во всей республике — 30% дворов³⁰⁶. Огромная затрата времени, средств и сил должна была бы совершиться, а основная причина нищеты и бескультуры деревни — индивидуальное мелкое хозяйство — сохранилась бы. Сохранилась бы, несмотря на все улучшения и усовершенствования, и чересполосица со свойственными ей агротехническими нормами и пороками. Поэтому, в частности, землеустройство не всегда давало значительный производственный эффект. При переходе от трехполья к многопольному севообороту число полос в общинах после землеустройства весьма часто не сокращалось, а увеличивалось. В селах Старое Палеологово, Новые Черкассы и Павловка Бессоновской волости Пензенской губернии на 103 двора до землеустройства было 1829 полос, а после землеустройства стало 2217 полос на 104 двора³⁰⁷. Это обстоятельство серьезно тормозило переход крестьянских хозяйств к многопольным севооборотам и к другим усовершенствованиям, затрудняло применение машинной техники.

³⁰⁵ НКЗ РСФСР. Материалы по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства, ч. 5, с. 23.

³⁰⁶ ЦГАОР, ф. 4085, оп. 9, д. 526, л. 9.

³⁰⁷ Там же, д. 648, лл. 95—96.

«Заколдованный круг», в котором оказалось крестьянское хозяйство при общинном землепользовании имел только один действительный выход: коренная перестройка самого крестьянского хозяйства и землепользования, коллективизация сельского хозяйства на базе технической реконструкции. И это начинали понимать сами крестьяне. Работники НК РКИ, обследовавшие землепользование и землеустройство в 1925—1926 гг., записали в одной из уральских деревень весьма характерное крестьянское суждение по поводу перехода к более совершенным системам хозяйства: «Жалко переделывать наземные полосы, — вот где причина против девятиполья, а придет общая социализация, то чему быть, тому не миновать»³⁰⁸.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ В ПЕРИОД НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ ПОДГОТОВКИ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ И НАСТУПЛЕНИЯ НА КУЛАЧЕСТВО

Особый этап в развитии крестьянского землепользования составляет период непосредственной подготовки коллективизации, т. е. период от XV съезда Коммунистической партии в конце 1927 г. до возникновения массового колхозного движения осенью 1929 г. Курс на коллективизацию крестьянских хозяйств, принятый XV съездом партии, требовал перестройки земельной политики Советского государства. Необходимо было создать наиболее благоприятные условия для развития коллективных форм землепользования и усилить меры по ограничению землепользования деревенской буржуазии.

К началу 1927 г., как показывают данные табл. 19, площадь коллективного землепользования увеличилась по сравнению с 1920 г. более чем в 2 раза и достигла на территории РСФСР 2386,6 тыс. га, что составляло 1,0% крестьянского землепользования. В то же время с каждым годом замедлялся рост участковых форм землепользования, как наиболее соответствующих интересам эксплуататорских слоев деревни. К началу 1927 г. эти формы охватывали 3,5% крестьянских земель—8198,1 тыс. га. Причем под хуторами, которые в наибольшей степени разобщали крестьянские хозяйства, находилось 2056 тыс. га (0,9%).

В 1927 г., как и в первые годы нэпа, абсолютно преобладающее место среди форм крестьянского землепользования принадлежало уравнильно-передельной общине. По РСФСР на ее долю приходилось 95,5% трудового земельного фонда (222373,7 тыс. га). Большие работы, проведенные Советским государством по улучшению общинного землепользования, а также меры ограничения хуторского и отрубного не позволили

³⁰⁸ ЦГАОР, ф. 4085, оп. 9, д. 280, л. 26.

Таблица 19

Формы крестьянского землепользования в РСФСР на 1 января 1927 г. *

Район	Общинное		Коллективное		Хуторское		Отрубное		Всего	
	тыс. га	уд. вес, %	тыс. га	уд. вес, %	тыс. га	уд. вес, %	тыс. га	уд. вес, %	тыс. га	уд. вес, %
Северо-Восточный	6879,1	97,41	18,2	0,26	36,9	0,52	127,7	1,81	7061,8	100,0
Северо-Западный	9315,7	88,7	33,7	0,3	396,7	3,8	761,3	7,2	10505,5	100,0
Западный	5347,4	80,5	28,0	0,4	973,4	14,7	294,1	4,4	6642,8	100,0
Центрально-Промышленный	22825,4	94,7	67,5	0,3	244,0	1,0	965,7	4,0	24102,7	100,0
Центрально-Земледельческий	16205,0	98,7	130,1	0,8	54,0	0,3	26,1	0,2	16415,2	100,0
Вятско-Ветлужский	7973,0	99,58	21,7	0,27	7,1	0,09	4,7	0,06	8006,5	100,0
Средне-Волжский	17886,2	95,5	830,3	4,4	12,1	0,07	5,3	0,03	18733,9	100,0
Нижне-Волжский	23314,8	98,2	411,0	1,73	—	—	18,5	0,07	23744,3	100,0
Урал	22325,0	98,2	126,8	0,5	—	—	295,7	1,3	22747,5	100,0
Северный Кавказ	22007,3	94,5	478,9	2,1	44,4	0,2	747,0	3,2	23277,6	100,0
Сибирь	52625,2	93,9	220,1	0,4	280,7	0,5	2899,4	5,2	56025,4	100,0
Дальний Восток	15669,6	99,81	20,1	0,13	6,8	0,04	3,6	0,02	15700,0	100,0
<i>Итого</i>	222373,7	95,5	2386,6	1,0	2056,0	0,9	6142,1	2,6	232965,3	100,0

* ЦСУ СССР. Итоги десятилетия Советской власти в цифрах 1917—1927 гг. М., 1927, с. 120—121. В таблице исправлены опечатки, имеющиеся в источнике.

возобладать капиталистической тенденции к окончательному обособлению крестьянских хозяйств, избавили социалистическое преобразование деревни от дополнительных трудностей. Только в Западном и Северо-Западном районах участковые формы землепользования получили значительное развитие. В Западном районе под хуторами и отрубам было 19,1% крестьянских земель, а в Северо-Западном — 11%. Издесь, следовательно, абсолютное преобладание сохранило общинное землепользование — связанное, совместное землепользование целых деревень и сел. Правда, в Смоленской губернии, по данным местных земельных органов за 1928 г., 50% крестьянских хозяйств было хуторскими и отрубными, а занимали они 40,7% земель трудового пользования³⁰⁹. В Великолуцком уезде Псковской губернии к участковому землепользованию перешли 55,6% хозяйств, а его площадь составила 42% крестьянских земель. В Ржевском уезде Тверской губернии под хуторами и отрубам находилось тогда 28,6% земель³¹⁰. Однако перечисленные здесь районы составляли исключение.

Курс партии на коллективизацию сельского хозяйства и усиление наступления на кулачество поставил новые задачи перед советской земельной политикой, потребовал более активного вмешательства государства в развитие поземельных отношений крестьянства. XV партсъезд следующим образом сформулировал директиву в вопросах регулирования крестьянского землепользования: «Всемерно содействовать росту таких форм землепользования, которые более благоприятны для развития кооперирования и механизации сельского хозяйства (поселки, выселки и т. п.), ограничив практику выделения на отруба и, особенно, хутора и совершенно прекратив их в тех случаях, где они ведут к росту кулацких элементов»³¹¹.

Директива партсъезда определила основные направления развития земельной политики и прежде всего землеустройства в условиях непосредственной подготовки коллективизации. 10 февраля 1928 г. пленум ОКВК принимает определение «Об условиях применения хуторских и отрубных форм землепользования», которым партийная установка начинает отливаться в форму административного распоряжения соответствующим

³⁰⁹ Коллективизация сельского хозяйства в Западном районе РСФСР, с. 35. По 1 октября данным удельный вес хуторских и отрубных хозяйств на Смоленщине достиг 52% («Известия ЦК ВКП(б)», 1929, № 11-12, с. 19).

³¹⁰ Коллективизация сельского хозяйства в Западном районе РСФСР, с. 35. По 1 октября названные три района оказались объединенными в границах Западной области. Удельный вес хуторского и отрубного землепользования по области в целом составил 26% (в Брянской и Калужской губерниях, также влившихся в Западную область, под хуторами и отрубам было от 1,4% до 3% земель — см. там же).

³¹¹ КПСС в резолюциях..., т. 4, с. 67.

государственным учреждениям. «Землеустроительные органы, — гласило определение ОКВК, — должны проводить такие формы землепользования, которые наиболее способствуют массовому поднятию производительности сельского хозяйства и переходу от индивидуальных форм землепользования к кооперированию, коллективизации и дальнейшему обобществлению сельскохозяйственного производства. При образовании землепользований с хуторскими и отрубными формами указанные выше цели землеустройства достигаются в наименьшей степени. Поэтому эти формы землепользования могут применяться лишь в тех случаях, когда, по местным условиям, установление других представлялось бы нецелесообразным»³¹². Здесь, как видим, содействие переходу от индивидуальных форм хозяйства к коллективным, обобществленным формулируется как прямая цель советского землеустройства.

Еще накануне XV съезда партии 20 октября 1927 г. Центральный Комитет принял «Директивные указания для выработки союзного закона о землеустройстве и землепользовании»³¹³. В соответствии с этими директивами был разработан и 15 декабря 1928 г. утвержден ЦИК СССР закон «Общие начала землепользования и землеустройства», имевший огромное значение для перестройки всей системы поземельных отношений и прежде всего для развития коллективного землепользования. Земельный кодекс 1922 г. к этому времени уже сыграл свою роль. Новый закон не отменял Земельный кодекс, но существенно дополнял и уточнял его основные положения. То новое, что вносили «Общие начала» 1928 г. в поземельные отношения деревни, заключалось, во-первых, в максимальном проведении классового принципа в праве трудового пользования землей, и, во-вторых, в создании для коллективных хозяйств наибольших преимуществ в области землепользования и землеустройства.

В новом законе нашел дальнейшее развитие принцип трудового землепользования. Право пользования землей обуславливалось уже не только личным трудом, но и классовым положением землепользователя, наличием политических прав. «Преимущественное право на получение земли в трудовое пользование, — устанавливал закон, — имеют сельскохозяйственные коллективы, а также бедняцкое и середняцкое безземельное и малоземельное население». «Право на лучшие и более удобно расположенные земли, допускающие облегченную обработку и обеспеченные необходимыми для ведения правильного хозяйства угодьями, водой и дорогами, было предоставлено колхозам, беднякам и маломощным середнякам. Лица, лишённые избирательных прав в Советы, могли получить в свое пользование

³¹² «Бюллетень узаконений и распоряжений по сельскому и лесному хозяйству. Еженедельный официальный орган НКЗ РСФСР», 1928, № 19, с. 6—7.

³¹³ Справочник партийного работника, вып. 7, ч. 1. М.—Л., 1930, с. 374—377.

землю в последнюю очередь³¹⁴. Это наносило серьезнейший удар по кулацкому хозяйству.

Право свободного выбора форм землепользования подтверждалось этим законом. Однако землеустройство должно было, организуя земельную площадь в соответствии с волей крестьян, «способствовать общему подъему сельского хозяйства, кооперированию и коллективизации его». Колхозам было предоставлено право на внеочередное землеустройство. Среди остальных землепользователей в первую очередь должны были обслуживаться те, кто «переходит к формам землепользования, наиболее благоприятствующим кооперированию, коллективизации и поднятию технического уровня сельского хозяйства». Были облегчены условия выдела земли из надела общины. Члены коллектива могли выделяться в любое время, не ожидая общего передела или землеустройства. Подтверждалось, что землеустройство всех бедняцких, маломощных середняцких и коллективных хозяйств производится за счет государства³¹⁵.

В качестве дополнительной меры поощрения развития коллективного землепользования по этому поводу в бессрочное пользование колхозам передавалась вся земля, ранее арендуемая ими из состава государственных земельных имуществ. Земельная площадь, на которой введена общественная обработка, не могла уменьшаться при передачах земель в обществе или при землеустройстве, если даже она превышала долю, причитающуюся данному коллективу, по разверсткам и нормам. Были облегчены условия выдела земли из состава надела земельного общества, если члены коллектива оказывались в нем в меньшинстве. Они могли выделяться в любое время, не ожидая общего передела или землеустройства³¹⁶.

В течение весны и лета 1928 г. проект закона обсуждался на местах — на пленумах сельских и волостных Советов, на беспартийных крестьянских конференциях. Проект был одобрен, по многим вопросам крестьяне высказали замечания и пожелания³¹⁷. Но вместе с тем идеи и нормы будущего закона входили в сознание крестьян, практических работников и начинали действовать в качестве реальных норм.

Быстрый рост землеустройства колхозов начался сразу же после XV съезда партии, поставившего вопросы колхозного стро-

---

³¹⁴ СДЗЗ, с. 300—302.

³¹⁵ Там же, с. 301—302.

³¹⁶ Там же, с. 303.

³¹⁷ Крестьянская беспартийная конференция Тырновской волости Рязанского уезда 10 июня 1928 г. обсудила проект общесоюзного закона (в прениях выступило 15 человек) и приняла резолюцию, одобряющую намеченные изменения земельного законодательства: содействие коллективизации землепользования, предоставление преимуществ бедноте, ограничение земельной аренды и подчинение общины сельским Советам (Из истории коллективизации сельского хозяйства Рязанской области, с. 63—65).

ительства в центре внимания всего общества. Исходя из директив съезда, Совет Народных Комиссаров СССР постановлением «О плане государственных мероприятий по сельскому хозяйству на 1927—1928 гг.» от 2 марта 1928 г. обязал землеустроительные органы основой их работы сделать проведение «мероприятий, непосредственно содействующих перестройке сельского хозяйства на новых началах и имеющих своей задачей создание таких форм землепользования, которые, способствуя производственному кооперированию бедняцких и середняцких слоев деревни, приближают сельское хозяйство к обобществлению и усиливают его производственную мощь»³¹⁸. Правительством была поставлена задача на протяжении года завершить землеустройство всех колхозов, возникших до 1928 г., и развернуть работу по организации новых коллективных землепользований³¹⁹. Все расходы по землеустройству колхозов были отнесены на государственный счет³²⁰.

Одновременно были приняты меры, облегчавшие формирование коллективного землепользования. Согласно постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 30 апреля 1928 г. «Об изменении статей 114, 136 и 139 «Земельного кодекса РСФСР», колхозам и мелiorативным товариществам «выдел земли производится без согласия общества независимо от того, происходит или не происходит полный передел или разверстание земли в обществе». По требованию «меньшинства общества, согласного на совместную обработку земли», общество обязывалось «независимо от согласия большинства, выделить участок земли к одному месту... без обязательного выхода меньшинства из состава земельного общества». Более того, даже после проведения землеустройства и производства выделов, когда любые новые изменения землепользования, «требующие досрочных общих переделов земли», допускались «лишь с согласия общества», для колхозов было сделано исключение: выдел земли для них производился беспрепятственно³²¹. Тем самым устранялась прежняя зависимости возникновения колхозов от земельных обществ, что сняло немало преград на пути коллективизации.

Курс партии на коллективизацию нашел практическое выражение в быстром развертывании колхозного строительства уже в 1928 г. За год (с 1 июня 1927 г. по 1 июня 1928 г.) число колхозов на территории СССР возросло с 14 832 до 33 285. В колхозы вступило 222 тыс. крестьянских хозяйств — больше, чем за 10 предшествующих лет. Число коллективизированных хозяйств достигло 416,7 тыс.³²² К середине 1928 г. коллективное

³¹⁸ СДЗЗ, с. 289.

³¹⁹ Там же.

³²⁰ СУ РСФСР, 1928, № 39, с. 295

³²¹ СДЗЗ, с. 672—673.

³²² Госплан СССР. Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами. Статистические сведения по сельскому хозяйству СССР за 1927—1930 гг. М.—Л., 1931, с. 22, 23, 25.

землепользование в СССР увеличилось до 5383,2 тыс. га (в РСФСР до 4226,3 тыс. га), т. е. стало на 77,1% больше, чем было в 1927 г. Обобщественная часть земельного надела колхозов исчислялась в 3350,5 тыс. га (62,2%). Остальные 2032,7 тыс. га (37,8%) находились в личном пользовании колхозников. В среднем на каждый колхоз приходилось по 163,5 га удобной земли. Обобщественный же надел колхоза был равен 101,7 га. Наиболее крупных размеров земельные наделы колхозов достигали на Северном Кавказе (168,3 га), на Урале (181,3 га), в Среднем Поволжье (259,2 га), в Нижнем Поволжье (256,8 га), в Казахстане (226,6 га) и в Сибири (316,2 га)³²³.

Росту землепользования колхозов способствовало закрепление за ними по постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 22 августа 1927 г. всей земли, арендуемой раньше из государственных имуществ³²⁴. Благодаря этому земельный фонд колхозов к 1 июля 1928 г. вырос на 1043 тыс. га, в том числе в РСФСР — на 757,3 тыс. га, на Украине — на 196,1 тыс. га, в Белоруссии — на 57,3 тыс. га³²⁵. В ряде республик земли, переданные из государственных имуществ, составили основную часть коллективизированного землепользования (в Белоруссии — 94,4% обобщественного надела, на Украине — 57,1%). Однако в РСФСР основным источником формирования коллективного землепользования служили крестьянские надельные земли (на 1 июня 1928 г. — 62,8% обобщественного надела)³²⁶. Дальнейший рост коллективного землепользования проходил почти исключительно за счет крестьянских земель. По данным на 1 июня 1929 г. удельный вес пашни на землях, полученных из государственных имуществ, в колхозах СССР снизился до 13,5% (в РСФСР — 11,9%, в УССР — 13,8, в БССР — 70,1%)³²⁷.

Глубокая перестройка происходит в политике и практике землеустройства. Исходя из директив партии и правительства, Наркомзем РСФСР 4 апреля 1928 г. принял постановление, обязавшее землеустроительные органы все дальнейшие работы подчинить задаче «стимулировать обобществление производства в крестьянском хозяйстве». Внеочередной работой становился «выдел к одному месту оформившихся (уставных) коллективов», а также разбивка в них полей севооборота, чтобы они могли сразу наладить «применение машин и культурную обработку

---

³²³ ЦУНХУ Госплана СССР и РСФСР. Колхозы в 1928 г. М.—Л., 1932, с. 6, 20.

³²⁴ СДЗЗ, с. 367—368. На Украине аналогичный закон был принят 23 ноября 1927 г. (Історія колективізації сільського господарства Української РСР. 1917—1937 рр. Збірник документів і матеріалів, т. I. Київ, 1962, с. 257—260).

³²⁵ ЦУНХУ Госплана СССР и РСФСР. Колхозы в 1928 г., с. 53.

³²⁶ Там же.

³²⁷ Госплан СССР и РСФСР. Колхозы в 1929 году. Итоги сплошного обследования колхозов. М., 1931, с. 8.

земли». В колхозах, возникших до 1 апреля, предлагалось работы полностью завершить до конца года. Землеустройство вне колхозов должно было готовить условия для их возникновения. Деятельность местных организаций, «в первую очередь землеустроителей и агрономов» теперь оценивалась «в зависимости от того, как правильно и наиболее полно будет выполнена эта директива»³²⁸. Постановление Наркомзема РСФСР было опубликовано в «Известиях» 5 апреля, что способствовало привлечению внимания и сил общественности к делу превращения землеустройства «в орудие организации бедняцких и середняцких хозяйств».

В РСФСР за 1928 г. было устроено 3169 тыс. га колхозных земель³²⁹, т. е. больше, чем за предшествовавшее 10-летие. Это сыграло немаловажную роль в развертывании колхозного движения. Тем не менее рост землеустроительных работ не соответствовал требованиям времени. На 1 июня 1928 г. было землеустроено только 39% колхозов в РСФСР. Произошло даже некоторое снижение удельного веса землеустроенных колхозов по сравнению с предшествующим временем. По данным НК РКИ РСФСР к концу 1926/27 г. были устроены земли 69,9% колхозов. Однако с лета 1928 г. объем работ по землеустройству колхозов быстро возрастает. К 1 августа 1928 г. процент землеустроенных колхозов в РСФСР повысился до 49, а к 1 ноября — до 74,9³³⁰. Отставание землеустройства порождало многие трудности в колхозном строительстве. Весьма часто земельная неустроенность приводила колхозы к распаду. По данным Колхозцентра Украины, до 60% ликвидировавшихся за 1927/28 г. колхозов распались именно по этой причине³³¹.

Быстрыми темпами рост коллективной формы землепользования происходил и в 1929 г. К моменту возникновения массового колхозного движения число колхозов в СССР возросло до 57 045, а количество объединившихся крестьянских дворов до 1007,7 тыс. (3,9% к их общей массе). Земельная площадь колхозов достигла 10 006,1 тыс. га (в РСФСР — 8451,6 тыс. га), т. е. увеличилась за год в 2 раза³³². В огромной степени возросли масштабы землеустроительных работ в колхозах. По СССР за 1928/29 г. было произведено устройство земель коллективного пользования на площади в 5884 тыс. га³³³.

³²⁸ «Бюллетень узаконений и распоряжений по сельскому и лесному хозяйству», 1928, № 14, с. 2—5.

³²⁹ СССР. Год работы правительства. Материалы к отчету за 1927/28 г. М., 1929, с. 186.

³³⁰ ЦГАОР, ф. 5446, оп. 10, д. 569а, л. 151; ЦГАНХ, ф. 3983, оп. 2, д. 7, лл. 179—180.

³³¹ «Сельскохозяйственная газета», 1929, 5 апреля.

³³² Госплан СССР. Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами, с. 22, 23, 25; Госплан СССР и РСФСР. Колхозы в 1929 году, с. 9.

³³³ СССР. Год работы правительства. Материалы к отчету за 1928/29 г., с. 181.

Рост колхозного движения поставил новые задачи и перед землеустройством индивидуального сектора в сельском хозяйстве. Оно должно было изменять порядки землепользования в индивидуальных хозяйствах так, чтобы они облегчали переход к общестроительному производству. Этому содействовал постепенный переход от выборочного землеустройства отдельных сел, деревень и даже хозяйств к землеустройству гнездовому, охватывающему определенный район в целом. В 1929 г. на территории Костромского округа, например, применялся почти исключительно гнездовой метод землеустройства, в выборочном порядке землеустраивались только колхозы, совхозы и учреждения³³⁴.

Намного возросла помощь, оказываемая Советским государством бедноте и маломощным середнякам в области землеустройства. XV съезд Коммунистической партии принял решение «провести землеустройство бедняцких и маломощных слоев крестьянства за счет государства»³³⁵. Согласно манифесту ЦИК Союза ССР от 15 октября 1927 г. по случаю 10-й годовщины Октябрьской революции, был создан 10-миллионный фонд для землеустройства «всех бедняцких крестьянских хозяйств и маломощных хозяйств середняков»³³⁶. В России 38,9%, а на Украине 53,5% землеустроенных хозяйств в результате этих мероприятий было освобождено от платы³³⁷. Еще накануне XV съезда (6 сентября 1927 г.) правительство РСФСР лишило зажиточно-кулацкие элементы права на получение кредита для производства землеустроительных работ из общих средств системы сельскохозяйственного кредита³³⁸.

Землеустройство в период непосредственной подготовки коллективизации приобрело характер действительно массового мероприятия. На территории РСФСР, без автономных республик, работы по устройству земли были проведены за 1928 г. в 2345 тыс. крестьянских хозяйствах (17,8% общего числа хозяйств). Землеустройство крестьянских общин продолжало преобладать. Работы по разделу многодворных общин и расселению в 1928 г. были произведены на площади в 10115 тыс. га (рост по сравнению с 1927 г. на 48,5%). На широкие полосы была произведена разбивка 8680 тыс. га (на 33,8% больше, чем в 1927 г.)³³⁹.

При проведении землеустройства стало строже учитываться классовое положение крестьянских дворов. Принцип «лучшие по качеству и расположению земли — колхозам и бедноте» с весны 1928 г. прочно входит в практику землеустройства. Одна-

³³⁴ Коллективизация сельского хозяйства Центрально-Промышленного района (1927—1937 гг.). Сборник документов. Рязань, 1971, с. 288.

³³⁵ КПСС в резолюциях..., т. 4, с. 67.

³³⁶ СДЗЗ, с. 266, 375.

³³⁷ СССР. Год работы правительства. Материалы к отчету за 1927/28 г., с. 185.

³³⁸ СУ, 1927, № 88, ст. 591.

³³⁹ «Сельскохозяйственная газета», 1929, 12 апреля.

ко наделение земель с учетом классового положения двора в индивидуальном порядке встретилось с известными трудностями как техническими, так и социально-психологическими. Проверка выполнения решений XV съезда партии в Ленинградской области за первую половину 1928 г. установила, что «заявки колхозов удовлетворяются в первую очередь», что «бедняцким хозяйствам по их выбору отводятся лучшие и наиболее приближенные земли». Однако отмечалось, что «как исключение наблюдаются случаи отказа бедняков от предоставляемых им законом преимуществ и привилегий из боязни неприязненных отношений со стороны прочих граждан»³⁴⁰.

И технические, и социально-психологические трудности легче преодолевались при выделении лучших земель не отдельным хозяйствам, а группам их. Постановление Наркомзема РСФСР от 4 апреля 1928 г., определившее конкретные задачи и формы землеустройства в новых условиях, подчиняло все виды работ в единоличном секторе задачам коллективизации и борьбы с кулачеством. Поселки при расселении многодворных селений «по своему размеру и своему составу» должны были создаваться «с таким расчетом, чтобы... эти поселки переходили бы к общественной обработке земли». Землеустройство в старых селениях следовало производить «таким образом, чтобы без особой ломки землепользования и сплошного нового землеустройства создавать условия и возможность к объединению бедняцких и середняцких хозяйств в простейшие производственные товарищества (товарищества по общественной обработке земли) путем отвода земли к одному месту в каждом поле севооборота и путем соответствующих обменов». Земельные наделы крупных общин рекомендовалось разбивать «на отдельные клетки», объединяющие группы бедняцких и бедняцко-средняцких хозяйств (20 — 25 дворов), «чтобы эти группы по своей инициативе и при помощи со стороны государства без всяких трудностей переходили к общественной обработке земли». Им должны были отводиться лучшие по качеству и расположению участки земли³⁴¹. Создание таких групп облегчало возникновение так называемых открытых колхозов, земля которых не выделялась сразу к одному месту, а оставалась в полях общинного севооборота и «собиралась» постепенно путем присоединения новых членов (в этих случаях и производился обмен полос).

Большое внимание внедрению методов группового землеустройства уделяли местные партийные и советские организации. Пленум Калужского губкома (3 — 5 мая 1928 г.) в резолюции о практических задачах коллективизации предлагал: «При землеустройстве предусмотреть выделение бедноте и ак-

³⁴⁰ Коллективизация сельского хозяйства в Северо-Западном районе (1927—1937 гг.). Сборник документов. Л., 1970, с. 42.

³⁴¹ «Бюллетень узаконений и распоряжений по сельскому и лесному хозяйству», 1928, № 14, с. 3—4.

тивной части общественников-средняков земель под один общий жребий, имея в виду перевести их в ближайшем будущем на коллективные формы обработки земли»³⁴².

Новые формы землеустройства означали вместе с тем отделение кулацких хозяйств и перемещение их на худшие земли. Самарское губернское земельное управление в своем циркуляре о землеустройстве колхозов и групп от 1 июня 1928 г. предписывало: «Земли, требующие для обработки больших затрат труда и капитала, предоставлять желательнее по постановлению общего собрания наиболее зажиточному меньшинству»³⁴³.

Групповой метод землеустройства сыграл исключительно важную роль в развитии колхозного движения и в борьбе с кулачеством. Как отмечалось в докладной записке об итогах землеустроительных работ в Костромском округе за 1929 г., колхозам и бедноте отводилась «лучшая и ближняя земля», «кулакам отводились худшие земли», «при внутриселенном землеустройстве применялся исключительно групповой метод — разбивка на групповые полосы»³⁴⁴.

Передача колхозам, беднякам и маломощным середнякам лучших земель и отнесение кулака на непривычные для него худшие земли в ходе землеустройства было равносильно новому и более глубокому социальному перераспределению земли, свидетельствовало о начинающейся коренной ломке общинных традиций, связей и норм. Закономерно, что землеустройство, всегда служившее предметом социальных антагонизмов, стало одним из важнейших участков остройшей классовой борьбы, характеризовавшей жизнь деревни в 1928 — 1929 гг.

Кулачество, пользуясь хозяйственным влиянием в деревне, раньше успело прибрать к своим рукам значительную часть наиболее плодородных и выгодно расположенных участков. И оно оказало сильнейшее сопротивление землеустройству колхозов и бедноты. На Севере, как сообщалось в отчетных материалах Архангельского губземуправления за 1928 г., «отвод лучших земель обыкновенно вызывал споры и недовольство со стороны земельных обществ, преимущественно со стороны кулацкой их части»³⁴⁵. В Вологодской губернии осенью 1928 г. на первых шагах коллективизации Тигины (Огибаловская волость Кадниковского уезда) наиболее острые столкновения произошли из-за «Бродовки» — земельного участка, который отводился («смотря на то, сколько причитается при разверстке») товариществу по совместной обработке земли «Новый пахарь». «Бро-

³⁴² Коллективизация сельского хозяйства Центрально-Промышленного района, с. 68.

³⁴³ Землеустройство Самарской губернии в 1927/28 году. Самара, 1928, с. 33.

³⁴⁴ Коллективизация сельского хозяйства Центрально-Промышленного района, с. 288. Подобные свидетельства из других мест см.: там же, с. 77, 184—185.

³⁴⁵ Коллективизация сельского хозяйства в Северном районе (1927—1937 гг.). Сборник документов. Вологда, 1964, с. 122.

довка» всегда служила предметом ожесточенных споров и давно уже принадлежала кулакам. Борьба приобрела столь острый характер, что только арест вожака местных кулаков Азыкина позволил завершить землеустройство «Нового пахаря» и трех других колхозов³⁴⁶.

В столкновение с кулаками пришла и упоминавшаяся выше артель «Коллективист» в деревне Острогубово Троснянской волости Сухиничского уезда. При создании артели в нее пожелали вступить три двора из соседних деревень той же волости, преимущественно бедняки, надельную землю которых прирезать к колхозу не представлялось возможным. Между тем с землей колхоза «межевался» участок из государственного фонда, арендованный кулаком Климовым. Артель возбудила ходатайство о прирезке ей на три двора земли из государственного фонда, т. е. фактически о выселении Климова. Это ходатайство поддержал инструктор Калужского губколхозсоюза Каньшин, считавший, как говорилось в его докладной записке, что «при наличии кулака в прежнем помещичьем гнезде рост членов может замедлиться, а возможно в дальнейшем колхоз развалится, так как Климов имеет большое влияние на бедноту»³⁴⁷.

Бюро Севского уездного комитета ВКП(б) в отчетном докладе на пленуме укома 3 июля 1928 г., характеризуя «открытую борьбу против колхозов», которую вело кулачество, назвало на первом месте «срыв землеустройства, сходов»³⁴⁸.

«По колено в крови станем, но землю не отдадим», — такой была позиция кулаков в деревне Самойловка (Детчинский район Калужского округа), когда весной 1929 г. отводилась земля для сельскохозяйственной артели «Новый быт». И они действительно не остановились перед кровавой расправой над двумя советскими работниками³⁴⁹.

Разумеется, сопротивление кулачества встречала не только передача лучших земель бедноте и колхозам. Оно боролось против любых мер по улучшению землепользования, поскольку в условиях 1928—1929 гг. эти меры неизбежно вели к ограничению эксплуататорских возможностей, к высвобождению бедноты из кулацкой кабалы. В одном из документов Оргбюро ЦК ВКП(б) Западной области, датированном 12 июня 1929 г., говорилось: «Кулак борется нередко с целыми обществами. Возьмите такой вопрос, как землеустройство или переход с трехполки на многопольный севооборот... Кулак всячески доказывает, что у нас в деревне это невозможно: и земли-де мало,

³⁴⁶ Там же, с. 78—81; «Правда», 1928, 7 ноября.

³⁴⁷ Коллективизация сельского хозяйства в Западном районе РСФСР, с. 123—124.

³⁴⁸ Там же, с. 92.

³⁴⁹ Коллективизация сельского хозяйства Центрально-Промышленного района, с. 244—245.

и плохая она, и ломать полосы невозможно, а то без хлеба останешься и т. д.»³⁵⁰.

Попытки провокации массовых выступлений наиболее отсталых слоев деревни «против землеустройства и организации крупных колхозов» весной 1929 г. отмечались на Средней Волге³⁵¹.

В Центральной черноземной области кулаки вели агитационную кампанию против землеустройства, срывали собрания бедноты, противодействовали работе землеустроителей, терроризировали крестьян-активистов. Так, например, при организации колхоза «Борьба» в Тамбовском округе, а также в селе Кянда Соседского района того же округа были избиты организаторы землеустройства. В Больше-Берницком районе Белгородского округа кулаки систематически уничтожали пограничные знаки на участках, отведенных колхозам. В Троснянском районе заводились затяжные споры с колхозами по земельным вопросам, особенно при оценке земли, т. е. при определении площади выделяемых колхозам земель³⁵².

Повседневная работа партии по сплочению трудящихся масс против кулака, государственные меры, обеспечивавшие четкую классовую линию, помогали сельской бедноте отстаивать свои интересы. Обследование землеустройства органами НК РКК РСФСР в Борисоглебском округе Центральной черноземной области отметило лишь один случай отвода худших земель колхозу в 1928 г. и один в 1929 г. В Острогожском округе в 1928 г. было зафиксировано четыре подобных факта, а в 1929 г. — три³⁵³. Когда обследование колхозного строительства на Средней Волге летом 1929 г. обнаружило, что «неудобной земли в составе земельной площади колхозов больше, чем доля таковой в общей земплощади области», то это послужило поводом для строгого указания со стороны коллегии областной РКК земельному управлению «на недопустимое отношение» к землеустройству колхозов³⁵⁴.

Центр тяжести землеустроительной работы все более и более переносился на организацию территории коллективных хозяйств. В Тамбовском округе, например, план на 1928/29 г. предусматривал проведение 22% работ в социалистическом секторе. В действительности же с 1 мая по 1 октября 1929 г. в социалистическом секторе было произведено 39% всех землеустроительных работ. Из землеустроенных 9848 хозяйств в Белгородском округе 6080 было бедняцких (61,7%), в том числе 4319 хозяйств, вступивших в колхозы (43,9%). Такое же социальное

³⁵⁰ Коллективизация сельского хозяйства в Западном районе РСФСР, с. 149.

³⁵¹ Коллективизация сельского хозяйства в Среднем Поволжье (1927—1937 гг.). Сборник документов. Куйбышев, 1970, с. 80—81.

³⁵² ЦГАОР, ф. 4085, оп. 9, д. 639, л. 267.

³⁵³ Там же, лл. 268—269.

³⁵⁴ Коллективизация сельского хозяйства в Среднем Поволжье, с. 83, 86.

направление было характерно для землеустроительных работ в Орловском округе³⁵⁵.

Землеустройство колхозов и бедноты, положившее начало частичному перераспределению земель, превращалось в орудие непосредственного строительства социалистических форм хозяйства и борьбы против кулацких элементов деревни.

* * *

Образование хуторских и отрубных землепользований в 1928 г. еще происходило, но масштабы его резко сократились. Результаты работы партийных, советских и земельных органов по развенчанию в глазах крестьян хуторов и отрубов стали сказываться даже в районах их широкого распространения. По данным обследования летом 1928 г. Псковского округа, при продолжавшемся общем росте крестьянских заявок на землеустройство «изменился характер заявок. В 1927 г. заявки на отруба и хутора составляли 59% всего спроса, а в 1928 г. — уже 32%. В то же время увеличились заявки о переводе на широкополосицу и многополье... — почти в три раза». В некоторых районах (например, Бежаницком) отмечалось «полное прекращение подачи заявок о выделении на отруба и хутора». Обследование констатировало, что «в прошлом году было очень терпимое отношение к отрубам и хуторам. Нет этого уже в текущем году» (в 1927 г. разверстание хуторов составляло 45,2% объема землеустроительных работ в округе, в 1928 г. по плану должно было составить 10,3%)³⁵⁶.

Пленум Калужского губкома ВКП(б), обсуждавший 3—5 мая 1928 г. вопросы коллективизации, предписал «всем улкам и волкомам» взять «решительный курс при руководстве работой земельных органов на прекращение ими выделов хуторских и отрубных участков»³⁵⁷. В результате правильного курса губернской партийной организации объем «единоличного землеустройства», т. е. выдела хуторов и отрубов, сократился с 9,2 тыс. га в 1927 г. до 1,1 тыс. га в 1928 г. (для сравнения отметим, что землеустройство колхозов, напротив, возросло с 0,1 тыс. га до 11,2 тыс. га)³⁵⁸. Практически прекратились выделы земли под хутора и отруба во Владимирской губернии. За 1926/27 г. под участковое землепользование там было отведено 4375 га (1,7% землеустроительных работ), а за 1927/28 г. — 282 га (0,1%). В губернских отчетных материалах за 1927/28 г. отмечалось, что «землеустройство хуторов и отрубов из года в

³⁵⁵ ЦГАОР, ф. 4085, оп. 9, д. 639, л. 265.

³⁵⁶ Коллективизация сельского хозяйства в Северо-Западном районе, с. 42—48.

³⁵⁷ Коллективизация сельского хозяйства Центрально-Промышленного района, с. 67.

³⁵⁸ Там же, с. 163.

год сокращалось, а в настоящее время (30 октября 1928 г. — В. Д.) оно совсем прекратилось»³⁵⁹.

С серьезными трудностями и запозданием перестраивалась землеустроительная политика на Смоленщине. Правда, обращение Смоленского губисполкома к крестьянам, опубликованное в связи с постановлением СНК СССР от 2 марта 1928 г., содержало призыв «На коллективное землепользование! На поселки!». Однако вопрос ставился только в плоскости оказания всемерного содействия «росту коллективных и общинно-поселковых форм землепользования»³⁶⁰. Документы Оргкомитета Западной области, относящиеся к июлю 1929 г., утверждают, что «нездоровый и чреватый последствиями уклон в землеустроительной политике (поддержка хуторов и отрубов.— В. Д.) лишь в недавнее время был ликвидирован и теперь должен уступить место здоровой и классово выдержанной политике подлинного социалистического землеустройства»³⁶¹. Перестройка политики землеустройства здесь была связана с ликвидацией «смоленского гнойника» в мае — июле 1928 г.³⁶²

По Российской Федерации в целом за 1928 г. перешло на хутора и отруба всего 20 402 двора (0,8% землеустроенных хозяйств)³⁶³, почти в 3 раза меньше, чем в 1927 г. В ряде районов страны местные земельные органы, исходя из директив XV съезда ВКП(б), начинают запрещать организацию хуторских и отрубных хозяйств, поскольку они способствовали усилению кулацких элементов (в степном районе Украины, например)³⁶⁴. Общесоюзный земельный закон от 15 декабря 1928 г. установил, что землеустройство по образованию хуторов и отрубов должно было производиться в последнюю очередь. Выделение на хутора зажиточных и кулацких хозяйств не должно было производиться вовсе³⁶⁵.

³⁵⁹ Там же, с. 129.

³⁶⁰ Коллективизация сельского хозяйства в Западном районе РСФСР, с. 81.

³⁶¹ Там же, с. 35.

³⁶² «Смоленским гнойником» пресса называла перерождение руководства Смоленской губернской партийной и ряда советских и хозяйственных организаций, связанное с полным отрывом от масс и нарушением основ внутрипартийной демократии. Прямым проявлением перерождения были грубые извращения классовой политики (насаждение хуторов, налоговый нажим на бедноту, вплоть до описания ее имущества, льготы кулаку и т. п.). Партия приняла решительные меры по ликвидации «смоленского гнойника» (см. постановление ЦКК ВКП(б) от 1 июня 1928 г. — «Правда», 1928, 12 и 16 мая; Материалы к XVIII чрезвычайной Смоленской губернской конференции ВКП(б). Июнь 1928 г. Смоленск, 1928, с. 6—12).

³⁶³ СХЖ, 1929, № 32-33, с. 32. Здесь не учтены случаи «самочинных переходов на хутора», еще имевшие место в 1927/28 г. (например, на северо-западе) (ЦГАОР, ф. 5201, оп. 6, д. 25а, л. 19). Однако эти случаи не могли иметь массового характера.

³⁶⁴ СССР. Год работы правительства. Материалы к отчету за 1927/28 г., с. 184.

³⁶⁵ СДЗЗ, с. 302.

Результатом политики ограничения и вытеснения участковых форм землепользования был очень важный процесс возвращения к общине и сселения хуторов. Переход от однодворных и мелкодворных поселений к многодворному необходим при образовании крупного общественного хозяйства в земледелии. Поэтому партия исподволь начала проводить работу по сселению хуторов. Еще в 1925 г. органы РКИ, обследовавшие работу Московского губземуправления, предложили, наряду с поощрением перехода к коллективным формам землепользования и усовершенствования общины, способствовать сселению хуторов в поселки³⁶⁶. Случаи перехода от участковой системы пользования землей к общинной были не столь редкими. Так, например, 28 апреля 1923 г. общее собрание граждан деревни Ишутино Загаринской волости Муромского уезда Владимирской губернии постановило «как пахотной, так и усадебной» землей перейти от отрубного к общинному землепользованию³⁶⁷. (Мы уже знакомимся с текстом «Приговора» этого собрания, когда рассматривали вопрос о земельных переделах).

Крестьяне деревни Лемеховки Некоузской волости Мологского уезда Ярославской губернии, перешедшие еще в 1911 г. к отрубному порядку землепользования, в 1925 г. ходатайствовали перед Наркомземом о разрешении им восстановить общинное землепользование и произвести общий предел земли. Это разрешение им было дано при условии согласия большинства членов общества (не менее двух третей) и с оговоркой, что «члены общества, не согласные на переход к общинному порядку землепользования, могут оставаться при прежнем порядке, выделив свои земли к одному месту»³⁶⁸.

Однако при переходе сел и деревень от участкового землепользования к общинному проблема состояла вовсе не в том, чтобы сохранить за «несогласными» право остаться «при прежнем порядке». Как правило, общество не отрицало этого права. Оно лишь настаивало, чтобы передел был общим, тогда как «несогласными» чаще всего оказывались те, кто при переделе терял бы часть надела. Этим было вызвано специальное разъяснение Наркомзема РСФСР от 3 сентября 1927 г., в котором указывалось, что «все несогласные с переходом к общинному землепользованию (и, следовательно, не желающие добровольно отказаться от неизменяемости размеров их землепользований) могут остаться при прежнем порядке землепользования... и сохранить землю в прежнем размере». Это разъяснение не распространялось только на общества «с участково-чересполосным порядком землепользования», где при возвращении к общин-

³⁶⁶ ЦГАОР, ф. 4085, оп. 9, д. 33, лл. 8—9.

³⁶⁷ ЦГАОР, ф. 5201, оп. 6, д. 259, л. 190.

³⁶⁸ ЦГАНХ, ф. 478, оп. 59, д. 43, л. 169.

ной системе размеры наделов определялись заново и на общих основаниях для всех — для «согласных» и для «несогласных»³⁶⁹.

Едва ли это разъяснение может быть признано удачным выступлением Наркомзема. Защита неизменности размеров участкового землепользования имела реальный смысл при сохранении его местоположения: в этом случае защищалась бы более высокая агрикультурная ячейка (если только она ею была в действительности). Если же местоположение участкового надела менялось, то защита неизменности его размеров становилась просто защитой более крупного индивидуального хозяйства против мелкого, что уже прямо противоречило духу советской земельной политики. Не случайно, что в последующей практике это разъяснение не получило применения.

Иногда при переходе от участкового землепользования к общинному пытались избавиться от наиболее малоземельных. 25 марта 1926 г. земельное общество села Пенники Ораниенбаумской волости (Ленинградская губерния) при проведении землеустройства постановило «перейти от участкового к общинному порядку землепользования». При этом возник спор, из-за которого документы попали на рассмотрение ОКВК и сохранились в его архивах до наших дней. Общество сделало попытку избавиться от одного из своих членов, ранее имевшего на 4 едока менее одной десятины земли (вместе с усадьбой), и приняло решение выделить ему участок прежнего размера, «где представится возможным». 9 сентября 1927 г. ОКВК отменила это решение как незаконное и записала в своем определении: «Поскольку земельное общество с. Пенники до землеустройства имело участковый порядок землепользования, при котором землеобеспечение каждого двора может быть крайне различным, поскольку право членов такого двора на признание их членами земельного общества не может быть поставлено в зависимость от размера его земельного обеспечения. При переходе же к общинному порядку землепользования каждый двор имеет право на долю земли из надела общества по установленной им разверсточной единице на общих основаниях»³⁷⁰.

Во всех рассмотренных случаях речь шла о возвращении к общинному землепользованию от отрубного. Сселение хуторов было более трудным делом, требовавшим от крестьянина таких материальных и трудовых затрат, на которые могло толкнуть лишь отчаяние, окончательная уверенность в полной невозможности жить изолированными дворами, вне местного, соседского общества. Однако факты сселения хуторов были зарегистрированы и в период до XV съезда партии. Летом 1927 г.

³⁶⁹ Разъяснение Наркомзема РСФСР от 3 сентября 1927 г. было непосредственно адресовано Нижегородскому губернскому земельному отделу, но оно было опубликовано и тем самым приобрело значение общего указания («Вестник землеустройства и переселения», 1927, № 3, декабрь, с. 100).

³⁷⁰ ЦГАОР, ф. 5201, оп. 6, д. 259, лл. 79—80.

в Смоленском уезде по желанию самих крестьян 188 бывших хуторов сселились в 9 поселков ³⁷¹.

Значительный спад участковой формы землепользования, возврат бедняцких и середняцких слоев хуторян и отрубников к общинной системе в 1927—1928 гг. наметился в Северо-Западном районе. На этапе, непосредственно предшествующем социалистической реконструкции сельского хозяйства, это явление было, несомненно, прогрессивно, облегчало коллективизацию крестьянских хозяйств.

Т а б л и ц а 20

Динамика форм крестьянского землепользования в Ленинградской и Череповецкой губерниях за 1922—1928 гг., уд. вес в % *

	1922 г.	1925 г.	1928 г.
<i>Ленинградская губерния</i>			
Общинная	79,1	75,7	80,0
Участковая	20,5	23,8	19,3
Коллективная	0,4	0,5	0,7
<i>Череповецкая губерния</i>			
Общинная	79,0	69,5	71,2
Участковая	20,5	30,3	28,4
Коллективная	0,5	0,2	0,4

* ЦГАОР, ф. 4085, оп. 9, л. 810, л. 287.

Рост общинной и коллективной форм землепользования за счет участковой, явственно проявившейся в Ленинградской и Череповецкой губерниях, не был еще повсеместным. В Псковской губернии, по тем же данным, удельный вес хуторского и отрубного землепользования в 1928 г. достиг максимума — 37,6% ³⁷². Однако постепенно задача свертывания участкового землепользования осознавалась местными земельными органами как задача, непосредственно связанная с курсом на коллективизацию сельского хозяйства, и, следовательно, как очередная практическая задача. В докладной записке об итогах работы за 1929 г. Костромское земельное управление сообщало: «С целью подготовки почвы для коллективизации при межселенном землеустройстве проводится слияние бывших вотчин в селениях и слияние хуторов и отрубов с селениями» ³⁷³.

Особенно остро задача изживания хуторов и отрубов встала в районах их наибольшего распространения. Оргкомитет Западной области, куда помимо Смоленской губернии вошли и Великолукский уезд Псковской губернии и Ржевский уезд

³⁷¹ «Правда», 1928, 5 января.

³⁷² ЦГАОР, ф. 4085, оп. 9, л. 810, л. 287.

³⁷³ Коллективизация сельского хозяйства Центрально-Промышленного района, с. 289.

Тверской губернии, рекомендовал 1-й областной партконференции и 1-му областному съезду Советов (июль 1929 г.) принять «решительные мероприятия по свертыванию» хуторской и отрубной форм землепользования, поскольку последние являются «весьма серьезным препятствием на пути социальной и технической реконструкции сельского хозяйства»³⁷⁴. Письмо Оргбюро ЦК ВКП(б) Западной области от 12 июня 1929 г., адресованное райкомам и сельским партийным ячейкам, требовало: «Надо теперь же приступить к активной работе по изживанию хуторской и отрубной системы, по переводу хуторян-бедняков и середняков в колхозы»³⁷⁵.

Отчетные материалы о работе за 1929 г. свидетельствуют, что эти требования тогда же стали претворяться в жизнь. «Поставленная задача перехода хуторов и отрубов в колхозы (расхуторизация) в текущем году была развернута в основных округах распространения хуторско-отрубных форм землепользования», — сообщает областной колхозсоюз обкому ВКП(б)³⁷⁶. При этом отмечается, что меры по «расхуторизации» были встречены бедняками и середняками «как единственная мера спасения от одичания». Иным было отношение кулачества: «Долой колхозы, мы с хуторов не уйдем. Не мешайте нам обрабатывать землю, как мы хотим...»³⁷⁷. Так сформулировали кулаки-хуторяне свое отношение к начинавшейся коллективизации и связанному с ней свертыванию участковых форм землепользования и расселения.

Участковые формы землепользования были полностью изжиты в ходе социалистического преобразования сельского хозяйства. С победой и укреплением коллективных форм хозяйства были созданы условия, и для постепенного сселения хуторов и мелких деревень. Но еще до массовой коллективизации крестьянских хозяйств широкие слои бедноты и середнячества стали осознавать невозможность найти для себя выход к новой жизни на пути полного хозяйственного и социального разобщения, еще тогда — в 1920-х годах — в самой деревне возникло движение за возвращение от хуторов и отрубов к таким формам землепользования и расселения, которые в той или иной степени несли на себе черты товарищеского (первоначально соседского) союза.

* * *

Общинное землепользование и деятельность земельных обществ продолжали регламентироваться на основе кодекса 1922 г. Однако в деятельности земельных обществ, и особенно

³⁷⁴ Коллективизация сельского хозяйства в Западном районе РСФСР, с. 35—36, 65.

³⁷⁵ Там же, с. 145.

³⁷⁶ Там же, с. 196.

³⁷⁷ Там же, с. 174, 196.

в их взаимоотношениях с сельскими и волостными Советами, произошли глубокие перемены³⁷⁸. В руки сельсоветов перешло распоряжение средствами самообложения, собираемыми на местные хозяйственные и социально культурные нужды. Вместе с переходом сельсоветов на самостоятельные бюджеты это заметно усиливало их роль в жизни деревни. Общесоюзным законом (декабрь 1928 г.) земельные общества были целиком подчинены руководству сельсоветов. Последние должны были утверждать постановления земельных обществ по таким вопросам, как выбор формы землепользования и принятие землеустроительного проекта, установление прав на льготы по землеустройству и т. п. Советам предоставлялось право отменить постановление земельного общества, если оно «нарушает законы и распоряжения высших органов, противоречит задачам кооперирования или нарушает интересы бедноты». Земельное общество, однако, имело возможность обжаловать отмену своего решения в исполком волостного или районного Совета³⁷⁹.

Одновременно с изменением правового статуса земельных обществ характерные перемены происходили и в их внутренней структуре и деятельности. Община объединяла и бедняка, и середняка, и кулака, всем им предоставляя формально равные права в решении любых вопросов. Кулак, лишенный права голоса на выборах в Советы, мог избирать и быть избранным в общинные органы управления. Авторитет «хозяйственного мужика», не говоря уже об экономической зависимости малоимущего населения, весьма часто давали кулаку возможность верховодить на сходах и вообще в управлении общинными делами.

Переход в наступление против кулачества, провозглашенный на XV съезде, требовал, в частности, оттеснения кулацких элементов от управления в общине. Еще в 1927 г. Особая коллегия высшего контроля по земельным спорам признала, что лица, лишенные избирательных прав, т. е. в первую очередь кулаки, не могут быть уполномоченными обществ по земельным делам, председателями и секретарями на сходах (разъяснение Новгородской губернской земельной комиссии от 30 мая). Решением ОКВК от 6 августа это разъяснение было отнесено к категории имеющих «общий характер» и опубликовано «для сведения и руководства» в официальных изданиях Наркомзема³⁸⁰. Однако до конца 1928 г. вопрос в полном объеме решен не был. Только общесоюзный земельный закон от 15 декабря

³⁷⁸ Трапезников С. П. Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана. М., 1967, с. 73—74; Кукушкин Ю. С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921—1932 гг.). М., 1968, с. 181—183; Данилов В. П. Об исторических судьбах крестьянской общины в России. — В кн.: Ежегодник по аграрной истории, вып. VI. Проблемы истории русской общины, с. 118—130.

³⁷⁹ СДЗЗ, с. 306.

³⁸⁰ СХЖ, 1927, № 33, Официальный отдел, с. 11—12; «Вестник землеустройства и переселения», 1927, кн. 1. Октябрь, с. 133.

1928 г. лишил права решающего голоса на сходах и права быть избранными в органы общинного самоуправления всех, кто не имел права избирать в Советы ³⁸¹.

Подчинение общины сельским Советам и исключение кулаков из управления общинными делами сыграло важную роль в условиях начинающегося социалистического преобразования сельского хозяйства, облегчая организацию разного рода производственных кооперативов, с одной стороны, и ограничение кулацкого землепользования — с другой. Характерно, что все эти меры сопровождались не замиранием, а, напротив, резким оживлением агропроизводственной деятельности земельных обществ. Этому в особенности содействовала массовая контрактация зерновых посевов.

В контрактации озимых посевов 1928 г. участвовали 14238 общин (около 25% объединений и организаций, заключивших договоры о контрактации), в составе которых было 508548 хозяйств (свыше 40% контрактантов) с посевной площадью в 1505 тыс. га (45% законтрактованной площади). Аванс, предоставленный этим обществам, был равен 12500,8 тыс. руб. (около 50% общей суммы аванса). 1075 земельных обществ в полном составе объединились в посевные товарищества ³⁸². В соответствии с договорами о контрактации посевов земельные общества на сходах принимали приговоры о проведении агрономических мероприятий (посев очищенным односортовым зерном, вывоз навоза на поля, ранний сев и т. д.).

Мощный толчок усилению агропроизводственной деятельности земельных обществ дал общесоюзный земельный закон. Земельному обществу предоставлялось право по решению большинства членов «проводить мероприятия по производственному кооперированию и коллективизации». Сход мог принимать обязательные для всех членов общества решения о проведении агрикультурных улучшений: переход на многополье, введение улучшений обработки и т. п. ³⁸³.

На Северном Кавказе уже весной 1928 г. в связи с массовой гибелью озимых посевов и необходимостью резкого расширения ярового клина партийные организации и Советы должны были взять на себя роль непосредственных организаторов посевной кампании. По их инициативе стали созываться производственные совещания хлеборобов для обсуждения практических мероприятий, организовывались «посевные тройки», уполномоченные не только контролировать ход работ, но и помогать хлеборобам в применении необходимых агрономических приемов. В августе 1928 г. на Северо-Кавказском краевом съезде хлеборобов была выдвинута идея агроминимума — определен-

---

³⁸¹ СДЗЗ, с. 306.

³⁸² ЦГАНХ, ф. 3983, оп. 6, д. 6, лл. 142а—142б, 150—151.

³⁸³ СДЗЗ, с. 303, 305.

ного комплекса агротехнических мероприятий, доступных отдельному крестьянину и осуществляемых в обязательном порядке. Так зародились первые производственные совещания в деревне, возникли агроминимум и институт агроуполномоченных³⁸⁴. Ноябрьский Пленум ЦК ВКП(б), заслушавший доклад Северо-Кавказского крайкома о работе в деревне, предложил распространить новые формы руководства сельским хозяйством и в других районах. «Считать правильным осуществление в обязательном порядке известного минимума агроусловий как в совхозах и колхозах, так и в индивидуальных крестьянских хозяйствах»³⁸⁵, — записал Пленум Центрального Комитета в своем решении. Специально подчеркивалось, что «наши организации, связанные с работой в деревне, должны обеспечить проведение ряда необходимых агрономических мероприятий: вспашка паров, очистка семян, своевременный посев, борьба с сорняками и т. п. ... при развертывании вокруг этих мероприятий широкой общественности бедняцко-среднекрестьянских масс и привлечении к этому средств самого населения»³⁸⁶.

В начале января 1929 г. на IV Всероссийском совещании земельных работников обсуждался состав агроминимума. Был рекомендован следующий комплекс мероприятий: обязательная очистка, сортировка и обеззараживание (протравливание) семенного материала, окашивание межников, запрещение пастьбы скота по озимым полям и по заливным лугам (до уборки сена), устранение из стада «неулучшенных производителей»³⁸⁷. Опыт показал, что не все из этих мероприятий было возможно осуществить: пастьба скота по парам и жнивью, по озимым и на заливных лугах или содержание в стаде «неулучшенных производителей» вызывались ведь не несознательностью мужика, а реальными условиями. В состав осуществлявшегося на практике обязательного агроминимума вошли очистка и сортировка семян, окашивание меж, своевременное проведение сельскохозяйственных работ, рядовой сев (в районах значительного распространения машинного сева) и т. д.³⁸⁸. Однако какими бы

³⁸⁴ Истории производственных совещаний и других форм руководства Советами хозяйственной жизнью деревни накануне коллективизации касались многие исследователи. Более обстоятельно она освещена в работах С. П. Трапезникова (Исторический опыт КПСС в социалистическом образовании сельского хозяйства. М., 1959, с. 67—70, 95—96) и П. Г. Чернопицкого (На великом переломе. Сельские Советы Дона в период подготовки проведения массовой коллективизации. 1929—1931. Ростов-на-Дону, 1965, с. 21—23, 50—64).

³⁸⁵ КПСС в резолюциях..., т. 4, с. 153.

³⁸⁶ Там же, с. 152.

³⁸⁷ НКЗ РСФСР. IV совещание земорганов. 5—12 января 1929 г. Стенографический отчет. М., 1929, с. 149—150 и др., 468—469; «Правда», 1929, 10 января.

³⁸⁸ Коллективизация сельского хозяйства в Среднем Поволжье, с. 66—67; Победа колхозного строя в Мордовской АССР. Сборник материалов и документов. Саранск, 1970, с. 91.

не были конкретные агромероприятия, действительный производственный эффект они могли дать только при условии проведения в масштабах целых земельных обществ и обязательности. 10 апреля 1929 г. ВЦИК разослал циркулярное письмо о задачах сельскохозяйственной работы сельских Советов, которое предусматривало, что «программа простейших агрикультурных мероприятий (агроминимум)» может осуществляться в двух формах: «в порядке обязательных постановлений, приговоров земельных обществ или на основе договорных соглашений (контрактация и т. п.)»³⁸⁹. На практике обе указанные формы оказались теснейшим образом связаны и переплетены, но определяющая роль все же принадлежала обязательным приговорам.

Государство как собственник земли могло и в условиях конца 20-х годов должно было предъявить крестьянским хозяйствам как землепользователям требование осуществить доступные им агротехнические улучшения. Сформулированные в Земельном кодексе обязанности пользователя государственной землей получили дальнейшее развитие и конкретизацию. Показательно, что это требование повсеместно встретило поддержку крестьян: настолько стала очевидной необходимость в производственной организованности и дисциплине³⁹⁰. Разумеется, осуществление агроминимума земельными обществами еще не было приобщением крестьянства к общественным формам хозяйства. Мероприятия, входившие в комплекс агроминимума, осуществлялись каждым двором в пределах собственного хозяйства и содействовали его подъему на старой индивидуальной основе. Однако уже обсуждение всеми членами земельного общества тех или иных производственных действий, работ, а тем более их последующее проведение создавали в деревне совершенно новую обстановку коллективизма, среду, необходимую для возникновения коллективных хозяйств³⁹¹.

Введение агроминимума привело к образованию института агроуполномоченных. У каждого земельного общества, как уже отмечалось выше, имелись избираемые им представители-уполномоченные по тем или иным вопросам. Агроуполномоченный отличался от них принципиально: он избирался не земельным обществом, а сельским Советом и был его представителем в данном земельном обществе. Циркулярное письмо ВЦИК от 10 апреля 1929 г., адресованное сельским Советам, устанавливало это со всей определенностью. «В агрономические уполномоченные сельсоветы могут выбирать как из состава своих членов, так равно и не из членов сельсовета»,— говорилось в

³⁸⁹ НКЗ РСФСР. IV совещание земорганов, с. 192.

³⁹⁰ ЦГАОР, ф. 4085, оп. 9, д. 787, л. 81

³⁹¹ О коллективной очистке семенного материала в крестьянских хозяйствах см. в кн.: Данилов В. П. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР, с. 263—273.

циркуляре, при этом подчеркивалась желательность «выбирать тех крестьян (из бедняков и середняков), которые культурно ведут свое хозяйство, проявили себя на общественной работе и связаны с агрономом». И далее: «Агроуполномоченные *устанавливаются* для каждого земельного общества» (если общество многодворно, то на каждые 50 дворов), «агроуполномоченные работают в качестве уполномоченных сельсоветов и под непосредственным инструктажем участкового (районного) агронома и обязаны отчитываться перед производственными совещаниями и информировать надлежащий сельсовет и участкового агронома о ходе осуществления мероприятий, а также о невыполненных агрозаданиях и принятых мерах побуждения к их проведению»³⁹².

Агроуполномоченные избирались на один год и вели работу «в порядке общественной самодеятельности»³⁹³. Они должны были содействовать проведению мероприятий по улучшению сельского хозяйства, разъяснять содержание этих мероприятий, практически помогать крестьянину в выполнении требований агроминимума и т. д. Наконец, правом и обязанностью их был «созыв собраний земобщества (или части общества)... для обсуждения и освещения вопросов агрикультурных мероприятий»³⁹⁴.

С введением агроминимума и института агроуполномоченных, следовательно, резко усиливалась роль сельских Советов в жизни земельных обществ. Взаимоотношения Совета и общины в 1929 г. характеризовал уже не просто контроль (даже с правом утверждения решений, принятых сходом), а прямое вмешательство в деятельность общины, переход одной из хозяйственных функций общины сельскому Совету, введение в состав представителей общины представителя Совета с весьма широкими полномочиями.

Весной 1929 г. в Средне-Волжской области земельными обществами было принято 10 932 приговора (78% общего количества общин) об агроминимуме в том или ином комплексе мероприятий и 47 433 приговора по отдельным мероприятиям. Для контроля за осуществлением агромероприятий земельными обществами здесь было избрано 22 117 агроуполномоченных. На Северном Кавказе агроминимум был принят в 13 375 общинах из 15 358. Число агроуполномоченных здесь достигло 32 тыс. На Нижней Волге агроминимум осуществлялся в 5 тыс. земель-

³⁹² ЦГАОР, ф. 4085, оп. 9, д. 787, лл. 82—83 (подчеркнуто автором. — В. Д.).

³⁹³ Впрочем, циркуляр ВЦИК предусматривал меры поощрения работы агроуполномоченных: «Первоочередное и преимущественное агрикультурно-производственное обслуживание», включая «производственные экскурсии» в лучшие совхозы и колхозы, «снабжение средствами производства и т. п.», а также прямое премирование «за наиболее общественнополезную их работу по практическому осуществлению агроминимума и других массовых улучшений по повышению урожайности» (там же, л. 83).

³⁹⁴ Там же, лл. 82—83.

ных обществ, было избрано 8,7 тыс. агроуполномоченных. В Западной области на 24,2 тыс. земельных обществ с агроминимумом насчитывалось 20,6 тыс. агроуполномоченных³⁹⁵ (в мелких обществах агроуполномоченные не избирались). По РСФСР в целом за 1929 г. приговоры об агроминимуме были приняты в 125 тыс. земельных обществах, а количество агроуполномоченных превысило 220 тыс. человек³⁹⁶. Все это свидетельствовало о том, что в развитии земельных обществ стали появляться новые черты.

Революционный переворот в развитии земельных обществ производился организацией тракторных колонн и МТС. Первый же опыт работы тракторных колонн, созданных в 1927 г. при совхозе им. Тараса Шевченко, показал рациональность заключения договоров только с сельскими обществами, поскольку последние располагали значительными земельными массивами, представлявшими сложившиеся комплексы сельскохозяйственных угодий. Тракторные колонны, организованные при совхозе им. Шевченко, весной 1928 г. обрабатывали земли 26 земельных обществ. 13 тракторных колонн, созданные к осени 1928 г. сельскохозяйственной кооперацией РСФСР, обслуживали 86 земельных обществ. К весне 1929 г. число кооперативных тракторных колонн в РСФСР выросло до 45, а число обслуживаемых ими земельных обществ — до 226³⁹⁷.

По условиям договоров, заключавшихся тракторными колоннами и обществами, межи между индивидуальными полосами и участками уничтожались. Все обрабатываемые земли соединялись «в один зеленый массив для полной общественной тракторной обработки». Всю необходимую работу крестьяне производили сообща. Однако договор предусматривал выполнение каждым двором работы «в размере, пропорциональном числящемуся за ним земельным наделом». Соответственно величине земельных наделов производилось и распределение той части урожая зерна, которая оставалась после расчета с тракторной колонной и засыпки семян³⁹⁸. Земельное общество превращалось, таким образом, в посевное товарищество, которое в ходе дальнейшего развития становилось коллективным хозяйством.

Наличие сложившегося комплекса сельскохозяйственных угодий, составлявших единый земельный массив и находившихся в совместном пользовании целого селения или даже группы селений, облегчало развертывание работ тракторных колонн и образование на основе земельных обществ посевных товари-

³⁹⁵ «Сельскохозяйственная газета», 1929, 21 мая и 10 июля; «Правда», 1929, 7 июня и 20 июля.

³⁹⁶ СССР. Год работы правительства. Материалы к отчету за 1928/29 г., с. 172.

³⁹⁷ Данилов В. П. Указ. соч., с. 348—350, 358, 434—437.

³⁹⁸ «Машина в деревне», 1928, № 4, с. 16—17.

ществ и колхозов. Характерно, что в случае отказа части односельчан перейти к общественной обработке земли с помощью тракторных колонн общество разделялось. Каждое из вновь образовавшихся обществ получало самостоятельный земельный надел.

В обстановке обостренной классовой борьбы механизм земельных переделов вновь стал превращаться в одно из орудий ограничения кулацкого землепользования и реализации права бедноты и маломощных середняков на лучшие земли. «Общие начала землепользования и землеустройства», сохраняя правовые ограничения против частых бесхозяйственных переделов, расширяли перечень случаев, когда допускалось проведение досрочных переделов земли. По Кодексу 1922 г. они допускались при проведении землеустройства и изъятии земель для государственных и общественных надобностей. Теперь досрочные переделы могли проводиться еще в случаях «перехода к улучшенным формам хозяйства» и «необходимости борьбы с кулачеством»³⁹⁹.

Землеустройство, обычно сопровождавшееся переделами, теперь прямо направлено на коренное перераспределение земли между социальными слоями деревни. Выдел земли возникающим колхозам, формирование бедняцко-середняцких групп для наделения наиболее удобными землями и оттеснение зажиточных на участки, требующие больших вложений средств и труда,— все это порождало новые переделы. Размеры землепользования отдельных хозяйств, включая колхозы, продолжали определяться по числу разверсточных единиц. Однако распределение участков («групп», «десятков», «кварталов», «вытей») и полос между общинниками через жеребьевку — кому где придется по воле случая — сменяется открытым распределением их по классовым признакам. Важнейшей особенностью переделов стало активное участие землеустроителей, местных Советов и партийных организаций.

Об изменившейся процедуре земельного передела можно составить представление по материалам, относящимся к Самарской губернии (весна 1928 г.). Уполномоченные земельных обществ под непосредственным руководством председателя сельсовета и контролем общественных организаций (в крупных селах уполномоченные заменялись специально созданными земельными комиссиями сельсоветов) выполняли следующие действия: подготовка «передельных приговоров», «группировка бедняцко-середняцкого населения по экономической мощности для отвода гнездовых участков (клеток)... с целью предоставления им возможности перейти к общественной обработке земли (составление групповых списков)», «разработка порядка размещения полос отдельных домохозяев и групповых гнезд в

³⁹⁹ СДЗЗ, с. 301.

распланированных полях с учетом экономической мощности групп домохозяев» и «назначение мест отвода полос зажиточных слоев деревни с соблюдением земельных интересов мало-мощных слоев»⁴⁰⁰. Об аналогичных изменениях свидетельствуют и материалы из других мест. В Сибири, как показал Н. Я. Гущин, решительная борьба против жеребьевки при подворном распределении земель также началась с середины 1928 г.⁴⁰¹

Как и в годы аграрной революции, переделы земли приобретают характер революционной меры, становятся одним из наиболее важных направлений наступления на кулачество. Факты ожесточенных столкновений трудящихся крестьян с кулаками на почве земельных переделов в 1928—1929 гг. зарегистрированы во многих районах страны.

Перед нами выписка из протокола собрания бедноты деревни Панфилки Ярославского района от 9 июля 1929 г. В этом документе говорится об Ивановых (крупная кулацкая семья или даже группа родственных семей), которые до революции «держали в кабале всю деревню», а «после революции... сорвали проведение чернового (т. е. черного, общего.— В. Д.) передела в деревне». Собрание утверждало, что «на проведение чернового передела с нами все согласны» и обращалось в райисполком с просьбой «провести в ближайшее время... общее собрание по деревне с целью проведения чернового передела»⁴⁰².

В конце 1927 г. резкое усиление классово́й борьбы в связи с «успехами в проведении земельного передела» отмечалось в ряде волостей Усть-Вымского уезда Коми АО. Интересно, что речь шла об успехах партиячек (например, по Прокопьевской волости: «успехи партиячек по переделу земли»)⁴⁰³.

В борьбе за землю кулачество не останавливалось перед физической расправой с бедняцким активом, с инициаторами земельных переделов. Всей стране стало известно Лудорвайское дело. В деревнях Лудорвай, Юски и Непременная Лудзя Лудзинской волости Вотской АО общинные земли не переделывались на протяжении 46 лет. Кулаки, давно забравшие большую и лучшую часть земель, всячески противились переделу. Начиная с 1924 г., беднота все активнее ставила вопрос о переделе земли. Когда же весной 1928 г. группа бедняков решила выделиться и организовать «коллектив по машинной обработке земли», верховодившие в общине кулаки предприняли чрезвычайную акцию: жесточайшее избиение 300 крестьян. По приго-

⁴⁰⁰ Землеустройство в Самарской губернии в 1927/28 году, с. 11—12, 15—16, 36, 38.

⁴⁰¹ Гущин Н. Я. Сибирская деревня на пути к социализму, с. 91—92.

⁴⁰² Государственный архив Ярославской области, ф. 180, оп. 1, д. 1322, лл. 82—84.

⁴⁰³ Коллективизация сельского хозяйства в Северном районе, с. 43—45.

вору схода, находившегося в руках кулаков, «наказывали» непочинивших свои прясла (изгороди), из-за чего скот попадал на засеянные поля. Однако на деле били и тех крестьян, у которых изгороди были в полной исправности, били и взрослых, и детей. Как вскрылось на суде, избиваемым говорили: «Вот тебе за то, что землю делить хотел!», «Вот тебе за товарищество!»⁴⁰⁴.

Весьма показательны события в Толшменском районе Вологодского округа летом 1929 г. Там «кулачество выиграло в земельном переделе, получив близкие и лучшие земельные участки». Однако, чувствуя непрочность выигрыша, кулаки пишут в «Крестьянскую газету» заявление: «Вправе ли РИК и коммунисты вмешиваться в земельный передел, когда земля делится с согласия всех граждан». Под этим письмом, как говорилось в отчете окружкома партии, «кулакам удалось путем избиения... заставить бедноту поставить свои подписи». В дальнейшем развитие событий привело к избиению 22 бедняков и середняков и убийству двух общественников. Следственная комиссия установила, что столкновения здесь развертывались «на почве организации колхозов, передела земли и выявления укрытых кулачеством облагаемых доходов». Исполком Вологодского округа в постановлении по итогам этих событий от 20 сентября 1929 г. предложил земельному управлению: «Там, где проведены земельные переделы в ущерб бедняцко-средняцким массам, провести досрочные земельные переделы, обеспечивающие интересы бедняцко-средняцких масс»⁴⁰⁵.

Социальная направленность земельного передела в каждом данном случае определялась конкретной обстановкой, соотношением и активностью классовых сил. С возникновением в земельном обществе колхоза переделы могли принимать и антиколхозный характер. Вот вполне жизненная ситуация: летом 1929 г. в деревне Серебрячиха Лаишевского района Татарии кулаки «говорили через женщин»: «Возите, возите навоз на поля, а на будущий год опять разделим обществом и вашу землю разделим»⁴⁰⁶. Тогда это была еще реальная угроза.

Наступление на кулачество в области земельных отношений не ограничивалось перераспределением хозяйственной территории селений в пользу бедноты и колхозов. Со всей остротой был поставлен вопрос о решительном пресечении нарушений национализации земли и принципов трудового землепользования.

⁴⁰⁴ «Ижевская правда», 1928, 11 июля; «Правда», 1928, 16 сентября. В 1928 г. были зафиксированы и другие случаи избиения кулаками крестьян на почве поземельных дел — в селе Петровке Люблинского района и в деревне Постол Норьянской волости Сибирского края («Правда», 1928, 25 октября и 13 ноября; «Известия», 1928, 30 ноября).

⁴⁰⁵ Коллективизация сельского хозяйства в Северном районе, с. 168—169, 186, 189.

⁴⁰⁶ Коллективизация сельского хозяйства Татарской АССР. 1927—1937. Сборник документов. Казань, 1968, с. 98.

XV съезд Коммунистической партии выдвинул требование: «Всемерно укреплять основы национализации земли и преследовать как тяжкое уголовное преступление какие бы то ни было (прямые или косвенные) попытки подрыва национализации земли, как-то купля-продажа и дарение земли...»⁴⁰⁷.

Частные сделки на землю, в особенности сделки купли-продажи стали привлекать пристальное внимание общественности, партийных и советских организаций, прессы⁴⁰⁸. За 1928 г. было выявлено 2076 фактов такого рода. В 605 случаях возбуждались уголовные дела. Судебные процессы показали, что кулацким элементам принадлежала определяющая роль в земельных сделках, что эти сделки носили кабальный характер. Уже в 1928 г.—первой половине 1929 г. проявилась тенденция перехода кулаков от купли земельных участков к продаже их, свидетельствующая об эффективности политики вытеснения кулачества из сельскохозяйственного производства⁴⁰⁹. Решительные меры, принятые государством и, главное, развертывавшийся процесс социалистического преобразования практически полностью устранили частный земельный оборот в деревне.

Путем купли, аренды, ипольной обработки, а часто и прямого захвата бедняцких полос кулацкие хозяйства расширяли производство далеко за рамки уравнительных норм. Были обнаружены землепользования лиц, не участвовавших личным трудом в сельском хозяйстве, что являлось прямым нарушением основ советского права. Ликвидация таких землепользований, а также изъятие земельных излишков — важная страница в истории наступления на сельскую буржуазию.

24 марта 1928 г. Пленум Особой коллегии высшего контроля по земельным спорам принял определение «О землепользовании лиц, существующих на нетрудовые заработки». Определение гласило: «Землепользователи, для которых доход от их нетрудовых занятий является основным и вполне достаточным источником существования, не принадлежат к составу трудового земледельческого населения, и поэтому в силу ст. 9 Земельного кодекса не имеют права пользоваться землей на началах трудового землепользования»⁴¹⁰. Это была прямая санкция против категории явно незаконного нетрудового землепользования — против землепользования торговцев, крупных кустарей, владельцев мельничных предприятий, служителей религиозных культов. Она могла быть применена и против тех кулацких хозяйств, которые вели производство главным образом наемным трудом.

⁴⁰⁷ КПСС в резолюциях..., т 4, с. 66.

⁴⁰⁸ «Правда», 1928, 26 сентября и 6 ноября; «Сельскохозяйственная газета», 1929, 7 марта и 15 сентября.

⁴⁰⁹ Классовая борьба и преступность, с. 145—146, 154—159.

⁴¹⁰ «Бюллетень узаконений и распоряжений по сельскому и лесному хозяйству», 1928, № 29, с. 16.

Специально против кулацких земледельческих хозяйств было направлено постановление пленума Особой коллегии высшего контроля по земельным спорам (с 21 мая она стала состоять при Президиуме ВЦИК ⁴¹¹) от 21 июня 1928 г. Согласно этому постановлению «усадебный участок, обрабатываемый землепользователем исключительно при помощи наемного труда, подлежит изъятию от этого землепользователя на основании статьи 9 Земкодекса, хотя бы он не имел в своем пользовании других угодий и использовал участок под трудоемкие культуры растений» (сад, виноградник и т. п.) ⁴¹². На основании этого постановления могли изыматься не только усадебные, но и полевые участки, если они обрабатывались исключительно наемным трудом.

Наконец, в начале 1928 г. наркоматы союзных республик обязали свои местные органы провести изъятие излишков земли у кулацких хозяйств и передать их беднякам ⁴¹³. Это мероприятие осуществлялось в основном местными органами Советской власти через земельно-судебные комиссии. В работе последних дела о лишении землепользования и изъятии излишков земель заняли весьма существенное место. В Уральской области за 1927/28 г. на рассмотрении волостных и районных земельно-судебных комиссий находилось 2329 дел о лишении землепользования, в Сибирском крае — 1123, в Средне-Волжской области — около 4200, на Северном Кавказе — свыше 4 тыс. дел и т. д. ⁴¹⁴. В 1929 г. масштабы этой работы приняли еще более широкие размеры.

Решения земельных комиссий позволяют ответить на вопрос о том, кто лишался землепользования в условиях 1928 — 1929 гг. Летом 1928 г. в Кубанском округе был лишен надела кулак Е. Виниченко, поскольку он «систематически применял наемный труд в своем хозяйстве в связи с наличием в таковом мельницы, молотилки, приарендованной земли» ⁴¹⁵. По решению Волотовской районной земельной комиссии (Псковский округ) от 12 сентября 1928 г. был отобран надел у П. Ефремова, являвшегося крупным торговцем и использовавшим землю не по назначению (под торговые помещения) ⁴¹⁶. Островская РЗК в том же округе в конце 1928 — начале 1929 г. лишила права на землю ряд хозяйств «как необрабатывающих земли своим трудом» ⁴¹⁷.

⁴¹¹ СДЗЗ, с. 673—674.

⁴¹² «Бюллетень узаконений и распоряжений по сельскому и лесному хозяйству», 1928, № 29, с. 15.

⁴¹³ «Правда», 1928, 9 декабря.

⁴¹⁴ ЦГАОР, ф. 5201, оп. 6, д. 58, л. 7; д. 56, лл. 56—57; д. 54, л. 93; д. 76, л. 22.

⁴¹⁵ Там же, оп. 8, д. 27, л. 181.

⁴¹⁶ Там же, оп. 6, д. 25а, л. 46.

⁴¹⁷ Там же, лл. 69, 77, 78.

Ревизия 182 дел о лишении земельных наделов 236 дворов в Ленинградской области с 1 января по 1 октября 1929 г. показала, что основное место среди них принадлежало категориям «нетрудовое», «незаконное» и «хищническое» использование. 59 дворов были лишены землепользования на том основании, что их хозяйство целиком основывалось на наемном труде, 38 дворов — за то, что сдавали в аренду всю землю, 68 дворов — за «незаконное», «хищническое использование», 81 двор — ввиду полного отрыва от сельского хозяйства, 21 двор — за нарушение закона о национализации земли (купля-продажа, субаренда и т. п.) и 7 дворов — ввиду использования земли в двух местах ⁴¹⁸. В ЦЧО за 1928/29 г. решениями РЗК были лишены земельных наделов 3871 двор. Из них 2430 дворов были лишены земли ввиду «оставления земли без хозяйственного использования и хищнического ведения хозяйства», 172 двора — ввиду «нетрудового» характера хозяйства, 971 двор — из-за долготелного отсутствия хозяев и перехода их к другим занятиям ⁴¹⁹.

Обращает на себя внимание большое количество дворов, лишенных земли за бесхозяйственное и хищническое использование. Что кроется за этой формулой? На этот вопрос позволяют ответить следующие документы. 30 августа 1928 г. пленум ОКВК РСФСР сделал разъяснение по вопросу о мерах борьбы с кулацкими хозяйствами, отказывающимися от выполнения приговоров земельных обществ о проведении агроминимума. «При общем курсе государства на поднятие производительных сил сельского хозяйства, — говорилось в этом документе, — неприменение без уважительных причин отдельными хозяйствами вводимых обществом улучшений должно рассматриваться как ведение с их стороны хищнического хозяйства». Такие хозяйства могли лишаться земельного надела «на срок до одного севооборота» ⁴²⁰.

Одной из форм классового сопротивления кулачества в 1928 — 1929 гг. было умышленное сокращение посевных площадей. После провала «хлебной стачки» кулаки встали на путь свертывания производства, чтобы сорвать советскую политику подъема сельского хозяйства, уйти от налогового обложения и ряда других ограничительных мер. Это заставило государство принять санкции против умышленного сокращения посевов кулацкими хозяйствами. По указанию Наркомзема краевые и областные земельные управления разослали на места циркуляр, в котором разъяснялось, что «сокращение посевной площади есть один из наиболее ярких видов оставления земли без использования, а потому обязательно применение ст. 60 (Земель-

⁴¹⁸ Там же, л. 94.

⁴¹⁹ Там же, оп. 8, д. 21, л. 314.

⁴²⁰ «Бюллетень узаконений и распоряжений по сельскому и лесному хозяйству», 1928, № 41, с. 8.

ного кодекса.— В. Д.) к хозяйствам, умышленно сократившим свою посевную площадь. В интересах увеличения посевов отобранная таким образом земля должна быть передана нуждающимся в ней и в первую очередь бедняцким хозяйствам».

В циркуляре отмечалось, что «возможны случаи, когда земельные общества недостаточно жестко будут применять ст. 60 к своим членам, умышленно сократившим свои посевы», что поэтому «сельсоветам надлежит иметь строгое наблюдение за приговорами земельных обществ по этим вопросам и при несогласии с ними — обжаловать их в РЗК, а в случае необходимости и самим возбуждать вопрос перед земельным обществом о лишении земли злостных недопосевщиков» (цитировался циркуляр, разосланный Сибирским краевым земельным управлением 29 марта 1929 г.)⁴²¹. Случаи такого рода были широко распространены. Из 182 дел, подвергнутых ревизии Ленинградской областной земельной комиссией, были возбуждены райисполкомами — 126, земельными обществами — 45, отдельными лицами — 9 и прокуратурой — 2⁴²². На Украине за 1928 г. у кулаков было изъято 61 250 га земельных излишков, в том числе 80,4% по инициативе органов Советской власти, 16% по инициативе земельных обществ и 3,6% по инициативе комитетов незаможных селян⁴²³.

В обстановке резкого обострения классовой борьбы земельные общества уже не справлялись с новыми задачами. В то же время развернувшаяся коллективизация сельскохозяйственного производства (а тем самым и землепользования!) устраняла условия существования и функционирования крестьянской общины — соседской организации крестьян-единоличников по совместному владению землей. На смену общине шло коллективное хозяйство. Поэтому с переходом к сплошной коллективизации, когда началось массовое обществление крестьянского землепользования, когда в то же время классовая борьба внутри крестьянства достигла чрезвычайного накала, вплоть до вспышек кулацких мятежей, возникла необходимость ликвидации и системы связанного общинного землепользования единоличных хозяйств, и мирской организации, объединившей всю деревню.

В развитии земельных отношений в 1922 — 1929 гг. ярко проявились черты переходной от капитализма к социализму эпохи, прежде всего борьба двух путей развития сельского хозяйства — социалистического и капиталистического.

Наиболее распространенной формой крестьянского землепользования в России изучаемого периода являлось общинное

⁴²¹ ЦГАОР, ф. 5201, оп. 6, д. 76, л. 12.

⁴²² Там же, д. 25а, л. 94.

⁴²³ «Правда», 1928, 9 декабря.

уравнительное землепользование. Оно создавало серьезные препятствия развитию производительных сил деревни. Все слои крестьянства искали пути к избавлению от его неудобств.

С точки зрения задач коллективизации сельского хозяйства существенное значение имели характерные для общины традиции взаимопомощи и отсутствие глубокой, освященной веками привязанности к собственному клочку земли, а также наличие сложившегося комплекса сельскохозяйственных угодий, составлявших единый земельный массив и находившихся в совместном пользовании более или менее значительной группы крестьянских хозяйств, чаще всего целого селения. Для возникающего коллективного хозяйства не было нужды формировать комплекс земельных угодий. (Речь, разумеется, не идет о промежуточных стадиях процесса коллективизации, когда колхозы охватывают лишь часть дворов в селениях).

В условиях советского общественного строя проявления взаимопомощи и коллективизма, всегда имевшие место в общине, всемерно поощрялись и поддерживались. К концу 20-х годов в общине наблюдается заметный рост элементов обобществления: введение участков общественной обработки, заключение договоров о контрактации посевов общиной в целом, проведение определенных комплексов агромероприятий по решению мирского схода и в масштабах всей общины, наконец, переход общины на устав посевного товарищества, в котором основные работы выполняются сообща на объединенных полях, а продукция делится с учетом размеров земельных наделов, степени использования индивидуальных средств производства и объема трудовых вложений каждого двора. В последнем случае община делала крупный шаг по пути перерастания в коллективное хозяйство.

Однако место новых явлений в развитии общины было не настолько велико, чтобы изменить ее сущность как соседской организации единоличных крестьянских хозяйств. Традиционность и консерватизм продолжали довлеть над общиной, вступая в непримиримое противоречие с революционным характером и темпом ломки единоличного крестьянского землепользования в ходе коллективизации. Конкретный материал, относящийся к 1928—1929 гг., характеризует земельные общества как объект, а не как средство преобразования.

Перестройка советской земельной политики в соответствии с задачами нэпа была произведена в 1921—1922 гг. С этого времени и до перехода к сплошной коллективизации в основе советской земельной политики лежали принципы, сформулированные Земельным кодексом. Однако земельная политика Советского государства не оставалась неизменной. В зависимости от исторических условий, от задач хозяйственного строительства она претерпевала существенные изменения. Можно наметить три этапа развития земельной политики в рамках единого перио-

да 1922 — 1929 гг. В 1922 — 1924 гг. земельные органы и восстанавливавшаяся кооперация только еще овладевали новыми методами и не смогли достаточно эффективно противостоять товарно-капиталистической тенденции к полному обособлению землепользования, с одной стороны, и поддержать коллективное землепользование — с другой. В конце 1924 — начале 1925 г. партия и правительство осуществляют ряд мер по ограничению участкового землепользования и стимулированию процесса коллективизации в деревне. Основной задачей земельной политики 1925 — 1927 гг., как и на предыдущем этапе, оставалось регулирование и улучшение общинных форм землепользования («усовершенствование общины» и т. п.). Вместе с тем на значительной территории страны — на Украине, на Северном Кавказе, в Сибири и в республиках Советского Востока — продолжалось «доделывание» аграрной революции — важное звено земельной политики Советского государства, ярко раскрывающее ее классовую направленность.

Годы непосредственной подготовки коллективизации сельского хозяйства (1928—1929) составляют особый этап в развитии поземельных отношений крестьянства и советской земельной политики. Курс на коллективизацию нашел свое выражение в быстром росте коллективного землепользования и работ по устройству колхозной территории. В то же время предпринимаются первые шаги к ликвидации нетрудового землепользования кулацких хозяйств. В 1928 — 1929 гг. лишение землепользования применялось по преимуществу в порядке санкции за прямые нарушения советского закона, в качестве меры борьбы против наиболее злостных элементов кулачества. Это еще не было экспроприацией кулачества, но явилось мероприятием, непосредственно подводящим к «раскулачиванию», к ликвидации деревенской буржуазии как класса. Характерной чертой этих мероприятий являлось то, что они были проведены по преимуществу «сверху» в форме контроля и проверки государственными органами социального характера использования средств производства (земли, тракторов⁴²⁴ и т. п.). Однако к этой работе широко привлекались бедняцко-средняцкие массы крестьянства. С осени 1929 г. лишение землепользования становится одним из основных средств ликвидации кулачества как класса.

Работы по улучшению общинного землепользования продолжают в широких масштабах, однако община уже перестает соответствовать новым условиям. Переход к сплошной коллективизации сельского хозяйства означал коренную ломку всех единоличных форм землепользования, полную ликвидацию старой системы земельных отношений.

---

⁴²⁴ На протяжении 1928—1929 гг. было проведено изъятие тракторов из кулацких хозяйств, что также серьезно подрывало позиции сельской буржуазии (см. Данилов В. П. Указ. соч., с. 314—317).

КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Уравнильное перераспределение земель в итоге аграрной революции привело к резкому возрастанию роли мелкого индивидуального хозяйства в сельскохозяйственном производстве страны. Количественно оно преобладало и до революции, теперь это преобладание стало абсолютным. Даже накануне коллективизации (в 1928 г.) крестьяне-единоличники имели в своем распоряжении 97,3% основных средств сельскохозяйственного производства (не считая земли)¹.

Для мелкого индивидуального хозяйства как производственной ячейки специфичной была прямая, непосредственная связь с жизнедеятельностью семьи. Эта связь неоднократно отмечалась в произведениях классиков марксизма-ленинизма. Известно определение самого распространенного типа крестьянского хозяйства, данное Ф. Энгельсом: «Под мелким крестьянином мы понимаем здесь собственника или арендатора... кусочка земли, не больше того, что он может, по общему правилу, обработать при помощи своей собственной семьи, и не меньше того, что прокармливает его семью»². Это определение в еще большей мере относится к крестьянскому хозяйству, ведущемуся на надельной, переделывшейся по едокам (т. е. по составу семьи) земле.

Крестьянское хозяйство не только принадлежит семье, но и основывается на ее совокупном труде, на семейной кооперации. Характеризуя «патриархальное производство крестьянской семьи», К. Маркс отмечал как наиболее существенное, что производимые и потребляемые в ней продукты — это «продукты ее семейного труда», что выполняемые ею работы (возделывание земли, уход за скотом, прядение и т. п.) — «это функции семьи, которая обладает... своим собственным, естественно выросшим разделением труда». Благодаря этому «индивидуальные рабочие силы с самого начала функционируют здесь лишь как органы совокупной рабочей силы семьи»³.

¹ ЦУНХУ Госплана СССР. СССР за 15 лет. Статистические материалы по народному хозяйству. М., 1932, с. 126.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 506.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 88.

Термины «семья» и «хозяйство» альтернативно используются К. Марксом при анализе производственных отношений мелко-собственнического крестьянства и в условиях капитализма (например, во Франции середины прошлого столетия): «Каждая отдельная крестьянская семья почти что довлеет сама себе, производит непосредственно бóльшую часть того, что она потребляет, приобретая таким образом свои средства к жизни более в обмене с природой, чем в сношениях с обществом»⁴.

Крестьянская семья перестает быть трудовым объединением лишь на стадии развитого капитализма, когда исчезает мелкое крестьянское хозяйство как специфическая форма производства, а роль хозяйствующего субъекта целиком сосредоточивается в личности частного собственника (чаще всего главы семьи). В период товарно-капиталистической перестройки сельского хозяйства семейная кооперация становилась исходным пунктом, базисом капиталистической кооперации: в зажиточно-кулацких хозяйствах семейная кооперация заменялась капиталистической кооперацией по мере замещения рабочей силы семьи наемной рабочей силой, а мелкого производства — крупным. На материалах России конца XIX в. В. И. Ленин установил, что «наиболее состоятельное крестьянство наилучше обеспечено и семейными рабочими. Семейная кооперация и здесь является базисом капиталистической кооперации»⁵. Не случайно, что процесс социальной дифференциации деревни, разрушавший семейную оболочку крестьянского хозяйства (в равной мере и при его перерастании в капиталистическое, и при его пролетаризации) получил название «раскрестьянивания». Действительно крестьянским признавалось хозяйство семьи, которая — в общем и целом — собственными силами удовлетворяла свои потребности.

В условиях советской доколхозной деревни, где центральной фигурой стал середняк, функциональная связь крестьянского хозяйства с семьей проявилась с особой отчетливостью. Этому в большей степени способствовало уравнительное наделение крестьянских хозяйств землей, производившееся, как уже было показано, преимущественно по числу членов семьи. Исчезли купчие земли, резко сократились масштабы земельной аренды, размеры земельного надела крестьянского двора стали определяться (в гораздо большей мере, чем до революции) составом семьи.

Наконец, советское земельное законодательство рассматривало крестьянское хозяйство как хозяйство не отдельного лица, а семьи или, точнее, семейно-трудового объединения. В Земельном кодексе был выделен специальный раздел «О дворе (трудовое земледельческое хозяйство)», который начинался

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 207.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 99.

следующей правовой дифиницией: «Двором признается семейно-трудовое объединение лиц, совместно ведущих сельское хозяйство». Право на землю, на постройки и сельскохозяйственный инвентарь принадлежало всем членам двора «независимо от пола и возраста». Домохозяин являлся лишь «представителем двора по его хозяйственным делам»⁶. Все это были нормы обычного права деревни, нормы традиционного крестьянского самосознания.

Нормам обычного права полностью отвечало и понимание законодателем субъекта мелкой единоличной крестьянской собственности. Носителем имущественных прав являлся именно двор как объединение, как семейно-трудовой коллектив, а не его отдельный член, кем бы последний ни был. Позиция Земельного кодекса в этом вопросе предельно ясна: «Имущество двора не может быть присуждено в уплату за долги отдельных членов двора (в том числе и домохозяина), сделанные ими для своих личных надобностей»⁷. Безоговорочность формулировки, ее чрезмерно общий характер давали возможность для злоупотреблений, затрудняли взыскание задолженности в деревне. Поэтому 28 июня 1923 г. Наркомюст и Наркомзем РСФСР приняли разъяснение к изложенной статье 71-й Земельного кодекса, согласно которому конфискация имущества и штрафы, наложенные в судебном или административном порядке «на лиц, состоящих членами крестьянского двора, могут быть обращаемы на имущество двора», но их размер «не может превышать доли члена двора в общем хозяйстве». И только в тех случаях, когда «выгодами» от личного долга члена двора «пользовалось все трудовое хозяйство (двор) в целом... ответственность распространяется на имущество всего двора»⁸. (Совместное постановление НКЮ и НКЗ было опубликовано в Собрании узаконений РСФСР и, следовательно, приобретало значение закона). Это разъяснение только улучшало применение правовой нормы, но не меняло ее существа: собственником хозяйственного имущества, прежде всего средств и продуктов производства, скота и строений, в крестьянском хозяйстве была семья, семейно-трудовой коллектив, а не отдельное лицо, как в условиях буржуазного общества.

Однако двор был основным носителем не только имущественных прав в крестьянской среде, но и прав землепользования. Вот как истолковывалось соотношение прав двора в целом и отдельного члена двора в области землепользования Особой коллегией высшего контроля по земельным спорам: «При об-

⁶ СДЗЗ, с. 162.

⁷ Там же.

⁸ Там же, с. 200. Особенности имущественных правоотношений крестьянского двора нашли отражение и в гражданском праве страны (см. Гражданский кодекс РСФСР с постратейно-систематизированными материалами. М., 1926, с. 323—325).

щинном и участковом порядках землепользования право на землю признается за двором, а не за отдельными его членами. Поэтому выделы земли могут производиться группам дворов или отдельным дворам, но отнюдь не отдельным членам дворов». («Определение по делу № 983 — 1923 г.»)⁹.

Принцип, сформулированный в определении ОКВК, нашел отражение и в законодательстве. Общесоюзный земельный закон, принятый ЦИК СССР 15 декабря 1928 г., в перечне субъектов права землепользования называет именно двор, а не лицо. «*Земля предоставляется в пользование: земельным обществам и другим объединениям с единоличными и смешанными формами землепользования, дворам, коллективным хозяйствам, советским хозяйствам и другим государственным... учреждениям и предприятиям и общественным организациям...*», — гласила статья 5 этого закона¹⁰.

Имелись, конечно, дворы полных одиночек (бобыльские, сиротские и т. п.), но там права двора совпадали с правами лица лишь за отсутствием других членов двора. Век таких дворов был не долгов: как правило, это были исчезающие или нарождающиеся дворы.

Объекты прав общей собственности и общего пользования крестьянского двора наиболее полно были определены «Инструкцией о производстве семейно-имущественных разделов трудовых земледельческих хозяйств (дворов)», принятой Наркомземом и Наркомюстом РСФСР 30 марта 1927 г. и включенной в Собрание узаконений федерации. «В раздел поступает вся имеющаяся у двора земля, а также все хозяйственное обзаведение двора (постройки, живой и мертвый инвентарь, продукты питания, вещи домашнего обихода и прочее имущество)», — гласила статья 15 инструкции. Следующие две статьи представляли собой комментарий к изложенному общему тезису: «16. Это хозяйственное обзаведение считается собственностью всего двора, кем бы из его членов отдельные предметы приобретены не были. В раздел не включаются по требованию в том заинтересованных лиц лишь находящиеся в пользовании отдельных членов двора вещи их личного пользования, приобретенные на их личные средства (например, одежда, белье, обувь и т. д.)

17. Имущество, находящееся у членов двора, проживающих на стороне, в раздел не поступает, за исключением имущества, принадлежащего самому двору или приобретенного на средства последнего»¹¹.

Закон (в полном соответствии с традиционными представлениями и повседневной практикой самих крестьян) обеспечивал приоритет имущественных прав двора как целого, как семейно-трудового объединения, и подчиненность интересам двора прав

⁹ ЦГАНХ, ф. 478, оп. 59, д. 32, л. 57.

¹⁰ СДЗЗ, с. 300 (подчеркнуто автором. — В. Д.).

¹¹ Там же, с. 347—348.

его отдельных членов. Но в этом преобладании прав двора заключалась и довольно прочная гарантия прав каждого из его членов, охранявшая слабого от произвола сильного.

Можно представить себе существование крестьянского хозяйства, являвшегося трудовым объединением лиц, не связанных семейными узами (такая возможность предусматривалась и обычаем, и законом). Однако подобные хозяйства — редчайшие исключения¹². Крестьянское индивидуальное хозяйство почти всегда было хозяйством семьи. С этим связаны некоторые существенные моменты в его развитии в период между Великой Октябрьской революцией и сплошной коллективизацией. Не случайной такой крупнейшей знаток крестьянской жизни, каким был М. И. Калинин, в числе основных особенностей после-революционного развития деревни называл перестройку внутрисемейных отношений. «...У нас происходит громадная ломка патриархального строя семьи: революция нанесла смертельный удар патриархальным отношениям, которые раньше господствовали внутри крестьянства», — говорил М. И. Калинин в докладе на XVI партийной конференции¹³. Поэтому рассмотрение эволюции крестьянского хозяйства необходимо начать с выяснения изменений в их численности и составе дворов, с анализа хозяйственных отношений внутри двора.

КРЕСТЬЯНСКИЕ ХОЗЯЙСТВА: ЧИСЛЕННОСТЬ И РАЗМЕРЫ

При первом же взгляде на развитие деревни после Великой Октябрьской социалистической революции прежде всего обращает на себя внимание рост численности крестьянских дворов. С этим фактом уже в 20-х годах стали связывать падение товарности сельского хозяйства по сравнению с дореволюционным временем. Увеличение численности крестьянских хозяйств истолковывалось как свидетельство измельчания сельскохозяйственного производства¹⁴. В дальнейшем рост числа крестьянских хозяйств и его последствия для экономического развития стра-

¹² Специальное обследование крестьянских дворов Аркадской волости Балашовского уезда Саратовской губернии показало, например, что «преимущественно крестьянские дворы организуются по принципу родства и свойства; редко встретишь организацию двора на принципе хозяйственного объединения. Крестьянский двор по существу представляет союз лиц по родству и свойству» (Панферов А. Обычное право в укладе крестьянского двора. Опыт исследования в Аркадской волости Балашовского уезда. — «Революция права», 1972, № 2, с. 110).

¹³ Калинин М. И. Пути подъема сельского хозяйства и налоговое обеспечение середняка. Доклад на XVI конференции ВКП(б) 26 апреля 1929 г. — В кн.: Избранные произведения, т. 2, М., 1960, с. 315.

¹⁴ Яковлев Я. А. Сельское хозяйство и индустриализация. М.—Л., 1927, с. 25—29.

ны стали чрезвычайно преувеличиваться. Е. Н. Кочетовская, например, в своих работах без ссылок на источники утверждала, что «число крестьянских хозяйств в СССР за период с 1917 г. и по 1928 г. с 16 млн. увеличилось до 25 млн.»¹⁵

Уже после выступлений против преувеличения масштабов дробления крестьянских хозяйств и связи этого процесса с измельчением сельскохозяйственного производства в итоге аграрной революции¹⁶ было высказано утверждение о том, что измельчания сельскохозяйственного производства вообще не было¹⁷. Это мнение не получило распространения ввиду его очевидного несоответствия фактам.

В последние годы появились весьма интересные статьи К. М. Газаловой, одна из которых характеризует с источниковедческой точки зрения основной статистический материал о дроблении крестьянских хозяйств, другая статья посвящена порядку рассмотрения дел о семейно-имущественных разделах крестьянских хозяйств в земельных судах¹⁸. Это — серьезные исследовательские разработки, которые позволяют в данном случае обойтись без обстоятельных экскурсов в сторону от избранного сюжета.

* * *

Расширение и уравнительное перераспределение крестьянского землепользования, а в связи с этим рост середняцких слоев деревни являлись первым важнейшим социальным сдвигом на основе аграрной революции. Последствия этого сдвига проявились во всех сторонах сельской жизни. Одним из них был рост численности крестьянских хозяйств. В ходе революции число крестьянских хозяйств умножилось, прежде всего за счет тех очень значительных в царской России элементов, которые были разорены и вытеснены из среды крестьян-хозяев, а частью и вообще из деревни развивавшимся капитализмом. Полу-

¹⁵ Кочетовская Е. Н. Национализация земли и колхозы в СССР. М., 1958, с. 34; она же. Национализация земли в СССР. М., 1952, с. 165.

¹⁶ Данилов В. П. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М., 1957, с. 26—27; она же. Земельные отношения в советской доколхозной деревне. — «История СССР», 1958, № 3, с. 94—95.

¹⁷ Яковцевский В. Н. Аграрные отношения в СССР в период строительства социализма. М., 1964, с. 104—105. Дискуссию о последствиях дробления крестьянских хозяйств см. в кн.: История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. Материалы научной сессии, состоявшейся 18—21 апреля 1961 г. в Москве. М., 1963, с. 134—135; 159—161.

¹⁸ Газалова К. М. Статистические источники о дроблении крестьянских хозяйств в 1921—1929 гг. — «Источниковедение истории советского общества», вып. II. М., 1968, с. 265—295; она же. Земельный суд РСФСР и порядок рассмотрения спорных дел о семейно-имущественных разделах крестьянских хозяйств (1921—1928 гг.). — «Труды Московского государственного историко-архивного института», т. 19. М., 1965, с. 193—216.

чали землю и обзаводились хозяйством батраки, возвращались к земледелию кустари и некоторые группы промышленных рабочих, не успевших еще порвать связи с деревней. Этому процессу содействовало то, что Октябрьская революция передала крестьянству не только землю, но и основную массу других средств производства из конфискованных помещичьих хозяйств.

О масштабах интересующего процесса в какой-то мере можно судить по результатам анкетного обследования землепользования, проведенного ЦСУ в 1922 г.¹⁹ По сведениям анкет от 560 селений в 87% случаев община в ходе аграрной революции отводила земли для возвратившихся бывших ее членов («обратников»). При этом в среднем на каждое из 414 селений, анкеты которых содержали соответствующие данные, возвратилось тогда по 5,9 семьи. 64% возвращенцев смогли обзавестись хозяйством (по сведениям от 396 селений)²⁰.

Разруха и голод заставили уходить в деревню и многих горожан, давно уже утративших с ней связь. Они стремились переждать тяжелые времена, хотя найти себе место в деревне им было еще труднее, чем «обратникам». Из 915 селений, от которых имелись по этому вопросу ответы, только 44% принимали новых членов. Но зато на каждое принимавшее селение таких пришлось по 7,1²¹.

Переселение горожан в деревню имело место и в 20-х годах, однако масштабы его были ничтожны. Определяющим направлением миграции стал отток сельского населения в города. Теперь основным источником роста численности крестьянских хозяйств стало их дробление в результате семейных разделов. Это явление не было новым. Но увеличение площади крестьянского землепользования и демократизации всей жизни усилили распад полупатриархальных семей, раздел крестьянских хозяйств. По данным «весенних опросов», начавшихся в 1923 г., число крестьянских хозяйств за год к весне 1924 г. увеличилось на 634 тыс. (т. е. на 2,8%), к весне 1925 г. — еще на 503 тыс. (т. е. на 2,2%), к весне 1926 г. — на 617 тыс. (т. е. на 2,6%) и, наконец, к весне 1927 г. — на 437 тыс. (т. е. на 1,4%). В 1927 г. число крестьянских хозяйств в СССР достигло мак-

¹⁹ Анкеты поступили от 1133 селений с населением в 172174 человека, расположенных на территории 228 уездов 29 губерний по преимуществу Европейской части РСФСР (Зауралье было представлено 2 губерниями — Челябинской и Тюменской). Следовательно, фактически анкеты были получены в среднем от 5 селений каждого уезда и 40 селений каждой губернии). Материалы анкет, разумеется, нельзя сравнивать с материалами статистических обследований, дающих точное цифровое выражение фактов, явлений, процессов. Однако заведывавший тогда отделом земельной статистики в ЦСУ Я. Бляхер считал, что «предпринятая анкета может быть признана более или менее репрезентативной» (Бляхер Я. Современное землепользование по данным специальной анкеты ЦСУ 1922 г. — «Вестник статистики», кн. XIII, № 1—3, 1923, с. 131—132).

²⁰ «Вестник статистики», кн. XIII, № 1—3, 1923, с. 142—143.

²¹ Там же, с. 144—145.

симума. По сравнению с 1916 г. оно возросло с 21008,6 тыс. до 25015,9 тыс., т. е. на 19,1% ²².

Статистические материалы позволяют проследить динамику численности крестьянских хозяйств как по стране в целом, так по отдельным республикам и районам от 1916 г. к 1923 г., а затем за каждый год вплоть до 1927 г. Имеется, следовательно, возможность выяснить важнейшие особенности этого процесса на разных этапах первого революционного десятилетия. Однако, прежде чем перейти непосредственно к анализу этих материалов, необходимо сделать ряд источниковедческих замечаний. Данные о численности крестьянских хозяйств в 1916 г. дала проведенная тогда сельскохозяйственная перепись: они вполне достоверны и точны. Данные за 1923—1927 гг. были получены в результате так называемых весенних опросов, проводившихся фактически по материалам ежегодных подворных налоговых переписей. Сравнительный анализ данных налоговых сводок и весенних опросов показал, что ЦСУ в данном случае ввело в оборот итоги подворных налоговых переписей с поправками на недоучет. И, конечно, никто другой не мог провести подобные исчисления точнее и полнее, нежели ЦСУ. Однако сами исходные данные о численности крестьянских хозяйств и их населении были существенно преувеличены. Тяжесть налогового обложения находилась в прямой пропорциональной зависимости от размеров хозяйства и в обратно пропорциональной — от числа едоков. Поэтому неудивительно, что при проведении подворной переписи налоговыми органами некоторая часть крестьянских хозяйств (особенно крупных) объявляла себя разделенными, давала завышенные сведения о числе едоков («мертвые души» продолжали еще служить живым). ЦСУ считало, например, что налоговые сводки за 1923/24 г. для территории РСФСР преувеличивали число крестьянских хозяйств на 2,3%, а для 1924/25 г. — на 3,9% ²³. Экспедиционная проверка налоговых списков за 1925 г., проведенная Московским губернским статистическим отделом, установила преувеличение числа хозяйств на 3% ²⁴.

Действительные масштабы преувеличений сведений по интересующим нас вопросам как в налоговых сводках, так и в «весенних опросах» можно представить, обратившись к демографическим данным. Всенародная перепись, проведенная 16 декабря 1926 г., дала точные данные о численности сельского населения (напомним их: 121,2 млн. постоянного населения,

²² ЦУНХУ Госплана СССР. СССР за 15 лет. Статистические материалы по народному хозяйству, с. 134; ЦСУ СССР. Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР. 1916 и 1923—1927 гг. М., 1930, с. 2—5.

²³ СССР. Управление государственными доходами [НКФ]. Сельское хозяйство Союза ССР в 1924/25 году по данным налоговых сводок по единому сельхозналогу. М., 1926, с. XXVII—XXVIII.

²⁴ «Бюллетень ЦСУ», 1925, 1 сентября, с. 15.

120,7 млн. наличного и 112,1 млн. занятого в сельском хозяйстве). Они оказались минимум на 5,3—5,7% (в абсолютных величинах — на 6—7 млн.) меньше, чем давали исчисления крестьянского населения по налоговым сводкам (127,8 млн. на март 1927 г.). В таких же масштабах различались данные «весенних опросов» и демографических исчислений за другие годы²⁵. Численность хозяйств преувеличивалась, как можно полагать, несколько меньше, но сам по себе этот факт не вызывает сомнений.

Таким образом, имеется достаточно оснований считать преувеличенной прочно вошедшую в нашу литературу цифру — 25 млн. крестьянских хозяйств на 1927 г. В действительности их общее число не переваливало и за 24 млн. Однако внесение каких-либо поправок в таблицу 21 не представляется возможным. Репрезентативность ее данных весьма высока и позволяет выяснить основные тенденции развития. Знание же специфических свойств анализируемых цифр поможет точнее оценить масштабы происходивших сдвигов, лучше прокорректировать наблюдения и выводы.

После предварительных замечаний можно приступить к более обстоятельному анализу данных о динамике крестьянских хозяйств за 1916—1923 и 1923—1927 гг. (см. табл. 21).

Они свидетельствуют прежде всего, что на изменение численности крестьянских хозяйств в первый период (1916—1923 гг.) сильнейшее влияние оказало сокращение сельского населения в результате военной разрухи и особенно голода 1921 г. (За семь лет крестьянское население в СССР сократилось до 98,3%, в РСФСР — 96,4%, а на самом деле еще больше, поскольку данные таблицы о населении за 1923 г. так же преувеличены, как и за 1927 г.²⁶) Это не только основательно уменьшило итоговые данные о приросте крестьянских хозяйств, происходившем в годы аграрной революции, но и привело к их абсолютному сокращению в районах, пораженных голодом (Среднее Поволжье и Урал, Казахстан и Киргизия). Напротив, в Северном, Северо-Западном, Западном и Рязанско-Тульском

²⁵ Сводку данных о численности сельского населения за 1924/25—1927/28 гг. по материалам налоговых сводок, «весенних опросов», переписи населения 1926 г. и демографических исчислений см.: *Данилов В. П., Славко Т. И.* О путях исследования данных налоговых сводок по сельскому хозяйству СССР за 1924/25—1927/28 гг.—«История СССР», 1972, № 5, с. 95.

²⁶ По данным демографической статистики, как уже указывалось, население СССР в 1923 г. составляло 133,9 млн. человек. Если принять данные весенних опросов о населении крестьянских хозяйств за сопоставимые, тогда окажется, что все остальное население — городское, в первую очередь, — тогда составляло всего 16,8 млн. человек и, следовательно, за четыре года (даже меньше) до всенародной переписи в декабре 1926 г. увеличилось до 26,3 млн. (городское население по данным переписи), т. е. на 9,5 млн. человек. Величина сама по себе невероятная. Выше было показано, что прирост городского населения за 1924—1926 гг. в целом не превысил 2,5 млн. человек (см. гл. первую, с. 21).

Таблица 21

Число крестьянских хозяйств и их население в 1916, 1923 и 1927 гг.

(по данным сельскохозяйственной переписи 1916 г. и весенних опросов 1923—1927 гг., в тыс.) *

	Число крестьянских хозяйств							
	1916 г.	1923 г.	1927 г.	среднегодовой прирост		1923 г., в % к 1916 г.	1927 г., в % к 1923 г.	1927 г., в % к 1916 г.
				1916— 1923 гг.	1923— 1927 гг.			
СССР	21008,6	22825,4	25015,9	259,5	547,6	108,5	109,6	119,1
РСФСР	14434,4	15437,7	17117,3	143,3	414,9	106,9	111,0	118,6
В том числе районы								
Северный	372,6	421,6	435,2	7,0	3,4	113,5	103,3	116,8
Ленинградско-Карельский	679,5	833,4	899,5	22,0	16,5	122,0	107,9	132,4
Западный	526,9	677,0	748,8	21,4	17,9	128,3	110,6	142,1
Центрально-Промышленный	2588,6	2813,6	3046,8	32,1	58,3	108,5	108,3	117,7
В том числе Рязанско-Тульский	602,6	711,2	757,2	15,5	11,5	117,8	106,5	125,7
Центрально-Черноземный	1533,7	1814,6	2012,5	40,1	49,4	118,3	110,9	131,2
Вятский	542,2	580,3	613,6	5,4	8,4	107,9	107,0	113,2
Уральский	1095,9	1075,0	1240,3	—	23,6	98,0	115,3	113,2
Башкирский	535,5	450,2	507,4	—	14,3	84,1	110,4	94,8

* ЦСУ СССР. Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР. 1916 и 1923—1927 гг. М., 1930, с. 2—5. При составлении таблицы были рассчитаны данные о среднегодовом приросте крестьянских хозяйств за 1916—1923 гг. и 1923—1927 гг., процент прироста хозяйств и населения за каждый из этих периодов, а также состав крестьянской семьи на 1923 г.

	Число крестьянских хозяйств							
	1916 г.	1923 г.	1927 г.	среднегодовой прирост		1923 г., в % к 1916 г.	1927 г., в % к 1923 г.	1927 г., в % к 1916 г.
				1916— 1923 гг.	1923— 1927 гг.			
Татаро-Чувашский	707,1	632,1	701,9	—	17,4	89,4	111,1	99,3
Средне-Волжский	1099,7	1066,7	1198,8	—	33,0	96,9	112,4	109,0
Нижне-Волжский	798,7	856,5	957,3	8,3	25,2	107,3	111,8	119,9
Северо-Кавказский	1042,9	1174,8	1309,7	18,8	33,7	112,6	111,5	125,6
Дагестанский	123,2	134,2	173,0	1,6	9,7	109,0	129,1	140,4
Крымский	72,5	68,3	86,7	—	4,6	94,4	128,0	119,6
Казахский	1211,4	1126,7	1211,6	—	21,2	92,2	107,4	100,0
Киргизский	188,5	175,2	189,0	—	3,4	93,1	108,0	100,3
Сибирский	1014,2	1189,9	1392,6	25,1	50,5	117,8	117,0	137,3
Бурят-Монгольский	75,5	89,9	102,1	2,1	3,3	119,1	113,6	135,2
Якутский	59,2	59,2	59,2	—	—	100,0	100,0	100,0
Дальневосточный	166,6	198,5	231,3	4,6	8,2	118,5	116,6	138,8
Украинская ССР	4025,5	4808,7	5110,7	111,9	75,5	121,9	106,3	127,0
Белорусская ССР	562,6	717,9	775,1	27,3	14,3	127,5	107,9	137,8
Закавказская СФСР	827,9	833,4	907,3	0,8	18,5	100,6	108,9	109,6
Узбекская ССР	1016,2	861,0	920,7	—	14,9	84,7	106,9	90,6
Туркменская ССР	142,0	166,7	184,8	3,5	7,0	117,6	110,8	130,1

Продолжение табл. 21

	Население индивидуальных крестьянских хозяйств						Душ населения, в среднем на одно хозяйство		
	1916 г.	1923 г.	1927 г.	1923 г., в % к 1916 г.	1927 г., в % к 1923 г.	1927 г., в % к 1916 г.	1916 г.	1923 г.	1927 г.
СССР	119159,6	117113,7	127581,5	98,3	108,9	107,1	5,7	5,1	5,1
РСФСР	82889,7	80896,9	88609,6	96,4	109,5	106,9	5,7	5,2	5,2
В том числе районы									
Северный	2077,3	2123,8	2152,2	101,9	101,3	103,6	5,6	5,1	4,9
Ленинградско-Карельский	4003,0	4373,5	4609,6	109,2	105,4	115,2	5,9	5,3	5,1
Западный	3440,2	3673,2	4041,3	106,9	110,0	117,5	6,5	5,4	5,4
Центрально-Промышленный	14444,0	14932,8	16010,6	103,4	107,2	110,8	5,6	5,3	5,2
В том числе Рязанско-Тульский	3717,7	3889,9	4179,6	104,6	107,5	112,4	6,17	5,47	5,52
Центрально-Черноземный	9653,1	9968,0	10776,1	103,3	108,1	111,6	6,3	5,5	5,3
Вятский	3272,9	3215,7	3420,0	98,2	106,3	104,5	6,0	5,5	5,6
Уральский	5517,4	5133,4	5925,1	93,0	115,4	107,4	5,0	4,8	4,8
Башкирский	3052,4	2202,4	2596,0	72,1	117,9	85,0	5,7	4,9	5,1
Татаро-Чувашский	3856,1	3266,3	3476,9	84,7	106,5	90,2	5,4	5,2	4,9
Средне-Волжский	6522,0	5673,6	6223,2	86,9	109,7	95,4	5,9	5,3	5,2

	Население индивидуальных крестьянских хозяйств						Душ населения, в среднем на одно хозяйство		
	1916 г.	1923 г.	1927 г.	1923 г., в % к 1916 г.	1927 г., в % к 1923 г.	1927 г., в % к 1916 г.	1916 г.	1923 г.	1927 г.
Нижне-Волжский	4755,9	4449,5	4898,2	93,7	110,1	103,0	5,9	5,2	5,1
Северо-Кавказский	6038,4	6023,3	6627,7	99,7	110,0	109,8	5,8	5,2	5,1
Дагестанский	572,0	626,3	752,7	109,4	120,3	131,6	4,6	4,6	4,3
Крымский	395,4	316,2	398,0	80,0	125,9	100,7	5,4	4,7	5,0
Казахский	6646,1	5492,2	6084,5	82,7	110,6	91,5	5,5	4,8	5,0
Киргизский	935,0	804,2	880,1	86,0	109,4	94,1	5,0	4,6	4,7
Сибирский	6054,8	6882,3	7646,2	113,7	111,1	126,3	6,0	5,8	5,5
Бурят-Монгольский	407,7	367,7	482,7	90,4	131,2	118,4	5,4	4,1	4,7
Якутский	263,1	263,1	263,1	100,0	100,0	100,0	4,4	4,4	4,4
Дальневосточный	982,9	1109,4	1345,4	112,8	121,3	136,9	5,9	5,6	5,8
Украинская ССР	22281,9	23248,8	24875,5	104,0	107,0	111,6	5,5	4,8	4,9
Белорусская ССР	3600,6	4027,0	4200,2	112,5	104,3	116,7	6,4	5,6	5,4
Закавказская СФСР	4664,7	4259,4	4812,5	91,3	113,4	108,2	5,6	5,1	5,3
Узбекская ССР	4909,7	3807,9	4176,6	77,5	109,7	85,1	4,8	4,4	4,5
Туркменская ССР	813,0	873,7	907,6	107,5	103,5	111,7	5,7	5,2	4,9

районах, на Украине и в Белоруссии, т. е. в районах, меньше других пострадавших в голодный 1921 год, прирост численности крестьянских дворов более интенсивно происходил в 1916—1923 гг. Показательно, что в Среднем Поволжье, где в 1923 г. крестьянских дворов было меньше на 3,1% по сравнению с 1916 г., за три года до этого, в 1920 г., их насчитывалось на 16,1% больше, чем накануне революции²⁷. На территории Башкирии в 1920 г. имелось 501,4 тыс. крестьянских хозяйств, в 1922 г.—418,5 тыс., в 1923 г.—445,3 тыс., в 1926 г.—494 тыс.²⁸ Таким образом, в показателях 1923 г. очень сильно отражены последствия голода. В действительности увеличение численности крестьянских хозяйств в годы аграрной революции было гораздо более значительным, чем можно было представить это по данным приведенной таблицы.

Вновь образующиеся в ходе аграрной революции крестьянские хозяйства служили основным источником роста малоопосевной группы в 1918—1919 гг. Последний, таким образом, являлся свидетельством не только общего обеднения деревни в результате разрухи, но, что особенно важно, и экономического подъема наиболее забитых и разоренных капитализмом слоев крестьянства. Естественно, что эта группа хозяйств была наименее устойчивой и в период новой экономической политики подверглась сравнительно быстрому «размыванию», пополняя своими представителями не столько середняцкое, сколько ряды деревенского и городского рабочего класса.

При оценке влияния аграрной революции на развитие крестьянского хозяйства нужно иметь в виду и колоссальное увеличение общей площади крестьянского землепользования, и быстрый рост численности крестьянских дворов. Оба они говорят о необычайном размахе и глубине аграрного переворота в России, но учет второго из них сразу же ставит вопрос и об ограниченности национализации земли при уравнительном переделе ее между единоличными хозяйствами, о невозможности самим по себе актом ликвидации частной собственности на землю решить коренные вопросы социально-экономического развития деревни.

Измельчание земледельческого производства, вызванное уравнительным распределением земель бывших помещичьих и крупных капиталистических хозяйств между возмужавшим числом крестьянских дворов, не могло не сдерживать рост производительности труда в сельском хозяйстве, не могло не затруднять внедрение машинной техники и приемов научной агрономии. Однако падения, деградации сельскохозяйственного

²⁷ Земельное дело. Сборник статей. М., 1922, с. 54.

²⁸ Мананов Р. Н. Статистические источники о дроблении крестьянских хозяйств в Башкирии в 1921—1926 гг. — В кн.: Южно-уральский археографический сборник, вып. 1. Уфа, 1973, с. 221—222.

производства не произошло. Напротив, освобождение деревни от пут крепостничества, а они накладывали свой отпечаток и на капиталистические хозяйства, развязало трудовую активность миллионов масс крестьянства, обеспечило не только восстановление, но и значительное по сравнению с дореволюционным уровнем увеличение производства сельскохозяйственной продукции.

В 1923—1927 гг. рост числа крестьянских хозяйств продолжался. Темп его несколько превышал темп прироста сельского населения (9,6% против 8,9%). В целом по стране состав крестьянской семьи сократился с 5,67 человека в 1916 г. до 5,13 в 1923 г. и до 5,10 человека в 1927 г.

Уменьшение состава крестьянской семьи несомненно. Чтобы оценить масштабы этого процесса и его возможные социально-экономические последствия, попытаемся сравнить изменения в составе крестьянской семьи до и после революции. Имеются данные земских подворных переписей 80-х годов XIX в. по 21 губернии Европейской России, согласно которым средний состав крестьянского двора составлял 6,05 душ обоего пола²⁹. Подсчет для сопоставимой территории данных, представленных в табл. 21, дает следующий результат: в 1916 г.—5,77 душ, в 1923 г.—5,16, в 1927 г.—5,11 душ. Среднегодовой темп уменьшения состава крестьянской семьи от 80-х годов XIX в. до 1916 г. можно определить величиной около 0,01, в период революции, т. е. от 1916 до 1923 г.,—0,06, в период 1923—1927 гг.—немногом более 0,01 души. Следовательно, действительно существенное уменьшение населения крестьянского двора приходилось на эпоху революции и было связано как с перестройкой аграрных отношений, так и с бедствиями войны и голода. В 1923—1927 гг. процесс уменьшения состава крестьянских семей проходил уже в масштабах, очень близких к дореволюционным.

Уже это обстоятельство заставляет взглянуть на уменьшение состава крестьянских семей (исключая, конечно, 1916—1923 гг.) как на естественноисторический процесс, совершившийся с объективной неизбежностью, но и не выходящий в обычных условиях за рамки хозяйственной целесообразности. К этому же выводу приводит и наблюдавшийся после 1923 г. в ряде мест рост состава семей. Показательно, что речь идет не только о тех республиках и районах, где патриархальные традиции были сильнее (Вятском, Башкирском, Казахском, Киргизском и Дальневосточном в РСФСР, Закавказской федерации и Узбекистане), но и об Украине, Рязанской и Тульской губерниях. Средний размер крестьянской семьи устанавливался как результат не только дробления слишком крупных семей, но и ликвидации или соединения слишком мелких. Вза-

²⁹ Сводный статистический сборник хозяйственных сведений по земским подворным переписям, т. I. Крестьянское хозяйство. Составил и издал Н. А. Благовещенский. М., 1893, с. 126.

имодействие этих факторов регулировало численный состав населения крестьянских дворов, удерживало его в пределах хозяйственной целесообразности.

Уменьшение размеров крестьянской семьи несомненно. Однако измельчание семьи и измельчание производства даже в условиях мелкого индивидуального хозяйства не одно и то же.

Скорее всего дробление крестьянского двора должно было сказаться на размерах его земельного надела. Увеличение же землепользования крестьян в результате аграрной революции было настолько велико, что, несмотря на процесс дробления, говорить об измельчании крестьянского хозяйства по сравнению с дореволюционным временем не приходится. В 1927 г. средний надел крестьянского хозяйства в Европейской части РСФСР (без автономных республик) исчислялся Наркомземом в 13,23 га, тогда как до революции он был равен 10,08 га. В расчете на едока различие будет еще более значительным, поскольку состав крестьянской семьи уменьшился: 1,98 га до революции и 2,61 га в 1927 г.³⁰ При рассмотрении данных о размерах земельных наделов в социальном разрезе, станет ясно, что сократились только наделы зажиточных и кулацких хозяйств (см. табл. 22).

Несмотря на процесс дробления, площадь землепользования бедняцких хозяйств (стоимость средств производства до

Т а б л и ц а 22

Площадь землепользования на одно хозяйство до революции и в 1924 г. (по материалам обследования крестьянских хозяйств Коммунистической академией) *

Группы хозяйств по стоимости средств производства	Степная Украина		Тамбовская губерния	
	до революции, в дес.	1924 г., в дес.	до революции, в дес.	1924 г., в дес.
До 200 руб.	1,5	4,5	3,0	3,9
От 201 до 500 руб.	4,0	7,0	5,7	7,3
» 501 до 800 »	7,6	8,5	7,1	9,1
» 800 до 1400 »	12,9	11,8	12,3	11,7
Свыше 1400 руб.	29,0	18,2	42,0	17,7

* НКЗ РСФСР. Материалы по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства (1928/29—1932/33 гг.), ч. I. М., 1929, с. 32.

³⁰ НКЗ РСФСР. К вопросу об очередных задачах по работе в деревне. Материалы к XV съезду ВКП(б). М.—Л., 1928, с. 108. Исчисления по РСФСР, включая Сибирь, Дальний Восток и Калмыцкую АО, но без автономных республик, дали следующие результаты: до революции на хозяйство приходилось по 14,09 га, на едока — по 2,73 га, в 1927 г. на хозяйство — по 17,73 га, на едока — по 3,45 га (там же).

200 руб.) в 1924 г., по сравнению с дореволюционным временем, была большей в Степной Украине в 3 раза, в Тамбовской губернии — на 30%. Важно отметить, что наделы типично середняцких хозяйств (стоимость средств производства от 501 до 800 руб.) также были больше, чем до революции (на 12—30%).

Однако размеры земельного надела не говорят прямо о размерах сельскохозяйственного производства даже в условиях экстенсивного хозяйства, поскольку крестьянский надел включает и необрабатываемые земли. Чтобы конкретно выявить влияние дробления крестьянских семей на развитие сельского хозяйства, необходимо обратиться к данным о размерах фактически используемой сельскохозяйственной площади и площади под посевами. Сведения такого рода имеются в крестьянских бюджетах (см. табл. 23).

Т а б л и ц а 23

Фактически используемая сельскохозяйственная площадь и посевы крестьянского хозяйства в 1924/25—1925/26 гг. (в дес., средневзвешенные на хозяйство) *

Район	Сельскохозяйственная площадь		Площадь посевов	
	1924/25 г.	1925/26 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
Северный	7,89	8,60	2,24	2,31
Северо-Западный	8,58	8,74	2,59	2,65
Западный	7,99	7,95	3,71	3,91
Московско-Промышленный	6,34	6,38	2,83	2,88
Рязанско-Тульский	6,70	7,02	4,00	4,16
Центрально-Черноземный	7,78	7,60	4,83	4,89
Уральская область	12,26	11,77	4,52	4,63
Башкирская АССР	11,01	11,81	5,25	5,56
Самаро-Оренбургский	23,71	24,80	6,56	6,92
Нижне-Волжский	16,60	17,26	6,76	6,58
Северо-Кавказский, степь	12,54	13,14	8,00	8,21
Сибирь Юго-Западная	21,09	20,07	5,54	5,51
Сибирь Северо-Восточная	11,40	12,52	3,98	4,11
Белорусская ССР	7,28	7,21	3,86	3,96
Украинская ССР:				
степь				
полесье и лесостепь	9,78	9,49	7,86	7,68
лесостепь	5,10	5,21	3,59	3,59

* ЦСУ СССР. Крестьянские бюджеты. 1925/26 г. М., 1929, с. 27. Фактически используемая земля включает арендуемую и исключает сданную в аренду.

Как видно из данных этой таблицы, несмотря на увеличение численности крестьянских хозяйств, в большинстве районов страны фактически используемая сельскохозяйственная пло-

щадь крестьянского двора не только не сокращалась, но продолжала расти. Исключение составляют главным образом районы, истари страдавшие от острого малоземелья — Центрально-Черноземный, Западный и Белорусский. Что же касается посевных площадей крестьянского хозяйства, то они росли повсеместно, включая и районы, где общая сельскохозяйственная площадь начала сокращаться. Таким образом, крестьянское хозяйство не мельчало, а росло, размеры его производства увеличивались.

К аналогичным выводам приводит и сопоставление данных о динамике численности крестьянских хозяйств и динамике посевных площадей в масштабах страны. С 1923 по 1924 г. число крестьянских хозяйств увеличилось на 2,8%, тогда как посевные площади в стране выросли на 6,9%. В 1925 г. крестьянских хозяйств стало на 2,2% больше, а площадь под посевами — на 6,3%. В 1926 г. число хозяйств увеличилось еще на 2,6%, а посевные площади — на 5,7%³¹.

До того времени, пока еще имелись в наличии невосстановленные или легко осваиваемые земельные участки, дробление крестьянских хозяйств могло происходить, не вызывая абсолютного измельчания сельскохозяйственного производства. Однако возможности безболезненного для производства роста количества хозяйств, естественно, уменьшались. За 1927 г. размеры посевов увеличились на 1,9%, а количество хозяйств — на 1,4%. При резком сокращении темпов прироста посевных площадей дробление крестьянских дворов могло уже вести к измельчанию хозяйств. Эта возможность не осуществилась, поскольку с переходом к непосредственной подготовке коллективизации ускорившийся отлив населения в города перекрыл результаты дробления крестьянских дворов и вызвал сокращение их численности. Она уменьшилась с 25015,9 тыс. в 1927 г. до 24632,9 тыс. в 1928 г. и до 24522 тыс. в 1929 г., т. е. на 2% за два года. Этот процесс тогда еще не стал повсеместным. В основных зерновых районах, где особенно велик удельный вес зажиточно-кулацких слоев, дробление крестьянских хозяйств продолжало преобладать над процессами с противоположными результатами.

Начались усиленные разделы зажиточно-кулацких хозяйств. Однако даже в этих районах темпы роста числа крестьянских хозяйств резко снизились. Так, на Северном Кавказе число крестьянских хозяйств увеличилось с 1309,7 тыс. в 1927 г. до 1320,9 тыс. в 1929 г. (прирост 0,9% за два года), на Средней Волге — с 1198,8 тыс. до 1272,7 тыс. (прирост 6,2%), в Сибири — с 1392,6 тыс. до 1450,1 тыс. (прирост 4,1%)³².

³¹ Данные о посевных площадях см.: ЦУНХУ Госплана СССР. Социалистическое строительство СССР. Статистический ежегодник. М., 1934, с. 176—177.

³² Госплан СССР. Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами. Статистические сведения по сельскому хозяйству СССР

Со времени аграрной революции до коллективизации земельная обеспеченность крестьянского хозяйства мало изменилась. В конце этого периода, как и в начале его, землепользование бедняцких и середняцких хозяйств было намного больше, чем в дореволюционной России. Действительно сократилось землепользование только наиболее зажиточных, прежде всего кулацких хозяйств. И тем не менее (табл. 22) площадь землепользования кулацкого хозяйства (со стоимостью средств производства свыше 1400 руб.) в 4—5 раз превышала земельный надел бедняка и примерно в 2 раза — надел середняка.

КРЕСТЬЯНСКИЙ ДВОР В ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Рост численности крестьянских хозяйств и уменьшение размеров крестьянских семей являлся лишь конечным результатом сложных и многообразных демографических и социально-экономических процессов и сдвигов. Чтобы раскрыть их соотношение и механизм взаимодействия, необходимо ответить, по крайней мере, на три конкретных вопроса:

1) Как и в какой степени различия в размерах землепользования, а тем самым и в размерах производства были детерминированы составом семьи?

2) В чем состояли и в каких направлениях развивались процессы, менявшие состав крестьянской семьи?

3) Каким образом изменения в составе семьи воздействовали на развитие крестьянского хозяйства и на его положение в социальной структуре села?

В условиях общинно-уравнительного землепользования зависимость между составом семьи и площадью земельного надела, казалось бы, должна быть прямой и непосредственной³³.

за 1927—1930 гг. М. — Л., 1931, с. 92—93. Здесь для территории СССР (без Якутии) даны следующие цифры: 1928 г. — 24572,7 тыс., 1929 г. — 24462,8 тыс. Сведения же о числе крестьянских хозяйств за предшествующие годы включают и Якутию. Чтобы сделать эти данные сопоставимыми, мы увеличили цифры, относящиеся к 1928 и 1929 г., на 59,2 тыс., т. е. на число крестьянских хозяйств, имевшихся в Якутии до революции (см. табл. 21). Было бы ошибкой сопоставлять без этой — пусть недостаточно точной — поправки данные за 1916, 1923—1927 гг., учитывающие Якутию, и данные за 1928—1929 гг. без нее, как это сделали, например, составители статистического сборника «СССР за 15 лет» (см. стр. 134).

³³ На материалах сельскохозяйственных переписей 1917 и 1919 гг. эту зависимость пытался установить Б. Ястремский. Им были исчислены коэффициенты корреляционной связи между составом семьи и посевной площадью, показавшие повсеместное возрастание функциональной зависимости площади посева от числа членов крестьянских семей. Коэффициенты корреляции по Череповецкой губернии возросли с 0,332 в 1917 г. до

Действительность, однако, существенно отклонялась от нормы. Установить степень интересующей нас зависимости, направления и масштабы отклонений от нее можно только на массовом материале, происхождение и характер которого гарантируют реальность сведений. Такие материалы дала выборочная гнездовая перепись 615,4 тыс. крестьянских хозяйств, проведенная ЦСУ СССР в 1927 г. по специально разработанной программе, комплексно учитывающей признаки классового положения крестьян. Материалы этой переписи позволили впервые сгруппировать крестьянские хозяйства по стоимости средств производства, т. е. по наиболее синтетическому признаку их экономической мощности. Имеются в них сведения и о населении крестьянского двора, и о его обеспеченности надельной пашней и сенокосами, т. е. именно теми категориями земель, которые чаще всего переделялись и где уравнительность, следовательно, должна была бы оказаться наибольшей. Подсчеты, произведенные по материалам этой переписи (см. табл. 24), показали, что только в малоземельном Черноземном центре надельная пашня и сенокос были относительно равномерно распределены по душам крестьянского населения, во всех же остальных районах обеспеченность основными земельными угодьями стремительно возрастала вместе с состоятельностью двора как в расчете на душу населения, так и еще более — в расчете на работника. Площадь надельной пашни и сенокоса на душу населения в хозяйствах зажиточно-кулацкой группы оказалась на 25—50% больше, чем в бедняцких, а на одного работника — на 50—100%.

Еще более значительны различия в обеспеченности пашней и сенокосами между хозяйствами в целом, поскольку состав крестьянской семьи увеличивался прямо пропорционально ее зажиточности. Данные выборочной переписи 1927 г. полностью подтверждают наличие прямой и прочной связи между

0,398 в 1919 г., Костромской — с 0,330 до 0,386, Ярославской — с 0,327 до 0,398, Владимирской — с 0,347 до 0,439, Пензенской — с 0,426 до 0,610, по Тульской — с 0,393 до 0,704 (*Ястремский Б.* Связь между элементами крестьянского хозяйства в 1917 и 1919 годах. — «Вестник статистики», 1920, № 9, с. 48—54). Интересно, что теснота связи между посевной площадью и составом семьи возросла в большей мере в земледельческих губерниях, где были более значительными помещичьи земли и где, следовательно, земельные переделы проводились более интенсивно и дали более уравнительные результаты. Вместе с тем значения приведенных выше коэффициентов свидетельствуют, что даже в период уравнительного перераспределения земли связь между численностью членов семьи и площадью посева не была абсолютной, что другие факторы производства играли существенную, а в неземледельческих районах определяющую роль. Впрочем, нужно учитывать, что Б. Ястремский измерял зависимость от состава семьи размеров посевных площадей, а не земельных наделов, тогда как уравнительному распределению подвергалась поступившая в пользование крестьян земля, степень обработки которой зависела уже не только от числа едоков или работников, но и от наличия других средств производства.

Таблица 24

Население и землепользование крестьянского хозяйства в 1927 г. (по материалам выборочной гнездовой переписи 615,4 тыс. хозяйств)*

Группа по стоимости средств производства	Население (душ на хозяйство)		Землепользование, в га						
			на хозяйство			на душу населения		на трудоспособного	
	всего	трудоспособных	наделной пашни	посева на своей и арендованной земле	сенокоса	наделной пашни и сенокоса	посева	наделной пашни и сенокоса	посева
<i>СССР</i>									
Без средств производства	2,6	1,4	2,5	0,8	0,3	1,1	0,3	2,0	0,6
Со средствами производства стоимостью:									
до 100 руб.	3,6	1,8	3,7	1,5	0,5	1,2	0,4	2,4	0,8
от 101 до 200 руб.	4,1	2,0	4,5	2,2	0,8	1,3	0,5	2,6	1,1
от 201 до 400 руб.	4,9	2,3	5,6	3,3	1,1	1,4	0,7	2,9	1,4
от 401 до 800 руб.	5,7	2,7	6,7	4,7	1,4	1,5	0,8	3,0	1,7
от 801 до 1600 руб.	6,5	3,1	8,8	6,9	1,6	1,6	1,1	3,3	2,2
свыше 1600 руб.	7,3	3,4	11,0	9,4	1,7	1,7	1,3	3,7	2,8
<i>Итого</i>	5,1	2,5	6,1	4,0	1,2	1,4	0,8	2,9	1,6
<i>Центрально-Черноземная область</i>									
Без средств производства	2,8	1,5	2,9	1,3	0,1	1,1	0,5	2,0	0,9
Со средствами производства стоимостью:									
до 100 руб.	3,7	1,9	3,8	2,0	0,2	1,1	0,5	2,1	1,0
от 101 до 200 руб.	4,3	2,1	4,5	2,9	0,2	1,1	0,7	2,2	1,4
от 201 до 400 руб.	5,2	2,5	5,7	4,3	0,3	1,1	0,8	2,4	1,7
от 401 до 800 руб.	6,2	2,9	6,8	5,7	0,3	1,1	0,9	2,5	2,0
от 801 до 1600 руб.	7,4	3,5	8,6	7,7	0,3	1,2	1,0	2,5	2,2
свыше 1600 руб.	9,3	4,5	10,6	10,3	0,4	1,2	1,1	2,5	2,3
<i>Итого</i>	5,5	2,6	6,0	4,7	0,3	1,1	0,8	2,4	1,8

* ЦСУ СССР. Сельское хозяйство СССР. 1925—1928 гг. Сборник статистических сведений. М., 1929, с. 60, 62, 64, 66, 155, 157, 159, 161. Данные о размерах землепользования на душу крестьянского населения и на одного трудоспособного работника исчислены автором.

Продолжение табл. 24

Группа по стоимости средств производства	Население (душ на хозяйство)		Землепользование, в га						
			на хозяйство			на душу населения		на трудоспособного	
	всего	трудоспособных	наделной пашни	посева на своей и арендованной земле	сенокоса	наделной пашни и сенокоса	посева	наделной пашни и сенокоса	посева

Средне-Волжская область

Без средств производства	2,3	1,3	3,5	0,9	0,4	1,7	0,4	3,0	0,7
Со средствами производства стоимостью:									
до 100 руб.	3,5	1,8	5,5	1,5	0,9	1,8	0,4	3,5	0,8
от 101 до 200 руб.	4,2	2,1	7,3	2,5	0,9	1,9	0,6	4,0	1,2
от 201 до 400 руб.	5,0	2,4	9,1	4,0	1,1	2,0	0,8	4,3	1,7
от 401 до 800 руб.	5,9	2,8	11,0	5,9	1,2	2,1	1,0	4,4	2,1
от 801 до 1600 руб.	7,0	3,3	15,4	8,9	2,0	2,5	1,2	5,3	2,7
свыше 1600 руб.	8,2	3,9	22,0	13,7	3,3	3,1	1,7	6,5	3,5
<i>Итого</i>	5,2	2,5	9,8	4,7	1,2	2,1	0,9	4,4	1,9

Северо-Кавказский край

Без средств производства	2,9	1,6	3,1	0,8	0,2	1,2	0,3	2,1	0,5
Со средствами производства стоимостью:									
до 100 руб.	3,6	1,8	6,1	2,3	0,4	1,8	0,6	3,6	1,3
от 101 до 200 руб.	4,1	2,1	7,5	3,3	0,7	2,0	0,8	3,9	1,5
от 201 до 400 руб.	4,6	2,2	9,2	5,2	0,8	2,2	1,1	4,5	2,3
от 401 до 800 руб.	5,4	2,5	12,2	8,2	0,8	2,4	1,5	5,2	3,3

Продолжение табл. 24

Группа по стоимости средств производства	Население (душ на хозяйство)		Землепользование, в га						
	всего	трудоспособных	на хозяйство			на душу населения		на трудоспособного	
			наделной пашни	посева на своей и арендованной земле	сенокоса	наделной пашни и сенокоса	посева	наделной пашни и сенокоса	посева
от 801 до 1600 руб.	6,5	3,0	14,4	12,4	0,7	2,3	1,9	5,0	4,1
свыше 1600 руб.	7,6	3,5	16,6	16,6	1,0	2,3	2,2	5,0	4,7
<i>Итого</i>	5,0	2,4	10,2	6,8	0,7	2,2	1,3	4,5	2,8
<i>Уральская область</i>									
Без средств производства	2,2	1,2	3,1	0,4	0,5	1,6	0,2	3,0	0,3
Со средствами производства стоимостью:									
до 100 руб.	3,2	1,6	4,7	1,0	0,8	1,7	0,3	3,5	0,6
от 101 до 200 руб.	3,9	2,0	6,0	2,1	1,4	1,9	0,5	3,7	1,0
от 201 до 400 руб.	4,7	2,3	7,6	3,3	1,8	2,0	0,7	4,1	1,4
от 401 до 800 руб.	5,6	2,7	9,7	5,2	2,5	2,2	0,9	4,5	1,9
от 801 до 1600 руб.	6,6	3,1	14,3	8,6	3,0	2,6	1,3	5,5	2,7
свыше 1600 руб.	7,7	3,6	21,0	14,3	2,9	3,2	1,8	6,6	4,0
<i>Итого</i>	4,8	2,4	8,4	4,0	1,8	2,1	0,8	4,2	1,7
<i>Украинская ССР</i>									
Без средств производства	2,7	1,4	2,3	1,0	0,1	0,9	0,4	1,7	0,7
Со средствами производства стоимостью:									
до 100 руб.	3,6	1,9	3,2	1,7	0,1	0,9	0,5	1,7	0,9
от 101 до 200 руб.	4,1	2,0	3,7	2,5	0,2	0,9	0,6	1,9	1,2
от 201 до 400 руб.	4,6	2,2	4,4	3,5	0,3	1,0	0,8	2,1	1,6
от 401 до 800 руб.	5,3	2,5	5,5	5,0	0,3	1,1	0,9	2,3	2,0
от 801 до 1600 руб.	6,1	2,9	7,4	7,4	0,4	1,3	1,2	2,7	2,5
свыше 1600 руб.	6,8	3,3	10,5	11,5	0,3	1,6	1,7	3,3	3,5
<i>Итого</i>	5,0	2,4	5,2	4,7	0,3	1,1	0,9	2,3	2,0

Группа по стоимости средств производства	Население (душ на хозяйство)		Землепользование, в га						
	всего	трудоспособных	на хозяйство			на душу населения		на трудоспособного	
			наделной пашни	посева на своей и арендованной земле	сенокоса	наделной пашни и сенокоса	посева	наделной пашни и сенокоса	посева
<i>Сибирский край</i>									
Без средств производства	2,7	1,3	4,0	0,7	0,5	1,7	0,2	3,5	0,5
Со средствами производства стоимостью:									
до 100 руб.	3,7	1,8	6,3	1,2	1,1	2,0	0,3	4,1	0,7
от 101 до 200 руб.	4,2	2,1	8,0	2,1	1,7	2,3	0,5	4,6	1,0
от 201 до 400 руб.	4,9	2,4	10,1	3,6	2,5	2,6	0,7	5,2	1,5
от 401 до 800 руб.	5,8	2,8	14,3	6,0	3,5	3,0	1,0	6,4	2,1
от 801 до 1600 руб.	6,7	3,3	17,4	9,5	4,9	3,3	1,4	6,7	2,9
свыше 1600 руб.	8,1	3,9	23,4	15,1	6,9	3,7	1,8	7,7	3,8
<i>Итого</i>	5,3	2,5	12,2	5,1	3,1	2,9	0,9	6,1	2,0
<i>Белорусская ССР</i>									
Без средств производства	2,7	1,5	2,1	0,5	0,8	1,1	0,2	2,0	0,3
Со средствами производства стоимостью:									
до 100 руб.	3,6	1,8	2,3	1,2	1,0	0,9	0,3	1,8	0,7
от 101 до 200 руб.	4,4	2,1	3,4	2,2	1,4	1,1	0,5	2,3	1,0
от 201 до 400 руб.	5,1	2,4	4,3	3,2	1,9	1,2	0,6	2,5	1,3
от 401 до 800 руб.	5,9	2,8	5,5	4,4	2,5	1,4	0,8	2,9	1,6
от 801 до 1600 руб.	6,4	3,2	7,2	6,2	3,1	1,6	1,0	3,2	1,9
свыше 1600 руб.	6,8	3,5	9,6	8,7	3,4	1,9	1,3	3,7	2,5
<i>Итого</i>	5,3	2,6	4,8	3,7	2,2	1,3	0,7	2,7	1,4

численностью населения двора и его хозяйственной мощностью. Бедняцким (со средствами производства стоимостью до 200 руб.) оказалось хозяйство семьи, состоявшей из 2—4 человек и имевшей от 1 до 2 работников. Средняцкое хозяйство, имевшее средств производства на сумму от 201 до 800 руб., велось семьей, в которой насчитывалось от 4,5 до 6 душ населения и от 2 до 3 работников. Наконец, в зажиточно-кулацком хозяйстве, стоимость средств производства которого превышала 800 руб., семья состояла из 6—9 душ населения и имела больше 3 работников. Доминирующее значение имели изменения в обеспеченности средствами производства. Именно они в конечном итоге определяли материальное благосостояние крестьянской семьи, с ростом которого росло и ее население. Однако обратная связь здесь играла также существенную роль, поскольку, во-первых, семейная кооперация сама по себе была производственным фактором и, во-вторых, численность населения двора в условиях уравнительного землепользования оказывала прямое влияние на размеры земельного надела. Различия в площади наделной пашни и сенокосов (без учета земельной аренды) между бедняцкими и кулацкими хозяйствами, как свидетельствует и выборочная перепись 1927 г., достигали трех- и четырехкратных масштабов.

Переходя к анализу данных о производственном использовании земли, сталкиваемся с дальнейшим нарастанием различий между бедняцкими, середняцкими и кулацкими хозяйствами. Аренда земли передавала определенную часть земель от хозяйств без средств производства в хозяйства, наделенные средствами производства с избытками над потребностями семьи, т. е. от бедноты к кулачеству. Данные о размерах фактического посева показывают, что аренда была дополнительным фактором, усиливавшим различия в использовании земли. Беднота в своем хозяйстве обрабатывала меньше половины наделной пашни, а в районах экстенсивного земледелия едва-едва третью или четвертую часть (на Северном Кавказе, Средней Волге, Урале, в Сибири). В зажиточно-кулацких же хозяйствах площадь посева приближалась к площади пашни (в среднем по СССР 9,4 га из 11 га), с ней сравнивалась (на Северном Кавказе, например) или даже превышала ее (например, на Украине), хотя система земледелия в 20-х годах предполагала обязательное наличие черных, т. е. не занятых посевами паров. Господство трехполья означало, что под парами должно быть около третьей части пашни. И мы видим, что соотношение пашни и посева близко к этому в середняцких хозяйствах.

Наблюдения и выводы, сделанные при анализе данных переписи 615,4 тыс. крестьянских хозяйств, вполне подтверждаются данными другого массового источника — налоговых сводок³⁴.

³⁴ «История СССР», 1972, № 5, с. 97—101.

Исходной основой мелкого индивидуального хозяйства является семейная кооперация и поэтому процессы, происходящие в крестьянской семье, не могли не отражаться на развитии и функционировании хозяйства. Демографические факторы появления, роста и распада семей тесно переплетались с социально-экономическими факторами эволюции крестьянских хозяйств. Разделы разросшихся семей, соединения в результате браков и некоторые другие процессы, развивающиеся на стыке естественнобиологического и общественного, приобретали непосредственное значение в развитии сельскохозяйственного производства и его социальной структуры. Особенно заметной роль этих процессов была в изменении численности крестьянских хозяйств и, как мы уже видели, размеров их землепользования. Причем результаты этих процессов были различны, часто противоположны. Одновременно происходили и соединения хозяйств, уменьшавшие их численность, и разделы, напротив, их умножавшие. С ними переплетались такие социально-экономические процессы, как выселение и ликвидация хозяйств (в связи с «раскрестьяниванием» и прежде всего переходом на жительство в город). Значение и взаимодействие этих разнородных процессов вскрываются данными динамических обследований одних и тех же селений и волостей («гнезд»), приведенных в 1924 и 1925 гг. и охвативших 583 214 хозяйств, т. е. 2,5% их общего числа (см. табл. 25).

В течение года те или иные процессы, определявшие изменение численности крестьянских хозяйств, охватили в разных районах от 3 до 10% хозяйств, имевшихся в момент первого обследования. Причем масштабы этих процессов возрастают по мере перехода от малоземельных районов к многоземельным; в Белоруссии — 2,9%, в потребляющей полосе — 5,6, в производящей полосе — 6,8, на Северном Кавказе — 8,6, в Сибири — 10,1% хозяйств. Вместе с тем районы, где интересующие нас процессы проходили интенсивнее, оказываются районами наибольшего классового расслоения, где полярные группы в крестьянстве были наиболее многочисленными. Сравнительно невысокий удельный вес делящихся хозяйств на Украине и в Белоруссии объясняется, на наш взгляд, значительным распространением участкового землепользования с характерным постоянством границ, затруднявшем возможность их изменения.

Прямая связь изучаемых процессов с социально-экономическим расслоением деревни подтверждается их нарастанием в полярных слоях — бедняцких, с одной стороны, и зажиточно-кулацких — с другой. Наиболее стабильными оказались именно середняцкие группы хозяйств: с посевом от 2 до 4 дес. в потребляющей полосе, в Белоруссии и на Украине, от 2 до 6 дес. в производящей полосе, на Северном Кавказе и в Сибири.

Таблица 25

Факторы изменения численности крестьянских хозяйств в 1924/25 г.,
в % к общему числу хозяйств *

Группа хозяйств по посеву в 1924 г.	Потребляющий район					Производящий район					Северный Кавказ				
	разделились	соединились	ликвидировались	временно выселились	всего подвергались изменениям	разделились	соединились	ликвидировались	временно выселились	всего подвергались изменениям	разделились	соединились	ликвидировались	временно выселились	всего подвергались изменениям
Без посева	0,2	1,2	8,5	5,1	15,1	0,4	1,9	10,8	6,2	19,5	0,9	1,6	14,1	2,3	19,0
С посевом до 2 дес.	1,5	0,6	1,5	1,4	5,1	1,0	1,3	2,0	2,6	7,1	1,2	1,1	3,8	1,1	7,3
С посевом от 2,1 до 4 дес.	3,4	0,3	0,8	0,4	4,9	2,0	0,6	1,0	1,2	5,0	1,8	0,9	2,5	0,7	6,0
С посевом от 4,1 до 6 дес.	5,6	0,2	0,5	0,2	6,6	3,6	0,4	0,8	0,8	5,7	2,9	0,7	1,6	0,5	5,8
С посевом от 6,1 до 10 дес.	8,7	0,3	0,6	0,2	9,8	6,6	0,3	0,6	0,6	8,3	4,5	0,6	1,4	0,3	6,9
С посевом от 10,1 до 16 дес.	6,7	—	—	—	6,7	10,8	0,5	0,4	0,5	12,6	7,3	0,4	1,2	0,2	9,3
С посевом от 16,1 до 25 дес.	25,0	—	—	—	25,0	12,2	0,6	0,7	0,6	14,4	10,2	0,5	2,5	0,2	13,4
С посевом свыше 25 дес.	—	—	—	—	—	12,0	0,4	0,4	0,4	14,8	12,5	—	5,0	—	17,7
В целом	2,5	0,5	1,4	1,2	5,6	2,9	0,8	1,4	1,5	6,8	3,0	0,9	3,8	0,8	8,6

Группа хозяйств по посеву в 1924 г.	Сибирь					Украина					Белоруссия				
	разделились	соединились	ликвидировались	временно выселились	всего подвергались изменениям	разделились	соединились	ликвидировались	временно выселились	всего подвергались изменениям	разделились	соединились	ликвидировались	временно выселились	всего подвергались изменениям
Без посева	0,9	3,4	15,8	5,9	26,6	0,4	1,4	9,9	2,4	14,2	—	0,5	7,8	1,5	9,8
С посевом до 2 дес.	1,6	1,5	4,1	1,9	9,4	0,6	1,5	1,6	1,0	4,8	0,4	0,8	0,9	0,5	2,6
С посевом от 2,1 до 4 дес.	3,6	1,0	2,0	1,0	7,9	1,2	0,7	1,0	0,4	3,3	1,1	0,3	0,5	0,2	2,1
С посевом от 4,1 до 6 дес.	5,7	0,5	1,2	0,8	8,5	2,7	0,5	1,3	0,4	5,0	2,7	0,6	0,3	0,1	3,9
С посевом от 6,1 до 10 дес.	7,9	0,8	1,0	0,9	10,9	3,7	0,6	1,5	0,3	6,2	5,5	0,4	0,4	0,2	6,5
С посевом от 10,1 до 16 дес.	12,4	0,2	1,0	1,0	14,8	6,3	0,5	1,8	0,3	9,0	5,0	1,3	1,3	—	7,6
С посевом от 16,1 до 25 дес.	12,9	—	1,2	—	14,1	8,4	0,4	1,5	—	10,5	16,7	—	—	—	16,7
С посевом свыше 25 дес.	26,3	5,3	—	—	31,6	10,4	—	2,1	—	12,5	16,7	—	—	—	16,7
В целом	3,5	1,2	3,5	1,6	10,1	2,0	0,8	1,7	0,6	5,2	1,3	0,5	0,8	0,3	2,9

* ЦСУ СССР. Статистический справочник СССР. 1927. М., 1927, с. 66—67, 70—71. В таблице опущена колонка „Соединилось и делилось“ ввиду незначительности ее данных: в потребляющем районе и в Белоруссии — 0,0% (т. е. меньше 0,1%), в производящем — 0,2%, на Северном Кавказе — 0,1%, в Сибири — 0,3%, на Украине — 0,1%. Однако в итоговой колонке „Всего подвергались изменениям“ эти данные учтены. В состав потребляющего района здесь включены Архангельская, Владимирская, Вологодская, Иваново-Вознесенская, Костромская, Ленинградская, Московская, Нижегородская, Новгородская, Псковская, Смоленская и Ярославская губернии. Производящий район составили Вятская, Курская, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Самарская, Саратовская, Сталинградская, Тамбовская и Тульская губернии, Уральская область, Башкирская АССР и АССР Немцев Поволжья.

Однако процессы, менявшие численность бедняцких и зажиточно-кулацких хозяйств были различными, часто противоположными по своим последствиям.

В бедняцких слоях резко преобладали процессы, уменьшавшие их численность, прежде всего ликвидация хозяйств, являющаяся прямым свидетельством «раскрестьянивания». Из беспосевных хозяйств, зарегистрированных в 1924 г., на протяжении года ликвидировались от 8 (Белорусская и потребляющая полоса) до 15% (Северный Кавказ и Сибирь). К ним нужно прибавить основную массу «временно выселившихся» хозяйств (от 1,5% до 6%), поскольку «временное» выселение крестьянской семьи являлось первым шагом на пути переселения в город. «Временность» выселения, как правило, оговаривалась лишь на случай неудачи, чтобы гарантировать право возвращения в село и получения земельного надела. Хозяйство же практически уже переставало существовать (хотя дом и усадьба могли сохраняться на протяжении ряда лет). К сокращению числа бедняцких хозяйств вело и их соединение главным образом в результате браков (среди беспосевных хозяйств соединилось от 0,5 до 2%). Однако оно вело не к «раскрестьяниванию», а, напротив, чаще всего к укреплению и подъему, к «окрестьяниванию».

Дробление бедняцких хозяйств — явление редкое. Здесь просто некому было делиться. Из беспосевных хозяйств за год разделилось от 0,2 до 0,9% (в Белоруссии среди обследованных хозяйств в 1924/25 г. вообще не было зарегистрировано случаев раздела беспосевных).

В итоге за год среди обследованных хозяйств число беспосевных сократилось в Белоруссии на 9,8%, на Украине — на 13,3, в потребляющей полосе — на 14, на Северном Кавказе — на 17,1, в производящей полосе — на 18,5, в Сибири — на 24,2%. Из исчезнувших беспосевных хозяйств ничтожная часть путем соединения поднималась вверх, основная масса просто ликвидировалась как хозяйства, пролетаризировалась.

Аналогичным было соотношение процессов, регулировавших численность крестьянских хозяйств, и в основной бедняцкой группе (с посевом до 2 дес.); и здесь дробление хозяйств — явление редкое (от 0,4 до 1,5%), и здесь решительно преобладают процессы, сокращавшие число хозяйств. Из хозяйств этой группы на протяжении года прекратили свое существование, т. е. главным образом пролетаризировались, в Белоруссии — 1,8%, в потребляющей полосе — 3,2, на Украине — 4,1, в производящей полосе — 5,2, на Северном Кавказе — 5,4, в Сибири — 6,7%.

Очень интересно соотношение и взаимодействие изучаемых процессов в хозяйствах с посевом от 2 до 4 дес. Там, где эти хозяйства оставались в основном бедняцкими, т. е. прежде всего в экстенсивно-зерновых районах, их сокращение в результате

ликвидации, выселения и соединения преобладало над увеличением в результате дробления (в производящей полосе и на Украине на 0,5%, на Северном Кавказе—на 1,8%) или не уступало ему (в Сибири). Напротив, в районах потребляющей полосы и в Белоруссии, где хозяйства с посевом от 2 до 4 дес. частично относились к средняцким, дробление начинает преобладать над другими процессами, изменявшими общее число крестьянских хозяйств (в потребляющей полосе на 2,1%, в Белоруссии — на 0,3%).

Решительное и повсеместное преобладание дробления над другими процессами, менявшими общую численность крестьянских хозяйств, получило в группе хозяйств с посевом от 4 до 6 дес., являвшейся типично средняцкой для всех районов страны. В потребляющей полосе разделилось 5,6% хозяйств этой группы, а прекратило свое существование 0,8%; в Белоруссии эти цифры относились как 2,7 к 0,7; в Сибири — как 5,7 к 2,2; в производящем районе — как 3,6 к 1,8; на Украине — как 2,7 к 2,0; на Северном Кавказе — как 2,9 к 2,5.

Чем более многопосевой являлась группа хозяйств, тем большая масса их подвергалась дроблению. Правда, вновь начинали нарастать и масштабы ликвидации хозяйств с тем существенным отличием, что их владельцы все в большей мере «раскрестьяниваясь» превращались не в пролетариев, а в торговцев или промышленников. Однако в зажиточно-кулацких группах разделы хозяйств неизменно и в огромной степени преобладали над их ликвидацией, выселением и соединением. Хозяйства, имевшие в 1924 г. от 6 до 10 дес. посева, в итоге взаимодействия всех этих процессов дали прирост в различных районах от 2,5 до 7,7%, хозяйства с посевом от 10 до 16 дес. — от 3 до 10,3%, хозяйства с посевом свыше 16 дес. — от 6,4 до 25%.

Анализ статистических данных середины 20-х годов целиком подтверждает наблюдения, сделанные еще в дореволюционное время: делятся преимущественно крупные хозяйства, принадлежавшие крупным семьям³⁵. В дроблении хозяйств проявлялись прежде всего демографические процессы, выражавшиеся в возникновении внутри крестьянской семьи новых семей, развитие которых неизбежно приводило к распаду старой большой семьи на самостоятельные ячейки.

Названное обстоятельство послужило исходным моментом для конструирования в трудах А. В. Чаянова, Н. П. Макарова и их последователей теории «демографической дифференциации» крестьянства³⁶, противостоящей марксистско-ленинской теории

³⁵ Хрящева А. И. Крестьянское хозяйство по переписям 1899—1911 гг. Епифанский уезд, ч. II. Тула, 1916, с. 62—77.

³⁶ Чаянов А. В. Очерки по теории трудового хозяйства. М., 1923 (1-е изд. вышло в 1912 г.); он же. Организация крестьянского хозяйства. М., 1925; Челинцев А. Н. Теоретические основания организации крестьянского хо-

социального развития. Согласно «организационно-производственной» теории, внутренняя структура и развитие крестьянского хозяйства определяются естественнобиологическими и демографическими факторами: половым и возрастным составом семьи, ее приростом. При этом решающим оказывается отношение едоков к работникам ($\frac{e}{p}$), выражающее возможности удовлетворения потребностей семьи, поскольку предполагается, что «размер русского крестьянского бюджета (а значит и хозяйства. — В. Д.) всецело определяется запросами потребления», что «крестьянский работник всегда доводит свою продукцию до определенного обычного уровня насыщения потребностей едоков»³⁷. Развитие техники земледелия, производительных сил совсем не принимается в расчет, поэтому продукция крестьянского хозяйства, а тем самым и его размеры должны расти пропорционально увеличению объема потребностей, т. е. опять-таки пропорционально росту отношения $\frac{e}{p}$. Динамика этого отношения составляет будто бы сущность бесконечно повторяющихся циклов в развитии крестьянских хозяйств.

Начало цикла кладет появление молодой семьи, состоящей из двух человек, и создание ею своего отдельного хозяйства. Это хозяйство мелко по размерам, плохо обеспечено средствами производства. Его-то и называют бедняцким. Однако в семье появляются дети, растет отношение $\frac{e}{p}$, что вынуждает расширять хозяйство, увеличивать его продукцию. Хозяйство становится средним по своей мощности. Его рост продолжается и тогда, когда в трудовую деятельность семьи включаются дети и, следовательно, отношение $\frac{e}{p}$ начинает сокращаться. Именно на этой стадии цикла крестьянская семья начинает прибегать к аренде земли и использовать машины, добываясь наибольшего расширения хозяйства и становясь зажиточной. «Растущая семья, используя преимущества сложной кооперации, развивает все большую и большую площадь эксплуатации, параллельно умножая свою мощь применением сложных машин», — писал Чаянов. Лишь в этой связи он вскользь отмечает, что «размер хозяйственного имущества, качество и количество надела и, наконец, просто личные качества хозяина обуславливают некоторую экономическую дифференциацию крестьянского хозяйства»³⁸. Однако признание «некоторой» экономической дифференциации крестьянства в схеме Чаянова не имело реального значения.

зьяства. Харьков, 1919; Макаров Н. П. Крестьянское хозяйство и его эволюция, т. I. М., 1920; и др.

³⁷ Чаянов А. В. Очерки по теории трудового крестьянского хозяйства, с. 32, 117—118. Ср. он же. Организация крестьянского хозяйства, с. 45—46, 48.

³⁸ Чаянов А. В. Очерки по теории трудового крестьянского хозяйства, с. 87.

Завершающая стадия цикла: подросшие дети организуют новые молодые семьи. Крупное, зажиточное хозяйство распадается на ряд мельчайших, бедных. Начинается новый цикл³⁹.

Таким образом, сущность развития крестьянского хозяйства, по утверждениям теоретиков мелкобуржуазной школы Чаянова, сводится к непрерывному и неизменно воспроизводящему себя демографическому процессу, различными стадиями которого и объясняются в конечном итоге различия между крестьянскими хозяйствами.

Теория Чаянова и его коллег, таким образом, игнорировала социально-экономические закономерности общественного развития. В резком противоречии с действительностью находились все исходные положения этой теории: и попытка представить главным фактором развития крестьянского хозяйства «насыщение потребностей едоков», и попытка в условиях товарного производства измерять объем потребностей семьи числом едоков, т. е. биологических единиц. Затусhevывались принципиально важные различия в содержании и объеме потребностей батрацких, бедняцких, середняцких и кулацких семей, точно так же, как и в способах удовлетворения этих потребностей. Для этой теории не существовало вопроса о том, как сказывался на отношении $\frac{e}{p}$ в бедняцких хозяйствах уход на заработки по найму, а в зажиточных хозяйствах наем работников.

Конечно, в 20-х годах XX в. трудно было совсем не замечать такие явления как товарное производство и капитализм, начисто отрицать значение распределения средств производства и других факторов классового расслоения крестьянства. Теоретики неонароднической школы выходили из затруднительного положения с помощью довольно простого приема: они объявили все эти явления внешними, считали их факторами воздействия на крестьянское хозяйство внешней социальной среды и поэтому нехарактерными, малосущественными. В отличие от «внешних» социальных процессов дробление и соединение крестьянских хозяйств, их выселение и вселение, наконец, их ликвидация были названы «социально-органическими» процессами, что должно было подчеркнуть их решающую роль.

Уже в 20-х годах в работах аграрников-марксистов С. М. Дубровского, Л. Н. Крицмана, М. Н. Кубанина и ряда других концепция «демографической дифференциации» и особой роли «социально-органических процессов» была подвергнута сокрушительной критике⁴⁰. При этом была выполнена значи-

³⁹ Чаянов А. В. Организация крестьянского хозяйства, с. 20—26, 189—198.

⁴⁰ Дубровский С. М. Мелкобуржуазные теории аграрной эволюции. — «Большевик», 1924, № 3—4; Верменичев И. Д. Классовое расслоение и классовые позиции буржуазных и мелкобуржуазных теоретиков. — «На аграрном фронте», 1927, № 7; Крицман Л. Н. Современная мелкобуржуазная политическая экономия. Предисловие к книге А. Чаянова «Очерки по тео-

тельная исследовательская работа по выяснению социальной сущности и социальных последствий дробления крестьянского двора. Но вместе с тем в работах, принадлежавших школе Л. Н. Крицмана, с характерными для нее прямолинейностью и все упрощающим схематизмом доказывалось, что внутри крестьянского двора проявляются те же противоречия, что и между крестьянскими дворами: антагонизм и эксплуатация. «Не существует никакого принципиального различия между характером внешних взаимоотношений крестьянских дворов друг с другом и с внешней общественной средой вообще и характером внутренних взаимоотношений крестьянского двора», — писал Л. Н. Клицман в предисловии к книге М. И. Кубанина, утверждая, что последняя разрушила иллюзии об «идиллии крестьянского двора» точно так же, как в свое время марксистская литература разоблачила народническую идиллию крестьянского мира (общины) ⁴¹.

М. И. Кубанин приходил к выводам о том, что в условиях товарного производства рост крестьянского хозяйства ведет к все большему противопоставлению его главы, другим членам двора, к нарастанию экономического неравенства внутри семьи. В зажиточной среде дворохозяин постепенно приобретает черты предпринимателя, а другие члены двора все больше и больше низводятся на положение рабочих. «...Так как распорядителем всего инвентаря, труда членов семьи и всех доходов отдельных членов семьи является домохозяин, — писал Кубанин, — то последний постепенно начинает перерастать из организатора производства, из администратора семьи-коммуны в предпринимателя, где эксплуатируемыми являются члены его семьи» ⁴². Между эксплуататором-отцом и эксплуатируемыми-детьми нарастали противоречия, начиналась борьба, которая заканчивалась разделом хозяйства и обособлением дочерних семей от материнской ⁴³.

Эта упрощенная схема подверглась критике со стороны других аграрников-марксистов. С. М. Дубровский весьма язвительно высмеял схему Л. Н. Крицмана и М. И. Кубанина, предложив им выдвинуть лозунг: «Пролетарии и кулацкие сыновья, объединяйтесь!» ⁴⁴. Не будучи в состоянии объяснить единство социального облика всех поколений кулацких семей и отсутствие внутри

рии трудового крестьянского хозяйства». М., 1923; *он же*. О внутренних противоречиях крестьянского двора. Предисловие к книге М. Кубанина «Классовая сущность процесса дробления крестьянских хозяйств». М., 1929; *Кубанин М. И.* Классовая сущность процесса дробления крестьянских хозяйств. М., 1929.

⁴¹ *Крицман Л. Н.* О внутренних противоречиях крестьянского двора. — В кн.: Пролетарская революция и деревня, с. 505.

⁴² *Кубанин М. И.* Классовая сущность процесса дробления крестьянских хозяйств, с. 62.

⁴³ Там же, с. 62—63, 100—103 и др.

⁴⁴ Труды Первой Всесоюзной конференции аграрников-марксистов. 20—27 XII — 1929, т. I. М., 1930, с. 330—334.

них классовой борьбы они должны были исключить кулачество из своей схемы. Утверждалось, что противоречия между дворохозяином, превращающемся в предпринимателя, и членами двора, превращающимися в рабочих, наибольшей остроты достигают в тех дворах, где семейная кооперация достигла высокой степени развития, но «еще в основном не переросла в капиталистическую». Если же двор миновал эту «кульминационную фазу», то перерастание семейной кооперации в капиталистическую ведет к ослаблению его внутренних противоречий. «Новое противоречие между дворохозяином и членами его двора, с одной стороны, и нанимаемыми им рабочими — с другой, снимает прежнее внутреннее противоречие между дворохозяином и членами двора»⁴⁵, — утверждал Л. Н. Крицман. Внутренние противоречия двора в бедняцких хозяйствах также снимаются внешними противоречиями, т. е. противоречиями между семьей и ее эксплуататорами.

Таким образом, спасаясь от одного противоречия, Крицман и Кубанин впадали в другое, не менее глубокое: антагонистические противоречия между эксплуататорами и эксплуатируемыми раздирали, оказывается, именно середняцкие семьи, поскольку они не эксплуатировали других и сами не эксплуатировались другими.

Вместе с тем в работах Л. Н. Крицмана и М. И. Кубанина имелось немало верных и существенных наблюдений, сделанных на основе конкретного материала, на которые может опереться позднейший исследователь. Следует отметить также значительный вклад в разработку проблемы дробления крестьянских хозяйств А. И. Хрящевой.

Дробились по преимуществу многосемейные хозяйства, где внутри большой материнской семьи сложились молодые, дочерние семьи. Не видеть, а тем более отрицать демографическую основу этого процесса значило бы отказаться от понимания его сущности и закономерностей. Однако эти демографические явления прямо и непосредственно сказывались на развитии частнособственнического хозяйства, поскольку при отсутствии майората раздел семьи означал раздел хозяйства. Особенно сильно дробление и соединение семей влияли на развитие мелкого крестьянского хозяйства, в условиях которого семья являлась самостоятельной производственной микроячейкой. Раздел крестьянской семьи определял экономическое и социальное будущее ее членов и поэтому, как правило, проходил в обстановке резкого столкновения материальных интересов, очень часто принимавших характер скандала и даже физической драки. «Идиллии» не было, но это стало известно задолго до книги

---

⁴⁵ Крицман Л. Н. Указ. соч. — В кн.: Пролетарская революция, и деревня, с. 509.

М. И. Кубанина: достаточно напомнить полотно В. М. Максимова «Семейный раздел», написанное еще в 1876 г.

Действительную ценность в книге Кубанина представляет конкретная картина обстановки внутри крестьянского двора, нарастания внутрисемейных противоречий накануне его раздела. В книге широко использованы материалы анкетного обследования обстановки внутри крестьянского двора, проведенного Коммунистической академией в январе — марте 1926 г. Обстоятельная характеристика полученного в результате обследования анкетного материала была дана одним из его организаторов — Н. Семеновым⁴⁶.

Анкеты были получены из 45 деревень, расположенных в разных районах страны. Их число недостаточно для статистической обработки, но тем не менее как свидетельства очевидцев, чаще всего самих крестьян (анкеты заполнялись селькорами), они позволяют конкретно представить систему отношений внутри крестьянского двора как производственного коллектива, систему отношений в семейной кооперации.

Анкеты вполне подтверждают наблюдение, сделанное по статистическим материалам. — наиболее распространенным и типичным в середине 20-х годов был односемейный крестьянский двор — двор современной малой семьи. Но анкеты показывают и степень распространенности многосемейных дворов, точнее, дворов, население которых составляло чаще всего большую патриархальную семью, но иногда и группу неразделившихся родственных семей (например, семей братьев). В центральных фабрично-заводских районах таких встречалось по двору — по два на селение. Иное дело — земледельческие районы, а также северные и восточные окраины. В волостном селе Полом Глазовского уезда Вотской АО из 156 дворов 12 были многосемейными, в селе Сосновка Бековской волости Сердобского уезда Саратовской губернии — из 140 дворов 10, в селе Ункасово (волостной центр) Сасовского уезда Рязанской губернии — из 227 дворов 8, в селе Старо-Кленское Раненбургской волости (и уезда) той же губернии — из 1066 дворов 100, в селе Семновка Инжавинской волости Кирсановского уезда Тамбовского уезда — из 208 дворов 10, в слободке Подгорное Россошанского уезда Воронежской губернии — из 1042 дворов 200, в деревне Долбилово Паюсовской волости Болховского уезда Орловской губернии — из 128 дворов 44, а в селе Сарай-Гир Абдулинской волости Бугурусланского уезда Самарской губернии из 480 дворов многосемейными были 286⁴⁷. Как правило, многосемейные

⁴⁶ Семенов Н. Крестьянский двор по материалам пробного обследования быта и правовых отношений крестьянского двора, произведенного Секцией права и государства Комкакадемии в январе — марте 1926 г. — «Революция права», 1927, № 1, с. 184—198.

⁴⁷ Там же, с. 185, 186.

дворы характеризовались в анкетах зажиточными: они имели больше земли и рабочих рук, им было легче обрабатывать землю⁴⁸.

Дробились, естественно, именно многосемейные дворы (если не говорить о разделе хозяйства при разводе супругов). Однако одновременно часть односемейных дворов превращалась в многосемейные. Поэтому ни численность, ни фамильный состав многосемейных дворов не были строго постоянными. И тем не менее состав многосемейных дворов изменялся далеко не с той скоростью, с какой происходило дробление старых и образование новых. Как покажет дальнейшее изложение, в бедняцких и мало-мощно-средняцких слоях населения многосемейные дворы распадалась фактически в тот момент, когда они возникали. Сохранение многосемейного двора предполагало определенную степень зажиточности. В довольно бурном и быстром потоке возникающих и исчезающих многосемейных дворов имелась вертикальная струя, если не постоянно, то длительно сохраняющихся и воспроизводящихся — это были крупные зажиточные дворы.

Во главе двора стоял, как правило, старший по возрасту, но еще работоспособный мужчина. Однако власть и авторитет старших по возрасту, как и стариков вообще, были уже не столь исключительными, как в дореволюционное время. Анкеты повсеместно отмечали факты замены неработоспособных или неразбравшихся в современной хозяйственной обстановке стариков молодыми мужчинами, а иногда и женщинами. Как говорилось в анкете из села Старо-Кленского Рязанской губернии, «в этих случаях домохозяйин постепенно отклоняется от руководства, в то же время наиболее энергичный и способный член семьи невольно, механически втягивается все больше и больше в руководство хозяйством. Таким образом, смена домохозяйина происходит постепенно, явочным порядком, с молчаливого согласия всех членов семьи, но без собраний и без официального обсуждения кандидатуры домохозяйина», «юридически никакого оформления нового домохозяйина не производится», он «заносится в списки домохозяев без всякого заявления со своей стороны тогда, когда сельская власть убеждает, что фактическим домохозяйином является он»⁴⁹. Так же отвечает на вопрос о домохозяйине и содержание анкеты из деревни Большой Вахневской Черевковского района Сольвычегодского уезда Северо-Двинской губернии⁵⁰. Часто такая замена происходила только фактически. Номинальным домохозяйином продолжали числить старика. Делалось это «из-за уважения», «чтобы потешить старика», чтобы «не обижать». Однако имелись и более веские причины: боязнь раздоров между братьями и их женами, неохотно подчинявшимся «большаку» или «большухе».

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же, с. 186.

⁵⁰ Там же, с. 186, 187.

Женщина редко была домохозяйкой: при вдовстве, при тяжелой болезни мужа-домохозяина, при систематическом уходе его на длительное время в отхожие промыслы или неисправимом пьянстве и мотовстве. Интересно, что многие анкеты отметили случаи, когда домохозяином в многосемейном дворе становился младший брат. Обычно это был отслуживший красноармеец, грамотный и хорошо разбирающийся в законах, в текущих событиях⁵¹. Советская действительность начинала влиять и на отношения в крестьянской семье, отличавшихся особенной консервативностью.

Попытки ввести выборность домохозяина всеми взрослыми членами двора не дали практических результатов. «Никаких выборов, голосований при этом (при смене домохозяина. — В. Д.) не бывает. Мне даже смешон этот вопрос. Происходит это стихийно» (село Хатьшево Бежецкой волости Бежецкого уезда Брянской губернии). Смена домохозяина происходит «постепенно», «само собой» (село Старо-Кленское Рязанской губернии)⁵². Только в случаях расточительства, пьянства и хулиганства домохозяина смена его происходит в принудительном порядке через сельсовет, волисполком или суд. Инициатива в таком случае может исходить как из семьи, так и со стороны — от земельного общества, сельсовета, соседей. Описание этой процедуры дала анкета по деревне Барановицы Верхне-Межевской волости Кологривского уезда Костромской губернии: «Члены семьи подают заявление в ВИК, который через сельсовет выясняет положение дела путем проведения общего собрания в селении и прислушиваясь к голосу односельчан. Если факт подтвердится, что он нерадивый и расточитель хозяйства, тогда ВИК его своим постановлением отстраняет»⁵³.

Советский закон предоставил всем членам двора равные права на долю земельного надела и на имущество. Реальность имущественных прав членов двора обеспечивалась возможностью во всякое время потребовать раздела хозяйства (статьи 67, 71, 73—75 Земельного кодекса РСФСР⁵⁴). «И на меня земля есть...», — заявляют, по свидетельству анкет, домохозяину члены семьи при столкновениях и спорах⁵⁵. Это, разумеется, не могло не сказаться на поведении домохозяев и на их отношениях с взрослыми членами семьи в хозяйственных делах. К сожалению, анкеты далеко не всегда дифференцировали свои ответы о правах домохозяев в односемейных и в многосемейных дворах. Между тем совершенно очевидно, что различия здесь весьма существенны. В односемейных дворах, особенно при несовершен-

⁵¹ Там же, с. 186, 187—188.

⁵² Там же, с. 188.

⁵³ Там же, с. 189.

⁵⁴ СДЗЗ, с. 162.

⁵⁵ Семенов Н. Указ. соч.— «Революция права», 1927, № 1, с. 198.

нолетних детей, домохозяин, будучи и главой семьи, и основным работником, распоряжался всем единолично (как правило, все же советуясь с женой). Иное дело много семейные дворы, имевшие нескольких взрослых работников, занятых в едином хозяйстве и часто равноценных по объему, характеру и эффективности трудовых затрат, но в то же время уже имевших и свои особые интересы. «Валовая» оценка анкетных ответов (без учета указанного различия) в книге М. И. Кубанина отчасти объясняет крайность его выводов о единоличном, почти деспотически произвольном управлении домохозяином, что будто бы и порождает антагонизм в отношениях между отцами и детьми в крестьянских семьях⁵⁶. Любопытно, что, приводя высказывания анкет, подтверждающих свою концепцию, М. И. Кубанин вовсе не цитирует противоречащие ей высказывания — высказывания о том, что, намечая работы, распоряжаясь продуктами и деньгами, домохозяин советуется со всеми взрослыми членами двора. Приведем и те, и другие в том объеме, в каком они дошли до нас.

«Вопрос вообще коллективно решается всеми взрослыми членами двора во время обеда или чая», — утверждала анкета из деревни Овчинники Касимовской волости (того же уезда) Рязанской губернии. Вот ответ из села Романовка Федоровского кантона на Нижней Волге: «Распоряжаются коммунально все правомочные в семействе». А вот анкета из села Сарай-Гир Самарской губернии: «Отчуждение продуктов сельского хозяйства и животноводства и других доходов и расходов решается всеми членами двора, а не домохозяином. Домохозяин всегда советуется с семьей, а иногда семья понуждает домохозяина сделать то или другое». Такого же рода сообщения содержались в анкетах из деревни Долбилово Орловской губернии, деревни Рождествино Популенской волости Меленковского уезда Владимирской губернии, из деревни Юльевка Запорожского района (того же округа) УССР, из деревни Малюшин Краснопольского района Калининского округа БССР⁵⁷.

Анкета из станицы Иловлинской Сталинградского уезда (и губернии) рисовала более сложную картину: «В некоторых дворах такие вопросы решаются с общего согласия всех членов двора, т. е. советуются все, что нужно продать и что купить, а в некоторых делается так: старший двора, т. е. домохозяин, отдает распоряжение, что нужно продать из хозяйства и что купить. Такой порядок был и до Октябрьской революции».

Из деревни Барсуки Григорьевской волости Зарайского уезда Рязанской губернии писали: «Отчуждение продуктов разных наименований всегда находится в прямой зависимости от домохозяина. Отчуждение бывает с согласия членов двора и без согласия, но получаемый доход поступает на те надобности, кото-

⁵⁶ Кубанин М. И. Указ. соч., с. 52—57 и др.

⁵⁷ Семенов Н. Указ. соч. — «Революция права», 1927, № 1, с. 190.

рые касаются не только домохозяина, но и всех членов двора. Бывает, конечно, и обратное явление, но это всегда связано с неприятностями между членами двора».

«В большинстве случаев все эти вопросы решает домохозяин и в несчастных случаях советуется со взрослыми членами семьи» (деревня Барановицы Костромской губернии).

«Решает вопрос об отчуждении дохода на сторону от сельского хозяйства домохозяин один» (село Подворье Балашовского уезда Саратовской губернии).

«Отчуждение на сторону решает домохозяин единолично; в иных случаях одобряет предложения, вносимые членами семьи, если же домохозяин не одобряет вносимые предложения, то вопрос обсуждается коллективным порядком, где перевес в большинстве случаев имеет глава семейства...» (село Ункосово Рязанской губернии)⁵⁸.

Во всех этих случаях не ясно, имеются ли в виду только многосемейные дворы или речь идет о всех дворах вообще. Но если даже процитированные высказывания отнести целиком к многосемейным дворам, все равно картина получится более сложная: роль главы — домохозяина велика, но отнюдь не равносильна роли единоличного властителя, распорядившегося по своему усмотрению имуществом семьи и личностью ее членов.

К тому же нужно учитывать, что во внешних отношениях двора домохозяин должен был выступать как его глава и полноправный, ответственный представитель. При заключении сделок закон (и обычай), как правило, не требовал от домохозяина подтверждения его полномочий, доверенности от других членов двора. И, напротив, такое подтверждение требовалось, если в сделку вступал от имени двора его рядовой член, а не домохозяин. Очень подробно эта сторона дела освещена анкетой из деревни Покровка-3 Давлекановской волости Белебеевского кантона Башкирской АССР:

«Все сделки заключает домохозяин и если, например, берет пшеницы в долг у зажиточного, то тот не спрашивает, согласны ли остальные члены двора». «...Если член двора (полноправный, не домохозяин) хотел бы сделать какую сделку, то ему и не поверят. Например, я жил с отцом вместе, отец — домохозяин послал меня спросить на одну неделю денег взаймы, но мне не дали, говоря, что пусть сам придет, а то, может быть, ты от себя». Такую же позицию в подобных случаях занимали и государственные учреждения: «...если член двора полноправный вздумал взять в кредит в кооперативе что-нибудь, то ему сельсовет не выдаст документ, оговорив — нельзя, я тебе выдам удостоверение, ты купишь машину, а потом ее продашь, а деньги растратишь. К вам в дом придут с оплатой, а там скажут «мы не брали» — и, значит, сельсовет отвечай»⁵⁹.

⁵⁸ Кубанин М. И. Указ. соч., с. 54—55.

⁵⁹ Семенов Н. Указ. соч. — «Революция права», 1927, № 1, с. 195, 196.

Нарушение интересов членов двора было одной из распространенных причин семейных разделов, что само по себе служило фактором, ограничивавшим власть домохозяина. Однако пока речь шла о текущих сделках, не затрагивавших сразу благополучия двора в целом, «единоличные» действия домохозяина ничего еще не говорили о порядках в его семье и были оправданы объективными требованиями оперативности и персональной ответственности. Иное дело — крупные сделки, исход которых мог существенно повлиять на жизнь двора. В этих случаях кооперация и госорганы, как правило, требовали доверенности от имени всех полноправных членов двора, а в ряде случаев и поручительства всем имуществом. Анкеты отметили, что крупные сделки между частными лицами также начали оформляться письменно, причем, «письменный договор заключает обязательно домохозяин... часто с участием братьев». Или еще: «В обмене усадьбами принимают участие, помимо домохозяина, все взрослые члены двора» (село Старо-Кленское Рязанской губернии)⁶⁰.

Коллективное начало в жизнедеятельности крестьянского двора, всегда существовавшее, в советских условиях резко усилилось и в ряде отношений приобретало определяющее значение. Однако действительная роль семейного коллектива была далеко не одинаковой в хозяйствах разных социальных групп деревни. Почти $\frac{2}{3}$ анкет (27 из 42, содержащих ответ на соответствующий вопрос) отметили существенные различия в отношениях членов двора и особенно в управлении хозяйством у бедняков, середняков и кулаков. Причем почти во всех случаях высказывания носят совершенно определенный характер, не допускающий двойного толкования:

«В хозяйстве бедняка обыкновенно полная демократия, советы и предложения вносят все члены. В середняцких хозяйствах — строгое руководство домохозяина, а у зажиточных, у кулацких — безоговорочное выполнение приказов главы семьи» (село Сосновка Саратовской губернии).

«В богатом хозяйстве хозяин есть начальник, а в бедном все как бы равны: и жена, и дети, если есть взрослые» (село Хатьшево Брянской губернии).

«Режим у бедняков слабый, самоуправляющийся, у середняков вроде этого же, у зажиточных чувствуется почитание старших, у кулаков железные права» (деревня Большая Вахневская Северо-Двинской губернии).

«Разница есть, особенно в зажиточных семьях, где отговорки не имеют места, сказано и делай, в бедняцких можно встретить случаи, когда сын уговаривает отца, разъясняет, что делать того или другого не надо и тот соглашается» (волостное село Крапивное Тейковского уезда Иваново-Вознесенской губернии).

---

⁶⁰ Там же, с. 195.

«В бедняцких хозяйствах не ведется твердой линии со стороны хозяина двора, в середняцком хозяйстве более твердая линия в руководстве, а в зажиточном и кулацком хозяйствах домохозяин имеет диктаторские права» (Вогнемская волость Кирилловского уезда Череповецкой губернии) ⁶¹.

Интересно, что в крупном кулацком хозяйстве деятельность домохозяина все больше сводилась к руководству и распоряжению: он «менее работает, более разъезжает по разным хозяйственным делам, частенько погуливает и выпивает» (село Сарай-Гир Самарской губернии) ⁶².

Анкеты содержат и весьма характерные объяснения различий в строе отношений внутри дворов и в положении домохозяев — бедняков, середняков и кулаков.

«Юридические права домохозяев одинаковы, — говорилось в анкете из села Старо-Кленского Рязанской губернии. — Но реальные, фактические права у домохозяина тем значительней, чем зажиточнее хозяйство. Это объясняется тем, что в зажиточных хозяйствах члены двора более зависимы от хозяина, ценят его и потому более послушны домохозяину».

«Бедняк еще мало руководит хозяйством, а смотрит, где бы подзаработать, середняк стремится поддержать мощь хозяйства, зажиточный стремится, чтобы выкинуть из производства на рынок, а кулак накапливает», — поясняет автор анкеты из деревни Барановицы Костромской губернии. Аналогичное суждение высказывается и в анкете из села Барсуки Рязанской губернии: «Разница в правах у домохозяина-бедняка с домохозяином-кулаком громадная: у первого права в различных случаях жизни сводятся на нет, ему члены двора по его бедности не подчиняются, кулак же, в силу своего богатства, в правах всегда силен и могуч» ⁶³.

Классовая принадлежность крестьянского двора сказывалась, таким образом, на многих отношениях между его членами, определяла степень власти домохозяина над имуществом и над домочадцами. Однако это вовсе не говорило о том, что в крестьянских хозяйствах накопление «в первую очередь идет путем эксплуатации своей семьи» домохозяином ⁶⁴, что установленная Марксом и Лениным двойственность природы и самоэксплуатация мелкого крестьянина персонафицируется и принимает форму эксплуатации семьи ее главой. Точно так же отмеченные выше различия внутрисемейных отношений в бедняцких, середняцких и кулацких дворах вовсе не означали, что «сама семейная кооперация, — как утверждал Л. Н. Крицман, — ...принимает характер капиталистической», что она исчезает, превращаясь в ка-

⁶¹ Кубанин М. И. Указ. соч., с. 65—66.

⁶² Семенов Н. Указ. соч. — «Революция права», 1927, № 1, с. 190—191.

⁶³ Кубанин М. И. Указ. соч., с. 66.

⁶⁴ Там же, с. 67.

питалистическую⁶⁵. Семейная кооперация сохранялась до тех пор, пока хозяйство велось семьей, двором как целым. В зажиточно-кулацком хозяйстве семейная кооперация становилась «базисом» капиталистической кооперации, но не исчезала, поскольку оно оставалось связанным с крестьянством, в частности «личной физической работой в своем хозяйстве»⁶⁶. Не случайно авторы 15 анкет не видели различий во внутрисемейных отношениях дворов разной социальной принадлежности. Как показано выше, различия имелись, но, чтобы разглядеть их за общими чертами, нужно было обладать известной остротой взгляда.

Патриархальные формы эксплуатации по своему существу отличались от эксплуатации рабочих предпринимателями, хотя подчас оказывались более грубыми и беспощадными. Не они определяли классовую принадлежность членов двора и систему их социально-экономических отношений.

Обратимся к материалам анкет о доходах крестьянского двора и их использовании.

«Нет таких семей, чтобы отдельные члены имели особые от двора доходы или имущество, — утверждалось в анкете из села Сарай-Гир Самарской губернии. — Весь заработок идет в общее хозяйство двора, а ежели где бывает так, что член двора заработок не отдает в пользу двора, то благодаря этому происходит семейный раздел».

«От земледельческих доходов в многосемейных дворах накопления отдельных средств нет и допускаемо быть не может, так как это повлечет за собой раздел», — писали из Вогнемской волости Череповецкой губернии.

«Никак не возможно при земледельческом хозяйстве накопить отдельные средства», — утверждал корреспондент из села Атмис Нижне-Ломовского уезда Пензенской губернии.

«Накопление всего идет в общий котел, — говорилось в анкете из слободки Подгорное Воронежской губернии, — даже в случае, если отдельный домохозяин находится на заработке. Там, где эти доходы откладываются отдельно, многосемейные дворы распадаются».

«Таких явлений нет, — гласил ответ из села Львовка Аркадской волости Балашовского уезда Саратовской губернии, — и домохозяин допустить не может; а если бы данная семья и стала это допускать, несмотря на запрещение домохозяина, то это вызовет конфликт и раздел двора».

«Накопление средств от земледельческих доходов отдельными членами многосемейных дворов, если и бывает, то тайком, без ведома домохозяина», — сообщали из деревни Долбилово Орловской губернии.

⁶⁵ Крицман Л. Н. Указ. соч. — В кн.: Пролетарская революция в деревне, с. 510.

⁶⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 174—175.

Индивидуалистические устремления, в которых проявляла себя мелкособственническая натура одиночника, усиливались, когда под одной крышей оказывались уже сложившиеся мелкие семьи. «В односемейных дворах все полностью идет в общий котел, а в многосемейных частица скрывается и бережется на всякий случай, имея основанием, конечно, раздел» (село Крапивное Иваново-Вознесенской губернии)⁶⁷.

Приобретение членом двора на индивидуально заработанные деньги необходимой одежды и обуви для себя, жены и детей, как правило, не считалось нарушением коллективных интересов двора. В местах развитого отхода на заработки за членами двора, постоянно работавшими на стороне, признавалось право тратить на себя и свою семью до половины заработанного⁶⁸. Однако это превращение тайного в явное, это признание практики означало, что центробежные тенденции уже вырвались наружу, что раскол двора стал фактом и до юридического признания этого факта ждать осталось недолго. Дворы с промысловыми заработками на стороне были наиболее дробящимися: факт, установленный еще на дореволюционном материале и вполне подтверждаемый материалами 20-х годов XX в.⁶⁹

Центробежные тенденции в семье с момента образования внутри нее дочерних семей были неизбежны. У каждой молодой семьи были свои, особые, частные материальные интересы, сталкивающиеся и с частными интересами других молодых семей, и с общими интересами пока еще одной материнской семьи. Однако это не было столкновение интересов рабочих (рядовых членов семьи) и предпринимателя (домохозяина). Здесь сталкивались интересы мелких собственников. А. И. Хрящева в полемике с М. И. Кубаниным и Л. Н. Крицманом с полным знанием действительного положения вещей писала, что внутри крестьянской семьи идет борьба не «за освобождение», а «за собственность»⁷⁰.

Основные конфликты в крестьянской семье — на какой бы стадии материального благосостояния она ни находилась, — порождались противоречиями из-за использования доходов и распределения трудовой нагрузки. И решались эти противоречия на пути обособления молодой семьи в самостоятельное мелкое хозяйство. Конечно, разделы хозяйств происходили и в результате развода супругов, и в результате стремления зажиточных семей уменьшить тяжесть налогового обложения, которое строи-

⁶⁷ Семенов Н. Указ. соч. — «Революция права», 1927, № 1, с. 192—193; Кубанин М. И. Указ. соч., с. 56.

⁶⁸ Семенов Н. Указ. соч. — «Революция права», 1927, № 1, с. 194.

⁶⁹ Хрящева А. И. Крестьянское хозяйство по переписям 1899—1911 гг. Епифанский уезд, ч. II, с. 65—68; она же. Условия дробности крестьянских хозяйств. — «Экономическое обозрение», 1928, № 9, с. 97—100.

⁷⁰ Хрящева А. И. Условия дробности крестьянских хозяйств. — «Экономическое обозрение», 1928, № 9, с. 108.

лось по принципам подоходного. Однако мы рассматриваем процесс дробления крестьянских хозяйств в собственном значении. И он предстает перед нами именно как результат столкновения мелкособственнических, индивидуалистических интересов и устремлений.

Не случайно и однозначное решительное осуждение трудовой моралью деревни фактов скрытого индивидуального накопления в многосемейных дворах. Анкеты из разных мест страны в этом отношении весьма единодушны:

«Поскольку в семье нет разных карманов, постольку она и семья, а как только начинают таить всяк в свой карман, то и знай, что завтра раздел. Таких случаев подряд...».

«Если кто-либо из членов семьи, исключая хозяина или хозяйку, самовольно, без их веденья сделает какой-либо расход, хотя бы он это и сам где-нибудь на стороне заработал, то это уже не семья, от такой семьи и добра не жди...».

«Вроде уж кражи выходит...».

«...Домохозяин у нас никакими преимуществами не пользуется. Только разве что утаит, точно не покажет, негодяй»⁷¹.

Материальные интересы мелкого собственника пробивали, конечно, шаткие преграды традиционной морали. Но в данном случае важно отметить, что и в середине 20-х годов крестьянский двор рассматривал все заработки своих членов как свой доход и оказывал упорное сопротивление выделению индивидуальных заработков из общего котла.

Личной собственностью членов двора практически считались только одежда и обувь. Все остальное являлось общей собственностью двора и подлежало разделу, когда двор дробился. И в этих вопросах анкеты чрезвычайно единодушны:

«Личным считается: одежда, обувь. Остальное общим. Приданое в раздел не входит (ни при разделе, ни при разводе)».

«Общее имущество то, которое нажито для общего пользования, а личное такое, которое пользуется только лично одним членом двора и приобретено только для него. Приданое считается имуществом общего пользования и при разделе во внимание не берется» (Вогнемская волость Череповецкой губернии).

«Личным считается одежда, а также «собина». Некоторые члены двора имеют пару овец или телочку, это не входит в раздел. В зажиточных семьях «собина» иногда доходит до коровы и 5 штук овец» (деревня Покровка-3 Башкирской АССР).

«Личным имуществом при разделе считается только одежда, обувь и белье (у женщин — заготовленная ткань). Остальное все считается общим. Приданое тоже считается общим имуществом двора за исключением одежды, обуви, белья и приведенного с собой скота, если со дня выхода замуж прошло не больше 2-х лет» (деревня Долбилово Орловской губернии).

⁷¹ Семенов Н. Указ. соч. — «Революция права», 1927, № 1, с. 194.

«Приданое возвращается. Ничего из остального личным не считается, все идет в раздел, если она выходит со двора вскоре после вступления в брак; если же она пробыла во дворе 5—6 лет, то обычно приданое сливается с общим имуществом, и она наделяется как рядовой член на общих основаниях. Если у отца есть пасека, то при разделе и она тоже поступает в делимое имущество. Так, пасека, на которой работал только отец, независимо от завещания, делится между братьями по ульям» (село Хатьшево Брянской губернии) ⁷².

* * *

Исследование процедуры и процесса раздела крестьянского двора не входит в состав задач данного исследования. Обратимся сразу к экономическим и социальным последствиям дробления крестьянских дворов.

Возникновение и нарастание противоречий и центробежных тенденций в крестьянской семье, как правило, приводило к ослаблению хозяйства еще до раздела. Делящиеся хозяйства, к какой бы группе по своим размерам они не относились, являлись технически и экономически более слабыми, чем сохранявшиеся хозяйства соответствующих групп. При большем числе работников делящиеся хозяйства относительно меньше имели средств производства. Они отличались большим недосевом, о чем свидетельствовал повышенный удельный вес пара в пашне, заметным увеличением потребительских культур в посевных площадях и т. п. ⁷³ С возникновением внутри материнской семьи дочерних появлялись тенденции к разделу, а вместе с тем начиналось и обособленное накопление в молодых семьях (хотя бы и потаенное), уменьшавшее объем вложений в пока еще единое хозяйство и обрекавшее его на застой или упадок.

Раздел существенно изменял размеры крестьянского хозяйства и обеспеченность его средствами производства. Соответственно менялось место разделившихся семей в социальной структуре села и система их социально-экономических отношений. В условиях товарного производства имущественное расслоение неизбежно вело к расслоению социальному, а дробление крестьянских хозяйств становилось одним из процессов дальнейшей социальной дифференциации деревни.

Направление и масштабы социально-экономических сдвигов, происшедших в результате семейно-имущественных разделов, прослеживаются по материалам гнездовых переписей 1924 и 1925 гг. Данные этих переписей о перегруппировке разделившихся хозяйств по размерам посевных площадей уникальны са-

⁷² Кубанин М. И. Указ. соч., с. 107—108.

⁷³ Хрящева А. И. Крестьянское хозяйство по переписям 1899—1911 гг. Епифанский уезд, ч. II, с. 52—70; Кубанин М. И. Указ. соч., с. 80—95.

ми по себе. В еще большей мере их ценность возрастает благодаря возможности сопоставления изменений в делившихся и неделившихся хозяйствах.

Сравнение группировок разделившихся хозяйств до и после раздела обнаруживает их общее и значительное измельчение. Число беспосевных хозяйств среди них в потребляющей полосе возросло с 0,4 до 5,1%, в производящей полосе — с 0,4 до 2,7%, на Северном Кавказе — с 3,9 до 6,8%. В очень большой степени увеличилось число малопосевных хозяйств: в потребляющей полосе (с посевом до 2 дес.) — с 35,2 до 65,1%, в производящей полосе (с посевом до 4 дес.) — с 32,5 до 69,5%, на Северном Кавказе (с посевом до 6 дес.) — с 36 до 62,5%. Напротив, удельный вес хозяйств с большей посевной площадью резко уменьшился: в потребляющей полосе — с 64,4 до 25,8%, в производящей полосе — с 62,1 до 27,8%, на Северном Кавказе — с 60,1 до 29,7%. В остальных районах, где проводились гнездовые обследования (Сибирь, Украина, Белоруссия) направление и масштабы сдвигов были аналогичными⁷⁴.

Известная часть обособившихся семей совсем не заводила своего сельского хозяйства либо оказалась вынужденной ликвидировать его на протяжении первого же года самостоятельного существования. Они не учтены в приведенных выше данных о ликвидировавшихся и выселившихся хозяйствах (см. табл. 25). Число их установить невозможно, поскольку они не могли быть зафиксированы ни в 1924 г. — тогда их еще не было, ни в 1925 г. — тогда их уже не было. Можно, однако, утверждать, что среди бывших беспосевных число таких семей в потребляющей полосе было не меньше 5,9%, в производящей полосе — не меньше 12%, на Северном Кавказе — не меньше 7,9% (таким было бы их число, если бы хозяйства делились только на два новых)⁷⁵. В группах хозяйств, имевших в 1924 г. посеы площадью до 6 дес., минимальный удельный вес исчезнувших за год новых хозяйств в производящей полосе колебался от 1,6 до 7,2%, на Северном Кавказе — от 5,9 до 8,1%. Из молодых хозяйств, образовавшихся в группах с посевом от 6 до 16 дес. (в 1924 г.), на Северном Кавказе исчезло минимум от 1,5 до 4,4%.

Эти наблюдения вполне подтверждают углубленной разработкой данных о разделившихся хозяйствах в одной из волостей Тамбовской губернии, выполненной А. И. Хрящевой (см. табл. 26).

В итоге раздела каждое из новых хозяйств стало располагать меньшей массой средств производства. Однако особенно низкой оказалась обеспеченность рабочим скотом и инвентарем

⁷⁴ Здесь и далее: Статистический справочник СССР, 1927, с. 70—73.

⁷⁵ Число малопосевных хозяйств после раздела увеличилось не в 2, а в 2,2—2,3 и даже в 2,5 раза, что было результатом дробления многосемейных дворов на три, а подчас и на четыре хозяйства.

Таблица 26

Население и производство разделившихся хозяйств *

В хозяйствах	На 100 хозяйств приходилось				
	населения	работников	посева, дес.	рабочего скота	машин
Материнских	530	126	350	53	9
Дочерних	360	89	220	23	3
Дочерних, в % к материнским	68	71	63	43	33

* Хрящева А. И. Дробимость крестьянского хозяйства и дифференция. — «Экономическое обозрение», 1927, № 6, с. 105.

молодых, дочерних хозяйств, получивших в 2—3 раза меньше рабочего скота и машин. Отнюдь не все семьи в новом составе смогли наладить прочное хозяйство. Из обследованных А. И. Хрящевой разделившихся хозяйств за два года выселилось 1,4% материнских и 6,2% дочерних, за три года — 4,3% материнских и 11,4% дочерних ⁷⁶.

Было бы, однако, упрощением в отсутствии равенства при разделе имущества двора видеть определяющий фактор социального расслоения разделившихся семей, «из которых одни (домохозяева, т. е. родители. — В. Д.) используют свои права собственника в ущерб другим, развиваясь в направлении своего превращения в капиталиста-предпринимателя, а другие (члены двора, т. е. дети. — В. Д.) не используют своих прав собственника полностью, опускаясь в направлении превращения в пролетариев» ⁷⁷. В действительности механизм социального расслоения разделившихся хозяйств был намного сложнее. Путь вверх оказывался наиболее трудным именно для материнских хозяйств, несмотря на их более высокую обеспеченность средствами производства. Они располагали относительно меньшим числом работников. Главное же состояние работников в материнских хозяйствах — людей преклонного, как правило, возраста — было несравнимым с состоянием работников в дочерних хозяйствах — людей молодых, в расцвете сил, только начинавших самостоятельную жизнь. Для молодых семей раздел становился необходимым условием и исходным моментом для резкого повышения хозяйственной инициативы и прежде всего трудовой активности. При тогдашней ничтожной технической оснащено-

⁷⁶ Хрящева А. И. Дробимость крестьянского хозяйства и дифференция. — «Экономическое обозрение», 1927, № 6, с. 106. Как отмечает А. И. Хрящева, эти данные не учитывают выселение на хутора.

⁷⁷ Крицман Л. Н. Указ. соч. — В кн.: Пролетарская революция и деревня, с. 514—515.

сти сельского хозяйства этот фактор играл большую роль в подъеме мелкого производства.

Обратимся вновь к данным гнездовых переписей 1924 и 1925 гг. Они свидетельствуют, что в первом же после раздела году появились новые хозяйства с посевной площадью большей, чем имели старые, многосемейные хозяйства. Из бывшей беспосевной группы перешли в группу с посевом до 2 дес. в потребляющем районе 39,2%, в производящем районе — 36,1, на Северном Кавказе — 34,7, в группы с посевом свыше 2 дес. в потребляющем районе — 3%, в производящем районе — 19,2, на Северном Кавказе — 17,5 (в том числе 6,8% засеяли больше 4 дес.). Из хозяйств с посевом до 2 дес. в потребляющей полосе образовалось 6,9% хозяйств беспосевных, 89,3 — с посевом до 2 дес. и 3,8 — с посевом свыше 2 дес., в производящей полосе — 8,4 беспосевных, 75,9 — с посевом до 2 дес. и 17,7 — с посевом свыше 2 дес., на Северном Кавказе — 18,5 беспосевных, 52,8 — с посевом до 2 дес. и 28,7 — с посевом более 2 дес., в том числе 5,9% хозяйств с посевом более 4 дес.

Из новых хозяйств, возникших после раздела хозяйств с посевом от 2 до 4 дес., в потребляющей полосе уменьшили посевные площади — 66,8%, сохранили в прежнем размере — 31%, увеличили — 3,2%, в производящей полосе уменьшили посеы — 58,7%, сохранили в прежнем размере — 35,6%, увеличили — 5,7%, на Северном Кавказе уменьшили посеы — 49,7%, сохранили в прежнем размере — 37,4%, увеличили — 12,9%. Из группы с посевом от 4 до 6 дес. перешло в группы с меньшим посевом 82,9% новых хозяйств в потребляющей полосе, 79,2% — в производящей полосе и 63% — на Северном Кавказе, осталось в той же группе — соответственно 15,2, 17,6 и 25,3%, перешло в группы с большим посевом — 1,9, 3,2 и 11,7%.

Чем более значительной была посевная площадь хозяйства до раздела, тем меньшее число вновь образованных хозяйств увеличивали посевные площади или хотя бы сохраняли их в прежнем размере, тем большее число новых хозяйств имели сократившиеся посеы. Так, из группы хозяйств с посевом от 6 до 10 дес. перешло в группы с большей площадью посева 0,2% хозяйств в потребляющей полосе, 1,2% — в производящей полосе и 4,7% — на Северном Кавказе, из группы с посевом от 10 до 16 дес. увеличили посевные площади 1,3% хозяйств в производящей полосе и 3,6% — на Северном Кавказе (в потребляющей полосе таких уже совсем не было) и т. д.

Известно, что с увеличением размеров производства возрастает роль материально-технической базы. Раздел же на первых порах, как правило, уменьшал обеспеченность отдельного хозяйства рабочим скотом и земледельческим инвентарем. Поэтому раздел хозяйств, в которых размеры производства намного превосходили ограниченные возможности мускульной рабочей силы семьи, почти исключительно приводил к сокращению посевных

площадей, к ослаблению хозяйства. В этом наглядно проявлялось раскрытое В. И. Лениным значение семейной кооперации в верхних слоях крестьянских хозяйств как базиса капиталистической кооперации. Это понимали и сами крестьяне. От членов зажиточных многосемейных дворов можно было слышать такие, например, суждения: «Пока я не разделился с ними, я богат; а разделюсь — мы все будем бедняками» (анкета из деревни Юльевка Запорожского округа УССР)⁷⁸. Корреспондент «Сельскохозяйственной жизни» записал под Волоколамском следующее суждение: «Был я — Григорий Егоров. Один сын женился — отделился, другой сын женился — отделился, стал я — Гришка»⁷⁹. В обоих случаях сказано слишком сильно — разделы дворов были формой социальных сдвигов, а не их причиной. Тем не менее, заметное ослабление крупных хозяйств в процессе семейно-имущественных разделов — несомненный факт.

Тенденцию к быстрому росту после разделов обнаружили те именно хозяйства, в которых для этого было достаточным простое повышение трудовой активности, т. е. усиление эксплуатации собственной живой рабочей силы.

В общей массе хозяйств, возникших после разделов, сумевшие сразу же увеличить посевные площади, составляли очень небольшую долю. Не ими определялись общие результаты семейно-имущественных разделов. Основная масса делившихся хозяйств уменьшала размеры производства (во всяком случае, на первых порах). Более того, разделы служили одним из каналов выталкивания обедневших семей из земледельческого производства, их «раскрестьянивания».

При масштабах дробления крестьянских хозяйств настолько значительных, чтобы вызвать общее и продолжавшееся из года в год измельчание сельскохозяйственного производства, был бы неизбежным соответствующий рост мелкопосевных, бедняцких хозяйств. Наблюдалось бы «обеднячивание» деревни. Однако в социально-экономическом развитии деревни определяющими были сдвиги, происходившие не в разделившихся хозяйствах, а в хозяйствах, которые не подвергались разделам или соединениям.

* * *

В условиях абсолютного преобладания мелких форм производства, основанных на семейной кооперации, демографические процессы непосредственно воздействовали на хозяйственную и социальную жизнь. Двор (семья) являлся основной производственной и социальной микроячейкой единоличной деревни. Естественно, что изменение численности и размеров этих микроячеек прямо отражалось в изменении размеров крестьянско-

⁷⁸ Семенов Н. Указ. соч. — «Революция права», 1927, № 1, с. 191.

⁷⁹ СХЖ, 1927, № 26, с. 10.

го землепользования и требовало к себе пристального внимания со стороны государства.

Анализ конкретного материала показал, что демографические процессы не исчерпывали — ни в целом, ни в основном — содержания социально-экономического развития деревни. Все же они были одним из факторов, имевших существенное значение в сельской жизни, сказывавшееся и в размерах отдельного крестьянского хозяйства, и в системе его экономических отношений. Поэтому Советское государство, не запрещая семейно-имущественных разделов, стремилось в максимальной степени ограничить их влияние на развитие сельскохозяйственного производства.

Согласно Земельному кодексу 1922 г. раздел земельного надела двора допускался только в том случае, если на выделенных частях его возможно было ведение самостоятельного земледельческого хозяйства, в противном случае должно было распределяться только имущество двора, а земля оставаться в наделе одного хозяйства. Ограничивался круг лиц, имевших право требовать раздела двора: «Требовать раздела двора не вправе лица, не достигшие восемнадцатилетнего возраста, а также лица, не участвовавшие в течение более двух севооборотов подряд своим трудом или средствами в ведении общего хозяйства двора», — гласила статья 75. Вводилась обязательная регистрация семейно-имущественных разделов в волостных исполнительных комитетах, которые могли отказать в регистрации, если раздел совершался незаконно. Отдельные дворы и даже целые земельные общества могли объявить на определенный срок (не менее одного севооборота, а при его отсутствии — не менее трех лет) свои хозяйства недобимыми. Губернским исполкомам было предоставлено «право издавать обязательные постановления об ограничении измелчания хозяйств при разделах» и, таким образом, вводить «норму недобимости»⁸⁰.

Кодекс законов РСФСР о браке, семье и опеке, введенный в действие с 1 января 1927 г., определяя «права супругов в отношении пользования землей и в отношении имущества общего пользования в составе крестьянского двора», отсылал к соответствующим статьям Земельного кодекса, но вместе тем и развивал изложенные там нормы. При разделе двора или выделе из него доля каждого в общем имуществе должна была теперь определяться «пропорционально количеству вложенного им в хозяйство двора труда и средств»⁸¹. Более существенным оказалось влияние земельного права на семейное. Раннее законодательство республики устанавливало возраст регистрации брака с 16 лет, тогда как имущественные права в полном объеме предоставлялись с 18 лет. На сессии ВЦИК, утверждавшей

⁸⁰ СДЗЗ, с. 162—164.

⁸¹ Кодекс законов о браке, семье и опеке. М. — Л., 1927, с. 16.

кодекс законов о браке, семье и опеке (5—19 ноября 1926 г.), представители деревни говорили, что это противоречие между нормами семейного и земельного права ставит в трудное положение молодую женщину. По их предложениям возраст регистрации брака был повышен до 18 лет⁸².

При обсуждении проекта кодекса в селах и деревнях (было проведено 6 тыс. собраний) выявились две позиции в отношении крестьян к семейно-имущественным разделам: первая — ограничить возможность их проведения, консервируя большую, «многочленную» семью, и вторая, резко преобладающая — полностью освободить крестьянскую семью от патриархальщины, проводя в жизнь установленные Советской властью принципы семейного права и ограничивая лишь отрицательное воздействие разделов на хозяйство. Позиция Советского правительства была четко изложена в докладе наркома юстиции Н. В. Курского: «Исходя из фактов действительности, нужно со всей решительностью поставить крест над реакционной утопией о сохранении патриархальной семьи и о приостановке процесса разделения крестьянских семей на более мелкие единицы... Мы найдем меры, которые экономически не дадут этому процессу ослабить крестьянские хозяйства, но нельзя остановить те процессы, которые имеются в семейном быту широких крестьянских масс»⁸³.

Попыткой найти решение этой сложной проблемы на пути полного отделения норм, регламентирующих разделы семей и разделы хозяйств, была разработанная Наркомземом и Наркомюстом РСФСР и опубликованная 30 марта 1927 г. «Инструкция о производстве семейно-имущественных разделов трудовых земледельческих хозяйств (дворов)», упоминавшаяся уже при анализе имущественных отношений. Она вводила ряд полезных норм, учитывающих практику разделов. Среди них можно назвать нормы, ограничивавшие злоупотребления: запрещение как раздела, так и распределения имущества с целью выделить нетрудоспособных (престарелых, инвалидов и т. д.); двор обязывался предоставить им обособленное жилье и обеспечить продуктами и денежными средствами «в размере, необходимом для прожития»; предоставление права увеличивать или уменьшать долю выделяемого члену двора имущества в зависимости от размера его трудового вклада (с охраной интересов женщин и малолетних детей); узаконение практики распределения жилых построек и предметов домашнего обихода при оставлении земли и хозяйственного инвентаря в общем пользовании двора и т. п.⁸⁴.

⁸² Там же, с. 6; III сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета XII созыва. Стенографический отчет. М., 1926, с. 622, 656—657, 668—669, 700, 863.

⁸³ III сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета XII созыва. Стенографический отчет, с. 562.

⁸⁴ СДЗЗ, с. 346—350.

Основная цель инструкции формулировалась следующим образом: «Предупреждение и возможное сокращение случаев нецелесообразных разделов трудовых земледельческих хозяйств, нарушающих их прочность и устойчивость». Была сделана попытка резко ограничить разделы хозяйств только теми случаями, «а) когда отделяющиеся имеют целью образование новых самостоятельных земледельческих хозяйств и б) когда по наличию у основного двора земельных угодий и сельскохозяйственного инвентаря представляется возможным выделить отделяющимся такое количество земли и инвентаря, при котором все вновь образующиеся дворы получают все необходимое для образования жизнеспособного устойчивого хозяйства». При отсутствии хотя бы одного из указанных условий,— гласила инструкция,— «раздел двора не производится и в таких случаях допускается лишь распределение имущества, т. е. выдел отделяющимся их доли в имуществе двора»⁸⁵.

Уже эти исходные принципы инструкции от 30 марта 1927 г. противоречили как жизненным условиям деревни, так и нормам советского земельного права. Что означал «выдел отделяющимся их доли в имуществе двора», если даже в «справном» хозяйстве весь необходимый инвентарь имелся в единичном исчислении — одна лошадь, одна корова, один плуг и т. д.? Предусмотренная инструкцией выплата этой доли «деньгами или продуктами с рассрочкой... на срок не свыше пяти лет» была невозможна ни для остающихся в хозяйстве (рыночный оборот основной массы крестьянских хозяйств не позволял в течение пяти лет выплатить половину или хотя бы треть стоимости своего имущества), ни тем более для выделяющихся (им для обзаведения собственным хозяйством средства были необходимы сразу). Но отказ в разделе двора означал для выделяющихся (если они не порывали с земледельческим хозяйством) переход на положение безземельных, отказ в праве на трудовое землепользование. А это противоречило и духу, и букве всего земельного законодательства.

Губернские земельные управления в ответ на специальный запрос Наркомзема РСФСР сообщали, что инструкция от 30 марта 1927 г. не понята ни населением, ни местными работниками и практически никакого влияния на процесс дробления крестьянских хозяйств не оказала⁸⁶.

Учитывая практику применения инструкции от 30 марта 1927 г., общесоюзный земельный закон, принятый в конце 1928 г., обязал союзные республики в своем законодательстве предусмотреть меры, обеспечивающие «предупреждение чрезмерного дробления трудового хозяйства путем экономических мероприятий, в частности, путем организации кредитования кре-

⁸⁵ Там же, с. 346.

⁸⁶ Кубанин М. И. Указ. соч., с. 186—187.

стьянских хозяйств для выплаты возмещения выделяющимся членам двора за их долю в неделимом имуществе двора, а также путем установления норм недробимости»⁸⁷. Использование кредитования действительно создало бы условия для замены значительной части дворов выделами. Это, конечно, ослабило бы дробление хозяйств, но не уменьшило бы их численный рост, а даже еще более его стимулировало (поскольку невозможность сразу же организовать новое хозяйство сдерживало стремление молодых семей к обособлению). Однако развернувшаяся через год сплошная коллективизация сняла проблему дробления мелкого крестьянского хозяйства, а вместе с ней и проблему борьбы с дроблением.

Специального внимания заслуживает вопрос о попытках ввести принцип «недробимости» крестьянских хозяйств. Земельный кодекс РСФСР, принятый в 1922 г., и союзный земельный закон 1928 г. предоставляли крестьянам право объявлять свои хозяйства недробимыми и предусматривали возможность введения местными органами власти обязательных норм недробимости, т. е. устанавливать определенный минимум земли и инвентаря для хозяйства, при котором раздел уже не допускался.

Что касается объявления крестьянами своих дворов недробимыми, то факты такого рода не известны. Едва ли они вообще имели место⁸⁸.

Кое-где предпринимались попытки введения обязательных «норм недробимости» со стороны местных органов власти. Однако сами же эти органы были вынуждены допускать отступление от введенных норм. Так, например, в 1928 г. Ленинградский облисполком принял обязательное постановление «Об ограничении дробления земли при семейно-имущественных разделах трудовых хозяйств (дворов) в области»⁸⁹. Об итогах применения этого акта можно судить по отчету о деятельности земельных комиссий Ленинградской области за 1928/29 г. «За отчетный период,—говорилось в «Объяснительной записке» к названному отчету,—проводилась строго последовательная линия на недробимость земельных угодий ниже установленных облисполкомом ориентировочных норм... Соблюдение этого принципа во многих случаях ставило выделяющихся землеробов в тяжелое положение и в особенности женщин. В единичных конкретных случаях со стороны ОблЗК давались указания о возможности дробления земли в интересах беднячек-женщин»⁹⁰.

⁸⁷ СДЗЗ, с. 301.

⁸⁸ М. И. Кубанин решительно заявлял: «Крестьянство СССР нигде не ввело по собственному почину закона о недробимости...» (*Кубанин М. И. Указ. соч.*, с. 188).

⁸⁹ ЦГАОР, ф. 5201, оп. 6, д. 25а, л. 19.

⁹⁰ Там же, л. 93.

Как ни важно было предупредить возможность измельчания крестьянских хозяйств, Советское государство не могло встать на путь жесткого проведения административных мер против разделов хозяйств, а тем более принудительного введения их недробимости. В условиях общинного уравнительного землепользования осуществление недробимости земельного надела двора на деле было невозможно (размер земельного надела двора при каждом переделе неизбежно изменялся в соответствии с изменением числа едоков или работников во дворе и в общине в целом). Важнее другое: введение законодательным путем недробимости крестьянских хозяйств означало бы узаконение единонаследия, майората — института совершенно чуждого всему строю русской деревни, ее истории и самосознанию. Напомним, что в период столыпинской аграрной реформы крестьянство в массе своей решительно отвергло хуторизацию, в частности, и потому, что она неизбежно вела к майорату, означала в перспективе обезземеливание огромной части крестьянского населения⁹¹.

Впрочем, отрицательное отношение к единонаследию не было специфическим свойством русского крестьянина. Оно в свое время было присуще и крестьянству Западной Европы. Внедрение принципов майората в имущественные отношения крестьянства было там одним из направлений капиталистической перестройки аграрных отношений, представляло собою своего рода «огораживание» внутри крестьянского двора и, естественно, встречалось с сопротивлением трудящихся слоев деревни. Очень интересна оценка этого процесса К. Марксом. В январе 1843 г. на страницах «Рейнской газеты» Маркс выступил в защиту крестьян-виноделов примозельского края, оказавшихся в бедственном положении как из-за неурожая, так и бюрократических мер правительства. Среди этих мер было и «предложение ограничить *дробление землевладения*». Вот как охарактеризовано оно в статье Маркса: «Ограничение дробления земельных владений противоречит унаследованному им (крестьянином-виноделом.— В. Д.) правовому сознанию. Он усматривает в этом совете поползновение прибавить к его физической нищете ещё правовую нищету, ибо в каждом нарушении равенства перед законом он видит крушение права». Предложение ограничить дробление крестьянских земельных наделов означает, что «перед страной ставится требование изменить свои обычаи, своё право, формы своего труда и своей собственности, чтобы подогнать их под существующее управление»⁹².

Введение недробимости и, следовательно, единонаследия, нарушая равенство членов семьи, разделяя их на имущих и

⁹¹ Чернышев И. В. Община после указа 9 ноября 1906 г., ч. I, с. 104; ч. II, с. 137 и др.

⁹² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 203, 204.

неимущих от рождения, не только противоречило элементарному чувству справедливости, свойственному трудящемуся человеку, но и способствовало бы превращению мелкой трудовой частной собственности крестьянской семьи в капиталистическую частную собственность. Именно поэтому Советское государство, предоставив правовую возможность введения норм недробимости, не проявляло сколько-нибудь заметной настойчивости в ее реализации. Дробление мелких крестьянских хозяйств могло исчезнуть лишь с исчезновением самого крестьянского хозяйства. Поэтому для Советского государства основной путь преодоления этого процесса состоял в кооперировании крестьянских хозяйств, в социалистическом переустройстве деревни.

Принципиально иное значение имели меры Советского государства против фиктивного дробления хозяйств, применявшегося зажиточно-кулацкими элементами, чтобы уйти от повышенного налогового обложения и тех правовых ограничений, с которыми в советских условиях была связана принадлежность к эксплуататорским слоям. Это были меры борьбы с реальным злом. Отсюда их активность, настойчивость и твердость.

В установлении эффективного контроля за действительностью и законностью семейно-имущественных разделов важное значение имела передача сельсоветам регистрации «актов по разделам дворов и изменению состава дворов» (по постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 23 июля 1927 г.)⁹³. На сельсоветы и пала основная тяжесть борьбы с фиктивными разделами кулацких хозяйств в 1928 — 1929 гг.

Усиление наступления на кулачество после XV съезда партии имело результатом более широкое и мощное вытеснение эксплуататорских элементов. И раньше отдельные кулацкие хозяйства, не выдерживая ограничительных мер Советского государства, «опускались» в состав менее состоятельных слоев деревни. Теперь же, начиная с чрезвычайных мер во время хлебозаготовок зимой и весной 1928 г., стали наноситься удар за ударом по экономическим и политическим позициям кулачества. В ответ кулачество усилило использование всевозможных средств маскировки и мимикрии, среди которых большое место занимали искусственные разделы хозяйств.

Чаще всего фиктивные разделы кулацких хозяйств производились с определенной целью: ослабить налоговой пресс, избавиться от введенного в 1928 г. обложения в индивидуальном порядке, по резко повышенным ставкам. Уже в связи с публикацией нового закона о едином сельскохозяйственном налоге Наркомзем и Наркомфин РСФСР 18 мая 1928 г. разослали по своим системам циркуляр «О предупреждении возможности искусственного дробления крестьянских хозяйств». Местным финансовым и земельным органам предписывалось провести че-

⁹³ СДЗЗ, с. 362.

рез соответствующие исполнительные комитеты постановления, обязывающие сельские Советы «уделять больше внимания регистрации актов разделов... регистрировать отдельные акты только в том случае, если выделяющееся хозяйство действительно стремится к самостоятельному хозяйствованию». Вводилась процедура проверки сельским Советом разделившихся дворов на предмет их хозяйственной самостоятельности. Подчеркивалось, что они «только после этого могут быть зарегистрированы и признаны за самостоятельные облагаемые единицы». Более того, сельсоветы были обязаны «проверять порядок ведения хозяйства» в разделившихся дворах и после регистрации, «причем во всех случаях, когда после формально зарегистрированного раздела будет обнаружено, что разделившиеся продолжают вести одно объединенное хозяйство, их надлежит облагать как одно целое хозяйство по общему их облагаемому доходу и одному окладному листу, возбуждав одновременно вопрос перед земельной комиссией об аннулировании акта о разделе»⁹⁴.

Можно не сомневаться, что в 1928—1929 гг.—в условиях возросшей активности масс и усиления роли сельсоветов, в условиях обостренной классовой борьбы в деревне — контроль за разделами крупных, а тем более кулацких хозяйств был достаточно эффективен. Фиктивные разделы дворов не исчезли, конечно, начисто, однако возможности их проведения резко сократились. Поэтому мы можем считать, что статистические данные о разделах в 1928—1929 гг. фиксируют реальные масштабы процесса дробления крестьянских хозяйств.

Действительные разделы хозяйств также использовались кулачеством, чтобы слиться с трудовой массой крестьянских хозяйств, а тем самым избавиться от повышенного обложения налогом и от ряда социально-политических ограничений, сохранить накопленные богатства. Однако, если при этом происходило не только изменение размеров хозяйства, но и его организации, если при этом отпадали или существенно уменьшались эксплуататорские приемы хозяйственной деятельности (аренда земли, наем рабочей силы, сдача в наем инвентаря и рабочего скота и т. п.), то такие разделы можно рассматривать как прямой и реальный результат политики ограничения и вытеснения кулачества⁹⁵. Распад семейной кооперации не мог не

⁹⁴ «Бюллетень узаконений и распоряжений по сельскому и лесному хозяйству», 1928, № 22, с. 5—6.

⁹⁵ Представляются равно односторонними и безоговорочно положительная оценка разделов кулацких хозяйств С. К. Брысякиным и попытка К. М. Газаловой представить их лишь формальным актом, не меняющим реального положения хозяйств (Брысякин С. К. Социально-экономическая характеристика крестьянского хозяйства накануне коллективизации. — «Ученые записки Кишиневского государственного университета», т. XVI, 1955, с. 77; Газалова К. М. К вопросу о дроблении кулацких хозяйств в советской доколхозной деревне. — «Труды МГИИИ», т. 21, 1966, с. 100).

подрывать и кооперации капиталистической в условиях, когда та и другая существовали и функционировали в слитом виде.

Материалы гнездовых сельскохозяйственных переписей 1927 и 1929 гг. дают представление о масштабах семейно-имущественных разделов в деревне накануне коллективизации, об их месте в ряду процессов, менявших численность и социальную структуру крестьянских хозяйств. Данные этих переписей весьма представительны: в 1927 г. на территории РСФСР, УССР и БССР были описаны 587 444 хозяйства, в 1929 г.— 505 031 хозяйство⁹⁶. Главное же — они сгруппированы не по размерам посевных площадей или какому-либо другому единичному производительному показателю, а по классовым группам. Благодаря этому с особенной наглядностью ими раскрывается социальное значение процессов, менявших численность крестьянских дворов.

В условиях 1927—1929 гг., когда начал осуществляться курс на коллективизацию, к старым факторам изменения численности крестьянских хозяйств прибавился новый — вступление в колхоз. За два года на территории РСФСР в колхоз вступило 2,9% обследованных хозяйств, на Украине — 5,2, в Белоруссии — 1,1%. Эти показатели позволяют определить степень репрезентативности данных гнездовых переписей 1927—1929 гг. По сведениям сплошных обследований колхозов и материалам отчетов известно, что в РСФСР за два интересующих года в колхозы вступило 3% крестьянских хозяйств, в УССР — 4,2, в БССР — 0,8%⁹⁷. Расхождения показателей (0,1%, 1 и 0,3%) не выходят за рамки допустимого (поскольку не меняют представления о масштабах и структуре изучаемого процесса). По отдельным районам отклонения показателей гнездовых переписей от действительных более существенны: удельный вес вступивших в колхозы в Нижегородском крае оказался слишком велик, а в Центрально-Черноземной области, напротив, слишком мал. Колхозное движение в подвергнутых переписи гнездах оказалось в первом случае более интенсивным, а во втором — менее интенсивным, чем по названным районам в целом. Однако специфика социального состава вступивших в колхоз отражена и этими данными достаточно точно. Что же касается данных о разделившихся, соединившихся и выселив-

---

⁹⁶ Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами, с. 67. Известно, что в архивном фонде ЦСУ СССР имеется разработка данных указанных переписей для территории РСФСР по несколько большему числу хозяйств (примерно на 20 тыс.), однако отклонения полученных там показателей от используемых ничтожны (от 0,1% до 0,3%) и ни в какой степени не сказываются на точности анализа изучаемых процессов. В то же время опубликованная разработка содержит данные не только по РСФСР, но и по Украине и Белоруссии.

⁹⁷ Здесь и далее — Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами, с. 22—23, 25.

шихся хозяйствах в Нижегородском крае и ЦЧО, то они сомнений не вызывают.

Число дворов, вступивших в колхозы, в РСФСР стало почти полностью поглощать тот прирост общей массы единоличных крестьянских хозяйств, который имел место в предыдущие годы, а на Украине, как и в зерновых районах РСФСР, не только прирост, но и сверх него. Растущее колхозное движение было, следовательно, одним из основных факторов сокращения численности крестьянских хозяйств в 1928 — 1929 гг.

Вступление отдельных дворов в колхозы не только уменьшало общую численность крестьянских хозяйств, но и меняло их социальный состав. Не говоря уже о формировании колхозного крестьянства — совершенно нового социального слоя деревни, начинавшаяся коллективизация усилила сокращение беднейших слоев деревни, ибо именно для них в первую очередь вступление в колхоз стало выходом из нужды и кулацкой кабалы. В земледельческих районах РСФСР и на Украине за два года вступление в колхозы уменьшило пролетарские и полупролетарские, т. е. бедняцкие слои крестьянства на 5—7%, а по РСФСР в целом — на 3—4%.

Гнездовые переписи 1927—1929 гг. позволяют установить одну существенную особенность колхозного движения в потребляющей полосе — на северо-западе, в Промышленном центре и на северо-востоке — высокая степень участия середняцких слоев уже на этапе непосредственной подготовки коллективизации (в Нижегородском крае и Ленинградской области особенно заметно). Пролетарские и полупролетарские слои деревни здесь были в большей мере связаны с работой в промышленности и в лесном хозяйстве. Безднажность единоличного хозяйствования в земледелии их побуждала в большей мере не к вступлению в колхозы, а к перемене сферы применения труда.

Выселение и ликвидация своего сельского хозяйства и в 1927—1929 гг. для промышленных и связанных с ними районов страны оставались основным фактором сокращения и общей численности крестьянских дворов, и продолжавшегося «вымывания» бедняцких слоев из деревни, игравшего заметную роль в осереднячивании крестьянства. В районах потребляющей полосы, в Центрально-Черноземной области и в Белоруссии — а это были районы развитого отходничества — накануне коллективизации выселение и ликвидация собственного хозяйства еще преобладают над вступлением хозяйств в колхозы как в целом, так и особенно в бедняцких слоях (как правило, в 2—3 раза, но иногда даже в 10 раз и более). В зерновых районах Российской Федерации в уменьшении общей численности индивидуальных хозяйств вступление в колхозы стало преобладать над выселением и ликвидацией, однако самая неимущая (пролетарская) часть деревни и здесь покидала сельскохозяйственные занятия еще в большей мере, чем вступала в колхозы.

зы. Только на Украине коллективизация уже в 1928—1929 гг. стала предпочтительнее любых других способов отказа от единоличного хозяйствования.

Так же, как и в 1924/25 г. (см. табл. 25), удельный вес выселившихся и ликвидировавших собственные хозяйства повышался от средних слоев деревни к полярным — не только к пролетарским, о чем только что сказано, но и к мелкокапиталистическим. Таким образом, и по данным гнездовых переписей 1927 и 1929 гг. выселение и ликвидация собственного хозяйства представляли собой канал «вымывания» продуктов разложения крестьянства с обоих полюсов, что опять-таки свидетельствовало об интенсивном процессе осереднячивания деревни. Любопытно, однако, что в 1928—1929 гг., т. е. в условиях усилившегося наступления на кулачество, последнее начинало предпочитать вступление в колхоз (как показал опыт, чаще всего с целью маскировки) полной ликвидации своего хозяйства и выселению. Это отразилось даже в данных по Российской Федерации в целом (2,5% мелкокапиталистических хозяйств за два года вступили в колхозы и 2% ликвидировались и выселились). На Украине эта особенность 1928—1929 гг. проявлялась еще ярче: из мелкокапиталистических хозяйств 3,9% вступили в колхозы и 1,4% ликвидировались и выселились.

Не изменились по сравнению с 1924/25 г. ни масштабы, ни структура процесса соединения хозяйств в результате браков, примачества, супруги и т. п. Удельный вес соединившихся хозяйств так же, как и тогда, колебался от 0,5 до 1% в год. И в середине, и в конце 20-х годов это изменение было наиболее характерным для бедняцких слоев деревни и играло определенную роль в осереднячивании деревни посредством перехода некоторой части хозяйств из менее состоятельных в более состоятельные. При этом уменьшалась и численность крестьянских хозяйств (примерно вдвое по отношению к числу соединявшихся).

Оценивая суммарное воздействие вступления в колхоз, соединения, выселения и ликвидации хозяйств за два года между гнездовыми переписями, необходимо отметить, что их общим результатом было уменьшение численности единоличных крестьянских дворов на территории Российской Федерации на 7,1% (в Ленинградской области — на 6, в Западной — на 4,3, в Московской — на 5,5, в Иваново-Промышленной — на 4,7, в Нижегородском крае — на 6,9, в Центрально-Черноземной области — на 3,8, в Средне-Волжской — на 8,9, в Нижне-Волжском крае — на 8,1, в Северо-Кавказском — на 10 и в Сибирском — на 9,6%), на территории Украины — на 7,9 и Белорусии — на 4,4%.

Противоположными были результаты семейно-имущественных разделов, которые в обстановке кануна коллективизации также активизировались. На территории РСФСР из хозяйств,

обследованных в 1927 г., через два года оказались разделившимися 6%, на Украине — 4,7%, в Белоруссии — 2,6%. Однако соотношение процессов, увеличивавших и уменьшавших численность крестьянских хозяйств по сравнению с предыдущим периодом, коренным образом переменялось⁹⁸, что и привело к общему сокращению числа единоличных крестьянских дворов в 1928 — 1929 гг.

Нужно учесть также, что в условиях 1928—1929 гг. часть дочерних хозяйств сразу вступала в колхозы и совсем не функционировала в качестве единоличных хозяйств. Еще весной 1928 г. ОКВК приняла постановление, согласно которому «выделы членов дворов, вступающих в состав сельскохозяйственных коллективов, должны производиться... независимо от обеспеченности земель и сельскохозяйственным инвентарем»⁹⁹. К сожалению, статистические материалы не позволяют количественно выразить долю вступивших в колхозы новых дворов.

Сопоставление темпа дробления крестьянских хозяйств в 1924 — 1925 гг. и в 1927 — 1929 гг. (в тех пределах, в каких это возможно) показывает, что нарастание его не было повсеместным. В Белоруссии и в районах РСФСР, соответствовавших потребляемому (в табл. 25), среднегодовой темп семейно-имущественных разделов практически не изменился. Иное дело на Северном Кавказе, в Сибири и на Украине, т. е. в районах наиболее активного наступления на кулачество, именно здесь дробление хозяйств заметно усилилось. На Северном Кавказе в среднем за год теперь делилось 3,6% хозяйств (в 1924/25 г. — 3%), в Сибири — 4,5% (в 1924/25 г. — 3,5%), на Украине — 2,4% (в 1924/25 г. — 2%).

Как и тогда, удельный вес семейно-имущественных разделов возрастал вместе с ростом зажиточности. По РСФСР в целом за два года разделилось 2,2% пролетарских хозяйств, 2,9% полупролетарских, 7,4% хозяйств мелких товаропроизводителей и 14,9% мелкокапиталистических, т. е. кулацких. Особенно интенсивным было дробление кулацких хозяйств в земледельческих районах: в Черноземном центре к 1929 г. оказались разделившимися 20,1% хозяйств, составлявших в 1927 г. мелкокапиталистическую группу, в Среднем Поволжье — 18,2%, в Нижнем Поволжье — 18,3, на Северном Кавказе — 16,3, в Сибири — 18,8, на Украине — 9,1%. Интенсивные разделы кулацких хозяйств в 1928 — 1929 гг. были одной из форм «самораскулачивания», с помощью которых они уходили от индивидуального обложения сельскохозяйственным налогом, от чрезвычайных мер во время хлебозаготовок, пытались избавиться от экономических и поли-

⁹⁸ Исключение в этом отношении составляли Западная и Центрально-Черноземная области, где дробление еще превалировало, хотя и не столь значительно, как раньше. В Московской и Иваново-Промышленной областях соотношение указанных процессов сравнялось.

⁹⁹ «Бюллетень узаконений и распоряжений по сельскому и лесному хозяйству», 1928, № 29, с. 11.

тических ограничений. Вместе с тем нарастание семейно-имущественных разделов свидетельствовало об усилении социальных сдвигов в деревне накануне коллективизации.

Тесная связь социально-экономических и демографических процессов в мелком индивидуальном крестьянском хозяйстве объясняет ряд существенных особенностей в развитии доколхозной деревни. Взаимопереплетение и взаимодействие этих процессов играло немаловажную роль в механизме социальных перемещений, непрерывно происходящих и постепенно меняющих определенную социально-классовую структуру.

Закономерное повышение процента дробящихся хозяйств вместе с ростом их экономической мощности в весьма большой степени усиливалось политикой ограничения и вытеснения сельской буржуазии, проводимой партией и Советским государством. Резко выраженное прогрессивно-подходящее обложение, ограничение применения наемного труда в земледелии, отсутствие возможности концентрации земли в собственности отдельных лиц и ряд других серьезных экономических и политических препятствий капиталистическому накоплению обусловили распад значительного количества хозяйств деревенской буржуазии, одной из форм которого были семейно-имущественные разделы. Распад части кулацких хозяйств в результате проводимой Советским государством политики ограничения и вытеснения капиталистических элементов деревни не исключал некоторого роста сельской буржуазии, но приводил к тому, что ее развитие происходило замедленными темпами. Часть кулацких хозяйств, не выдерживая ограничений, поставленных его развитию, опускалась в ряды середнячества.

Прямо противоположная закономерность прослеживается при анализе процессов соединения, ликвидации и выселения хозяйств, вступления в колхозы. Здесь тем больше был удельный вес хозяйств, чем менее состоятельной была социально-экономическая группа, к которой они принадлежали.

Взаимодействие этих двух взаимно противоположных процессов было одним из условий прогрессивного роста середняцких хозяйств, осереднячивания советской деревни. В изучаемый период рост числа крестьянских хозяйств происходил при уменьшении полярных в классовом отношении группировок и росте середняцкого слоя. Осереднячивание деревни стало социально-экономическим содержанием количественного увеличения хозяйств в деревне переходного периода.

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРУДА

Рассмотрев значение земли и организации ее использования, а также роль численности и состава крестьянского двора в социально-экономическом развитии доколхозной деревни, обра-

тимся к системе основных элементов крестьянского хозяйства в целом — к его производительным силам в совокупности.

Производительные силы образуют, как известно, объективную основу общественного развития. Их состояние в конечном итоге предопределяет характер производственных отношений людей и их социальную стратификацию, направление и темп хозяйственной эволюции.

Основная роль в развитии общественного производства принадлежит людям. Именно они в процессе производства материальных благ непрерывно совершенствуют и создают новые производительные силы. Однако деятельность каждого данного общества по развитию производства материальных благ первоначально разворачивается на базе производительных сил, созданных прежними поколениями людей и унаследованных от них в качестве объективной, независимой от воли и сознания предпосылки. «...Люди,— писал К. Маркс,— не свободны в выборе *своих производительных сил*, которые образуют основу всей их истории, потому что всякая производительная сила есть приобретенная сила, продукт предшествующей деятельности»¹⁰⁰.

Указанную особенность производительных сил необходимо учитывать при изучении социально-экономического развития деревни 20-х годов. Последнее разворачивалось на материальной базе, качественное и количественное состояние которой определялось отнюдь не богатым и к тому же полуразрушенным наследством старой России.

Суммарную характеристику производительных сил с точки зрения места и роли их отдельных элементов дает структура издержек производства. В ней фиксируется соотношение тех факторов создания продукта (средств производства, сырья и рабочей силы), стоимость которых переносится на этот продукт. Сводя к общему знаменателю качественно разнородные элементы, издержки производства тем самым допускают их сопоставление. Значение того или иного элемента производительных сил выражается удельным весом перенесенной им стоимости в общей стоимости продукта. Этот критерий является более полным и разносторонним, чем, например, строение основных производственных фондов хозяйства. Он позволяет учесть роль таких элементов производительных сил, которые не входят в состав основных фондов и поэтому не отражаются в их структуре (рабочая сила, семена, удобрения). Правда, издержки производства, как и данные об основных фондах хозяйства, не дают представления о роли земли в качестве элемента производительных сил, ибо в условиях национализации земли крестьянин избавлен от затраты средств на приобретение ее, пользовался ею бесплатно. Зато все другие факторы производства находят в их структуре наиболее полное и точное отражение.

---

¹⁰⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 402.

Специальное обследование бюджетов крестьянских хозяйств в 1925 г. дает весьма интересный материал для изучения как их материальных издержек, так и вложений живого труда. Они наглядно вскрывают качественные особенности производства в мелком единичном хозяйстве. При их изучении бросается в глаза огромное преобладание затрат живого труда в производственных издержках крестьянского хозяйства (см. табл. 27).

Таблица 27

Удельный вес стоимости рабочей силы в общей себестоимости продуктов крестьянского хозяйства в 1925 г.
(в среднем по стране), в % *

По овсу	По озимой пшенице	По яровой пшенице	По ржи	По ячменю	По картофелю	По сахарной свекле	По подсолнуху	По льну
55,9	56,8	57,2	58,2	60,7	57,0	64,8	67,3	75,3

* ЦСУ СССР. Стоимость производства важнейших полевых культур в крестьянском хозяйстве, вып. 1. М., 1929, с. 27; Очерки товарных отраслей сельского хозяйства СССР в связи с кредитованием, вып. 1. М., 1926, с. 45, 55, 94, 109, 182.

Мелкое крестьянское хозяйство конца восстановительного периода почти полностью базировалось на применении ручного труда. Рабочая сила человека оказалась основной производительной силой крестьянского хозяйства, определяющей как низкий уровень развития сельскохозяйственного производства, так и его мелкий частнособственнический характер. Затраты живого труда в производстве хлеба намного превышали материальные издержки. К тому же они возрастали именно в зерновых (более экстенсивных) районах и достигали здесь 63,4—71,9% ¹⁰¹.

Ручной труд играл преобладающую роль в производстве всех сельскохозяйственных культур. Более того, вместе с ростом интенсивности культур росли и вложения живого труда. Трудоемкость подсолнуха, льна, сахарной свеклы намного превышала трудоемкость зерновых. Резкое повышение издержек на производство технических культур в условиях единоличного крестьянского хозяйства искупалось увеличением вложения ручного труда, а не применением более производительных машин и орудий. В этом заключалась причина замедленности интенсификации мелкого крестьянского хозяйства.

Второстепенное место материальных затрат в составе производственных издержек крестьянского хозяйства само по себе свидетельствует об отсталости и рутинности его материально-технической базы. Еще более ярко это обнаруживает анализ

¹⁰¹ ЦСУ СССР. Стоимость производства важнейших полевых культур в крестьянском хозяйстве, вып. 1. М., 1929, с. 89.

структуры материальных издержек. Данные табл. 28 показывают, что в составе средств производства крестьянского хозяйства, если не говорить о земле, основное место занимали рабочий скот и семенной материал. На их долю приходилось вместе от 75 до 80% материальных издержек. После затрат рабочей силы самого крестьянина они являлись главными факторами образования стоимости продукта в земледелии.

Таблица 28

Материальные издержки производства в крестьянском хозяйстве за 1925 г., на 1 га посева *

Культура	Все материальные издержки	В том числе на:					
		тягу	семена	удобрения	сельскохозяйственный инвентарь	транспортный инвентарь	сельскохозяйственные постройки
Рожь, в руб.	25,4	9,0	8,6	3,2	0,6	0,5	0,9
В % к итогу	100,0	35,4	33,8	12,6	2,3	1,9	3,5
Пшеница озимая, в руб.	22,2	8,3	9,4	0,9	0,9	0,7	1,1
В % к итогу	100,0	37,8	42,6	4,1	4,1	3,1	4,9
Пшеница яровая, в руб.	18,1	6,2	8,2	0,3	0,5	0,7	0,5
В % к итогу	100,0	33,7	45,3	1,3	2,7	3,8	2,7
Лен, в руб.	34,2	30,9	10,1	3,5	1,8	0,6	2,2
В % к итогу	100,0	31,8	29,5	10,2	3,6	1,7	6,5

ЦСУ СССР. Стоимость производства важнейших полевых культур в крестьянском хозяйстве, вып. 1. М., 1929, с. 224—225, 228—229, 232—233, 236—237, 240—241, 244—245, 248—249, 252—253, 260—261, 264—265, 268—269, 272—273, 332—333, 338—339, 344—345.

Машины и орудия, постоянное совершенствование и расширение употребления которых является решающим, поистине революционным средством подъема производительности труда, играли совершенно недостаточную роль в производстве сельскохозяйственных продуктов. Мизерность удельного веса затрат на инвентарь в структуре материальных издержек является наиболее ярким выражением низкой технической вооруженности крестьянского хозяйства. В 1925/26 г. на долю инвентаря приходилось всего 2,3% материальных издержек производства ржи, 2,7 — материальных издержек производства яровой пшеницы, 4,1 — озимой пшеницы и 3,8% — льна. Если же учесть все издержки крестьянского хозяйства, включая и труд крестьянина, то роль техники в производстве сельскохозяйственных культур снизится вдвое-втрое и будет колебаться примерно в пределах от 1 до 2,5%. Затраты живого труда крестьянина и его семьи в десятки раз превышали затраты труда, овеществленного в технике.

Соотношение ручного и машинного труда служит важнейшим показателем развития производительных сил общества. Оно определяет возможности производства, уровень производительности труда. Последовательное вытеснение ручного труда машинным является основным направлением развития производства материальных благ, позволяет людям с помощью одинаковых затрат труда получить больше продуктов. Каждый заметный шаг вперед как в промышленности, так и в сельском хозяйстве сказывается на этом соотношении. «В замене ручного труда машинным,— указывал В. И. Ленин,— ... и состоит вся прогрессивная работа человеческой техники. Чем выше развивается техника, тем более вытесняется ручной труд человека, заменяясь рядом все более и более сложных машин...»¹⁰².

Строение издержек земледельческого производства к концу восстановительного периода свидетельствовало о крайней примитивности сельскохозяйственной техники, во-первых, и о необеспеченности ею крестьянского хозяйства, во-вторых. Низкая производительность и товарность хозяйства были неизбежными при такой организации производства, когда основой его является ручной труд. Именно это обстоятельство ставило чрезвычайно узкие рамки развитию сельскохозяйственного производства.

Такому состоянию производительных сил сельского хозяйства соответствовали и социальные формы производства, производственные отношения. Преобладающее значение ручного индивидуального труда и приспособленных к нему орудий (конный и ручной инвентарь) объективно обуславливало развитие сельского хозяйства по преимуществу в форме мелкого частнособственнического производства, распыленность его на миллионы мелких и мельчайших единоличных ячеек. Мелкое индивидуальное производство неотделимо от господства ручного труда, живой тягловой силы и соответствующей техники, составляющих в совокупности его материально-производственную базу.

Характер производительных сил крестьянского хозяйства, соотношение их структурных элементов показывает, что это прежде всего естественные производительные силы (земля, скот, семена, удобрения и т. п.). К естественным производительным силам относилась и сама рабочая сила крестьянина, ибо живой труд в крестьянском хозяйстве представлен по преимуществу простым физическим трудом¹⁰³. Возможность воспроизводства основных производительных сил внутри крестьянского хозяйства поддерживала натурально-потребительский характер крестьянского хозяйства, его традиционность и автаркизм. Крестьянское хозяйство благодаря этому могло существовать при минимальном обращении к рынку.

¹⁰² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 100.

¹⁰³ Ельмеев В. Я. Коммунизм и развитие человека как производительной силы общества. М., 1964; и др.

В массе крестьянских хозяйств сохранялось господство естественных производительных сил, многократное преобладание живого труда над овеществленным. В сочетании с семейной кооперацией труда, когда каждый производитель функционирует как орган совокупного труда семьи, эти черты, с одной стороны, обуславливали относительную устойчивость крестьянского хозяйства, возможность его сохранения и возрождения в самых неблагоприятных условиях, а с другой — застойность, низкий уровень производительности труда, незначительность расширенного производства. Связь с рынком в этих условиях могла устанавливаться лишь в мере образования избыточного продукта.

Такая структура производительных сил мелкого крестьянского хозяйства традиционна. Происходившие изменения и сдвиги не меняли существа этой структуры — ее основные элементы и соотношения оставались постоянными для периодов, измеряемых десятилетиями. Однако изменения и сдвиги в производительных силах предопределяли многие существенные моменты в развитии производственной деятельности крестьянства и системы его социально-экономических отношений. Более того, в самом функционировании производительных сил крылись истоки ряда важнейших социально-экономических процессов. Поэтому анализ системы производительных сил крестьянского хозяйства необходимо дополнить характеристикой развития и использования их основных элементов.

* * *

Вначале обратимся к вопросам использования главной производительной силы крестьянского хозяйства — его трудовым ресурсам. Здесь прежде всего привлекает внимание крайняя неравномерность трудовой нагрузки в процессе сельскохозяйственного производства и связанное с этим неполное использование рабочей силы.

Неравномерность распределения по времени работ в земледелии порождается особенностями производственного процесса, различием между рабочим периодом и временем производства. «Сельскохозяйственных рабочих, — писал К. Маркс, — всегда оказывается слишком много для средних потребностей земледелия и слишком мало для исключительных или временных его потребностей»¹⁰⁴.

В условиях натурально-потребительского крестьянского хозяйства докапиталистической эпохи (даже не учитывая наличие домашних промыслов) смена периодов трудовой перегрузки периодами вынужденного безделия не означала образования «избыточного» труда, тем более аграрного перенаселения и безра-

---

¹⁰⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 705.

ботицы. Все это — результат общественного разделения труда и товарного обмена, которые с началом капиталистической стадии развития все больше и больше подчиняют крестьянское хозяйство законам рынка. Периоды вынужденного безделия становятся периодами безработицы, неиспользованный труд — «избыточным», а хозяйства, оказавшиеся не в состоянии найти ему применение, начинают хиреть, превращаясь в очаги скрытого перенаселения. Как показал Маркс, по мере овладения земледелия капиталистическим производством образуется избыточное сельское население, которое находится «постоянно в таком состоянии, когда оно вот-вот перейдет в ряды городского или мануфактурного пролетариата, и выжидает условий, благоприятных для этого превращения... Этот источник относительного перенаселения течет постоянно. Однако его постоянное течение к городам предполагает в самой деревне постоянное скрытое перенаселение, размер которого становится виден только тогда, когда отводные каналы открываются исключительно широко»¹⁰⁵. С неравномерностью распределения работ в земледелии Маркс связывал отход крестьян на неземледельческие заработки и распространение домашней промышленности в деревнях.

В 90-х годах XIX в. В. И. Ленин, воспроизводя цитированные высказывания Маркса, отмечал, что «из других европейских стран в России различие между рабочим периодом в земледелии и временем производства особенно велико»¹⁰⁶. К этому моменту отделение промышленности от земледелия достигло той стадии, когда занятость крестьян в свободное от полеводческих работ время могла быть обеспечена только быстрым ростом городской индустрии и радикальной перестройки сельскохозяйственного производства. «Зимняя безработица нашего крестьянства зависит не столько от капитализма, сколько от недостаточного развития капитализма,— писал Ленин.— ...Из великорусских губерний наиболее сильной зимней безработицей отличаются губернии с наименьшим развитием капитализма, с преобладанием отработков»¹⁰⁷.

Здесь указаны условия, превращающие не полное использование рабочей силы крестьянским хозяйством в частичную безработицу, ведущие к образованию скрытого аграрного перенаселения. Современная экономическая литература неполное использование рабочей силы крестьянских хозяйств, выражающееся «в большом расхождении между календарным и фактически отработанным количеством рабочих дней», рассматривается как «одно из важнейших проявлений аграрного перенаселе-

¹⁰⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 657.

¹⁰⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 319.

¹⁰⁷ Там же, с. 320. Ср. с. 267—269.

ния»¹⁰⁸. Названная форма перенаселения присуща капиталистически неразвитой среде и охватывает не только бедняцкие, но и середняцкие, а частью и батрацкие слои. Не имевшие постоянного заработка, работавшие сезонно или кочевавшие батраки — бесспорные представители аграрного перенаселения.

Именно с разновидностью аграрного перенаселения в мелкокрестьянской среде мы встречаемся в советской доколхозной деревне: оно было наследием исторического прошлого, прямым результатом отсталости экономической структуры деревни и недостаточности промышленного развития страны.

«Крупнейшей отрицательной чертой современной деревни, выражающей ее историческое прошлое и остатки общей отсталости страны,— указывалось в решениях XV съезда партии,— является так называемое «аграрное перенаселение», т. е. большое количество «излишних» рабочих рук, не находящих себе трудового применения в деревне и значительно увеличивающих количество безработных в городе»¹⁰⁹.

Аграрное перенаселение отрицательно сказывается на развитии народного хозяйства. Оно тормозило внедрение улучшенной техники в земледелии, удерживало на низком уровне товарность сельского хозяйства, понижало уровень материального благосостояния деревни, служило источником постоянного воспроизводства безработицы в городе. Несоответствие «между количеством рабочих рук в деревне и реальной возможностью их хозяйственного использования (так наз. «аграрное перенаселение»)»¹¹⁰ съезд считал одной из основных диспропорций в развитии народного хозяйства страны того времени, ликвидация которых являлась важнейшей задачей хозяйственной политики диктатуры пролетариата¹¹¹.

В экономической литературе 20-х годов XX в. были широко распространены исчисления «избыточного» населения по данным о неиспользованном труде — полученные результаты колебались между величинами от 5 до 30 млн. человек. Подобные исчисления представляются очень умозрительными: не следует забывать, что речь идет «о сезонной безработице», что в страду мелкое крестьянское хозяйство испытывало не избыток, а недостаток рабочих рук. Математически изошренные расчеты оказываются здесь малопригодными, поскольку производственная деятельность крестьянина протекала в основном в рамках семьи, сливалась с домашним хозяйством. В ней участвовали практически все члены семьи, кроме малолетних детей и боль-

¹⁰⁸ Афанасьев Л. А. Аграрное перенаселение. М., 1963; с. 36. Ср. Растяжников В. Г. Аграрная эволюция в многоукладном обществе. Опыт независимой Индии. М., 1973, с. 189—190.

¹⁰⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 4. М., 1970, с. 54.

¹¹⁰ Там же, с. 36.

¹¹¹ См. там же, с. 35—36.

ных. Напомним, что по данным переписи населения 1926 г. в составе сельского населения СССР оказалось 61,4% «самодельных»: в соответствии с деревенской практикой такими считались, начиная с 10 лет, что во всех других группах населения число работников было меньше числа их иждивенцев. Действительная проблема состояла одновременно и в том, чтобы обеспечить занятость рабочих рук в периоды вынужденной безработицы и в том, чтобы высвободить из сельскохозяйственного производства рабочие руки, необходимые для других отраслей народного хозяйства, для культуры, здравоохранения и т. п., чтобы обеспечить детям и подросткам возможность образования и подготовки к трудовой деятельности в условиях нового времени. В этом состояло жизненное противоречие мелкого крестьянского хозяйства — противоречие отсталости, от которого нельзя отвлекаться при рассмотрении вопроса об избыточном труде в деревне.

Наконец, обращаясь к данным об использовании труда в крестьянском хозяйстве, следует иметь в виду, что лежащие в их основе бюджеты составлялись преимущественно в хозяйствах, получавших основной доход от собственного сельского хозяйства, и не дают представления о хозяйствах, основной доход которых получался от промыслов в деревне или отходничества на заработки. Но это обстоятельство говорит лишь о том, что приводимые ниже данные не преувеличивают, а несколько преуменьшают как масштабы избыточного труда в сельском хозяйстве, так и значение промысловой деятельности в жизни крестьянина.

При экстенсивной системе сельскохозяйственного производства с ничтожной ролью трудоемких сырьевых культур и слабым развитием животноводства трудовой процесс крестьянина был рассредоточен на небольшие по времени рабочие периоды, когда требовался особенно интенсивный труд. В длительные промежутки между этими периодами напряженного труда рабочая сила крестьянской семьи не могла найти применения непосредственно в своем хозяйстве. Расчеты Л. Е. Минца показали, что в 1924/25 г. доля неиспользованного труда (по числу непроработанных рабочих дней) равнялась в среднем 19,2%. Но при этом в апреле она упала до 11,6%, в июне — до 6,9, в июле — 7,7, в августе — 4,4, в сентябре до 9%. С завершением полевых работ удельный вес непроработанных рабочих дней резко возрастает и составляет в октябре — 32,2%, в ноябре — 27,8, в декабре — 32,3, в январе — 19, в феврале — 33,2, в марте — 23,7, в мае — 20%¹¹². В число проработанных дней здесь уже включены разного рода промыслы и отхожие заработки.

¹¹² Минц Л. Е. Проблемы баланса труда и использования трудовых ресурсов в СССР. М., 1967, с. 186, 199. Здесь переиздана (с некоторыми дополнениями и сокращениями) глава из монографии «Аграрное перенаселение и рынок труда в СССР» (М.—Л., 1929).

Нужно обратиться к структуре рабочего времени крестьянина, чтобы получить представление о затратах труда в собственном сельском и домашнем хозяйстве и его резервах для использования за пределами этого хозяйства. В табл. 29 представлены данные о распределении рабочего времени в расчете на одного работника как по обследованным хозяйствам в целом, так и по посевным группам их.

Т а б л и ц а 29

Структура затрат рабочего времени крестьянина на 1924/25 г.
(в расчете на одного работника в мужских рабочих днях)*

	Группы хозяйств по размерам посева, в дес.							По всем хозяйствам в целом
	до 2	2—4	4—6	6—8	8—10	10—16	свыше 16	
Сельское хозяйство	81,3	95,4	99,9	102,3	103,1	108,2	106,0	95,0
Домашнее хозяйство	58,3	52,6	49,7	48,8	48,3	53,6	57,8	52,9
Работы, связанные с сельским и домашним хозяйством **	26,0	28,6	29,2	29,8	27,8	31,0	32,8	28,4
Лесное хозяйство	6,7	5,4	4,3	4,4	3,6	2,9	1,0	5,0
Работы вне своего сельского хозяйства	49,4	31,7	26,5	20,7	20,1	16,1	11,1	31,6
Прочие затраты ***	8,4	6,2	6,4	6,7	7,2	5,8	10,2	7,0
Всего дней работы	230,1	219,9	216,7	212,7	210,1	217,5	218,9	220,1
Неиспользовано рабочих дней	45,7	53,8	54,3	57,9	57,1	49,2	43,7	52,2
Общий запас рабочих дней в году (без праздничных, ненастных и дней болезни)	275,8	273,7	271,0	270,6	267,2	266,7	262,6	272,3

* Минц Л. Е. Проблемы баланса труда и использования трудовых ресурсов в СССР, с. 195, 197.

** Переработка продуктов для домашней надобности, поездки на базар и прочие отлучки по хозяйственным делам, возведение и ремонт построек, рыболовство, охота, починка мостов, дорог и изгородей, «общественные подводы». Л. Е. Минцем к работам, связанным с сельским и домашним хозяйством, отнесены работы в лесном хозяйстве и участие в собраниях. Согласиться с этим нельзя. «Лесное хозяйство» выделено здесь самостоятельной строкой, а участие в собраниях отнесено к «прочим работам» наряду с учением и военной службой.

*** Нераспределенные работы, собрания, учение и военная служба.

Обращает на себя внимание достаточно строгая зависимость распределения рабочего времени от размеров крестьянского хозяйства. Общий запас рабочих дней на работника составлял в среднем 272. Остальные дни приходились на праздники, ненастье и болезни. При этом оказалось, что с ростом размера хозяйства (а тем самым и его состоятельности) у крестьянина представлялось больше возможностей для отдыха и для осво-

бождения его от работы на время болезни: запас рабочих дней на работника последовательно снижается от 276 в хозяйстве с посевом менее 2 дес. до 263 в хозяйстве с посевом более 16 дес. В обратном направлении изменялось число дней, затрачиваемых крестьянином на работу в собственном сельском и домашнем хозяйстве: при 176 днях на работника в среднем последовательное повышение от 166 дней в хозяйстве с посевом менее 2 дес. до 197 дней в хозяйстве с посевом более 16 дес. В крупном зажиточном хозяйстве (посевная площадь свыше 10 дес.) для каждого трудоспособного находилось больше работы на 20—30 дней, чем в мелком бедняцком. Уже одно это обстоятельство делало трудовой баланс в зажиточных хозяйствах более благоприятным, свидетельствовало о том, что аграрной перенаселенностью были поражены в большей мере маломощные, бедняцкие слои деревни.

Чем мельче по размерам, чем беднее было хозяйство, тем больше оказывался общий запас рабочих дней каждого работника и тем меньше он реализовывался в собственном хозяйстве, тем больше становился, следовательно, объем избыточного труда, использование которого было возможно лишь на стороне. В среднем по всем хозяйствам его величина была равна 89 рабочим дням для каждого работника (за вычетом также времени, отнятого «прочими работами», чаще всего общественными делами). Однако в хозяйствах с посевом до 2 дес. она составляла 102 дня и далее соответственно: от 2 до 4 дес.—91, от 4 до 6 дес.—86, от 6 до 8 дес.—83, от 8 до 10 дес.—81, от 10 до 16 дес.—68 дней, а у тех, кто имел свыше 16 дес. на хозяйство—56 дней. Бедняцкие и маломощносредняцкие слои деревни должны были искать работу вне своего сельского и домашнего хозяйства, в котором им значительную часть года нечего было делать и которое их не могло прокормить. Объективная необходимость заставляла неимущую часть крестьянства обратиться к разного рода промыслам в деревне или отправляться на заработки в отход. Сам по себе факт избыточности рабочей силы в крестьянском хозяйстве свидетельствовал о колоссальной растрате человеческой энергии, о неспособности мелкого индивидуального производства обеспечить рациональное и эффективное использование имевшихся трудовых ресурсов.

* * *

Низкая техническая оснащенность крестьянского хозяйства и абсолютное преобладание ручного труда, сохранявшиеся до конца 20-х годов, не были, однако, постоянными величинами. Напротив, с самого начала восстановления росла общая масса применяемых в сельском хозяйстве технических средств и началось постепенное обновление их состава. Эти вопросы уже освещались в нашей литературе, что позволяет ограничиться

общей оценкой тех сдвигов, которые произошли в вещественных производительных силах крестьянского хозяйства.

Из средств сельскохозяйственного производства за годы войны и разрухи в наибольшей мере пострадал рабочий скот — основная двигательная сила мелкого хозяйства. С 1916 по 1922 г. поголовье лошадей сократилось с 35,8 млн. до 24,1 млн. За семь последующих лет оно возросло до 34,6 млн., что составило 96,8% по отношению к дореволюционному времени¹¹³. Восстановление тягловых ресурсов было одной из основ подъема сельского хозяйства и, что необходимо подчеркнуть, сокращения безлошадных хозяйств — важнейшего фактора осередничивания деревни. Начавшееся освоение тракторов не только знакомило крестьянина с новым двигательным средством, но и служило предпосылкой коллективизации. Однако характер производственного процесса в сельском хозяйстве страны продолжал определяться естественными (а не индустриальными) энергетическими силами. В 1928 г. тракторами было вспахано не более 1% площади яровых посевов¹¹⁴.

Заметные сдвиги произошли в обеспеченности сельского хозяйства машинами и орудиями. Большая работа была проведена Советским государством по замене сохи плугом. На весенней вспашке 1928 г. сохой было поднято всего 8,1 млн. га (9,8%)¹¹⁵. Намного возросло использование конных сеялок, жаток, косилок и молотилок. По сравнению с дореволюционным временем масса используемых в сельском хозяйстве технических средств удвоилась (в стоимостном исчислении в 1919 г. по 6 руб. на 1 га посева, в 1928/29 г. — по 11 руб. 91 коп.)¹¹⁶. Широкое распространение различных форм общественной взаимопомощи позволяло значительно расширить производственное использование сельскохозяйственной техники¹¹⁷. Тем не менее в 1928 г. сев яровых был произведен вручную на 74,4% площади, убрано косами и другими ручными способами 44,4% урожая хлебов¹¹⁸. Экономическое значение этих фактов обычно демонстрируется данными о различной производительности применявшегося тогда инвентаря. Не менее показательны сведения о затратах труда на десятину посева в крестьянском хозяйстве. Эти сведения были получены по бюджетным описаниям 1922/23 — 1924/25 гг. и характеризуют эффективность ручных работ. Что-

¹¹³ ЦУНХУ Госплана СССР. Животноводство СССР за 1916—1938 гг. Статистический сборник. М.—Л., 1940, с. 4.

¹¹⁴ ЦУНХУ Госплана СССР. Социалистическое сельское хозяйство Союза ССР. М.—Л., 1939, с. 24.

¹¹⁵ Госплан СССР. Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М., 1934, с. 135.

¹¹⁶ НКЗ РСФСР. Материалы по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства (1928/29—1932/33 гг.), ч. 6 «А». М., 1929, с. 8.

¹¹⁷ Данилов В. П. Указ. соч., с. 196—282, 321—402.

¹¹⁸ Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР, с. 135.

бы удобрить посев, крестьянин должен был в разных районах страны затратить на возку и разброс навоза от 4 до 15 дней работы взрослого мужчины и от 1,5 до 6 дней работы лошади. По стране в среднем пахота под озимые требовала 4,3 дня от работника и 5,5 дня от лошади (в ряде районов впрягалось в плуг по две лошади), боронование занимало 1,6 дня у работника и 2,1 дня у лошади, уборка — 2—2,5 дня работника на косьбу и столько же на вязку снопов (уборка серпами требовала по 9,6 дня!), возка снопов — 2,8 дня работника и 2,1 дня лошади, молотьба и веяние — 7,4 дня работника и 1 день лошади. На весь цикл работ, связанных с десятиной озимых хлебов, крестьянин затрачивал 14,9 работы лошади и 29,7 дня работы взрослого мужчины¹¹⁹. Яровые хлеба были легче и проще в производстве (зато не столь надежны и урожайны, как озимые). На полную обработку десятины яровых хлебов уходило 12,2 дня работы лошади и 23,2 дня работы самого крестьянина. На десятину подсолнуха нужно было затратить 8,4 дня работы лошади и 30,2 дня работы человека, на десятину картофеля — соответственно 21,7 и 63,6, на десятину льна — 14,2 и 110 дней¹²⁰.

Среднее крестьянское хозяйство при 2—3 рабочих могло обрабатывать 4—6 дес. посева, затрачивая огромный и тяжелый физический труд. Более высокая агрикультура предполагала дополнительные вложения средств и труда и уже поэтому становилась мало доступной для крестьянина. Низкая производительность ставила чрезвычайно узкие рамки развитию сельского хозяйства.

По данным Госплана СССР, в 1925/26 г. на одного работника в промышленности приходилось в среднем 693 руб. валовой продукции, а в сельском хозяйстве — 229 руб.¹²¹ Если же взять данные о крупной промышленности, то окажется, что один день человеческого труда на ее предприятиях давал валовой продукции на 18 руб. 36 коп., а в сельском хозяйстве — всего на 1 руб. 53 коп., т. е. в 12 раз меньше¹²². Показательно сопоставление данных о затратах и производительности труда в единоличных крестьянских хозяйствах за 1922—1925 гг. и в колхозах за 1937 г., когда зерновое производство в основном уже было переведено на новую материально-техническую базу. Крестьянин-единоличник затрачивал на обработку одного гектара посевов зерновых 20,82 человеко-дней и получал на каж-

¹¹⁹ ЦСУ СССР и РСФСР. Урочное положение на сельскохозяйственные работы в связи с техникой производства (по данным крестьянских бюджетов 1922/23, 1923/24 и 1924/1925 гг.). М., 1927, с. 20, 22, 24, 26—29.

¹²⁰ Там же, с. 31—40, 42—50.

¹²¹ Госплан СССР. Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27—1930/31 гг. М., 1927, с. 30 (исчисление произведено в ценах 1913 г.).

¹²² Калинин М. И. Пути подъема сельского хозяйства и налоговое облегчение середняка. Избранные произведения, т. 2, с. 309.

дый из них по 31,1 кг зерна. Колхозы же затрачивали вдвое меньше живого труда своих членов — 10,55 человеко-дней на гектар, получая при этом в 3 раза больше хлеба — 98 кг на каждый человеко-день¹²³. Еще более разительны сравнения с производительностью труда современных колхозов. На центнер зерна крестьянин затрачивал в 20-х годах 3,21 рабочих дня, а в 70-х годах — 0,26 рабочих дня, т. е. в 12 раз меньше¹²⁴. «...Крестьянин,— писал Маркс,—...затрачивает много труда на обработку своей маленькой парцеллы, но труда изолированного и лишенного объективных как общественных, так и материальных условий производительности»¹²⁵.

Низкий уровень технической вооруженности являлся основной причиной отставания сельского хозяйства от нужд социалистического строительства, от быстро растущих потребностей страны в продуктах питания и сырье. Он свидетельствовал также что задачи социалистического преобразования сельского хозяйства не исчерпывались изменением производственных отношений, включали создание новой материально-технической базы, коренную техническую реконструкцию.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Главной и определяющей сферой приложения крестьянского труда являлось сельскохозяйственное производство. Для громадного большинства населения страны оно было практически единственной отраслью производственной деятельности. Если, как уже отмечалось, состояние сельского хозяйства, направление и темп его развития определялись эволюцией и функционированием его первичных производительных ячеек — крестьянских хозяйств, то и, напротив, общий ход развития сельскохозяйственного производства служил объективной основой социальной эволюции крестьянства, формирования в его среде классовых слоев и групп, складывания и изменения взаимоотношений крестьянских хозяйств между собой и всех вместе с городом, с несельскохозяйственным сектором экономики страны. Это означало вместе с тем, что состояние, характер и темп развития сельскохозяйственного производства определяли возможности экономического и социального роста общества в целом, относились к числу главнейших условий, диктовавших сроки и способы социалистических преобразований в народном хозяйстве.

¹²³ ЦУНХУ Госплана СССР. Производительность и использование труда в колхозах во второй пятилетке. М.—Л., 1939, с. IV, 4; ЦУНХУ Госплана СССР. Колхозы во второй сталинской пятилетке. М.—Л., 1939, с. 59.

¹²⁴ ЦСУ СССР. Народное хозяйство СССР в 1970 г. Статистический ежегодник. М., 1971, с. 402.

¹²⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 230.

Неизбежным следствием распыленности производства, недостатка и примитивности техники, преобладания ручного труда являлся низкий уровень агрономической культуры. Абсолютно господствовала консервативная паровая трехпольная система земледелия, закрепленная принудительным севооборотом, выпасом скота на пару и жнивью, мелкополосицей общинного порядка землепользования. Экстенсивно-зерновое направление, ничтожная роль трудоемких технических культур, недостаточное развитие животноводства, характерные для трехпольной системы земледелия, ставили серьезные преграды на пути подъема сельскохозяйственного производства, удерживали на низком уровне товарность и доходность крестьянского хозяйства.

Прогрессивные системы земледелия — многополье с плодосменом и травопольем — в 1924 г. охватывали 3664 тыс. га, т. е. 7,2% посевной площади РСФСР¹²⁶ (в 1916 г. всего 600—700 тыс. га). Почти вся масса площадей с многопольными севооборотами была сосредоточена в Центрально-Промышленном, Западном и Северо-Западном районах, т. е. в районах производства интенсивных технических культур. Место многопольных севооборотов резко сокращалось при переходе к зерновым районам. В ЦЧО многопольные севообороты в 1924 г. охватывали всего 3% пашни¹²⁷. Но наиболее отсталыми в этом отношении являлись Северный Кавказ, Нижнее и Среднее Поволжье, Казахстан и Сибирь.

В восточной части Северного Кавказа, в Нижнем Поволжье, в Самарской и Оренбургской губерниях, в Казахстане и в Зауралье были распространены залежная и переложная системы землепользования. Крестьянин из года в год обрабатывал и засеивал одной культурой, чаще всего пшеницей, один и тот же участок. Через 5—8 лет, когда почва оказывалась в конце истощена, участок пускали в залежь примерно на такой же срок. На Северном Кавказе в 1925 г. под залежью находилось 19,7% пашни, в Саратовской губернии — 25—30%¹²⁸.

Освободившись от гнета крепостников-помещиков, пользуясь всемерной поддержкой Советского государства, поставившего агрономические силы страны на службу трудящимся, крестьянство постепенно овладевало прогрессивными методами ведения хозяйства. Многопольные севообороты на территории РСФСР к 1927 г. возросли до 17740 тыс. га, что составляло 17,3% посевной площади. На Украине площадь многополья достигла 6778 тыс. га, в Белоруссии — 334 тыс. га¹²⁹. Ранние и улучшен-

¹²⁶ «Сельскохозяйственная газета», 1929, 12 апреля; Основные элементы сельскохозяйственного производства в СССР. 1916 и 1923—1927 гг., с. 14.

¹²⁷ ЦГАНХ, ф. 3983, оп. 1, д. 45, л. 361.

¹²⁸ Там же, лл. 164, 237.

¹²⁹ СССР. Год работы правительства. Материалы к отчету за 1927/28 г. М., 1929, с. 219; СССР. Год работы правительства. Материалы к отчету за 1928/29 г. М., 1930, с. 202; «Сельскохозяйственная газета», 1929, 3 марта.

ные пары в 1927 г. применялись на четвертой части озимых посевов, вспашка под зябь — на третьей части яровых (в Российской Федерации)¹³⁰. Сортовые посевы в 1925/26 г. занимали 359,3 тыс. га, а в 1926/27 г. — уже 985,5 тыс. га¹³¹. Очистке и сортированию подвергалось в 1924/25 г. только 6% семенного зерна, в 1925/26 г. — 10%, а в 1926/27 г. — 14%¹³². Сдвиги в этом направлении продолжались и в дальнейшем¹³³, однако агрикультурная отсталость продолжала довлеть над крестьянским хозяйством, резко ограничивала возможности его развития.

Отсталость и экстенсивно-зерновая направленность земледелия тормозили рост сельскохозяйственного производства, служили, как отмечалось в решениях XV конференции ВКП(б), «громдным препятствием для дальнейшего развития всего народного хозяйства»¹³⁴.

Таковы были объективные препятствия на пути развития сельского хозяйства. Преодолеть их можно было только на пути коренной технической и социальной реконструкции. Однако наличие этих препятствий вовсе не означало, что сельское хозяйство в стране переживало упадок или застой. Напротив, весь период 20-х годов, особенно до 1927 г., характеризовался постепенным подъемом сельскохозяйственного производства на основе восстановления и развития многомиллионной массы крестьянских хозяйств. К 1926 г. сельское хозяйство в основном завершило процесс восстановления.

К настоящему времени имеются возможности воссоздать динамику основных показателей сельскохозяйственного производства за 20-е годы в целом. «Статистическая разногласица» в характеристике сельского хозяйства того времени в значительной мере преодолена¹³⁵. Наука уже располагает достаточно проверенными и сопоставимыми данными, относящимися к территории СССР и союзных республик как в границах до 17 сентября 1939 г., так и в современных границах. Публикация таких статистических показателей по сельскому хозяйству была начата ЦУНХУ Госплана СССР в статистических ежегодниках

¹³⁰ Калинин М. И. Указ. соч.— Избранные произведения, т. 2, с. 308—310.

¹³¹ «Сельскохозяйственная газета», 1929, 12 апреля.

¹³² Данилов В. П. Указ. соч., с. 264.

¹³³ В 1928 г. посев озимых по ранним и улучшенным парам составил 26%, посев яровых по зяби — 35%, очистка семенного зерна достигла 25%, многополье занимало 18,2 млн. га (см. кн.: НКЗ РСФСР. Материалы по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства, ч. 1, с. 20).

¹³⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 3, М., 1970, с. 369.

¹³⁵ Источниковедческую критику (и отбор наиболее достоверных) данных о сельскохозяйственном производстве начала 20-х годов см. в кн.: Поляков Ю. А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967, с. 55—72; данных, относящихся к середине и второй половине 20-х годов — см. в кн.: Данилов В. П. Указ. соч., с. 91—97; Мошков Ю. А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929—1932 гг.). М., 1966, с. 19—20.

«Социалистическое строительство СССР», вышедших в свет в 1934, 1935 и 1936 гг., и продолжена нынешним ЦСУ СССР в ежегодниках «Народное хозяйство СССР» (с 1959 г.) и двух специальных статистических сборниках «Сельское хозяйство СССР», изданных в 1960 и 1971 гг.

Современные публикации ЦСУ СССР полностью подтвердили данные статистических ежегодников 1934—1936 гг. о динамике посевных площадей за интересующий период. При анализе их следует учитывать, что это — посевные площади «весенние продуктивные, т. е. все площади, занятые посевами ко времени окончания сева яровых»¹³⁶ и, следовательно, не включающие погибшие озимые и не пересеянные яровыми. Однако они не равны уборочным площадям, поскольку гибель яровых от засухи или вымокания этими данными не учитывается. Указанное обстоятельство важно иметь в виду при оценке данных о посевных площадях в засушливые годы. Такими были не только 1921 и 1924 гг., но для ряда южных районов страны, особенно для степной Украины, и 1928 г.

Общая динамика посевных площадей за 1921—1929 гг. в современной литературе освещена достаточно обстоятельно. Поэтому ограничимся указанием на основные рубежи роста посевных площадей во второй половине 20-х годов и попытаемся установить значение различных социальных форм сельскохозяйственного производства в рассматриваемом процессе.

Посевные площади, сократившиеся к 1922 г. более чем на 27 млн. га, т. е. на четвертую часть, в 1926 г. уже на 5,3 млн. га превысили уровень 1913 г. и составили 110,3 млн. га. За 1927 г. посевы в стране увеличились еще на 2,1 млн. га и достигли 112,4 млн. га. Несмотря на некоторое отставание темпов роста посевных площадей под зерновыми культурами, к 1927 г. были восстановлены и они. В 1926 г. посевы зерновых определялись в 93,7 млн. га, а в 1927 г. — в 94,7 млн. га и составили 100,3% к довоенному уровню¹³⁷. Рост посевных площадей в период восстановления и перехода к реконструкции нельзя не признать достаточно быстрым, поскольку совершался он на основе мелкого хозяйства. В 1927 г. посевная площадь единоличных хозяйств была равна 110,1 млн. га (98%), тогда как в совхозах страны она составляла 1559,2 тыс. га (1,4%) а в колхозах — 748,7 тыс. га (0,6%)¹³⁸. Учитывая, что совхозы и колхозы создавались преимущественно на старопашотных землях, едва ли на их долю приходилась сколько-нибудь значительная часть из 7,4 млн. га новых посевных площадей, освоенных к концу первого десятилетия Советской власти. Крестьянство, следовательно, оказалось в состоянии не только восстановить свои соб-

¹³⁶ ЦСУ СССР. Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1971, с. 683.

¹³⁷ Социалистическое строительство СССР. М., 1934, с. 176—177.

¹³⁸ Там же, с. 180—183, 187.

ственные посевы и освоить бывшие помещичьи, но и поднять внушительный в совокупности массив новых земель.

За два последующих года (1928 и 1929 гг.), когда мелкое крестьянское хозяйство еще сохраняло абсолютное преобладание в сельскохозяйственном производстве, посевные площади выросли до 118049,7 тыс. га (т. е. на 5,6 млн. га), в том числе зерновые до 96011,8 тыс. га (т. е. на 1,3 млн. га). За эти два года посевная площадь единоличных хозяйств увеличилась до 111621 тыс. га (на 1,5 млн. га), посевы совхозов — до 2273,8 тыс. га (на 0,7 млн. га), посевы колхозов — до 4154,9 тыс. га (на 3,4 млн. га)¹³⁹. Однако по приведенным данным можно составить представление только о том, как менялось соотношение основных социальных форм производства в условиях общего роста посевных площадей, а вовсе не о масштабах освоения новых земель этими формами в 1928—1929 гг.

Прирост совхозных посевных площадей за 1928—1929 гг. с известными оговорками можно отнести в целом к результатам освоения новых земель. В колхозах же прирост посевов был результатом главным образом обобществления крестьянских земель. Удельный вес новых земель в общем массиве колхозных посевов не превышал 20%, т. е. 0,8 млн. га¹⁴⁰. Даже при этих несколько преувеличенных предположениях оказывается, что на долю крестьянских хозяйств приходилось не менее 4 млн. га новых посевов, освоенных на протяжении 1928 и 1929 гг. — почти по 2% прироста в год!

Приведенные цифры прежде всего обнаруживают несомненное превосходство социалистических форм хозяйства в решении одной из самых актуальных задач развития сельскохозяйственного производства в реконструктивный период — в освоении новых земель. Но эти цифры свидетельствуют и о том, что в условиях осуществления провозглашенного XV съездом ВКП(б) курса на коллективизацию и наступления на кулачество трудящиеся массы крестьянства продолжали активно расширять сельскохозяйственное производство. Как видим, не име-

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ В этой оценке есть некоторое преувеличение. Колхозы того времени создавались бедняками и не сразу получали новую материально-техническую базу. Увеличение посевных площадей путем освоения целины и залежей на 20—50% давали колхозы, обслуживаемые тракторными колоннами (см. Данилов В. П. Указ. соч., с. 361, 364, 368). Однако нужно учитывать и другое: по методике, принятой в статистике 20-х годов, посевная площадь личных подсобных хозяйств колхозников, совхозных рабочих и служащих учитывалась вместе с посевами единоличных крестьянских хозяйств. В 1928 г., например, в колхозах на 1367 тыс. га обобщественных посевов приходилось 1150 тыс. га индивидуальных (см. ЦСУ СССР. Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1960, с. 128). В 1929 г. колхозы имели 4,1 млн. га посевов в общественном хозяйстве и 1,5 млн. га в индивидуальном (см. ЦУНХУ Госплана СССР. Социалистическое строительство Союза ССР. 1933—1938 гг. Статистический сборник. М.—Л., 1939, с. 96).

ют под собой почвы утверждения о спаде трудовой активности крестьянства, о застое или даже деградации сельского хозяйства в 1928—1929 гг., с которыми в свое время выступила правая оппозиция¹⁴¹, а теперь повторяют буржуазные фальсификаторы истории.

В действительности масштабы работ, выполненных крестьянством по подъему новых земель в 1928 и 1929 гг., были даже более значительными. Из-за неблагоприятной зимы в 1928 г. погибло 16,5%, а в 1929 г.— 13,3% озимых посевов. Пересев погибших озимых яровыми частично искупал потери. По данным Госплана общая продуктивная площадь была меньше площади засева в 1928 г. на 2,4% (113 млн. га против 115,7 млн. га), в 1929 г.— на 2% (118 млн. га против 120,4 млн. га)¹⁴². При этом пострадали именно зерновые посевы, во-первых, поскольку урожай яровых, засеянных к тому же второпях и в неблагоприятные сроки, был существенно ниже нормального урожая озимых, во-вторых, поскольку пересев частично производился другими культурами, и, наконец, в-третьих, поскольку изреженные озимые не пересевались и дали пониженный урожай. Тяжелые метеорологические условия конца 20-х годов нельзя игнорировать при оценке эволюции сельскохозяйственного производства¹⁴³. Тем не менее, даже с учетом указанных выше обстоятельств, несомненно замедление роста посевных площадей в 1927—1929 гг. по сравнению с предшествующими годами. Освоение новых земель требовало таких вложений труда и материальных затрат, которые были мало доступны единоличному крестьянству. По мере исчерпания удобных и близко расположенных земель масштабы прироста посевов стали сокращаться. Ограниченность производственных возможностей мелкого крестьянского хозяйства со всей остротой проявилась именно тогда, когда страна предъявила повышенный спрос на сельскохозяйственную продукцию.

В еще большей степени ограниченность возможностей мелкого хозяйства выявилась в росте урожайности, которая, как известно, является прямым и наглядным показателем уровня развития земледелия. Урожайность зерновых к середине 20-х годов не только сравнялась с довоенным уровнем, но и несколько превысила его. Особенный интерес представляет сопоставление данных об урожайности крестьянских полей до и после революции. Именно это может дать действительное представле-

¹⁴¹ Подробнее об этом см. в кн.: Ваганов Ф. М. Правый уклон в ВКП(б) и его разгром (1928—1930 гг.). М., 1970, с. 115—121.

¹⁴² ЦГАОР, ф. 5446, оп. 10, д. 33, л. 180; д. 2653, л. 204.

¹⁴³ Интересное исследование воздействия метеорологических условий на развитие сельского хозяйства в нашей стране было выполнено В. М. Обуховым на материалах дореволюционного времени и частично на материалах 20-х годов (см. Обухов В. М. Урожайность и метеорологические факторы (статистические исследования). М., 1949).

ние об уровне и направлении развития крестьянского хозяйства (см. табл. 30).

Данные об урожайности свидетельствуют о несомненном увеличении производительности крестьянского хозяйства в советских условиях — о том, что крестьянское хозяйство в 20-х годах не переживало застоя и тем более упадка, деградации. Напротив, это были годы, когда трудовое крестьянское хозяйство, благодаря ликвидации крепостнического гнета, широкой помощи со стороны Советского государства, вышло на путь подъема. «Плодородие, — писал К. Маркс, — вовсе не в такой степени является естественным качеством почвы, как это может показаться: оно тесно связано с современными общественными отношениями»¹⁴⁴. Изменение общественных условий в результате революции было основной причиной значительного повышения производительности труда крестьянина.

Таблица 30

Урожайность крестьянских полей до и после Великой Октябрьской революции *

	1861— 1870 гг.	1871— 1880 гг.	1881— 1890 гг.	1891— 1900 гг.	1900— 1910 гг.	1922— 1927 гг.
В центнерах с гектара	4,4	4,7	5,1	5,9	6,3	7,4
В % к предыдущему периоду	—	107	108	115	107	117

* НКЗ РСФСР. Материалы по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства. М., с. 15—16. Следует иметь в виду, что данные за 1922—1927 гг. в таблице несколько занижены. По уточненным сведениям среднегодовой урожай за это 6-летие составил 7,5 ц с га (см. кн.: Социалистическое строительство СССР. М., 1934, с. 203).

В нашей литературе долгое время бытовали весьма завышенные представления об уровне урожаев и валовых сборов в дореволюционной России. Отчасти причиной этого была неправильная методика, применявшаяся в статистике при соответствующих исчислениях: урожай зерновых на землях, арендованных крестьянами у помещиков, приравнивался к урожаю помещичьих хозяйств, в то время как он являлся типично крестьянским¹⁴⁵. При такой методике урожай 1913 г. оценивался в 8,5 ц с га, а среднегодовой урожай за 1909—1913 гг. — в 7,4 ц с га¹⁴⁶. Соответственно валовые сборы на территории СССР в границах до 17 сентября 1939 г. исчислялись в 801 млн. ц для 1913 г. и в 675,6 млн. ц в среднем для 1909—1913 гг.¹⁴⁷

¹⁴⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 175.

¹⁴⁵ См. об этом Мошков Ю. А. Указ. соч., с. 20.

¹⁴⁶ ЦУНХУ Госплана СССР. Социалистическое строительство Союза ССР (1933—1938 гг.) Статистический сборник. М.—Л., 1939, с. 97.

¹⁴⁷ Госплан СССР. Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М., 1939, с. 31; ЦУНХУ Госплана СССР. Третья сталинская пятилетка. 1938—1942. М., 1940, с. 51.

Даже при сопоставлении с таким образом исчисленными данными предреволюционного времени обнаруживалось несомненное увеличение объема производства хлеба во второй половине 20-х годов (среднегодовой валовой сбор за 1925—1929 гг. на 7,5—8% больше соответствующих сборов за 1909—1913 гг.)¹⁴⁸. Действительный сдвиг в развитии сельского хозяйства после революции был гораздо более значительным, нежели это казалось раньше.

С 1959 г. ЦСУ СССР ввело в научный оборот новые данные об уровне урожаев и валовых сборов зерна в дореволюционной России. Отнесение урожаев зерновых на арендованных помещичьих землях к категории крестьянских урожаев привело к существенным исправлениям дореволюционных показателей. В то же время современные публикации ЦСУ СССР полностью подтвердили (и несколько дополнили) данные об урожаях и валовых сборах хлеба, опубликованные в середине 30-х годов. Теперь появилась возможность представить динамику производства зерна в СССР за 20-е годы в целом (см. табл. 31).

Таблица 31

Урожайность и валовые сборы зерна в 1909—1913, 1917—1929 гг. на территории СССР в границах до 17 сентября 1939 г.*

Год	Урожайность с 1 га, в ц	Валовой сбор	
		в млн. ц	в % к предыдущему году
1913	8,1	765,0	—
1909—1913 (в среднем за год)	6,9	651,8	—
1917	6,4	545,6	—
1918	6,0	495,3	90,7
1919	6,2	504,5	102,0
1920	5,7	451,9	89,5
1921	5,0	362,6	80,3
1922	7,6	503,1	138,6
1923	7,2	565,9	112,5
1924	6,2	514,0	90,8
1925	8,3	724,6	141,0
1926	8,2	768,3	106,3
1927	7,6	723,0	94,1
1928	7,9	733,2	101,4
1929	7,5	717,4	97,8
1924—1928 (в среднем за год)	7,6	692,6	—
1925—1929 (в среднем за год)	7,9	733,3	—

* Социалистическое строительство СССР, 1934, с. 203; Народное хозяйство СССР в 1958 году, с. 352, 418; Народное хозяйство СССР в 1961 году, с. 341; Народное хозяйство СССР. 1922—1972 гг., с. 52—53, 216.

¹⁴⁸ Данилов В. П. Указ. соч., с. 93—95.

Бедствия войны и хозяйственной разрухи с каждым годом ухудшали состояние крестьянского хозяйства, что находило выражение в падении сельскохозяйственного производства. Неурожаи 1920 и особенно 1921 г., вызвавшие массовый голод в огромных районах страны, были крайним пределом упадка сельского хозяйства. В 1921 г. страна получила хлеба в 2 раза меньше по сравнению с 1913 г. Но уже с 1922 г. валовые сборы зерновых ежегодно возрастали приблизительно на 60—70 млн. ц и в 1925 г. превысили уровень 1909—1913 гг., а в 1926 г. и уровень 1913 г., когда был получен максимальный урожай до революционной России.

Наиболее точное представление об уровне сельскохозяйственного производства дают среднегодовые данные за более или менее продолжительный отрезок времени, в которых снимаются случайные отклонения, связанные с колебаниями климатических условий. Среднегодовые показатели 1925—1929 гг. и 1909—1913 гг. характеризуют масштабы сдвига в производстве зерна, которого добилось крестьянство после Октябрьской революции — 12,5%. Таков прирост при исчислении по минимальным данным об урожаях второй половины 20-х годов. При исчислении по данным других источников масштаб его окажется еще более значительным¹⁴⁹.

В то же время несомненна чрезвычайная неустойчивость урожаев, обнаруживающая полную зависимость мелкого крестьянского хозяйства от природных условий. Колебания урожаев прямо отражались на экономике страны. В 1927—1929 гг. урожаи были немногим ниже, чем в 1925—1926 гг., но вызванное этим сокращение валовых сборов хлеба не покрывалось приростом посевных площадей. Страна, вступившая на путь индустриализации, столкнулась с недостатком хлеба. Быстро растущее население (по стране в целом и особенно в городах) создавало диспропорцию между потребностями хлеба и реальными возможностями его производства на базе мелкого хозяйства.

Зерновое хозяйство занимало особенно важное место в экономике страны. Производя основной продукт питания, зерновое хозяйство определяло уровень удовлетворения потребностей советского человека. В непосредственной зависимости от уровня его развития находилась возможность увеличения индустриального населения, а тем самым и роста промышленности. Зерновое хозяйство играло ведущую роль в экономике деревни. На его долю в 1926 г. приходилось 84,9% посевных площадей страны,

---

¹⁴⁹ По данным Госплана СССР, относящимся к концу 20 — началу 30-х годов, среднегодовой сбор зерна за 1925—1929 гг. составил в стране 741,8 млн. ц, что на 13,8% превышало валовые сборы 1909—1913 гг. Любопытно, что разница между этими и последующими исчислениями была вызвана более высокой оценкой урожая и валовых сборов 1925—1927 гг. (ЦГАОР, ф. 5446, оп. 10, д. 2653, л. 204; ЦУНХУ Госплана СССР. Народное хозяйство СССР. Статистический справочник. 1932. М.—Л., 1932, с. 221).

27,2% стоимости общей валовой продукции сельского хозяйства и около 30% товарной продукции¹⁵⁰. Экономическое положение крестьянского хозяйства в основном определялось состоянием производства зерновых культур.

Исключительная роль принадлежала зерновому хозяйству в качестве источника накопления. Экспорт хлеба, восстановленный в 1923 г., за три года дал Советскому государству 243,3 млн. руб., что составляло 51% средств, доставляемых вывозом продуктов сельского хозяйства. В первый год периода индустриализации, т. е. в 1926/27 г. государство получило от экспорта хлеба 134,7 млн. руб. (65,8% стоимости вывоза сельскохозяйственных продуктов)¹⁵¹. Развитие зернового хозяйства имело, таким образом, огромное, в ряде отношений определяющее значение для всего народного хозяйства страны.

* * *

Быстрыми темпами восстанавливалось и росло производство технических культур. Посевные площади под ними были восстановлены уже в 1922 г., а к началу сплошной коллективизации почти удвоились. В 1913 г. суммарная площадь посева технических культур составляла 7,5 млн. га, в 1922 — 7,8 млн. га, в 1925 — 11,8 млн. га, в 1929 г. — 14,2 млн. га¹⁵². Наибольшие успехи были достигнуты в производстве культур, имевших не только рыночное, товарное значение, но потребительскую ценность для крестьянина. Такими являлись прежде всего картофель и масличные культуры.

Картофель — один из основных продовольственных продуктов. По данным ЦСУ, в 1925—1927 гг. потребление картофеля городским населением выражалось примерной цифрой в 85 кг на душу в год (т. е. по 200—250 г в день). Еще большую роль картофель играл в потреблении крестьянина: от 150 до 250 кг на душу в год (от 600—700 г в день на территории потребляющей полосы и около 400 г в день на территории производящей полосы)¹⁵³. Важное место занимал картофель в качестве кормовой культуры для скота. По количеству кормовых единиц на единицу площади он стоял впереди других кормовых культур нечерноземной полосы. В то же время картофель являлся основным видом сырья для крахмало-паточной и вторым (после кукурузы) — для винокуренной промышленности. Восстановление и развитие этих отраслей промышленности обеспечило по-

¹⁵⁰ Социалистическое строительство СССР. М., 1934, с. 176—177; Материалы по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства, ч. 2. М., 1929, с. 5—6.

¹⁵¹ Материалы по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства, ч. 2, с. 7.

¹⁵² Социалистическое строительство СССР. М., 1934, с. 176—177.

¹⁵³ Сельское хозяйство СССР. 1925—1928, с. 402—405, 408—411.

стоянный рост спроса на картофель. С 1924/25 по 1926/27 г. переработка картофеля в крахмало-паточной промышленности увеличилась с 213 тыс. т до 497 тыс. т, т. е. более чем вдвое, а в винокуренной — с 95 тыс. т до 560 тыс. т, т. е. почти в 6 раз¹⁵⁴. В Ростовском и Даниловском уездах Ярославской губернии, Костромском уезде, на территории которого выделялась Шутоенская волость, Меленковском и Муромском уездах Владимирской губернии производство картофеля давало до 30% валового дохода крестьянского хозяйства и до 65% дохода от полеводства¹⁵⁵.

Огромное значение картофеля как потребительской культуры объясняет непрерывный рост его посевов (они росли даже в годы гражданской войны). Этому способствовала также благоприятствующая политика цен, обеспечившая высокую покупательскую способность картофеля, превышающую таковую льна, пеньки, сахарной свеклы, подсолнечника и зерновых (кроме овса)¹⁵⁶. В 1920 г. под картофелем было занято 3727,9 тыс. га — на 21,9% больше, чем в 1913 г. Посадочные площади под картофелем в 1925 г. достигли 5023,1 тыс. га, в 1929 г. — 5691,7 тыс. га, превысив уровень 1913 г. на 83,1%¹⁵⁷. Ни разу за все эти годы тенденция к расширению посадочных площадей под картофелем не была нарушена.

Вместе с тем были достигнуты довоенные нормы урожайности (среднегодовой сбор с гектара в 1909—1913 гг. равнялся 78 ц, а в 1924—1928 гг. — 79 ц). Причем в конце 20-х годов урожай картофеля оказался относительно высоким (в 1928 г. — 82 ц с га, в 1929 г. — 80,5 ц). Не удивителен, следовательно, постоянный и для своего времени значительный рост валовых сборов картофеля. Их объем в 1909—1913 гг. исчислялся в 22,4 млн. т, а в 1924—1928 гг. — в 41,1 млн. т (в 1928 г. он был равен 46,4 млн. т, в 1929 г. — 45,6 млн. т)¹⁵⁸. Тем самым было значительно увеличено удовлетворение потребностей страны в одном из важнейших продовольственных и сырьевых продуктов.

Успехи картофелеводства были тесно связаны с социальной перестройкой сельскохозяйственного производства и мероприя-

---

¹⁵⁴ Материалы по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства, ч. 2, с. 124, 125.

¹⁵⁵ Жиркович И. Организация картофельного хозяйства. М., 1925, с. 21.

¹⁵⁶ Материалы по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства, ч. 2, с. 97, 132, 137.

¹⁵⁷ Социалистическое строительство СССР. М., 1934, с. 176—177. По данным других источников, в 1927 г. картофеля сажалось на 74,1% больше, чем вообще в России перед революцией и на 85,6% больше, чем в крестьянских хозяйствах (см. в кн.: Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР, с. 24—25).

¹⁵⁸ ЦСУ СССР. Сельское хозяйство СССР. М., 1971, с. 24, 26; Народное хозяйство СССР в 1958 году, с. 418; Социалистическое строительство Союза ССР (1933—1938 гг.), с. 95, 98

тиями Советского государства по развитию производительных сил трудового крестьянского хозяйства. Трудоемкость этой культуры, ее большое потребительское и товарное значение естественно обусловили широкое распространение картофелеводства в хозяйствах беднейших слоев деревни. Данные весеннего обследования 1927 г. вскрывают закономерное повышение удельного веса производства картофеля по мере перехода от хозяйств зажиточных слоев деревни и к хозяйствам маломощных середняков и бедняков (см. табл. 32).

Т а б л и ц а 32

Удельный вес картофельных посевов в посевной площади крестьянских хозяйств в 1927 г., в % *

Группа по размерам посевной площади	Центрально-Черноземная область	Средне-Волжский район	Нижне-Волжский район
До 3 дес.	11,0	5,9	4,3
От 3 до 6 дес.	7,5	4,6	2,6
От 6 до 10 дес.	5,5	3,2	1,6
От 10 до 16 дес.	3,9	2,1	1,3
Свыше 16 дес.	2,4	1,6	1,0
В среднем по району	7,1	4,4	2,2

Материалы по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства, ч. 2, с. 128.

Большими темпами характеризовался рост основных масличных культур, главным образом подсолнечника, но также льна, хлопка и конопли. Растительные масла, вырабатываемые из этих культур, служили одним из важнейших продуктов питания населения. Значительное количество растительного масла потреблялось промышленностью в качестве смазочного материала. Наконец, отходы производства масла (жмых) шли на корм скоту.

Высокий уровень товарности и большое потребительское значение для крестьянского хозяйства обусловили чрезвычайно быстрый рост посевных площадей под масличными культурами. Особенное место среди них принадлежит подсолнечнику, который был наиболее продуктивной и в то же время наиболее дешевой из масличных культур, отличался засухоустойчивостью и играл важную роль в севообороте. Посев яровой пшеницы по подсолнуху давал повышение урожайности на 12% по сравнению с посевами по овсу и на 32% по сравнению с посевами по ячменю¹⁵⁹. Требуя вдвое больших затрат труда, чем производство зерновых, подсолнечник способствовал занятию в хо-

¹⁵⁹ Материалы по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства, ч. 2, с. 104.

зййстве избыточных рабочих рук. Посевы подсолнечника росли быстрее любых других культур. Уже в 1922 г. их площадь более чем вдвое превысила уровень 1913 г.: 2164,9 тыс. га против 968,7 тыс. га, а в 1928 г.— почти вчетверо и достигла 3904 тыс. га¹⁶⁰. Однако этот стремительный рост знал перерывы и спады (по сравнению с предыдущим годом в 1926 г. сокращение на 16,4%, в 1929 г.— на 7,3%¹⁶¹), обусловленный как климатическими, так и экономическими условиями. Неустойчивость роста посевных площадей усугублялась колебаниями в урожайности подсолнечника (от 7,6 ц с га в 1927 г. до 4,9 ц в 1929 г.¹⁶²).

Динамика валовых сборов подсолнечника отразила суммарное воздействие колебаний в объеме посевов и в уровне урожая. В 1925 г. крестьяне собрали 22,3 млн. ц — максимальный сбор за рассматриваемый период. В 1926 г. сборы подсолнечника упали до 15,5 млн. ц. В 1927 г. они вновь повысились до 21,6 млн. ц. В 1928 г., несмотря на огромное расширение площади засева (на 37,9%), сбор подсолнечника остался на том же уровне (21,3 млн. ц), а в 1929 г.— снизился до 17,6 млн. ц¹⁶³. Тем не менее общий сдвиг в производстве подсолнечника был действительно велик: за 1924—1928 гг. страна получала в среднем по 18,7 млн. ц подсолнечника, тогда как в 1913 г.— 7,4 млн. ц¹⁶⁴.

Быстрым был рост производства и других масличных культур.

Пожалуй, наиболее ярко достижения и трудности развития технических культур в условиях 20-х годов проявились в льноводстве, являвшейся одной из наиболее старых и типично крестьянских отраслей сельского хозяйства Северо-Запада, Запада и ряда районов Промышленного центра России. По данным обследования, проведенного в 1924—1925 гг., в Вятской губернии производством льна занимались 97% крестьянских хозяйств, в Смоленской и Тверской губерниях — 93, в Костромской — 82, во Владимирской — 79 и в Ярославской — 70%¹⁶⁵.

Эта интенсивная техническая культура отличалась высокой трудоемкостью (до 110 рабочих дней на десятину — столько же, сколько требовал хлопок)¹⁶⁶, что при ценах, обеспечивающих рентабельность, делало ее для крестьян весьма привлекательной. Льноводство давно уже стало важнейшим источником дохода крестьянского хозяйства указанных районов. Крестьянские хозяйства Псковской губернии в 1924/25 г. получили от льно-

¹⁶⁰ Социалистическое строительство СССР. М., 1934, с. 176—177.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Там же, с. 211.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Сельское хозяйство СССР. М., 1971, с. 24.

¹⁶⁵ Очерки товарных отраслей сельского хозяйства СССР в связи с кредитованием, вып. 1. М., 1926, с. 41.

¹⁶⁶ ЦГАНХ, ф. 3983, оп. 2, д. 7, л. 240.

водства 21,5% всего своего дохода¹⁶⁷. На базе крестьянского льноводства работала значительно выросшая после революции льнообработывающая промышленность. Промышленное потребление льноволокна 1925/26 г. определялось в 6,8 млн. пудов, что на 1,8 млн. пудов (на 36%) превышало показатели 1913 г.¹⁶⁸ До революции лен являлся одной из основных статей сельскохозяйственного экспорта России. 3,2 млн. пудов льноволокна, ежегодно вывозимого Россией, покрывали, примерно, 80% спроса европейской промышленности¹⁶⁹.

В первые годы восстановительного периода благодаря высоким заготовительным ценам и ряду других мероприятий Советского правительства посевные площади под льном росли очень быстрыми темпами (прирост в 1924 г.— 14,1%, в 1925 г.— 22,7%, особенно в Северном, Северо-Западном и Центрально-Промышленном районах, где прирост 1925 г. колебался от 30 до 80%). В 1925 г. посевы льна перекрыли уровень 1913 г. (1575,8 тыс. га против 1398 тыс. га). В 1926 г. посевы подо льном не только не дали прироста, но даже несколько сократились (до 1566,4 тыс. га)¹⁷⁰, что лишь отчасти может быть объяснено снижением заготовительных цен (на 1 руб. 15 коп. с пуда льна)¹⁷¹. Главное заключалось в производственных условиях. Быстрый рост посевов льна привел к гипертрофии льняного клина в яровых посевах. Свойство льна истощать почву в условиях трехполья, крайне малое применение минеральных удобрений и невозможность возмещения их естественными удобрениями при достигнутом тогда уровне развития скотоводства, снизили урожайность льна, повысили его себестоимость и тем самым сделали льноводство весьма чувствительным к колебаниям цен. Характерно также, что сокращение посевов льна в 1926 г. произошло главным образом в старых льноводческих районах. В Северо-Западном районе площади под льном за год уменьшились на 3,2%, в Центрально-Промышленном — на 7%, в Белоруссии — на 1,2%. В районах молодого льноводства (Урал, Сибирь, Северный Кавказ) рост посевов льна не приостанавливался¹⁷².

Лен относится к числу тех немногих культур, которые в 20-х годах не достигли дореволюционного уровня урожайности. За 1909—1913 гг. средняя урожайность льноволокна составляла 2,8 ц с га, за 1924—1928 гг.— 2,3 ц с га. При этом в 1926 г. сборы волокна упали до 2,1 ц, а в 1927 г.— до 2 ц. Среднегодо-

¹⁶⁷ Материалы по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства, ч. 2, с. 72.

¹⁶⁸ ЦГАОР, ф. 4085, оп. 9, д. 192, л. 5.

¹⁶⁹ Материалы по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства, ч. 2, с. 63.

¹⁷⁰ Социалистическое строительство СССР. М., 1934, с. 176—177.

¹⁷¹ ЦГАНХ, ф. 3983, оп. 6, д. 5, л. 61.

¹⁷² Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР, с. 75, 77, 79.

вые валовые сборы несколько превышали дореволюционный уровень (в 1909—1913 гг.—2,6 млн. ц, в 1924—1928 гг.—2,75 млн. ц¹⁷³). Это достижение было результатом расширения посевных площадей, вовлечения в льноводство новых крестьянских хозяйств.

В прессе и специальной литературе середины 20-х годов обсуждался вопрос о «кризисе» льноводства. Однако рост производства льна возобновился. В 1929 г. общая площадь под посевами льна достигла 2053,6 тыс. га, что на 46,9% превышало показатели 1913 г.¹⁷⁴ Несколько увеличилась урожайность. Валовые сборы льноволокна в 1928 г. составили 3,2 млн. ц, а в 1929 г.—3,3 млн. ц, т. е. поднялись до уровня 1913 г. (3,3 млн. ц)¹⁷⁵.

Иначе развевывалась динамика производства другой волокнистой культуры — конопли, более тесно связанной с потребительскими нуждами крестьянского хозяйства. К 1925 г. посеы конопли выросли до 922,6 тыс. га против 645 тыс. га в 1913 г. Валовый сбор конопли в 1926/27 г. составил 511,3 тыс. т — на 27% больше, чем до войны. Прирост посевов в 1924 и 1925 гг. был огромным (в среднем 25%!). В 1926 г. конопляные посеы увеличились всего на 0,5%, а в дальнейшем началось свертывание производства конопли. В 1929 г. площадь конопляников уменьшилась до 897,3 тыс. га¹⁷⁶.

Особый интерес для историка деревенской экономики 20-х годов представляет развитие свекловодства. В нем наиболее явственно проявляется процесс «окрестьянивания» производства технических культур после Октябрьской революции, его хозяйственные и социальные последствия.

До революции на крестьянских полях засеивалось всего 21% сахарной свеклы (см. табл. 33). Тогда это была культура крупных помещичьих хозяйств. Октябрьская революция коренным образом изменила социальную структуру свекловодства. Системой поощрительных мер Советская власть создала условия для бурного развития культуры сахарной свеклы в крестьянских хозяйствах. Роль крупного хозяйства, теперь уже заводских плантаций и совхозов Сахаротреста, в свеклосянии на протяжении 20-х годов была ниже, чем мелких крестьянских хозяйств. В 1927 г. на долю крупных свеклосевных хозяйств приходилось 32% посевов, а удельный вес крестьянского свеклосяния равнялся 68%.

Необходимо отметить еще один чрезвычайно характерный факт в истории крестьянского свеклосяния: оно не сразу стало

¹⁷³ Сельское хозяйство СССР. М., 1971, с. 24, 26.

¹⁷⁴ Социалистическое строительство СССР. М., 1934, с. 211.

¹⁷⁵ Сельское хозяйство СССР. М., 1971, с. 24, 26.

¹⁷⁶ Социалистическое строительство СССР. М., 1934, с. 176—177; Материалы по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства, ч. 2, с. 91—93.

Таблица 33

Изменение социальной структуры свекловодства за 1914—1928 гг.*

Год	СССР				РСФСР			
	крупные хозяйства		крестьянские хозяйства		крупные хозяйства		крестьянские хозяйства	
	тыс. дес.	%	тыс. дес.	%	тыс. дес.	%	тыс. дес.	%
1914	551	79	146	21	94,4	80,0	23,6	20,0
1917	469	87	70	13	—	—	—	—
1922	19	12	146	88	7,6	22,7	26,0	77,3
1923	21	9	220	91	8,4	20,1	33,0	79,9
1924	51	15	298	85	16,9	31,3	37,0	68,7
1925	74	15	411	85	26,4	32,0	56,1	68,0
1926	149	31	337	69	46,4	49,4	47,5	50,6
1927	195	32	409	68	49,4	49,8	49,9	50,2
1928	174	28	454	72	45,9	43,0	61,0	57,0

* ЦГАНХ, ф. 3983, оп. 6, д. 14, л. 41; д. 6, л. 35; оп. 5, л. 26, лл. 348—349; Крестьянское свеклосеяние и свеклосахарная кооперация. Состояние и нужды. М., 1928, с. 5, 12; Материалы по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства, ч. 2, с. 150; Промышленность и сельское хозяйство. М. — Л., 1926, с. 41—43.

внедряться непосредственно в посевы на наделной земле, т. е. собственно в хозяйство крестьянина. Вначале оно развивалось на землях государственных сахарных заводов, сдававшихся крестьянам в аренду специально для посевов сахарной свеклы. Посев на арендуемой у государства земле являлся стадией овладения крестьянином культурой свеклы.

Убедившись на опыте в выгодности свекловодства крестьяне стали активно расширять посевы сахарной свеклы на своих землях. В 1924 г. 58,5% крестьянских посевов свекловицы было произведено на арендуемых у государства землях, в 1926 г. — уже 8,2%, а в 1928 г. все крестьянское свеклосеяние приходилось на наделные земли¹⁷⁷. Это было связано прежде всего с передачей арендуемых крестьянами земель в их непосредственное пользование. Однако крестьянские посевы на наделных землях росли быстрее, чем сокращалась аренда свекловичных посевов. Помощь, оказанная государством крестьянам в освоении такой интенсивной культуры, оказалась весьма эффективной. До революции в свеклосеяние было вовлечено примерно 150—200 тыс. крестьянских хозяйств (из расчета 0,75—1 дес. на хозяйство). В 1925 г. свекловичные посевы имелись в 750 тыс. хозяйств, а в 1929 г. — в 1200 тыс.¹⁷⁸ Освоение интенсивных

¹⁷⁷ Крестьянское свеклосеяние и свеклосахарная кооперация, с. 12—15; Очерки товарных отраслей сельского хозяйства СССР в связи с кредитованием, вып. 1, с. 76, 77.

¹⁷⁸ Очерки товарных отраслей сельского хозяйства СССР в связи с кредитованием, вып. 1, с. 78; «Сельскохозяйственная газета», 1929, 17 апреля.

культур крестьянским хозяйством было одним из важнейших производственных результатов социально-экономической перестройки сельского хозяйства в стране.

Производство высокоинтенсивной культуры повышало доходность крестьянского хозяйства, способствовало увеличению количества скота и инвентаря, обеспечивало занятость свободных рабочих рук. Обработка десятины посева сахарной свеклы требовала по тем временам до 180 рабочих дней, но зато и доходность хозяйств у свекловодов была почти вдвое выше, чем в соседних хозяйствах, не вовлеченных в производство сахарной свеклы. Скота у первых было примерно втрое больше, а сельскохозяйственного инвентаря едва ли не вчетверо¹⁷⁹. По данным обследования 119 хозяйств, произведенного в 1925 г. на территории ЦЧО, в хозяйствах свекловодов под сахарной свеклой находилось 9,4% пашни, а доход от ее реализации составил 44,8% общей суммы денежных поступлений и 81,8% доходов от полеводства¹⁸⁰.

Довоенные масштабы свекловичных посевов были достигнуты и несколько превышены в 1927 г. (648,7 тыс. га в 1913 г., 182 тыс. га в 1922 г., 665,4 тыс. га в 1927 г.). В последующие два года они держались на уровне 770 тыс. га¹⁸¹. Наряду с подсолнечником сахарная свекла являлась основной интенсивной культурой, осваиваемой крестьянством ЦЧО и ряда районов Украины, в которых аграрное перенаселение, неурядицы в поземельных отношениях, низкая обеспеченность живым и мертвым инвентарем проявились с особенной силой. Переход к производству сахарной свеклы способствовал преодолению кризисного состояния сельского хозяйства этих районов, возникшего задолго до 1917 г.

Однако «окрестьянивание» свекловодства имело и свои отрицательные стороны. Оно привело к резкому измельчанию производства высокоинтенсивной культуры: в среднем на одно хозяйство площадь свекловичных посевов составляла 0,5—0,6 дес. По данным 13 союзов свекловодческих кооперативов за 1927 г. в 67,9% хозяйств размер свекловичных плантаций был до 0,5 дес., в 13,9% — 0,51—0,75 дес. и только в 18,2% — превышал 0,75 дес.¹⁸² Посевы сахарной свеклы были распылены не только между отдельными хозяйствами, но и между селениями, что еще более затрудняло агрикультурное воздействие со стороны заводов и кооперации. Свекловичные посевы в общей площади пашни селений, сеющих свеклу, составляли всего 2,5%. Из 527 селений, обслуживаемых 13 свеклосоюзами, в 123 (т. е. в 29% их числа) общая посевная площадь под свеклой

¹⁷⁹ ЦГАНХ, ф. 3983, оп. 2, д. 7, л. 240.

¹⁸⁰ Там же, лл. 56, 59—60.

¹⁸¹ Социалистическое строительство СССР. М., 1934, с. 176—177.

¹⁸² ЦГАНХ, ф. 3983, оп. 2, д. 7, л. 58.

была меньше 5 дес., в 82 селениях (16%) составляли от 5 до 10 дес., в 137 селениях (26%) — от 10 до 25, в 96 (18%) — от 25 до 50, в 59 (11%) — от 50 до 100 и только в 27 селениях (5%) посевы свеклы превышали 100 дес.¹⁸³

Рост свеклосеяния происходил, таким образом, в значительной мере на пути все большего охвата новых селений и хозяйств, а не путем сосредоточения посевов в непосредственной округе сахарных заводов. Только 52% посевов сахарной свеклы концентрировалось в радиусе 12 км от заводов, т. е. в пределах рентабельной гужевой перевозки¹⁸⁴. Следствием этого было значительное удорожание себестоимости свеклы, повышение фактической заготовительной цены для сахарных заводов в связи с переплатой за перевозку и снижение доходности свекловодства для крестьянского хозяйства.

Универсальность крестьянского хозяйства, его потребительский характер, низкая техническая оснащенность ограничивали возможности внедрения высокоинтенсивной культуры в производство, ставили ее развитие в зависимость от различных случайностей, от колебаний рыночной конъюнктуры. Этим порождалась текучесть посевищиков сахарной свеклы, отрицательно сказывавшаяся на уровне агротехники. Обследования, проведенные Сахаротрестом, показали, что в 1924—1926 гг. ежегодно обновлялась примерно четвертая-третья часть посевищиков. У другой же трети — посевы свеклы характеризовались крайней неустойчивостью. Особенно текучей была маломощная группа свеклосево¹⁸⁵.

Крайняя дробность участков, занятых под свеклой, текучесть посевищиков, низкий агротехнический уровень производства обуславливали резкие колебания урожайности, а, следовательно, и валовых сборов сахарной свеклы. Самый высокий урожай ее был получен в 1927 г. (156,5 ц с га), самый низкий — в 1929 г. (81,1 ц). Довоенный уровень производства был превзойден лишь в 1927 и 1928 гг. В среднегодовом исчислении за пятилетие 1925—1929 гг. страна получала по 84,5 млн. ц сахарной свеклы, тогда как за 1909—1913 гг. — по 7 млн. ц¹⁸⁶.

Восстановились и продолжали расти посевные площади (а вместе с ними и валовые сборы) под хлопчатником и табачными культурами. В 1929 г. посевы хлопчатника превышали показатели 1913 г. на 53,2%, а посевы табака и махорки — на 44,1%¹⁸⁷.

¹⁸³ ЦГАНХ, ф. 3983, оп. 2, д. 7, лл. 56—57.

¹⁸⁴ Там же, л. 57.

¹⁸⁵ Материалы по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства, ч. 2, с. 156.

¹⁸⁶ Социалистическое строительство СССР. М., 1934, с. 211; Сельское хозяйство СССР. М., 1971, с. 24, 26.

¹⁸⁷ Социалистическое строительство СССР. М., 1934, с. 176—177.

Коротко остановимся на данных о росте посевов однолетних и многолетних трав, которые являлись необходимым элементом многопольного севооборота и играли важнейшую роль в интенсификации хозяйства. В 1926 г. их общая посевная площадь превысила довоенный уровень и достигла 2,2 млн. га, в 1929 г. она равнялась уже 4,6 млн. га¹⁸⁸. Нужно учесть, что в дореволюционной России культура сеянных трав внедрялась главным образом на помещичьих землях. Быстро развивалось крестьянское огородничество и бахчеводство. В 1923 г. посевные площади под огородными и бахчевыми культурами были на 83,7% больше, чем в 1916 г., а в 1925 г.— на 156,6%¹⁸⁹.

Рост всех отраслей земледелия, явившийся прямым результатом Великой Октябрьской революции, продолжался до конца 20-х годов. В условиях советского общественного строя крестьянство добилось серьезного увеличения производства сельскохозяйственных продуктов. Наблюдавшийся в 1926 г. спад в производстве технических культур был преодолен еще на старой основе, однако его возникновение было симптоматично. Определенное влияние оказали колебания розничной конъюнктуры. Однако, как показал опрос льноводческих хозяйств, сокращение посевов подо льном было результатом плохой урожайности и истощения почвы в 33,7 случаях из 100, экономической невыгодности (низкие заготовительные цены, дороговизна семян и удобрений) — в 36,4 случаях, малоземелья — в 10,9 случаях и т. д.¹⁹⁰ Еще более показательна динамика свеклосеяния, обнаруживающая, что трудности проявились в развитии именно мелкого крестьянского хозяйства. Посевы сахарной свеклы в совхозах продолжали увеличиваться: в 1925 г. они дали прирост на 45,1%, в 1926 г.—на 101,3%. Крестьянские же хозяйства действительно испытали большие трудности: в них свекловичные посевы за 1925 г. выросли на 38,2%, а 1926 г.— пережили резкое сокращение¹⁹¹.

Трудности 1926 г. в производстве технических культур были первым крупным проявлением неспособности мелкого единоличного хозяйства обеспечить неуклонный рост сельскохозяйственного производства. Они убедительно свидетельствовали об ограниченности производственных возможностей деревни того времени. Закономерно, что эти трудности сказались первоначально в производстве интенсивных культур. Бурное развитие трудоемких культур пришло в противоречие с экстенсивным характером мелкого крестьянского хозяйства, с отсталостью его материально-технической базы и агрокультуры. В этом состоял источник

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР, с. 25.

¹⁹⁰ ЦГАНХ, ф. 3983, оп. 6, д. 14, л. 46; Крестьянское свеклосеяние и свеклосахарная кооперация, с. 22.

¹⁹¹ Там же.

диспропорции «между спросом на промышленное сырье, являющееся продуктом сельского хозяйства (хлопок, кожа, шерсть и т. д.) и его предложением...»¹⁹² — одной из важнейших экономических диспропорций, устранение которых, как указывал XV съезд партии (декабрь 1927 г.), требовало коренной реконструкции сельского хозяйства.

Трудности, выявившиеся в развитии одной отрасли, предвещали вместе с тем общее сокращение темпов роста земледельческого производства, пока оно остается раздробленным на миллионы мелких ячеек и базируется на ручном труде крестьянина. «Наступающий хозяйственный период вскрывает новые трудности как в развитии сельского хозяйства, так и в общественных отношениях в деревне, — отмечалось в решениях XV партийной конференции (октябрь — ноябрь 1926 г.). — Недостаточность сельскохозяйственного инвентаря и машиноснабжения деревни служит причиной замедления хода развития сельскохозяйственного производства и может быть изжита лишь в связи с успешным развитием индустриализации. Недостаточное развитие сельскохозяйственной культуры, преобладание отсталых форм хозяйства — все это служит громадным препятствием для дальнейшего развития всего народного хозяйства»¹⁹³.

Опыт подтвердил правильность этой оценки. В то время как производство технических культур после 1926 г. вновь сделало скачок вверх, производство зерна в 1927 г. сократилось на 5,2% и в последующие два года не смогло подняться до уровня 1926 г. В условиях индустриализации страны, быстрого роста промышленности и городов не только сокращение темпов развития сельского хозяйства, но даже простое отставание их от темпов увеличения промышленного производства создавало угрозу замедления всего хода социалистического строительства.

* * *

Особое место в сельской экономике принадлежит животноводству, доставляющему населению основные наряду с хлебом продукты питания (мясо, молоко и масло), а промышленности — сырье (шерсть и кожу) для производства важнейших предметов народного потребления. Уровень народного благосостояния определяется в первую очередь количеством и качеством потребляемых населением страны хлеба, мяса, молока и масла, хлопчатобумажных и шерстяных тканей, кожаной обуви.

Животноводство являлось важнейшей отраслью сельского хозяйства, занимая видное место в составе его валовой и товарной продукции и в числе источников дохода деревни. По данным за 1925/26 г., на его долю приходилось 27,9% стоимости

¹⁹² КПСС в резолюциях..., т. 4, с. 36.

¹⁹³ КПСС в резолюциях..., т. 3, с. 369.

валовой сельскохозяйственной продукции и 34,9% стоимости ее товарной части. По стоимости товарной продукции животноводство уступало место только производству хлеба, превосходя все другие отрасли земледелия. 3119,9 млн. руб. стоимости рыночного продукта сельского хозяйства следующим образом распределялись по его отраслям: производство зерновых хлебов — 1113,6 млн. руб., производство технических культур — 545 млн. руб., производство прочих продуктов земледелия — 372,8 млн. руб., животноводство — 1088,5 млн. руб.¹⁹⁴ Если же учесть и ту часть скота, которая поступала в рыночный оборот в качестве средства производства, то ведущая роль среди товарных отраслей сельского хозяйства перейдет к животноводству. В 1925/26 г. крестьянским хозяйствам отчуждалось продуктов в среднем на 172,98 руб., в том числе продуктов полеводства — на 80,81 руб. (зерновых на 47,08 руб.), продуктов скотоводства и птицеводства — на 28,17 руб., а живого скота и птицы — на 64 руб. Следовательно, в целом животноводство давало 53,2% товарной продукции сельского хозяйства, доставляя крестьянину 22,9% всего денежного дохода (92,17 руб. из 401,36), тогда как удельный вес полеводства в числе источников денежного дохода крестьянина был равен 20,1%, а зернового производства — 11,7%¹⁹⁵.

Учитывая исключительно важную роль животноводства в удовлетворении материальных потребностей трудящихся города и деревни, Советское государство оказывало систематическую помощь крестьянству в восстановлении и развитии этой отрасли сельского хозяйства. Организация снабжения продуктивным скотом и представление крестьянским хозяйствам кредита на его приобретение, создание сети государственных племенных и ветеринарных пунктов, содействие возникновению и работе многочисленных животноводческих и маслодельных кооперативов, наконец, обеспечение благоприятных условий сбыта продукции (достаточно высокий уровень заготовительных цен и т. д.) — все это способствовало быстрому восстановлению и увеличению животноводства.

Как показывают данные табл. 34, восстановление животноводства после окончания гражданской войны было задержано голодом 1921 г. и сопровождавшим его падежом скота. По свидетельству других источников, к началу 1923 г. в стране осталось 59,9 млн. голов скота в переводе на крупный взрослый, т. е. почти на 27 млн. голов меньше, чем было в 1916 г.¹⁹⁶ Восстановление животноводства началось лишь с 1923 г., однако проходило оно чрезвычайно активно. В течение всего двух лет поголовье крупного и мелкого продуктивного скота не только сравнялось с предреволюционным уровнем, но и заметно пере-

¹⁹⁴ Сельское хозяйство СССР. 1925—1928. М., 1929, с. 292—293.

¹⁹⁵ Рыночный оборот крестьянских хозяйств, вып. 1. М., 1928, с. 52, 56.

¹⁹⁶ Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР, с. 90—91.

Таблица 34

Поголовье скота в СССР на 1 января 1916, 1921—1930 гг. (на территории в границах до 17 сентября 1939 г., в млн. голов и в % к предыдущему году)*

Год	Крупный рогатый скот	В том числе коровы	Свиньи	Овцы	Козы	Лошади
1916	51,7	24,9	17,3	82,5	6,2	34,2
1921	43,7	24,9	15,4	75,7	6,1	28,7
1922	40,9	24,8	13,1	68,2	5,5	25,7
	95,0%	99,6%	85,1%	90,1%	90,2%	89,5%
1923	41,8	24,3	10,4	62,9	5,1	23,3
	102,2%	98%	79,4%	91,3%	92,7%	90,7%
1924	47,3	25,4	14,6	69,1	5,4	24,0
	113,1%	104,5%	140,4%	109,9%	106%	103%
1925	51,2	26,6	18,4	78,6	6,0	25,2
	117,2%	104,7%	126%	113,7%	111,1%	105%
1926	54,0	27,8	18,1	85,8	7,3	26,9
	105,5%	104,5%	97,3%	109,2%	121,7%	106,7%
1927	56,5	28,5	18,7	90,3	9,0	29,1
	104,6%	102,5%	103,3%	105,2%	123,3%	108,2%
1928	60,1	29,3	22,0	97,3	9,7	32,1
	106,4%	102,8%	117,7%	107,7%	106,6%	110,3%
1929	58,2	29,2	19,4	97,4	9,7	32,6
	96,8%	99,6%	88,7%	100,1%	100,0%	101,5%
1930	50,6	28,5	14,2	85,5	7,8	31,0
	86,9%	97,6%	73,2%	87,8%	80,4%	95,1%

* ЦСУ СССР. Народное хозяйство СССР в 1961 г. Статистический ежегодник. М., 1962, с. 381. Специальные статистические справочники по сельскому хозяйству дают эти же данные, но только на 1916 и 1928—1930 гг. (см. кн.: Сельское хозяйство СССР. М., 1960, с. 263; Сельское хозяйство СССР. М., 1971, с. 245).

шагнуло его. Уже к началу 1925 г. в стране было коров на 6,8% и свиней — на 6,3% больше, чем в 1916 г. К началу 1926 г. заметно превзошло довоенный уровень поголовье овец и коз.

Темпы роста животноводства в 20-х годах оказались намного выше, чем в дореволюционной России. Так, например, поголовье коров после 1924 г., когда дореволюционный уровень был уже превзойден, и до 1928 г. увеличилось в среднем на 3—4% в год, тогда как в старой России ежегодный прирост составлял 0,6—0,7%¹⁹⁷.

К началу 1928 г. уровень развития животноводства в стране уже значительно превосходил предреволюционные показатели. Стадо крупного рогатого скота выросло почти на 9 млн. голов, в том числе стадо коров — на 4,4 млн. голов, стадо свиней — на 4,7 млн., овец — на 14,8 млн., коз — на 3,5 млн. голов. Крестьянство, освобожденное от гнета помещиков и крупного ка-

¹⁹⁷ Материалы по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства, ч. 2, с. 237.

питала, пользующееся широкой государственной поддержкой оказалось в состоянии не только увеличить поголовье скота, но и добиться некоторого повышения его продуктивности. Средний годовой удой молока от одной коровы в 1913 г. составлял 982 кг, а в 1928 г. — 1042 кг¹⁹⁸.

Быстрый подъем продуктивного животноводства в стране имел огромное народнохозяйственное значение. Его результатом было заметное повышение потребления населением деревни и города таких важнейших продуктов, как масло, молоко, мясо. Расширялась сырьевая база легкой промышленности внутри страны. Масштабы увеличения валовой продукции животноводства за 20-е годы были значительны. По данным Наркомторга РСФСР, в 1927 г. валовая продукция животноводства превышала довоенный уровень на 20,7%¹⁹⁹. Однако 1927 г. отличался исключительно благоприятной рыночной конъюнктурой для животноводческой продукции и это могло сказаться на ее общем выходе. Пожалуй, более точными являются данные новейших публикаций ЦСУ СССР, сведенные в табл. 35.

Т а б л и ц а 35

Продукция животноводства в 1909—1913 и 1922—1929 гг. *

Год	Мясо (в убойном весе), млн. т	Молоко, млн. т	Яйца, млрд. шт.	Шерсть, тыс. т
1913	4,1	24,8	10,2	180
1909—1913	3,9	24,1	9,5	180
1922	2,2	24,5	4,5	108
1928	4,9	31,0	10,8	182
1929	5,8	29,8	10,1	183
1924—1928	4,2	29,3	9,2	157

* Сельское хозяйство СССР. М., 1960, с. 328; Сельское хозяйство СССР. М., 1971, с. 24; Народное хозяйство СССР. 1922—1972, с. 216.

Среднегодовые данные за 1924—1928 гг. не показательны, поскольку включают в себя сведения 1924 г., когда животноводство еще только восстанавливалось. Но и они по таким видам продукции, как мясо и молоко, существенно выше среднегодовых данных предвоенного пятилетия. Сопоставление последних со среднегодовыми показателями 1925—1929 гг. засвидетельствовало бы такой же сдвиг и по объему производства других видов животноводческой продукции. Сравнение показателей 1913 и 1928 гг. (оба года были благоприятными) позволяет уяснить масштаб сдвига: по мясу — на 19,5%, по молоку — на 20,2%, по яйцам — на 5,8%, по шерсти — на 1,1%. Население страны за этот же период возросло на 8%. Даже без

¹⁹⁸ Страна Советов за 50 лет, с. 151.

¹⁹⁹ НКТорг РСФСР. Торговля РСФСР (1925—1928 гг.). Л., 1929, с. 12.

учета тех изменений, которые совершались в системе распределения, можно со всей определенностью сказать, что потребление рабочим и крестьянским населением страны мяса и молока заметно увеличилось, свидетельствуя об улучшении материального положения трудящихся масс после революции.

В конце 20-х годов проблема животноводства еще не стояла так остро, как зерновая проблема, но несомненные признаки осложнения ситуации и в этой отрасли сельского хозяйства выявились с достаточной отчетливостью. Замедление темпов роста поголовья скота в 1926—1927 гг. также приходило в противоречие с быстро растущими потребностями общества, как и отставание зернового производства. С 1928 г. поголовье скота в стране стало сокращаться. В 1929 г. оно приобрело уже серьезные масштабы. Зажиточно-кулацкие слои ответили истреблением скота на развертывание социалистического наступления в деревне.

Определяя общее хозяйственное положение страны, сложившееся к середине 1928 г., июльский Пленум ЦК ВКП(б) вскрыл причины чрезмерного отставания сельского хозяйства от промышленности, показал его значение как основной трудности в продвижении к социализму. «...Крайне низкий уровень сельского хозяйства, особенно его зерновой отрасли, при неизбежности быстрого темпа развития социалистической промышленности, диктуемого всей внутренней и внешней обстановкой,— говорилось в решении пленума,— таит в себе опасность разрыва между социалистическим городом и мелкокрестьянской деревней, стало быть, опасность нарушения основного условия социалистического преобразования всего народного хозяйства.

Эта опасность становится особенно ощутительной в связи с отсталостью зернового производства, рост которого отстает от роста потребностей на хлебные продукты как для удовлетворения нужд внутреннего рынка, так и для развития экспорта»²⁰⁰.

Образование разрыва между потребностями страны в хлебе и его производством привело к так называемому кризису зернового хозяйства. Этот кризис состоял не в застое или деградации зернового производства, а в несоответствии между темпами его роста и роста промышленности и неземледельческого населения. Возникновение кризисных явлений в экономическом соотношении развития города и деревни, промышленности и сельского хозяйства ставило под угрозу индустриализацию страны, а значит и все дело социалистической реконструкции народного хозяйства.

---

²⁰⁰ КПСС в резолюциях..., т. 4, с. 105.

«Сельское хозяйство,— говорилось в решении ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б) в 1928 г.,— есть база промышленности, и его рост есть рост продовольственной и сырьевой базы *индустриализации*. Длительный рост индустрии становится объективной невозможностью без соответственного роста сельского хозяйства»²⁰¹. Указывая на простои в текстильной промышленности из-за недопроизводства льна и хлопка внутри страны и невозможности их ввоза ввиду выпадения хлебного экспорта, на проявления дезорганизации в ряде отраслей народного хозяйства из-за ухудшения снабжения хлебом, очередей и т. п., на сокращение сельскохозяйственного экспорта, имевшего огромное значение для индустриализации страны, как на конкретные выражения трудностей социалистического строительства, порождаемых отсталостью сельского хозяйства,— ЦК ВКП(б) подчеркивал, что «опасность дальнейшего расхождения между развитием промышленности и развитием сельскохозяйственной базы есть главная опасность текущего момента»²⁰².

КОЛХОЗНОЕ ПРОИЗВОДСТВО: ФОРМЫ, ПОИСКИ, ДОСТИЖЕНИЯ

Накануне сплошной коллективизации шел интенсивный поиск наиболее целесообразной формы коллективного хозяйства, которая была приемлемой для крестьянина и вместе с тем в наибольшей мере отвечала требованиям социализма. Ответ на этот кардинальный вопрос еще не был найден.

Первые этапы в истории колхозного движения (вплоть до перехода к сплошной коллективизации) были отмечены постепенной, но все большей и большей сменой более сложных форм коллективного хозяйства менее сложными, переходом от коммуны к артели, от артели к тозу. В конце 1918 г. в составе колхозов было 61,8% коммун, 38,2% артелей (тозов еще не было, вернее они не считались колхозами). На 1 июня 1925 г. по данным земельных органов, коммуны составляли всего 10,6%, зато артели — 65,3% и тозы — 24,1%. Однако действительный сдвиг в пользу более простых форм колхозов к этому времени был еще значительнее. Перерегистрация колхозов на Украине, проведенная летом — осенью 1925 г., обнаружила, что юридическое оформление отставало от реальных изменений. До перерегистрации считалось, что там было 10,9% коммун, 75% артелей и 14,1% тозов, после перерегистрации оказалось, что коммунарами были 10,8% колхозов, артелями — 54,8%, а тозами — 34,4%²⁰³. Дальнейшее развитие вполне подтвердило тенденцию,

²⁰¹ Там же, с. 127.

²⁰² Там же.

²⁰³ «Исторический архив», 1960, № 1, с. 48.

зафиксированную этими данными. Крестьянину, только еще становящемуся на путь коллективизма, более приемлемыми были те формы, которые сохраняли в той или иной степени личное хозяйство как гарантию на случай плохого ведения общественного производства или распада колхоза.

Показательны в этом отношении и данные годовых отчетов 752 колхозов об обобществлении основных средств производства крестьянских хозяйств (кроме земли). На 1 сентября 1927 г. свыше 70% колхозников ничего не внесли в коллективное хозяйство, 16,9% колхозников передали коллективу средств производства на сумму до 200 руб., т. е. в объеме, характерном для бедняцкого хозяйства, 5,5% — в объеме маломощно-средняцкого хозяйства (на сумму от 200 до 400 руб.) и только 7,4% — в объеме середняцкого хозяйства (на сумму свыше 400 руб.).

Характерно, что в коммунах ничего не внесли в общественные фонды всего 22,6% хозяйств. Они вполне могли быть действительно неимущими, батрацкими. Иное дело хозяйства, ничего не внесшие в коллективную собственность артелей и тозов: их было в 1,5—2 раза больше, чем безлошадных и безкоровных хозяйств, вступивших в колхозы. Далеко не все они относились к категории неимущих. В артелях и тозах колхозники сохраняли еще личное хозяйство. Только 14,4% их членов совсем не имели средств производства в индивидуальной собственности (среди коммунаров таких было 68,6%, среди членов артелей — 17,1%, среди членов тозов — только 6%)²⁰⁴.

Соотношение общественного и индивидуального хозяйства не было одинаковым не только в различных формах колхозов, но и в различных отраслях их производства. Только в коммунах общественное хозяйство было единственной формой ведения всех отраслей производства. В артелях общественное хозяйство преобладало в земледельческом производстве, но занимало второстепенную роль в продуктивном животноводстве. Что же касается товариществ по общественной обработке земли, то в них коллективное земледелие занимало подчиненное место по отношению к единоличному хозяйству, а общественное животноводство находилось в зародышевом состоянии. Уровень обобществления в колхозах того времени иллюстрируется табл. 36.

Практически весь рабочий и продуктивный скот в тозах и даже в артелях оставался в единоличной собственности колхозников. Высокий уровень обобществления машин и орудий был не столько результатом их передачи при вступлении крестьян в коллективное хозяйство, сколько накоплением колхоза. Объединившись, крестьяне начинали, как правило, с приобретения машин и орудий за счет сельскохозяйственного кредита. По све-

²⁰⁴ ЦГАНХ, ф. 7446, оп. 1, д. 39, л. 134.

Таблица 36

Обобществление средств производства в различных формах колхозов (по данным бюджетного обследования 553 коммун, артелей и тозов на 1 октября 1927 г., в %)*

Формы коллективного хозяйства	Земля	Посевы	Мертвый инвентарь	Скот		Хозяйственные постройки	Основные фонды в целом
				рабочий	продуктивный		
Коммуны	100,0	100,0	99,6	97,3	92,8	98,5	97,9
Артели	55,5	53,1	75,3	13,5	12,2	31,1	30,1
Тозы	32,6	17,8	33,2	2,9	3,0	6,5	15,2

* НКЗ РСФСР. Материалы по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства, ч. 1. М., 1929, с. 84; ЦГАНХ, ф. 7446, оп. 1, л. 80, лл. 17—18.

дениям 547 колхозов, от 60 до 75% прироста общественных фондов за 1926/27 г. составляли кредитные средства. При этом в коммунах, где колхозники трудились только в общественном хозяйстве, прирост общественных фондов на 59,8% обеспечивался за счет кредита, в артелях — уже на 64%, а в тозах, где коллективное хозяйство занимало небольшое место, — на 76,8%²⁰⁵. Основной вклад крестьянина в коллективное хозяйство составляла тогда земля.

Обратимся теперь к материалам о размерах, состоянии и развитии производства в колхозах второй половины 20-х годов²⁰⁶. Колхозы не сразу стали действительно крупными. По данным ЦСУ, в середине 1927 г. на отдельный колхоз приходилось по 13 крестьянских хозяйств, около 50—52 га посевов, 3—4 лошади, 6—7 голов крупного рогатого скота, 9—10 овец, 4 свиньи (все показатели по скоту вместе с молодняком). Стоимость обобществленных средств производства на один колхоз исчислялась всего в 3,9—4 тыс. руб.²⁰⁷ Если же эти данные дифференцировать по формам коллективного хозяйства, то окажется, что в коммуне средний размер посевных площадей составлял тогда 102,5 га, в артели — 59,4 га (кроме того, у членов артелей имелось 26,1 га необобществленных посевов), в тозе — 49,9 га (и 57,2 га необобществленных посевов)²⁰⁸.

Однако по сравнению с мелким единоличным хозяйством, колхозы представляли собой качественно новое явление. Они могли уже в известной мере использовать преимущества круп-

²⁰⁵ Там же, л. 145.

²⁰⁶ Характеристику производственной деятельности колхозов Украины см. в кн.: Чмыга А. Ф. Колхозное движение на Украине (1917—1929 гг.), М., 1974.

²⁰⁷ Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами, с. 22, 24, 94, 164—165.

²⁰⁸ ЦГАНХ, ф. 7446, оп. 3, д. 95, лл. 15—16, 51—52. Показатели рассчитаны по итоговым сведениям 11 161 колхоза.

ного производства, применять новую машинную технику, поднять хозяйство, улучшить благосостояние колхозников.

До создания отечественного тракторостроения и реконструкции сельскохозяйственного машиностроения колхозы не могли сразу получить новую материально-техническую базу. Большая часть колхозов возникла в результате простого сложения крестьянских орудий производства — рабочего скота, конного и ручного инвентаря. В 1925 г. по данным Всероссийского союза сельскохозяйственной кооперации (Сельскосоюза) тракторы имели лишь 15% колхозов РСФСР²⁰⁹. За два следующих года положение несколько улучшилось. Но коренного сдвига еще не произошло. Летом 1925 г. на все колхозы РСФСР приходилось всего 2445 тракторов. Осенью 1927 г. в 11 161 колхозе имелось уже 4988 тракторов²¹⁰.

Большая часть колхозов находилась на мануфактурной стадии развития, их производство базировалось на использовании живой тягловой силы и ручного труда. Однако кооперирование и техническое разделение труда заметно повышали его производительность. Коллективный труд, как указывал К. Маркс, порождает новую производительную силу, «которая возникает из слияния многих сил в одну общую» и «которая по самой своей сущности есть массовая сила». Кроме того, эффективность труда при этом увеличивается еще тем, что «при большинстве производительных работ уже самый общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное возбуждение жизненной энергии (*animal spirits*), увеличивающее индивидуальную производительность отдельных лиц...»²¹¹. «Производительная сила общественного труда»²¹², превосходство коллективного труда над индивидуальным и служили фактором подъема производства в колхозах мануфактурного периода, когда они не были еще сколько-нибудь механизированными.

Несмотря на качественную однородность материально-технической базы большинства колхозов и единоличных хозяйств, между ними и в этом отношении имелись существенные различия. Прежде всего колхозы выделялись повышенной обеспеченностью сельскохозяйственными машинами и орудиями. Большая часть из них была вооружена плугами и железными боронами. Многие колхозы имели у себя те или иные машины. По данным 1925 г. в среднем на каждый из обследованных 1547 колхозов приходилось 12,2 плуга и борон, 0,8 сеялок, 1,7 жаток и косилок²¹³.

Как видно из табл. 37, сопоставление данных об обеспеченности обычным «крестьянским» инвентарем колхозов и едино-

²⁰⁹ «Исторический архив», 1960, № 1, с. 43.

²¹⁰ ЦГАНХ, ф. 3983, оп. 2, д. 11, л. 87.

²¹¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 337.

²¹² Там же, с. 341.

²¹³ Колхозы СССР. М.—Л., 1926, с. 44.

Таблица 37

Обеспеченность машинами и орудиями колхозов и единоличных хозяйств в конце восстановительного периода *

Район	На 100 дес. пашни приходилось		
	плугов	сеялок	уборочных машин
Центрально-Земледельческий:			
колхозы	11,5	2,1	2,8
единоличные хозяйства	9,9	0,5	0,8
Среднее Поволжье:			
колхозы	10,9	1,6	3,0
единоличные хозяйства	6,2	0,7	1,6

* Колхозы СССР, с. 197, 202; ЦГАНХ, ф. 3983, оп. 1, л. 45, лл. 220, 274. Нужно учесть, что данные по колхозам относятся к 1925 г., а по единоличным хозяйствам — к 1926 г. Составление их несколько преуменьшает действительное различие в обеспеченности техникой колхозов и единоличников.

личных хозяйств обнаруживает между ними существенные различия. Уже в 1925 г. колхозы были лучше оснащены машинами и орудиями в 2—3 раза. Причем разрыв этот нарастал. На 11 161 колхоз РСФСР осенью 1927 г. имелось 42 539 плугов (по 3—4 на колхоз), 51 946 борон, 9230 культиваторов, 10 940 сеялок, 9457 жаток, 6981 сенокосилка, 7265 конных и механических молотилок, 8459 веялок и триеров, 653 локомотива и т. д.²¹⁴

Таким образом, даже в колхозах, не имевших тракторной базы, был сделан известный шаг на пути замены ручного труда машинным, облегчения земледельческого труда и увеличения его производительности. Появление же в коллективном хозяйстве трактора коренным образом изменяло соотношение ручного и машинного труда, являлось решающим шагом в деле механизации производства, обеспечивало вместе с тем укрепление и рост, укрупнение самого хозяйства. Это отмечалось уже в материалах, относящихся к 1925 г. В колхозах Сердобского уезда Саратовской губернии с приобретением тракторов число членов увеличилось сразу со 180 семей до 333, в колхозах Новоузенского уезда — со 181 семьи до 274. При этом возрастал удельный вес безлошадных. Укрупнение производства осуществлялось и путем слияния мелких колхозов. В Вольском уезде на основе приобретения тракторов слились попарно 16 колхозов, в Камышинском — 12²¹⁵.

Однако в то время техническое превосходство коллективных хозяйств перед мелкими единоличными хозяйствами только еще начинало проявляться. Колхозы остро нуждались в средствах производства. По данным на 1 октября 1927 г., потребности

²¹⁴ ЦГАНХ, ф. 7446, оп. 3, д. 95, лл. 45—46.

²¹⁵ «Исторический архив», 1960, № 1, с. 43.

колхозов в пахотном инвентаре (конные и тракторные плуги) были удовлетворены на 73,9%, а в тягловой силе (рабочий скот и трактора вместе) всего на 62,4%. Еще хуже было с машинным инвентарем²¹⁶. Тягловой силой колхозы были обеспечены в меньшей степени, чем единоличники, так как объединяли они главным образом бедняцкие безлошадные хозяйства. В среднем на 100 дес. посева в колхозах приходилось по 13,6, а в индивидуальных хозяйствах — по 18 лошадей²¹⁷. Недостаток тягловой силы частично восполнялся лучшим ее использованием, увеличением ее производительности. Тем не менее колхозы из-за недостатка тягла не могли полностью использовать свою землю. В 1927 г. пашня в колхозах была освоена всего наполовину²¹⁸.

В огромной мере развитие колхозного производства сдерживалось недостатком квалифицированных кадров. В конце 1926/27 г. на территории РСФСР (без Карелии, Татарии, Дагестана, Киргизии, Дальнего Востока и Якутии) колхозы обслуживались 245 агрономами. На каждого из них приходилось в среднем по 55 колхозов²¹⁹.

Естественно, что колхозы того времени не могли полностью использовать преимущества крупного общественного производства. Все же производственные показатели колхозов к концу восстановительного периода заметно возросли и уже несколько превосходили основные показатели единоличного сектора.

Колхозы легче, чем единоличные хозяйства, переходили на многопольные севообороты, являющиеся важнейшим элементом повышения интенсивности и продуктивности земледельческого хозяйства. В 1925 г. многопольные севообороты имели 65,9% коммун, 56,4% артелей и 40,7% товариществ по совместной обработке земли²²⁰. Уже тогда они начали замену рядового посевного материала чистосортным, шире применяли удобрение полей. В Тамбовской губернии 16,8% колхозов посев 1925 г. произвели чистым сортовым зерном, в Воронежской — 6%²²¹.

Сравнительные бюджетные обследования колхозов и крестьянских хозяйств за 1926 г. показали, что на Северном Кавказе в колхозах себестоимость центнера озимой пшеницы колебалась от 4,8 до 5,4 руб., а в индивидуальных хозяйствах — от 6,3 у кулаков до 7,8 руб. у бедняков. Аналогичны различия в себестоимости ржи в колхозах и индивидуальных хозяйствах Цент-

²¹⁶ ЦГАОР, ф. 5446, оп. 10, д. 569а, л. 166; ЦГАНХ, ф. 4106, оп. 3, д. 1506, л. 69. Обследование 380 колхозов Уральской области в 1927 г. показало, что из них 33,7% не имели сеялок, 47,4% не имели жаток и 90,3% не имели паровых молотилок (ЦГАОР, ф. 5446, оп. 10, д. 569а, л. 167).

²¹⁷ ЦГАНХ, ф. 3983, оп. 2, д. 3, л. 60.

²¹⁸ ЦГАОР, ф. 5446, оп. 10, д. 569а, л. 166; ЦГАНХ, ф. 7446, оп. 1, д. 39, л. 127.

²¹⁹ ЦГАНХ, ф. 7446, оп. 1, д. 39, л. 143.

²²⁰ Колхозы СССР, с. 60.

²²¹ «Исторический архив», 1960, № 1, с. 42.

рально-Черноземной области²²². Коллективное хозяйство уже в то время снижало затраты труда, увеличивало возможность расширения производства.

Объединяя по преимуществу бедняцкие дворы, колхозы в 1927 г. довели размеры посевных площадей до уровня середняцких. Из расчета на один двор в колхозах обобщественная посевная площадь составляла примерно 3,8 га и необобщественная — 2,3 га, а в целом — 6,1 га²²³. В среднем же единоличном хозяйстве размер посевной площади по разным районам страны колебался от 4 до 6 га. На одного работника в колхозах приходилось по 2,2 дес. посева, тогда как у единоличников — на 1,6²²⁴.

Урожай на колхозных полях был несколько выше, чем в единоличном хозяйстве. По стране в целом единоличники в 1927 г. получили с гектара 7,6 ц зерна, а колхозы — 8,8 ц²²⁵. Интересны результаты прямого сопоставления урожайности в колхозах и единоличных хозяйствах. В 1925 г. из колхозов, обследованных НК РКИ, 52% получили урожай выше крестьянского, 43% — на уровне крестьянского и 5% — ниже крестьянского²²⁶. За 1927 г. из 77 сопоставлений урожайности пяти основных зерновых культур по разным районам РСФСР в 54 случаях показатели колхозов были выше и только в 23 случаях ниже, чем показатели единоличных хозяйств²²⁷.

Но, если по общему уровню производства колхозы немного превосходили единоличные хозяйства, то по товарности уже в то время сильно опережали. Единоличники в 1927 г. реализовали на рынке всего 16,9% зерна, а колхозы — 27,5%²²⁸. Немногочисленные колхозы не играли еще заметной роли в хлебо-фуражном балансе страны. В 1926/27 г. в колхозах было всего 12 млн. пудов товарного зерна²²⁹, что составляло около 1,7% общего объема государственных заготовок хлеба. Но более высокая товарность колхозного производства была одним из основных факторов ускоренной организации колхозов в реконструктивный период, когда зерновая проблема приобрела чрезвычайную остроту.

²²² Госплан СССР и РСФСР. Колхозы в 1929 году. Итоги сплошного обследования колхозов. М., 1931, с. XXVII.

²²³ ЦГАНХ, ф. 7446, оп. 3, д. 95, лл. 15—16, 51—52. По данным ЦСУ размер обобщественных посевов на один крестьянский двор в колхозах также был равен 3,8 га (см. кн.: Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами, с. 23, 24).

²²⁴ ЦГАНХ, ф. 7446, оп. 3, д. 6, л. 76 (данные по 12 районам РСФСР).

²²⁵ Социалистическая реконструкция сельского хозяйства, 1930, № 8, с. 114.

²²⁶ «Исторический архив», 1960, № 1, с. 51.

²²⁷ ЦГАНХ, ф. 7446, оп. 1, д. 39, л. 126.

²²⁸ ЦГАОР, ф. 4085, оп. 9, д. 522, л. 226; ЦГАНХ, ф. 7446, оп. 1, д. 80, л. 10. По данным других документов Колхозцентра, товарность колхозного производства была даже несколько выше.

²²⁹ ЦГАНХ, ф. 4106, оп. 3, д. 1506, л. 69.

Значительно отставали колхозы только в области животноводства. В Российской Федерации, по данным 1927 г., на 100 дес. сельскохозяйственных угодий в колхозах имелось в среднем всего 7,6 коровы, а в единоличных хозяйствах — 11,2²³⁰. Это не удивительно, поскольку колхозы того времени объединяли по преимуществу бедноту. К тому же расширение общественного стада требовало капитальных вложений.

Сказывалось отсутствие опыта ведения крупного общественного производства, кустарничество в его организации. Хозяйственная деятельность колхозов еще не была переведена на плановые основы. По отчетам 2 тыс. колхозов за 1926 г., организационные планы имели всего 144 колхоза (7,2%), производственные планы — 224 (11,2%). 40,9% колхозов не вели внутрихозяйственного учета²³¹.

Колхозы еще не нашли наиболее эффективные формы организации труда. Стремление к равномерному распределению трудовой нагрузки приводило к частой сменяемости работ, выполняемых колхозниками. Это снижало производительность труда, ослабляло личную ответственность за его качество, за рациональное использование и сохранность живого и мертвого инвентаря. Учет количества и качества труда был затруднен, что неизбежно сказывалось на формах его оплаты. К тому же, как отмечалось в одном из документов Колхозцентра, «введение оплаты по затраченному труду в значительной мере затрудняется невозможностью точного учета его из-за отсутствия в большинстве колхозов хорошо налаженного счетоводства»²³².

Уравнительно-коммунистические принципы распределения доходов, характерные для первых колхозов, не были еще изжиты. Однако их непригодность стала уже очевидной. Уравнительные формы оплаты труда отрицательно сказывались на индивидуальной заинтересованности колхозников, порождали ссоры и склоки, служившие причиной текучести состава колхозов и распада многих коллективов.

* * *

Период непосредственной подготовки коллективизации, охватывающий немногим менее двух лет с момента провозглашения нового курса аграрной политики на XV съезде партии в декабре 1927 г. и до возникновения массового колхозного движения осенью 1929 г., выделяется не только интенсивным наращиванием темпов колхозного строительства и вовлечением новых слоев деревенской бедноты, но и существенными сдвигами в соотношении форм коллективных хозяйств и их внутренней струк-

²³⁰ ЦГАНХ, ф. 3983, оп. 2, д. 11, л. 89.

²³¹ ЦГАНХ, ф. 7446, оп. 1, д. 39, лл. 199—200.

²³² Там же, оп. 3, д. 4, лл. 4—5.

туре. Нарастающий подъем колхозного движения на первых порах сопровождался резким переходом к наиболее простым формам организации коллективного хозяйства. Переход от сложных форм к простым с достаточной наглядностью проявился на предыдущих этапах колхозного движения, но теперь, в 1928 и первой половине 1929 г., этот процесс не только усилился, но и привел к преобладанию товариществ по общественной обработке земли в общей массе коллективных хозяйств.

Особенно быстрый рост товариществ по общественной обработке земли составлял одну из важнейших особенностей кануна сплошной коллективизации. С 6,2 тыс. летом 1927 г. их число увеличилось к лету 1928 г. до 19,9 тыс., т. е. втрое, а удельный вес в общей массе колхозов поднялся с 42,9% до 59,8%. Число артелей за этот период возросло с 7,2 тыс. до 11,6 тыс., а коммун — с 1,4 тыс. до 1,8 тыс. Несмотря на некоторый абсолютный рост, их удельный вес резко сократился (артелей — с 48,1% до 34,8%, коммун — с 9% до 5,4%). К лету 1929 г. место тозов в колхозном строительстве стало более заметным (34,3 тыс. или 60,2%), несколько усилился рост коммун (3,5 тыс. или 6,2%). Что касается артелей, то их удельный вес продолжал сокращаться (до 33,6%), при известном абсолютном приросте (до 19,2 тыс.)²³³.

Сплошные обследования колхозов, проведенные ЦСУ в 1928 и 1929 гг., дали наиболее полные и достоверные сведения для характеристики организационно-хозяйственного состояния коммун, артелей и тозов, развития их производственной деятельности.

Созданные бедняками колхозы не могли сразу стать действительно крупными, рационально организованными хозяйствами. До возникновения массового колхозного движения они объединяли лишь отдельных, наиболее сознательных крестьян. Их размеры не могли быть значительными и ввиду слабой технической оснащенности, сложности землеустройства, организационных трудностей, возраставших с увеличением числа членов. Укрупнение среднего размера колхозов шло медленно. К началу сплошной коллективизации они лишь немногим превысили уровень 1927 г. (по РСФСР в среднем на колхоз осенью 1928 г. приходилось 15,4 крестьянских двора, а осенью 1929 г. — 17,4)²³⁴. Новые колхозы по-прежнему возникали преимущественно мелкими. Так, по СССР среди колхозов, созданных с 1 мая 1928 г. по 15 мая 1929 г., было всего 1,04% (по РСФСР — 0,9%) с числом дворов свыше 75, колхозов из 16—75 дворов оказалось 40,7% по СССР (38,2% по РСФСР). Более половины колхозов (53,8% по СССР, 56,3% по РСФСР) состояло из 6—15 дворов.

²³³ Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами, с. 30.

²³⁴ Материалы по истории СССР, т. VII. М., 1959, с. 126.

Продолжали возникать и совсем карликовые, по 5 дворов, колхозы (4,1% по СССР и 4,6% по РСФСР)²³⁵.

Обобщественная посевная площадь в колхозах благодаря преимуществам в наделении землей и землеустройстве росла заметно быстрее. В РСФСР она составляла осенью 1927 г. в среднем на колхоз 49,4 га, осенью 1928 г.— 59 га, а осенью 1929 г.— 97 га²³⁶. Из колхозов, созданных между 1 мая 1928 г. и 15 мая 1929 г., посевную площадь от 30 до 70 га имели 63,7% (по РСФСР — 66,1%). Удельный вес колхозов, располагавших посевом, например, свыше 630 га, составлял всего 0,3%²³⁷.

Новые колхозы были мельче старых и по размерам общественных фондов. Из справки Всесоюзного совета колхозов и НК РКИ (декабрь 1928 г.) следует, что стоимость обобщественных средств производства в старых колхозах была в 2,5—3 раза больше, чем в новых (см. табл. 38).

Таблица 38

Стоимость общественных средств производства в колхозах к концу 1928 г. (в тыс. руб. в расчете на один колхоз)*

	Организованные до 1928 г.	Организованные в 1928 г.
Коммуны	18655,1	6625,7
Артели	7191,0	3160,7
Тозы	2892,7	1037,2

* ЦГАОР, ф. 374, оп. 1, д. 603, лл. 215—221а.

Разница в размерах обобщественных фондов была результатом и меньшего числа крестьянских хозяйств, вступивших в новые колхозы. Однако бедняцкий состав колхозов того времени весьма нивелировал значение этого фактора. Важнее было другое: объем государственных средств, предоставленных старым колхозам, был несравнимо больше уже в силу простого факта их более длительного существования.

Производственные достижения колхозов в 1928—1929 гг. не были значительными. Рост их посевных площадей проходил в соответствии с масштабами вовлечения крестьян в колхозное движение. В 1927 г. площадь продуктивного посева (за вычетом погибшего) в колхозах СССР была равна 748,7 тыс. га (0,6% посевных площадей страны при коллективизации 0,8% крестьян).

²³⁵ Колхозы в 1929 году. Итоги сплошного обследования колхозов, с. 168—169.

²³⁶ Материалы по истории СССР, т. VII, с. 220; ЦГАОР, ф. 5446, оп. 10, д. 569а, лл. 155—184. По СССР обобщественная посевная площадь колхоза исчислялась в 41 га на 1 июня 1928 г. и в 73 га на 1 июня 1929 г. (см. кн.: Социалистическое строительство СССР. М., 1936, с. 278).

²³⁷ Колхозы в 1929 году. Итоги сплошного обследования колхозов, с. 168—169.

янских хозяйств), в 1928 г. она возросла до 1366,9 тыс. га (соответственно 1,2% и 1,7%), в 1929 г. достигла 4154,9 тыс. га (3,5% и 3,9%)²³⁸. Благодаря преимуществам коллективного труда и государственной помощи посевная площадь хозяйств, объединившихся в колхозы, сразу обнаруживала тенденцию к росту. В расчете на один двор посевная площадь коллективизированных хозяйств в основных земледельческих районах за 1928 г. возросла с 3,3 до 4,2 дес. (только под зерновыми). В единоличных хозяйствах зерновые посевы почти не изменились (около 4,5 дес.)²³⁹. Резкий приток бедноты в колхозы заметно снизил размеры посевных площадей на отдельный двор. Объединившись, маломощные хозяйства довольно быстро нагоняли середняка в производственном отношении. Но достигалось это не вдруг.

Колхозы значительно быстрее и легче, чем индивидуальные хозяйства переходили к прогрессивным формам ведения хозяйства, прежде всего заменяли традиционную трехпольку многопольными севооборотами. Это подтверждается следующими данными: в РСФСР на многопольный севооборот перешло 86,3% коммун, 48,1% артелей и 41,7% тозов, организованных до 1 января 1928 г., 66,7% коммун, 20,7% артелей и 25,3% тозов, организованных в 1928 г. Накануне коллективизации в колхозах широко внедряются чистосортные и улучшенные посевы. В 1928 г. на территории РСФСР применяли чистосортные семена 89,7% коммун, 77,6% артелей и 62,8% товариществ; на территории УССР — 100% коммун, 88,9% артелей и 49,9% товариществ²⁴⁰.

И, хотя урожайность колхозных полей за 1927—1929 гг. не выросла (в 1927 г. она составляла 8,8 ц зерна с га, в 1928 г. — 8,7 ц, в 1929 г. — 8), по сравнению с крестьянскими посевами она все же была выше (в 1927 г. — на 1,2 ц с га, в 1928 г. — на 0,8 ц, в 1929 г. — на 0,5 ц)²⁴¹. Об этом свидетельствуют также данные других источников. В табл. 39 представлены весьма контрастные сведения ЦСУ РСФСР об урожайности двух основных хлебов в колхозах и единоличных хозяйствах за 1928 г.

Как видно, урожай в колхозах был выше, чем в крестьянских хозяйствах, в среднем от 12,8% до 38,4% по ржи и от 10,8% до 80% по озимой пшенице. По сведениям Всесоюзного Совета колхозов по основным районам Европейской части РСФСР колхозы в 1928 г. получили урожай ржи на 20,7% (при колебании от 6% до 33,6%) выше, чем единоличники²⁴².

²³⁸ Социалистическое строительство СССР. М., 1934, с. 182—183, 187; Социалистическое строительство СССР. М., 1936, с. 342—343.

²³⁹ Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами, с. 13, 36.

²⁴⁰ ЦГАОР, ф. 5446, оп. 10, д. 569а, лл. 77—124.

²⁴¹ «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства», 1930, № 8, с. 114.

²⁴² ЦГАОР, ф. 5446, оп. 10, д. 569а, лл. 77—124.

Таблица 39

Урожайность ржи и озимой пшеницы в колхозах и единоличных хозяйствах за 1928 г., в ц *

Район	Рожь			Озимая пшеница		
	в колхозах	в крестьянских хозяйствах	урожайность колхозов выше, в %	в колхозах	в крестьянских хозяйствах	урожайность колхозов выше, в %
Центрально-Черноземная область	13,7	9,9	33,4	6,6	5,1	29,4
Средняя Волга	8,9	7,5	18,5	3,6	2,0	80,0
Нижняя Волга	7,6	5,8	31,0	3,7	2,3	60,8
Урал	10,6	8,3	27,7	7,4	5,7	29,8
Северный Кавказ	8,1	5,2	55,7	6,2	3,7	67,5
Сибирь	9,7	8,6	12,8	8,5	6,2	37,1
Дальний Восток	9,7	8,5	12,8	10,2	9,2	10,8
Ленинградская область	10,6	8,3	27,7	7,4	5,7	29,8

* ЦГАНХ, ф. 7446, оп. 1, д. 8, лл. 144—145.

Интересны сведения об урожайности разных культур в колхозах Украины за тот же 1928 г., позволяющие составить представление о производственных достижениях не только колхозной системы в целом, но и каждой из трех форм коллективного хозяйства — коммун, артелей и товариществ по общественной обработке земли (см. табл. 40).

И на Украине, следовательно, урожайность колхозов по всем культурам была выше урожайности крестьянских хозяйств, при-

Таблица 40

Урожайность основных культур в колхозах и единоличных хозяйствах на Украине за 1928 г., в ц *

Культура	Коммуны	Артели	Тозы	Средняя по всем колхозам	Средняя по крестьянским хозяйствам	Увеличение в колхозах, в %
Озимая пшеница	17,3	15,0	12,4	14,9	10,8	38,1
Озимая рожь	14,9	13,1	12,5	12,8	10,6	20,8
Яровая пшеница	8,5	7,8	7,2	7,6	6,8	11,5
Овес	12,0	12,6	10,6	10,8	9,6	12,6
Ячмень	10,6	9,3	9,6	9,6	7,0	38,1
Кукуруза	18,8	18,6	17,2	17,5	13,9	25,4
Картофель	128,2	121,1	110,7	—	—	—
Подсолнух	12,6	12,1	10,7	10,8	8,2	32,2
Сахарная свекла	163,8	160,2	158,7	—	—	—

* ЦГАОР, ф. 5446, оп. 10, д. 569а, лл. 77—124.

чем по ряду культур значительно — на 20,8—38,1%. Превышенные урожайности нарастало вместе с увеличением размеров общественного характера и его обеспеченностью средствами производства. Коммуны же были крупнее по размерам общественного производства и лучше технически оснащены по сравнению с артелями, а артели — по сравнению с тозами.

Коллективное хозяйство показало, что оно обладает способностью к быстрому усвоению агрикультурных мероприятий, способствующих повышению урожайности. Отдельные колхозы достигли в этом отношении больших успехов. Артель «Дружба» (Татария) в 1928 г. превысила урожайность ржи в крестьянских хозяйствах на 101%, урожайность овса — на 54%, конопли — на 77%, картофеля — на 54%. Еще больших результатов достигла коммуна «Красная Звезда» Таганрогского округа. В среднем за 5 лет урожай озимой пшеницы в коммуне был выше, чем в районе на 224,1% (28,4 ц с га), яровой пшеницы — на 63,6, ячменя — на 83,3, кукурузы — на 48, подсолнуха — на 67,7%²³⁴.

Валовые сборы зерновых в колхозах выросли с 5 млн. ц в 1927 г. до 27 млн. ц в 1929 г. Их удельный вес в производстве зерновой продукции достиг 3,8% (вместе с совхозами — 5,6%)²⁴⁴. Они еще не могли играть существенной роли в хлебном балансе страны. Но их способность обеспечить подъем сельскохозяйственного производства выявилась уже с достаточной очевидностью. Перед сельским хозяйством открывались новые перспективы.

Созданные бедняками колхозы довольно скоро достигали уровня середняцкого хозяйства, а по ряду экономических показателей превосходили не только середняцкое, но и кулацкое хозяйство. Так, например, по бюджетным данным за 1927 г., в степном районе Украины один рабочий день, затраченный в колхозе (в полеводстве) создавал 4 руб. 19 коп. валовой продукции, в крестьянском хозяйстве — в среднем 2 руб. 79 коп., в зажиточном — 3 руб. 16 коп. В лесостепной полосе валовая продукция на один рабочий день в колхозах равнялась 5 руб. 58 коп., в среднем крестьянском хозяйстве — 2 руб. 04 коп., а в зажиточном хозяйстве — 2 руб. 46 коп.²⁴⁵

Повышение производительности труда позволяло не только поднять материальное положение бывшего бедняка до среднего уровня, но и товарность производства, продавать больше продукции государству. В 1928 г. товарность колхозного производства зерна составляла 34 против 16—17% средней товарности единоличных хозяйств²⁴⁶.

---

²⁴³ ЦГАНХ, ф. 3983, оп. 3, д. 231, лл. 55—59.

²⁴⁴ Социалистическое строительство СССР. М., 1934, с. 182—183.

²⁴⁵ ЦГАОР, ф. 5446, оп. 10, д. 569а, лл. 77—124.

²⁴⁶ ЦГАНХ, ф. 4106, оп. 3, д. 1506, л. 69.

Из года в год увеличивался объем товарных излишков колхозного производства. Если хлебные излишки колхозов в 1927/28 г. составляли лишь 1,7% товарного зерна Российской Федерации, то в 1928/29 г. они по данным Колхозцентра составили 4,4%, а вместе с простейшими производственными объединениями, входящими в систему Колхозцентра (без посевных товариществ), удельный вес их достиг 7,3%. По отдельным важнейшим зерновым районам удельный вес обобщественного сектора в производстве товарного зерна был значительно выше среднего по РСФСР (13,3% в Нижней Волге, 12,4 в Крыму, 9,8% в Сибири)²⁴⁷.

Развитие колхозного производства показывало, таким образом, что коллективизация открывает путь для решения зерновой проблемы, для преодоления несоответствия между растущими потребностями страны, вступившей на путь индустриализации, и ограниченными возможностями мелкого крестьянского хозяйства.

---

²⁴⁷ ЦГАНХ, ф. 7446, оп. 1, д. 39, лл. 143—144.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Великая Октябрьская социалистическая революция передала крестьянству практически все земли сельскохозяйственного назначения, освободила его от гнета помещиков и самодержавно-бюрократического строя, от эксплуатации со стороны крупного капитала, открыла путь к социализму — к обществу действительной свободы и социальной справедливости. В союзе с рабочим классом под руководством ленинской Коммунистической партии крестьянство отстояло завоевания Октября в гражданской войне и с победным ее завершением вернулось к мирному труду в своем хозяйстве. Оно хотело испытать на собственном опыте систему мелкого индивидуального хозяйствования «на свободной земле» и Советская власть удовлетворила это желание миллионных масс. Более того, государство диктатуры пролетариата оказывало крестьянству из года в год растущую помощь в развитии его мелкого хозяйства, последовательно и все более эффективно проводило политику поддержки бедняцко-средняцких слоев деревни, ограничения и вытеснения кулацких. Активная роль государства в социально-экономическом развитии деревни позволила основной массе крестьянства продержаться на среднем уровне — на уровне мелкого самостоятельного производителя до сплошной коллективизации. Словом, это было время, когда исполнилась многовековая крестьянская мечта, очень точно переданная в чаяниях Никиты Моргунка из поэмы А. Т. Твардовского «Страна Муравия»:

И при хозяйстве, как сейчас,
Да при коне
Своим двором пожить хоть раз
Хотелось мне.

Однако счастливой крестьянской страной Муравией деревня не стала. Исторический опыт очень скоро подтвердил справедливость ленинских высказываний об утопичности надежд решить социальные проблемы деревни на основе уравнительного землепользования — о том, что «мелким хозяйством из нужды не выйти», что из него «ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе» вырастает капиталистическая эксплуатация че-

ловека человеком. В итоге практического опыта свободного развития мелкого крестьянского хозяйства трудящиеся слои деревни пришли к пониманию необходимости коренного переустройства всех устоев своей хозяйственной жизни — к идее коллективизации.

Исследование развития крестьянского хозяйства в условиях наиболее благоприятных со всей убедительностью показало крайнюю ограниченность его возможностей в решении производственных проблем и полную неспособность решить социальные проблемы. Отставание роста сельского хозяйства от роста промышленности, острая диспропорция между быстро возрастающими потребностями страны в хлебе и сельскохозяйственном сырье, с одной стороны, и ограниченностью возможностей мелкого хозяйства — с другой, со всей остротой ставили вопрос о необходимости социалистического преобразования советской деревни.

Однако, как показывает весь конкретно-исторический материал, необходимость индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства была продиктована не только общим ходом развития страны и возникающими в ходе этого развития хозяйственными и социальными диспропорциями (в этом состояли, разумеется, решающие факторы объективной необходимости реконструкции народного хозяйства), но и состоянием крестьянского хозяйства, невозможностью покончить с нищетой и кулацкой эксплуатацией деревни, невозможностью для нее на старой хозяйственной основе включиться в общественный прогресс, требующий колоссального повышения производительности труда, перемещения значительной части населения из деревни в город, а для еще большей части населения смены сельскохозяйственного труда на труд в несельскохозяйственной сфере, огромного подъема общей и производственной культуры.

Мелкое индивидуальное хозяйство, основанное на природных (а не индустриальных) производительных силах и ручном труде, обрекало крестьянина на тяжелый физический труд, в котором он должен был участвовать в малых лет и до смерти и который был столь скрупулезным на результаты. Почти поголовная занятость крестьянского населения сельскохозяйственным трудом совмещалась с колоссальным недоиспользованием труда занятых в сельском хозяйстве, с аграрным перенаселением и присущими ему специфическими формами безработицы. Этот замкнутый круг не мог быть разорван на базе мелкокрестьянского хозяйства. Только невозможность решить проблему занятости порождала в социально-экономическом развитии деревни ряд острых проблем, решение которых требовало коренной реконструкции экономики на базе индустриализации. Только индустриальная экономика, являющаяся основой общего прогресса в современных масштабах и формах, обеспечивает проведение коренной реконструкции материально-технической базы и

всего производственного процесса, принципиально изменяет характер и эффективность труда крестьянина, его место в обществе и его социальный облик. Опыт нашей страны наглядно и убедительно продемонстрировал возможность и пути разрыва того замкнутого круга экономических и социальных проблем, в который заключено мелкое крестьянское хозяйство — это путь индустриализации страны и производственного кооперирования крестьянских хозяйств, это путь социализма.

Противоречия мелкого крестьянского хозяйства с чрезвычайной остротой проявились в важнейшей для его существования и развития сфере землепользования. Система уравнильного землепользования, к которой крестьянин столь долго и столь страстно стремился и наконец достиг, оказалась крайне неустойчивой и связанной с такими недостатками, которые резко отрицательно сказывались на производственной деятельности и социальных отношениях. В XX в. общинное землепользование могло послужить только временной, исходной формой, от которой был неизбежным переход или к капиталистическому пользованию землей путем его индивидуализации (выделение на отруба и хутора), или к социалистическому — путем его коллективизации.

Внутренние противоречия крестьянского двора, вызывавшие острые споры среди экономистов 20-х годов, также получали свое разрешение либо с исчезновением мелкого хозяйства непосредственного производителя в результате аграрно-капиталистической эволюции, либо с его преобразованием в крупное коллективное хозяйство в результате производственного кооперирования. При первом исходе крестьянство как социальный слой разлагается, расслаивается и исчезает, при втором — оно становится классом крестьян-коллективистов, тружеников социалистического общества.

Впервые в истории стихийно-капиталистической тенденции развития мелкого крестьянского хозяйства противостояла тенденция социалистического развития, исходившая от организованного рабочего класса — от государства диктатуры пролетариата и Коммунистической партии. К концу 20-х годов социалистический путь развития крестьянского хозяйства прошел серьезную проверку практикой и все убедительнее заявлял о себе как единственной альтернативе разорению и разложению крестьянства. Осуществление ленинского кооперативного плана, создание колхозов как социалистической формы хозяйства открыли перед крестьянином путь к общественному прогрессу — к жизни и труду в условиях научно-технического прогресса, благосостояния и культуры.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава первая	
СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ	17
Численность, возрастные группы, размещение и национальный состав	18
Занятость и занятия	37
Классовая и социально-профессиональная структура	45
Глава вторая	
КРЕСТЬЯНСКОЕ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ	71
Национализация земли и крестьянство	78
Земельное общество	95
Общинное землепользование	106
Борьба буржуазных и социалистических тенденций в крестьянском землепользовании	138
Землеустройство и его роль в государственном регулировании крестьянского землепользования	154
Крестьянское землепользование в период непосредственной подготовки коллективизации и наступления на кулачество	170
Глава третья	
КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО	204
Крестьянские хозяйства: численность и размеры	208
Крестьянский двор в демографическом и социально-экономическом аспектах	222
Производительные силы и использование труда	264
Крестьянское хозяйство в сельскохозяйственном производстве	277
Колхозное производство: формы, поиски, достижения	301
ПОСЛЕСЛОВИЕ	315

Виктор Петрович Данилов

СОВЕТСКАЯ ДОКОЛХОЗНАЯ ДЕРЕВНЯ:
НАСЕЛЕНИЕ, ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ, ХОЗЯЙСТВО

*Утверждено к печати Институтом истории СССР
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Л. М. Кузнецова*
Художник *Э. Л. Эрман*
Художественный редактор *Н. Н. Власик*
Технический редактор *Н. Н. Плохова*
Корректор *В. А. Бобров*

Сдано в набор 28/XII 1976 г. Подписано к печати 16/III 1977 г.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 1.
Усл. печ. л. 20. Уч.-изд. л. 22,7.
Тираж 1950 экз. Т-03864. Тип. зак. 2381.
Цена 1 р. 80 к.

Издательство «Наука»
117485, Москва, Профсоюзная ул., 94а
Набрано в 13-й типографии Союзполиграфпрома
при Государственном комитете Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
107005, Москва, Б-5, Денисовский пер., 30.
Отпечатано во 2-й типографии издательства «Наука»,
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

СПИСОК ОПЕЧАТОК И ИСПРАВЛЕНИЙ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
27	18 св.	233,3	23,3
134	17 св.	1,1%	7,4%
156	19 сн.	шенных севооборотов, т. е. землеустройство внутриселенное и	шению организации территории внутри земельного общества и
275	26 св.	в 1919 г.	в 1910 г.
294	13 сн.	по 7 млн. ц	по 97 млн. ц
295	19 св.	розничной конъюнк- туры	рыночной конъюнк- туры